

ИВАН

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/92

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом ставшем уже традиционным обращении к вам мы хотели бы искренне поздравить всех вас с наступившим 1992 годом и выразить надежду, что наше многострадальное общество выйдет из сложнейшей ситуации, которую все мы остро ощущаем и переживаем, и встанет, наконец, на путь нормального цивилизованного развития.

Итоги подписной кампании прошлого года превзошли все наши ожидания: число подписчиков журнала не только не сократилось, но даже возросло. Тираж журнала превысил 100 тыс. экземпляров. Это большой успех. Выявилась радующая нас тенденция: определился достаточно большой и стабильный круг подписчиков, которые преданы журналу, разделяют его позиции и готовы прийти ему на помощь. Это радует и вдохновляет нас, вселяет уверенность в правильности избранного курса, придает новые силы и стимулы в работе.

Хочется верить, что первый в этом году номер журнала наши подписчики получат вовремя, и им не придется, как в прошлом году, испытывать волнения, вызванные постоянными срывами (не по вине редакции!), сроков выхода и доставки журнала. Нам известно также, что вследствие плохой информации многие наши читатели были лишены возможности подписаться на приложение к журналу. Редакция попытается исправить это положение: подписчикам, которые пожелают получить «Библиотеку журнала «Вопросы истории», необходимо направить свои заявки в адрес редакции.

Начиная со второго номера 1992 г. в журнале вводится новая рубрика «Политический архив XX века», в которой вы сможете прочитать никогда не издававшиеся и находившиеся на специальном хранении архивные документы и материалы. Ближайшие публикации этого рода включают материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. (письмо Н. И. Бухарина члену ЦК и стенограмма заседаний Пленума) и апрельского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., а также следственное дело Р. В. Малиновского 1914 г. (в него входят не публиковавшиеся ранее письма В. И. Ленина).

Желаем вам крепкого здоровья, добрых дел, успехов и личного счастья.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

1/92

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- В. В. Журавлев, Н. С. Симонов** — Причины и последствия разгона Учредительного собрания 3
- Д. Байрау** — Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905—1917 гг. 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Л. Е. Морозова** — Михаил Федорович 32

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 48

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А. Г. Авторханов** — Технология власти. Продолжение 65
- В. Г. Кривицкий** — Я был агентом Сталина. Окончание 81

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение 101

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Ю. В. Готье** — Мои заметки. 119

ПУБЛИКАЦИИ

- Ф. Вильбуа.** Рассказы о российском дворе. Продолжение 139

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- В. А. Маркина, В. В. Крижановская** — Крестьяне Правобережной Украины в борьбе за землю и волю (вторая половина XVII—XVIII в.) 156
- Л. Н. Гаранин** — «Второй человек» в рейхе 161

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. Я. Гросул** — «Избранные труды» академика Н. М. Дружинина 169
- Л. Г. Сухотина** — Н. М. Пирумова. Социальная доктрина М. А. Бакунина 173
- А. Б. Каменский** — Английская дама при дворе Екатерины Великой. Дневник баронессы Элизабет Димсдейл 1781 г. 175
- О. М. Медушевская** — Василий Никитич Татищев. Письма. 1717—1750 гг. 176
- А. Я. Манусевич** — А. Гарлицкий. Юзеф Пилсудский. 1867—1935 178
- С. Ф. Блуменау** — Буржуазия и Великая Французская революция 181
- Д. М. Туган-Барановский** — Документы истории Великой Французской революции. Т. I. 183
- Ю. Е. Ивонин, Г. Е. Лебедева** — История средних веков 184

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- С. А. Коробов** — Новое о детстве В. О. Ключевского 187
- А. Б. Шешин** — Нужно ли было издавать эту книгу? 188

Причины и последствия разгона Учредительного собрания

В. В. Журавлев, Н. С. Симонов

На протяжении многих лет идея Учредительного собрания была для революционного и либерального движения символом грядущей победы демократической революции, призванной освободить народы России от самодержавно-бюрократического строя и обеспечить переход к правовому, демократически управляемому государству. С Учредительным собранием были связаны надежды на установление справедливых экономических отношений в области владения и пользования землей, в которых было заинтересовано крестьянство. Без Учредительного собрания не мыслилось и решение других животрепещущих вопросов, среди которых после 1914 г. на первом плане оказалось участие России в мировой империалистической войне. Короче говоря, Учредительное собрание виделось всеми прогрессивными политическими партиями и стоящими за ними народными массами альфой и омегой демократической революции, в ходе которой самодержавие либо мирным путем, либо в результате гражданской войны уступит власть избранным всеобщим, равным и тайным голосованием народным представителям.

Однако эта посылка, построенная на аналогии с событиями Великой Французской революции конца XVIII в., не сработала, ибо самодержавная власть пала в феврале 1917 г. в течение нескольких дней и без сколько-нибудь серьезного сопротивления. Для проведения выборов в Учредительное собрание, учитывая размеры территории и численность населения России, требовался не один месяц. Поэтому в стране образовался известный вакуум верховной власти, с одной стороны, и возникли претендующие на ее прерогативы различные исполнительные органы — с другой. Чем дальше отсрочивались выборы в Учредительное собрание, тем ожесточеннее становилось противоборство между исполкомами Советов депутатов трудящихся и органами Временного правительства, сформированного на основе соглашений между партиями кадетов, эсеров и меньшевиков. Отсюда — не просто «двоевластие», а паралич центральной исполнительной власти, который усиливал экономический и политический хаос в стране и массовое недовольство всех слоев общества.

Оценивая впоследствии мотивы и характер политической борьбы в России в период между февралем и октябрём 1917 г., лидер эсеров В. М. Чернов писал: «В течение 1917 года в России не раз бывало совершенно парадоксальное положение.

Борьба между партиями не прекращалась, но эта борьба шла более вокруг власти, чем за власть. Или, если хотите, это была как-будто борьба за власть навыворот: чуть не каждая партия старалась свалить власть в возможно большей степени на чужие плечи... Бывали моменты, когда власть чуть ли не «валялась на улице», и все, упираясь спорили, кому и на каких основаниях подобрать ее. Никто не хотел сделать это в одиночестве, и никак нельзя было столкнуться о том, на каких условиях взять ее сообща. Слишком различно было понимание смысла переживаемого периода, слишком различны намечавшиеся у разных социальных групп программы действий»¹.

Стоило, однако, большевикам захватить центральную исполнительную власть и, опираясь на авторитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, объявить о немедленной экспроприации помещичьей собственности и о стремлении к немедленному демократическому миру, как тотчас же против Совнаркома ополчились все общественно-политические силы, которые по разным мотивам не были заинтересованы в радикальном решении вопросов о земле и мире. К неприятию большевизма их подталкивала и его идеология, не предвещавшая имущим классам ничего хорошего. И не только им.

Стремление лидеров большевизма вместить в рамки национальной демократической революции мировые, сверхнациональные задачи с неприязнью было воспринято «умеренными» социалистами, которые считали, что война, разруха и общая культурно-экономическая отсталость России — неподходящие спутники для социалистической революции. Особенно на большевиков досадовали эсеры, у которых В. И. Ленин перехватил инициативу решения аграрного вопроса, сделав реализацию Декрета о земле важнейшим источником массовой поддержки Октябрьского вооруженного восстания. Этой поддержки большевикам с лихвой хватило для того, чтобы не идти на политические уступки другим социалистическим партиям (за исключением левых эсеров) по поводу возможного раздела центральной исполнительной власти.

«Триумфальное шествие» Советской власти в совокупности с ответными действиями буржуазно-помещичьей контрреволюции и растерянностью в рядах меньшевиков и эсеров настраивало Ленина и идущую за ним часть руководства большевистской партии на непосредственную легитимацию (узаконение) Советской власти вне зависимости от воли Учредительного собрания. «Республика Советов выше республики с Учредительным собранием»², — заявил Ленин через два месяца после Октябрьского переворота. Но тем сильнее за Учредительное собрание должны были держаться те общественно-политические силы, которые сознательно стремились противопоставить его Советской власти, чтобы не допустить перерастания демократической революции в социальную (то есть в революцию, нацеленную на радикальное изменение социально-имущественных отношений).

От того, какие силы (советские или антисоветские) одержат победу на выборах в Учредительное собрание, зависела не только его судьба, но и характер дальнейшего развития революции. Либо Учредительное собрание признавало принципы Советской власти как демократии для трудящихся — и тогда оно становилось конституционным органом социальной революции. Либо оно противопоставляло себя Советской власти — и тогда его законотворческая деятельность становилась тормозом социально-экономических реформ, осуществляемых Советами.

8 ноября 1917 г. большевики на расширенном заседании Петроградского комитета РСДРП(б) впервые рассмотрели вопрос о возможном роспуске Учредительного собрания в случае, если оно займет антисоветские позиции. В. Володарский, выступивший с докладом о ходе организации выборов в Учредительное собрание, отметил, что его придется разгонять, если «массы ошибутся с избирательными бюллетенями»³. Некоторые из выступавших предлагали Собрание вообще не созывать. Но, поскольку сохранялась надежда на заключение политического союза с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами, постольку риск казался оправданным. К тому же несозванное Учредительное собрание стало бы символом антисоветской оппозиции и могло бы объединить ее на борьбу с большевиками. В тот же день, 8 ноября, ВЦИК II Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов единогласно высказался за соблюдение намеченных еще Временным правительством сроков выборов в Учредительное собрание⁴.

Они состоялись 12 ноября 1917 года. В 68 округах (по четырем данным есть

лишь частичные) голосовало 44 443 тыс. избирателей, в том числе за большевиков 10 649 тыс., или 24%, за эсеров, меньшевиков и депутатов различных национальных партий — 26 374 тыс., или 59%; за кадетов и партии, стоящие правее их, — 7420 тыс., или 17%⁵. Из 703 депутатов, избранных в Учредительное собрание, 229 были эсеры, 168 — большевики, 39 — левые эсеры⁶. Таким образом, даже с левыми эсерами большевики уступали партии социалистов-революционеров (ПСР). Ее руководство твердо стояло на том, что «только правильно-организованная и покоящаяся на строго-выборном начале демократическая государственность способна вывести русский народ и рабочий класс на широкий путь экономического и социального развития»⁷, а потому в известной степени фетишизировало Учредительное собрание, критически оценивая возможность его самороспуска в случае утверждения конституционных основ Советской власти.

Тем не менее большевики и левые эсеры пытались найти более приемлемое, чем насильственный роспуск, решение проблемы Учредительного собрания. На состоявшемся в конце ноября 1917 г. Первом съезде партии левых эсеров (ПЛСР) было решено оказать «самое решительное противодействие» попыткам превращения Учредительного собрания «в орган борьбы с Советами»⁸. Некоторые делегаты съезда предлагали разогнать Собрание, если оно постановит распустить Советы и аннулирует Декрет о земле. В конце концов левые эсеры сошлись на том, чтобы присоединить большевистскую и левозэсеровскую фракции Учредительного собрания к ВЦИКу и образовать Конвент — орган революционно-демократической диктатуры наподобие существовавшего во Франции в 1789—1794 годах.

20 ноября 1917 г. на заседании Совнаркома И. В. Сталин внес предложение о частичной отсрочке созыва Учредительного собрания, чтобы успеть провести в жизнь декрет о праве отзыва депутатов, дающий Советам возможность назначать перевыборы во все представительные учреждения⁹. 21 ноября 1917 г. такой декрет был принят, а спустя несколько дней Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания», первое заседание которого могло состояться по прибытии в Петроград не менее 400 депутатов. Намеченное на 28 ноября 1917 г. начало его работы было отложено. В этот критический момент руководство ПСР отказалось от идеи левого социалистического блока и согласилось действовать совместно с кадетами в интересах созыва Учредительного собрания во что бы то ни стало, невзирая на декреты и постановления Советского правительства.

Чтобы сорвать это намерение, 28 ноября Совнарком принял декрет «Об аресте вождей гражданской войны против революции», согласно которому все видные кадеты, в том числе депутаты Учредительного собрания, подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов¹⁰. На следующий день, 29 ноября, на заседании ЦК РСДРП(б) по предложению Н. И. Бухарина вновь был поставлен вопрос, как быть с Учредительным собранием. Бухарин и поддержавший его Л. Д. Троцкий высказались за создание на основе его революционного Конвента, собрав для этого в Петрограде как можно скорее 400 представителей левого крыла¹¹. 5 декабря ЦК РСДРП(б) запретил депутатам Учредительного собрания от большевиков покидать пределы Петрограда, что свидетельствовало о стремлении открыть Учредительное собрание в наиболее благоприятный для левого революционного блока момент¹².

Еще раньше, 3 декабря, определил свою позицию ЦК ПЛСР, приняв постановление, в котором говорилось о том, что отношение левых эсеров к Учредительному собранию будет зависеть от решения им вопросов о мире, земле, рабочем контроле и отношении к Советам¹³. Однако по мере поступления данных о партийной принадлежности избранных на местах депутатов Учредительного собрания, большевикам и левым эсерам становилось ясно, что левый революционный блок окажется в меньшинстве даже среди требуемых для кворума (400) депутатов. 13 декабря комиссар по делам Учредительного собрания М. С. Урицкий, выступая с докладом по текущему моменту на заседании Петроградского комитета РСДРП(б) признал, что в целом большевики и левые эсеры не составят в Собрании и половины депутатов. Тем не менее он подтвердил, что Учредительное собрание будет созвано, а вопрос о его ликвидации зависит «от обстоятельств»¹⁴.

20 декабря 1917 г. Совнарком постановил открыть Учредительное собрание 5 января 1918 г. Вечером следующего дня лидер левых эсеров М. А. Спиридонова, выступая на Всероссийском Чрезвычайном съезде железнодорожников, заявила, что если правая часть депутатов Учредительного собрания встанет на пути социаль-

ной революции, «революция перед этими препятствиями не остановится»¹⁵. 22 декабря 1917 г. ВЦИК назначил на 8 января 1918 г. открытие III Всероссийского съезда Советов, а на 12 января — III Всероссийского съезда крестьянских депутатов. От имени ВЦИК всем Советам, а также армейским и фронтовым комитетам были посланы телеграммы, в которых указывалось, что лозунгу «Вся власть Учредительному собранию» Советам надо противопоставить лозунг «Власть Советам, закрепление Советской республики»¹⁶.

В условиях очевидной большевизации Советов, в том числе крестьянских, и растущего в них недоверия к парламентским методам решения социально-экономических вопросов, в руководстве ПСР произошла определенная перегруппировка. Все большее влияние в партии завоевывала позиция «центра», смысл которой состоял в разрыве политического блока с кадетами и формировании Учредительным собранием коалиционного социалистического правительства в интересах конструктивного социалистического строительства. Но эта перегруппировка запоздала.

5 января 1918 г., когда Учредительное собрание наконец начало свою работу, ЦК ПСР и Бюро эсеровской фракции Собрания не смогли найти общий язык с большевиками и левыми эсерами по вопросам повестки дня и ведению Собрания. Началась бессмысленная конфронтация по поводу оформления де-юре принципов Советской власти и ее основных декретов: о земле, о мире, о рабочем контроле и т. д. В свою очередь, большевики и левые эсеры не проявили уступчивости там, где ее можно было проявить ради облегчения перехода эсеровского большинства Учредительного собрания на платформу Советской власти. Большевистская и левоэсеровская фракции, не пытаясь остудить политической страсти, демонстративно покинули зал заседаний, чтобы на другой день объявить эсеровское большинство Учредительного собрания «контрреволюционным», а само Собрание распущенным волею революционного народа.

При этом расхожие представления о том, что Учредительное собрание не признало Советской власти и ее декреты о земле и мире, документально не подтверждаются. Этот факт не получил широкой огласки ни сразу после роспуска Учредительного собрания, ни в более поздний период. В какой-то мере можно понять большевиков и левых эсеров, которые оправдывали разгон Учредительного собрания тем, что его большинство отказалось от сотрудничества с ними на платформе Советской власти. Поэтому большевики и левые эсеры не были заинтересованы в афишировании формально просоветских резолюций, делавших шаткими их аргументы насчет необходимости насильственного роспуска Собрания. Труднее на первый взгляд понять меньшевиков и правых эсеров, которые, кажется, могли бы апеллировать к резолюциям Учредительного собрания для опровержения большевистско-левоэсеровской пропаганды, но и они подобно инициаторам разгона постарались поскорее забыть о принятых резолюциях. И это было далеко не случайно. Резолюции эти обязывали меньшевиков и эсеров к поддержке Советской власти и ее главных декретов, в то время как многие из них вскоре после прекращения деятельности Учредительного собрания встали на путь борьбы против Советской власти.

Далеко не сразу лидеры меньшевиков и эсеров позволили буржуазно-помещичьей реакции использовать разгон Учредительного собрания в качестве повода для развязывания гражданской войны. В тезисах ЦК РСДРП «О политике партии в Советской России» от 9 января 1918 г. говорилось: «Партия решительно отвергает все планы насильственного низвержения Советской власти, которые в данной обстановке неизбежно свелись бы либо к разжиганию междоусобной войны внутри трудящихся классов, либо к прямому содействию силам помещичье-капиталистической и империалистической реакции»¹⁷. ПСР, в свою очередь, заявляя, что «пока большевизм не вполне еще изжит массами, что есть еще среди крестьянства и рабочих слои, которые продолжают верить в социальный мессианизм большевизма», и продолжая отрицать целесообразность существования Советской власти без Учредительного собрания, предлагала в январе 1918 г. своим сторонникам «осторожно и в достаточной мере трезво отнестись к ликвидации большевизма»¹⁸.

Однако партиями легальной оппозиции эсеры и меньшевики оставались недолго. Своей резкой критикой Брестского мирного договора с Германией, действиями по его срыву они еще больше осложняли и без того критическое положение большевистского правительства. С мая 1918 г. отдельные местные эсеровские и мень-

шевистские организации принимают активное участие в стихийном повстанческом движении крестьянства против продовольственной политики Советской власти. В Самарской и Саратовской губерниях эсеры вступают в соглашение с командованием чехо-словацкого корпуса. 8 июня эсеровские дружины и чехо-словаки занимают Самару и объявляют там власть Комитета членов Учредительного собрания («Комуч» в составе И. М. Брушвита, В. К. Вольского, П. Д. Климушина, И. П. Нестерова и Б. К. Фортунатова).

В ответ на эти действия Совнарком входит во ВЦИК с предложением об исключении эсеров и меньшевиков из Советов, которое после ожесточенных прений принимается. 14 июня 1918 г. эсеры и меньшевики были объявлены контрреволюционными партиями, замешанными «в организации вооруженных выступлений против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами». На словах осудив «самарскую авантюру», руководство ПСР после известных колебаний присоединяется к ее инициаторам, которые впоследствии откровенно признали, что «подняли кровавое знамя гражданской войны» (В. К. Вольский). В июне — июле 1918 г. власть «комучей» распространяется в Поволжье и на Урале, пытается утвердиться в Сибири, где, однако, набирает силу действительно контрреволюционное движение, до поры до времени маскирующееся под лозунгами «демократии».

Социально-экономическая политика «комучей» не была направлена на реставрацию дооктябрьского строя, но и не следовала в фарватере большевистских идей продовольственной диктатуры с ее насильственными реквизициями и уравнильно-коммунистическими устремлениями. На территории, контролируемой самарским «Комучем», были отменены твердые цены и создан механизм административного регулирования товарно-денежных отношений. Бывшим владельцам торговых и промышленных предприятий были возвращены только те из них, которые оказались национализированы и секвестрованы без соответствующего юридического оформления. В области финансов были проведены подготовительные мероприятия по введению прогрессивного налогообложения и выпуска в оборот новых денежных знаков. «Комуч» не взял ни одной копейки из отбитого в Казани золотого фонда, считая его общероссийским достоянием. В Самаре легально действовал Совет рабочих депутатов и возобновил свою работу распущенный при большевиках Совет крестьянских депутатов¹⁹.

Вместе с тем самарский «Комуч» при осуществлении своей политики прибегал, по условиям военного времени, к далеко недемократическим мерам по удержанию в своих руках власти. Как признавал один из его руководителей, Вольский, «Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой... жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать и не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала... охранная служба, такая же Чрезвычайка... и едва ли лучше»²⁰. С сосредоточением власти в своих руках эсеры и меньшевики, как видим, начинали действовать методами, за которые они до этого страстно и убедительно критиковали большевиков.

В целях объединения сил в борьбе с большевиками ради торжества идеи Учредительного собрания самарский «Комуч» и «Временное сибирское правительство» вели переговоры, которые в 20 числах сентября 1918 г. увенчались созывом так называемого Государственного совещания в Уфе. На нем была сформирована Директория, в которую вошли кадеты и правые эсеры из Союза возрождения России. Директория была обязана обеспечить не позднее 1 февраля 1919 г. созыв Учредительного собрания с полномочным кворумом (не менее 170 депутатов). Около 100 из них к тому времени уже находились в Самаре, организовав там Съезд членов Учредительного собрания. Стремление этого съезда оказать «демократическое» влияние на политику Директории успеха не принесло. Директория все более капитулировала перед кадетско-монархическими кругами. Закономерен был и ее финал.

18 ноября 1918 г. группа белогвардейских офицеров во главе с А. В. Колчаком с помощью чехо-словаков свергла Директорию. Наступила очередь «Съезда» учредителей, который после ряда переездов (из Самары в Уфу, из Уфы — в Омск, из Омска — в Екатеринбург, из Екатеринбурга — в Уфу, где еще находились остатки упраздненной Директорией «Комуча») также был разгромлен колчаковцами.

Большая часть его членов была арестована и в кандалах отправлена в Омск, где после неудачного восстания, организованного эсерами и большевиками в ночь с 21 на 22 декабря 1918 г., была зверски уничтожена²¹. Оставшиеся на свободе после разгрома Директории и Съезда членов Учредительного собрания представители эсеровской фракции Учредительного собрания и ЦК ПСР на совещании 5 декабря 1918 г. приняли постановление прекратить вооруженную борьбу с большевиками и все силы направить против Колчака.

8 февраля 1919 г. конференция представителей организаций ПСР приняла резолюцию по текущему моменту, в которой отвергались попытки свержения Советской власти путем вооруженной борьбы, ибо эта борьба, «при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущей контрреволюции, служит только на пользу последней и используется реакционными группами в целях реставрации»²². Конференция отвергла «всякое блокирование и коалирование с буржуазными партиями, выявившими уже свою реакционную сущность», рекомендовав членам партии «принять живейшее участие в предвыборной кампании в Советы рабочих и крестьянских депутатов для борьбы за восстановление демократических свобод и создание условий, которые обеспечили бы истинное представительство рабочего класса в Советах». В то же время конференция отложила вопрос о выдвижении на выборах в Советы кандидатов из ПСР из-за отсутствия условий для легального существования партии²³.

Еще раньше произошел перелом в политических настроениях меньшевиков. 14 ноября 1918 г. ЦК РСДРП в резолюции «Германская революция и задачи Р. С. Д. Р. П.» обратился к «организованной революционной демократии, которая большевистской политикой отброшена на путь вооруженной борьбы с Советским режимом» с призывом «решительно и бесповоротно порвать свой союз с имущими классами и их партиями, опирающимися на англо-американский империализм, и стремиться достигнуть торжества демократических идей лишь путем борьбы за влияние на рабочие и крестьянские массы»²⁴.

Печальный опыт самарского «Комуча» и омской Директории убедил эсеров и меньшевиков в том, что парламентско-конституционными методами в условиях, в которых находилась Россия, вопросы социальной революции не решить, и что отказ от революционно-демократической диктатуры равносителен поддержке реакционной буржуазно-помещичьей диктатуры, использующей «умеренных» социалистов в реставраторских политических целях. Теперь меньшевикам и эсерам предстояло найти новое «кредо» (доктрину и тактику) борьбы за влияние на массы трудящихся города и деревни, чтобы сохранить себя в качестве организованной и авторитетной политической силы, способной найти выход из тупика гражданской войны и хозяйственной разрухи.

В начале апреля 1919 г. ЦК ПСР обратился к партийным организациям с декларацией, в которой были рассмотрены проблемы и перспективы мировой социальной революции. В документе предлагалось объединить усилия политических партий рабочего класса и крестьянства для завоевания ими государственной власти и проведения в жизнь следующей программы: «1. Локализация капитализма, то есть ограничение его теми сферами хозяйственной жизни, в которых капитализм проявляет в наибольшей мере свои творческие и в наименьшей — разрушительные стороны. 2. Система мер, имеющих целью обеспечить в земледелии и т. п. областях, в которых капитализм не мог справиться со своей организующей миссией, органическое и безболезненное развитие трудового крестьянства на уравнилельных началах: социализация земли, усиленное обложение сверхнаделных излишков, обращение в общую пользу дифференциальной ренты и т. п. 3. Обеспечение за трудовым хозяйством пути обобществления снизу, по мере того как кооперация или муниципализация потребностей сбыта и снабжения средствами производства будет делать выгодным переход от мелкого хозяйства к все более и более крупному. 4. Прогрессивная кооператизация потребления и регулирования государственного снабжения и распределения. 5. В сферах, где не изжито прогрессивное значение капитализма, его принудительное синдицирование и постановка под возрастающий контроль государства, с непосредственным участием крупных классовых организаций трудящихся. 6. Постепенное расширение сферы государственного, земского и муниципального хозяйства за счет капиталистического, по мере обеспечения необходимых условий успеха деловой подготовки надлежащего персонала,

выработки необходимого административного аппарата и т. п. 7. Уничтожение фабричного самодержавия капиталиста и развитие фабричного конституционализма в направлении к полной индустриальной демократии, наряду с непосредственным созданием этой демократии в оазисах кооперации, муниципального социализма, национализированных производств и обобществляемого снизу частного трудового хозяйства»²⁵.

В этой декларации обращает на себя внимание плодотворная идея синтеза старых капиталистических и новых социалистических форм экономических отношений, которые не исключают, а взаимно дополняют друг друга. Социалистическое обобществление производства представляется в свете этой идеи не единовременным актом всеобщего огосударствления, а органическим процессом постепенного накопления условий для общественного регулирования производства в самых разнообразных формах: кооперация, муниципализация, национализация, синдицирование и т. д. В документе подчеркивается, что «существование нового социального строя возможно лишь в той мере и последовательности, в какой отдельные составляющие его мероприятия предварительно пройдут через сознание и волю большинства, найдя почву в реальных условиях его быта и психологии»²⁶.

17 июля 1919 г. с изложением своей социально-экономической и политической платформы выступил ЦК РСДРП. Она была изложена в манифесте «Что делать?». В нем предлагались следующие меры по оздоровлению экономики страны и постепенному переходу к социализму: 1. Закрепление за крестьянами на коллективных или единоличных началах (свободно устанавливаемых) помещичьей и государственной земли. Упразднение комбедов. Справедливое распределение государственных запасов сельскохозяйственных орудий и семян. 2. Взамен действующей системы продовольственной диктатуры установление новой, основывающейся на сочетании следующих начал: а) закупка государством хлеба по договорным ценам (с широким применением непосредственного товарообмена), причем беднейшему населению городов и деревень хлеб продается по пониженным ценам, а государство доплачивает разницу. Эти закупки государство совершает через своих агентов, кооперативы или частных торговцев на комиссионных началах; б) взимание с более зажиточных крестьян в хлеботородных губерниях для той же цели определенной части излишков с уплатой по себестоимости производства... в) закупка хлеба кооперативными и рабочими организациями с передачей доли заготовленного ими государственным продовольственным органам. 3. При сохранении в руках государства крупных промышленных предприятий допущение везде, где это обещает улучшение, расширение или удешевление производства, применения частного капитала (в исключительных случаях на основе концессионного порядка). 4. Отказ от национализации мелкой промышленности. 5. Государственное регулирование важнейших предметов массового потребления. 6. Предоставление свободы кооперации и частным лицам, кроме тех случаев, когда регламентация и даже монополия вызываются исключительной редкостью продукта (например, медикаменты и т. п.). 7. Реорганизация системы кредита, чтобы обеспечить возможность частной инициативы в торговле, промышленности и в земледелии. 8. Борьба со спекуляцией и торговыми злоупотреблениями как прерогатива судебных органов на основе точных законоположений. 9. Независимость профсоюзов от государственных органов. 10. Повышение тарифов и установление минимума зарплаты в соответствии с уровнем цен на товары широкого потребления. 11. Отмена декрета о потребительских коммунах²⁷.

Платформа ЦК РСДРП, как видим, учитывает пагубность скоропалительного и нереального в условиях гражданской войны перехода к системе рыночных отношений, хотя необходимость такого перехода у меньшевиков не вызывает никаких сомнений. И эсеры, и меньшевики далеки от мысли, что рынок и товарно-денежные отношения — антиподы социализма. В этом вопросе намечаются глубокие разногласия меньшевиков и эсеров с большевиками, которые в Программе, принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г., выступили за замену торговли «плановым, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов»²⁸. Не менее глубоки разногласия между ними и по поводу организации власти и управления. В отличие от меньшевиков и эсеров, настаивавших на «расширении избирательного права в Советы для всех трудящихся, обеспеченном тайным голосованием и свободой устной и печатной агитации»²⁹, большевики в своей Про-

грамме признают приоритет «пролетарской демократии» перед «формальным провозглашением прав и свобод», отвергают принципы разделения законодательной, судебной и исполнительной власти.

Принципиальные различия в понимании сущности перехода к социализму делали большевиков и находящихся в оппозиции к ним социалистов потенциальными противниками, вынуждаемыми обстоятельствами борьбы с буржуазно-помещичьей контрреволюцией к более или менее терпимому отношению друг к другу. Однако если в глазах меньшевиков и эсеров большевики выглядели выразителями интересов деклассированных слоев общества и дорвавшейся до власти новой бюрократии, то большевики смотрели на меньшевиков и эсеров как на политических агентов мелкой буржуазии. В этой связи меньшевики и эсеры не могли не считаться с тем, что большевики в общем справляются с задачами борьбы против белогвардейцев и иностранной военной интервенции, а большевики — с тем, что именно мелкая буржуазия в лице среднего крестьянства является и главным источником продовольственного снабжения и основным резервом Красной Армии.

Отсюда вытекали и соответствующие действия большевиков по расщеплению эсеро-меньшевистской оппозиции на ее социальное и политическое начала: чем больше послабления делала советская власть среднему крестьянству, тем меньше их доставалось эсерам и меньшевикам и, наоборот, когда среднее крестьянство становилось неуправляемым, большевики допускали известное участие ПСР и РСДРП в политической жизни страны.

РКП(б) меняла свое отношение к меньшевикам и эсерам, то подвергая их репрессиям, то отпуская их активных деятелей на свободу. 30 ноября 1918 г. ВЦИК принял резолюцию, отменяющую его решение от 14 июня 1918 г. об исключении меньшевиков из Советов. 25 февраля 1919 г. ВЦИК восстановил в политических правах эсеров с предупреждением о немедленном возобновлении репрессий против «всех групп, которые прямо или косвенно поддерживают внешнюю и внутреннюю контрреволюцию». Это словечко — «косвенно» — не требовало от чрезвычайных комиссий и ревтрибуналов особенного поиска оснований, если очередное распоряжение «сверху» призывало их к возобновлению нажима на «мелкобуржуазные партии». Отсутствие же официальных запретов на политическую деятельность ПСР и РСДРП порождало у части их членов надежды на действительную, а не формальную «легализацию» в интересах создания единого фронта левых сил на основе реалистической программы перехода от гражданской войны к гражданскому миру.

17 июня 1919 г. Ю. О. Мартов в письме Л. Б. Каменеву изложил позицию ЦК РСДРП по вопросу об условиях участия меньшевиков в работе советских хозяйственных органов. «По-прежнему, — писал он, — мы непоколебимо убеждены в том, что успешное участие РСДРП в общем деле спасения революции... возможно лишь путем такого соглашения на основе политической платформы, которое охватило бы всех социалистов, готовых бороться в одних рядах против контр-революции и... которое позволило бы социал-демократии разделить ответственность за общее направление политики. При таком соглашении и вопрос о полном использовании для практической работы всех сил, которыми может располагать социал-демократия, решил бы сам собой»³⁰.

Надеясь на возможность соглашения с большевиками, многие известные деятели из меньшевиков и эсеров в то же время осознавали, как трудно этого добиться, учитывая, что с момента Октябрьской революции и разгона Учредительного собрания в большевизме как массовом общественном движении и политической организации стали происходить серьезные перемены: РКП(б) постепенно становилась составной частью государственной машины управления с сильно развитыми репрессивно-карательными органами. Изменялась и социальная психология большевиков, распространенным типом которой стала «военизация» и покоящаяся на ней упрощенная ориентация в сложных вопросах социальной теории и практики. Со всем этим нельзя было не считаться, но вместе с тем надежды на соглашение продолжали сохраняться у части меньшевиков и эсеров.

Ярким примером своеобразного понимания эсерами и меньшевиками своего революционного и профессионально-научного долга в условиях непрекращающихся против них кампаний в большевистской печати, репрессий со стороны чрезвычайных комиссий и т. п. органов, являются письма члена ЦК РСДРП, историка Н. А. Рожкова, адресованные Ленину в 1919—1921 годах.

В первом письме от 11 января 1919 г. Рожков предложил радикально перестроить экономическую политику большевизма, даже если для этого потребуются его (Ленина) личная диктатура. «Вся наша продовольственная политика, — писал Рожков, — построена на ложном основании. Кто мог бы возражать против государственной монополии торговли важнейшими предметами первой необходимости, если бы правительство могло снабдить ими население в достаточном количестве? Но ведь это невозможно... Сохраните ваш аппарат снабжения и продолжайте его использовать, но не монополизировать торговли ни одним предметом питания, даже хлебом. Снабжайте, чем можете, но разрешите вполне свободную торговлю, диктаторски предпишите всем местным советам снять все запрещения ввоза и вывоза, уничтожьте все заградительные отряды, если нужно даже силой... Нельзя в XX веке превращать страну в конгломерат средневековых замкнутых рынков»³¹.

Рожков предупреждает, что для интересов социальной революции будет гораздо хуже, если кто-нибудь, «который не будет так глуп, как царские генералы и кадеты, по-прежнему отнимающие у крестьянина землю», перехватит личную диктатуру и воплотит в жизнь идею свободы крестьянского землепользования и торгового оборота. «Такого диктатора, — продолжает Рожков, — еще пока нет. Но он будет: “было бы болото, — черти найдутся”»³². Несмотря на определенную отстраненность в оценке обстановки как позволяющей чуть ли не сразу ввести свободную торговлю, чутье профессионального историка в главном не обмануло Рожкова: Врангель в 1920 г., видимо, всерьез решил отойти от антикрестьянской политики своих предшественников, но уже не имел, в отличие от них, тех вооруженных сил и территорий, которые могли обеспечить политический успех его диктатуры. Ответ Ленина Рожкову не сохранился, однако, со слов самого Рожкова, речь шла в нем о том, что большевики не сомневаются в успехе своей экономической политики, которая прямо ведет к социализму³³.

В начале 1920 г. Красная Армия одержала решающие победы на фронтах гражданской войны. Свой посильный вклад внесли в них эсеровские и меньшевистские организации, объявившие о мобилизации своих членов на борьбу с белогвардейцами. Сфера применения чрезвычайных методов управления экономикой постепенно сужалась, а вместе с этим изживалась и необходимость использовать диктаторские приемы защиты завоеваний социальной революции, в первую очередь такие, как «красный террор». Об этом представители меньшевиков и эсеров заявили уже на состоявшемся 5—9 декабря 1919 г. VII Всероссийском съезде Советов.

От имени ЦК РСДРП на съезде выступил Мартов, который подчеркнул, что в данный момент успех мирового революционного процесса во многом будет зависеть от того, насколько успешно в Советской России будут преодолены отклонения революции «от неизменных принципов социализма», которые, по его мнению, «не допускают ни возведения терроризма в систему управления, ни постройки власти трудящихся на подавлении элементарнейшей личной и общественной свободы»³⁴. С выступлением Мартова во многом перекликалось выступление представителя ПСР Вольского³⁵, который предложил пересмотреть полномочия внесудебных органов борьбы с саботажем и контрреволюцией, сузив их компетенцию до уровня предварительного расследования, дать свободу действий стоящим на платформе Советской власти политическим партиям. Особое внимание он уделил роли крестьянских масс в социалистической революции. «Трудовое крестьянство, — указывал он, — жило и живет в условиях товарного производства и, понятно, никакими мерами насилия, никакими мерами полицейского характера товарное производство не может быть замещено организацией политической». В этой связи Вольский подчеркнул значение натурального налога, который, по его мнению, «должен быть поставлен в ближайшее время взамен бессистемных реквизиций»³⁶.

Ленин в заключительном слове по докладу ВЦИК и Совнаркома сказал, что в этих предложениях «ровно ничего социалистического... нет», что «нам опять проповедуют старые буржуазные взгляды»³⁷. Никакой демократии, по его мнению, и быть не может, пока не подавлена буржуазия, которая рождается из условий товарного производства. Перспектива близкого окончания гражданской войны, как видим, обострила опасения большевиков в отношении буржуазного перерождения крестьянства, придавала этим опасениям гипертрофированный характер. Внеэкономическое принуждение по-прежнему довлело над крестьянством, вызывая с его

стороны различные формы протеста (сокращение посевных площадей, сокрытие хлеба и вооруженное сопротивление его изъятию).

Осознание негативных экономических и политических последствий политики тотальной продовольственной диктатуры проникало, однако, и в руководство большевистской партии. В феврале 1920 г. Троцкий³⁸ представил членам Политбюро ЦК РКП(б) проект под названием «Основные вопросы продовольственной и земельной политики». В проекте предлагалось заменить «понятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящий прогрессивный натуральный налог. — *Авт.*) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или обработка представляли все же выгоду»³⁹.

Дальнейшие события показали, что партия большевиков и Советское правительство были еще не готовы к отказу от «чрезвычайщины». Состоявшийся 29 марта — 5 апреля 1920 г. IX съезд РКП(б) в своих решениях по хозяйственным вопросам и об экономической политике попытался ввести «чрезвычайщину» в русло целостной системы «милитаризации труда», и тот же Троцкий уже доказывал, что при известных обстоятельствах и условиях принудительный труд может быть производительным⁴⁰.

Меньшевики и эсеры решениями IX съезда РКП(б) были разочарованы и крайне обеспокоены. На состоявшемся в апреле 1920 г. совещании ЦК РСДРП с местными организациями была принята резолюция «Текущий момент и задачи партии», в которой подчеркивалось, что «центральным вопросом внутренней политики в современный момент русской революции является вопрос крестьянский»⁴¹. Актуальность его, подчеркивалось в резолюции, возрастала в виду явной угрозы «крестьянской контрреволюции», провоцируемой близорукой политикой РКП(б) и произволом советских административно-хозяйственных органов. Поворот же крестьянства в сторону союза с рабочим классом станет возможен «лишь при проведении рабочим классом политики, основанной на ясном сознании: а) что гегемония пролетариата в этом союзе может быть обеспечена никоим образом не средствами насилия или игнорирования мелкособственнических интересов крестьянства, а исключительно идейно-политическим и культурным превосходством рабочего класса... б) что возможность перевода мелко-буржуазного хозяйства на социалистические рельсы... определяется исключительно мерой интенсивности процесса мировой социалистической революции... в) что такой переход даже в наиболее передовых странах должен требовать для своего завершения длинного ряда лет»⁴².

Руководство эсеров, в свою очередь, продолжало требовать «полной самостоятельности народных масс, раскрепощения победившего народа от полуаракчеевской милитаризации, уничтожения нестерпимой бюрократической коммунистической опеки над волей и мыслью народа»⁴³. Наряду с традиционным для эсеров вниманием к нуждам крестьянства в поле зрения теоретиков ПСР все чаще попадает промышленный пролетариат. В декабре 1920 г. ЦК ПСР рассылает по ее организациям проект Чернова о реорганизации Советской власти в перспективе ожидавшегося партией падения большевистской диктатуры. В проекте подчеркивалось, что было бы ошибочным пустить на слом всю работу, проделанную большевистской властью для приближения к социализму, например, национализацию крупной промышленности и транспорта и ликвидацию частной земельной собственности.

Те отрасли промышленности, которые недостаточно концентрированы, Чернов предлагал либо частично денационализировать либо принудительно синдицировать, вводя в состав правлений предприятий их бывших владельцев. Как на национализированных, так и на синдицированных предприятиях рабочие должны были получать, кроме зарплаты, и часть чистой прибыли, а их фабрично-заводские комитеты — принимать непосредственное участие в управлении предприятиями на началах выборности и широкого контроля за деятельностью администрации. В области распределения и снабжения проект предусматривал сохранение государственной монополии на торговлю промышленными товарами широкого потребления. Твердые цены на продукцию сельского хозяйства предлагалось отменить, но в качестве переходной меры допускалась сдача крестьянами части своей продукции по твердым ценам с правом приобретения взамен промышленных изделий.

В области финансов и кредита проект предусматривал прекращение избыточной денежной эмиссии, выпуск новых дензнаков и их обмен на старые пропорционально их девальвации. Все натуральные повинности в пользу государства предла-

галось заменить денежными. Наряду с государственными и кооперативными кредитными учреждениями допускалось развитие системы частного кредита. В области земельной политики предлагалось введение прогрессивного налогообложения, однако с тем расчетом, чтобы оставлять в руках крестьянских хозяйств доход, полученный от повышения культуры земледелия и освоения бросовых земель. Концентрации земельных наделов в руках немногих должно было препятствовать введение специальных местных норм обложения сверхнадельных излишков⁴⁴.

Чернов считал, что эти мероприятия имеют гораздо большие шансы на успех, чем те, которые в то время проводили и намечали большевики, ибо, по его словам, в проекте ПСР «вперед вопроса о судьбах распределения плодов производства стоит вопрос о судьбах самого производства и его прогресса... купить справедливое распределение ценою упадка производства — значит идти к равенству всеобщей нищеты и в корне дискредитировать все дело социализма»⁴⁵. Лидеры большевизма, конечно, не были настолько проникнуты уравнилельно-коммунистическими настроениями, чтобы игнорировать значение производства, повышения производительности общественного труда и уровня его организации. Однако их интерес к этим проблемам был довольно специфическим, ограниченным преимущественно технико-организационными мероприятиями, нацеленными на создание и точное исполнение единого государственного хозяйственного плана.

Единый хозяйственный план в конце концов в результате титанических усилий лучших специалистов науки и техники был выработан и представлен на утверждение VIII Всероссийского съезда Советов в конце декабря 1920 года. Это — знаменитый план ГОЭЛРО. При всех достоинствах этого плана в нем все же отсутствовало важнейшее для любого крупномасштабного технического проекта звено в виде тщательной конкретно-экономической проработки направлений развития отраслевых и межотраслевых хозяйственных связей, их кредитно-финансового обеспечения. Все эти недостатки были далеко не случайными — в них отразились определенные условия и методы хозяйствования «военного коммунизма», когда товарно-денежные отношения свертывались, а экономические интересы не стимулировались.

Приглашенные на съезд Советов представители меньшевиков и эсеров не упустили случая подвергнуть резкой критике большевистский подход к проблемам восстановления народного хозяйства, полагая, что начинать его следует не с крупной промышленности, а с сельского хозяйства путем повышения экономической заинтересованности крестьянства в результатах своего труда. Более всего они критиковали большевистский замысел организации «посевкомов», которые должны были взять под государственный контроль основные процессы сельскохозяйственного производства. «Совершенно невозможно, — говорил в своем выступлении член ЦК РСДРП Ф. И. Дан, — путем насилия в области крестьянского производства заставить крестьян сеять мяту, репу и т. д. по тем рецептам, которые будут им даваться и насильственно проводиться в жизнь разными учреждениями. Мы считаем, что такой путь углубления насилия над крестьянством пагубен. Мы считаем и предупреждаем, что этот путь углубления и усиления насилия над крестьянством приведет только к тому, что поднимется непроходимая пропасть между городом и деревней, и тогда крестьянство, освобожденное от страха царя и помещика, станет опорой буржуазной контр-революции в России. И все, кому дороги интересы революции и социализма, должны протестовать против насилия»⁴⁶.

Почему лидеры большевизма, несмотря на все более ощутимые негативные последствия политики «военного коммунизма», не прислушивались к советам и предложениям меньшевиков и эсеров? Действовала объективная предрасположенность стоящих у власти к уже оформившимся методам достижения социально-политических целей. Этой предрасположенности нет у тех, кто не связан с каждодневными и сиюминутными проблемами и интересами управления, то есть у политической оппозиции, которой гораздо легче выработать и предложить более приемлемый вариант выхода из того или иного социально-политического кризиса. Имела место и определенная доктринальная заданность сопротивления отмене продразверстки и разрешению свободы торговли, которая заставляла лидеров большевизма верить, что такого рода уступками открывается дверь мелкобуржуазному перерождению пролетарской диктатуры.

Лишь в феврале 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) под влиянием повсеместно

вспыхнувших крестьянских восстаний и, особенно, мятежа в Кронштадте приняло трудное для себя решение о замене разверстки натуральным налогом и свободном товарообмене в пределах местного хозяйственного оборота, осознав приоритетность неотложного решения проблем мирного сосуществования с крестьянской массой.

Идейно-политическое влияние меньшевиков и эсеров на повстанческое движение начала весны 1921 г. было незначительным. Тем не менее лидеры большевизма постарались возложить на меньшевиков и эсеров всю ответственность за обострение внутривластного кризиса в стране. Подобное недавно уже имело место в сложных взаимоотношениях между большевиками и их социалистическими оппонентами. Это — период наступления Красной Армии на Варшаву, против которого меньшевики и эсеры категорически возражали, считая, что, поскольку оборонительная фаза польско-советской войны завершилась убедительной победой, нет необходимости в проведении наступательной операции на территории Польши. Против эсеров и меньшевиков начались тогда гонения, — их называли «шпионами Антанты и Польши», с которыми не следует церемониться. Теперь их обвиняли в стремлении к насильственному свержению Советской власти.

Отвергая эти обвинения, ЦК РСДРП в обращении «Ко всем социалистическим партиям, ко всем рабочим и работницам» от 3 марта 1921 г. указывал: «Мы зовем рабочий класс не свергать Советскую власть, а добиваться изменения ее ошибочной и губительной для революции политики... Мы предостерегаем рабочий класс от совместных выступлений с теми общественными классами и группами, которые ведут вооруженную борьбу против Советской власти и хотят свергнуть ее для того, чтобы захватить власть в свои руки и сесть на шею трудящимся массам... Но рабочие должны помнить, что такое свержение Советской власти ведет к анархии, которая даст торжество темным силам прошлого»⁴⁷.

ЦК РСДРП и ЦК ПСР дезавуировали участие ряда членов своих партий, находившихся в эмиграции, в состоявшемся в Париже в январе 1921 г. съезде депутатов Учредительного собрания, который был собран по инициативе кадетов для обсуждения вопроса о замене большевистской диктатуры демократическим коалиционным правительством. В специальном извещении местным партийным организациям ЦК ПСР отмечал, что «не берет на себя никакой ответственности как за самый факт участия членов партии в съезде членов Учредительного собрания в Париже, так и за те постановления, которые приняты последним»⁴⁸. И тем не менее лозунг «Вся власть Учредительному собранию» прозвучал, хотя и безуспешно, в направленном Черновым послании к кронштадтским мятежникам⁴⁹, который те, однако, не поддержали, противопоставив ему лозунг «Вся власть Советам, а не партиям». Под этим последним лозунгом и действовали меньшевики и эсеры в период политического кризиса начала весны 1921 года.

Восстание в Кронштадте, конечно, не было, как потом писал Ленин, «совершенно ничтожным инцидентом»⁵⁰, от которого достаточно отмахнуться удовлетворением экономических требований крестьянства. В 1926 г. «Социалистический Вестник» (орган Заграничной делегации ЦК РСДРП) сообщал об имевших место в конце февраля 1921 г. переговорах Ленина с меньшевиками относительно условий раздела власти⁵¹. Об этих переговорах писал П. Н. Милюков. В переговорах участвовали — от меньшевиков А. А. Трояновский, от большевиков И. В. Сталин. Милюков пишет: «Получив доказательство полномочий Сталина, Трояновский заявил ему, что меньшевики не войдут в правительство, пока не будет ликвидирован «социалистический эксперимент». Сталин отвечал, что необходимость такой ликвидации не вызывает сомнений, что и сам Ленин совершенно убежден в этом, и весь вопрос — в методах и темпе ликвидации, так как спуск невозможен без тормозов»⁵².

Подавив с огромными материальными, моральными и политическими издержками Кронштадтский и другие мятежи начала весны 1921 г., большевики отстаивали свою монополию на политическую власть, на основе которой смогли затем в той или иной степени удовлетворить трудящихся города и деревни известными экономическими уступками, являвшимися отступлением от прежней доктрины непосредственного перехода к социализму и соответствующей ей политики, нашедшей наиболее последовательное выражение в системе «военного коммунизма». После этого лидеры большевизма сочли политическое соглашение с крестьянством

достигнутым и дальнейшего отступления от претензий на монополию власти не допустили. К тому же сделать это было не так уж трудно.

Падение авторитета ПСР и РСДРП, их влияния в массах продолжалось (с определенными колебаниями) в целом на протяжении всей гражданской войны. Радикальных сдвигов к лучшему, несмотря на некоторое оживление деятельности этих партий, не произошло и непосредственно после ее окончания. Объясняя коренные причины такого явления уже на его ранних стадиях, М. А. Спиридонова писала: «Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям правых эсеров и меньшевиков. Они погасли в пустоте»⁵³.

Не учитывать данную оценку нельзя. Так же, как пройти мимо мнения другого активного участника описываемых событий — члена ПСР Б. А. Бабиной, которая имела возможность вернуться к их осмыслению спустя много лет, уже в начале 80-х годов. На излете своего жизненного пути, вместившего и «хождение» по сталинским лагерям, Б. А. Бабина сформулировала свое итоговое понимание трагедии Учредительного собрания: «Популярность эсеров в это время (в 1917 г. — *Авт.*) была очень велика, мы собирали больше всех голосов. В Учредительном собрании эсеров было тоже громадное большинство. И если бы его созвали вовремя, не затягивая с юридическими тонкостями, было бы все гораздо лучше. Разгон Учредительного собрания большевиками 5 января 1918 года мы восприняли как позор, хотя было понятно, что момент упущен. Советы уже закрепились, и Учредительное собрание популярность потеряло. А что делать? Революция идет своим шагом»⁵⁴.

Не игнорируя факта падения авторитета и влияния в массах эсеров и меньшевиков к 1921 г., нельзя забывать и другого: социальные корни дальнейшего существования этих партий в нэповской действительности имелись. Весь ее дух и смысл был созвучен идее многопартийности. Не хватало (в который раз!) терпимости. В данном случае — у большевиков. В результате новую экономическую политику им пришлось осуществлять в одиночку, однозначно преломляя ее объективные потребности через призму своей доктрины социалистического строительства и соответствующей практики государственного руководства восстановлением и развитием народного хозяйства.

Последующие события показали, что политическое соглашение большевиков с другими социалистическими партиями могло бы дать серьезный дополнительный импульс к практическому осуществлению нэпа, с одной стороны, и выходу из состояния революционной диктатуры — с другой. Взяв сразу же после перехода к нэпу курс на ликвидацию оппозиционных социалистических партий, большевики нанесли удар и собственной партии, ибо в условиях монополии власти не может существовать демократическая правящая партия. Внутреннее бюрократическое перерождение ее становится в этом случае лишь вопросом времени. Вот почему Ленина так волновали проблемы нарастающей бюрократизации государственных и партийных структур, что нашло отражение и в его последних документах, известных как его политическое завещание.

Таким образом, разгону Всероссийского Учредительного собрания суждено было стать поворотным событием в истории социальной революции 1917—1921 гг., которое знаменовало начало гражданской войны внутри революционно-демократического лагеря — между приверженцами различных толкований социализма. Было положено начало разделению и трагическому противопоставлению того, что по канонам марксизма должно было следовать рука об руку: власть трудящихся, опирающаяся на авторитет оружия для защиты завоеваний социальной революции от буржуазно-помещичьей контрреволюции, и демократия для трудящихся, опирающаяся на авторитет выборных представительных органов власти для защиты завоеваний социальной революции от узкопартийных, узкоклассовых претензий на неограниченное политическое господство.

Еще за месяц до Октябрьского переворота Ленин писал, что, «если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключи-

тельно немедленный переход власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»⁵⁵. Большевики и эсеры пришли к этому выводу лишь после того, как очутились в состоянии растущей политической изоляции от трудящихся. В свою очередь, большевики и левые эсеры не воспользовались случаем легитимации Советской власти волей социалистического «большинства» Учредительного собрания, прекратив его деятельность до окончательного выяснения отношений между соперничающими фракциями.

Вследствие взаимной несогласованности действий представителей революционно-демократического лагеря был упущен исторический шанс внести в организацию и деятельность органов Советской власти правовые условия политического плюрализма, дающие социалистическим партиям равные возможности, в том числе и гарантии участия оппозиционного «меньшинства» в работе местных и центральных органов власти и управления. Важно было в интересах предотвращения монополии власти в руках той или иной партийной фракции узаконить демократический механизм смены политического руководства Советами. Однако большевики, оказавшись у власти, частично не успели, частично не захотели заранее связывать себя какими-либо обязательствами перед оппозиционным «меньшинством», постепенно превращая Советы в придаток своей партийной организации и контролируемых ею функциональных ведомств (наркоматы, главки, чрезвычайные комиссии и т. п.).

Можно, конечно, объяснить поползновения отдельных лидеров большевизма к диктатуре чрезвычайными условиями кризиса, в котором находилась страна. Труднее объяснить их непримиримость к другим социалистическим партиям вскоре после того, как те (хочется верить!) окончательно порвали с буржуазными партиями, убедившись на горьком опыте ликвидации колчаковской военщиной Директории и Съезда депутатов Учредительного собрания в пагубности для революционной демократии антисоветской деятельности. Союз большевиков с меньшевиками и эсерами вновь был потенциально близок к политическому оформлению, как и накануне разгона Учредительного собрания, но на деле оказался далек от практического воплощения, которое предполагало взаимную уступчивость и взаимное доверие.

Вопреки предостережениям меньшевиков и эсеров большевики частично силой обстоятельств, но и по своей воле встали в конце 1918 — начале 1919 г. на путь насаждения социализма «сверху» в мелкокрестьянской стране, используя для этого механизм военно-мобилизационного управления экономикой. Буржуазно-помещичья контрреволюция приобрела в результате этого недостающую ей социальную базу антисоветского движения, а революционная демократия — новые фронты гражданской войны, борьба с которыми заставляла большевиков в еще большей степени налегать на механизм государственного принуждения. Насаждение государственного социализма было одним из факторов, повышавших вероятность гражданской войны, тогда как ликвидация фронтов гражданской войны требовала военно-мобилизационных усилий, прилагаемых к тем же рычагам власти, которыми большевики насаждали государственный социализм.

Как большевики в октябре 1917 г. чутко уловили перемену в массовом политическом сознании трудящихся, выразив их в декретах о земле и мире, так меньшевики и эсеры в 1919—1920 гг. близко подошли к разработке реалистической, отвечающей интересам трудящихся города и деревни, программы перехода от государственного к демократическому социализму. Действуя как бы «с другого конца», Ленин приходил к аналогичным выводам, что нашло позднее свое отражение в разработанных им принципах нэпа. Это опять-таки, объективно, могло сблизить идейно-теоретические и политические позиции большевиков с эсеро-меньшевицкими.

Но вновь, уже в который раз, между потенциальными союзниками не было достигнуто согласия, которое предполагало проведение глубоких реформ политического строя: отделение РКП(б) от Советского государства (разделение и разграничение функций партийного и государственного руководства), легализация оппозиционных и социалистических партий, свобода слова, печати и организации, демократизация системы судебных и правоохранительных органов и т. д. Реформа политического строя застопорилась, усугубив худшие стороны и проявления системы, возникшей в пору «военного коммунизма». Их консервация послужила затем питательной средой формирования сталинского тоталитаризма.

Примечания

1. ЧЕРНОВ В. Конструктивный социализм. Прага. 1925, с. 189—190.
2. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 427.
3. Известия ЦИК, 9.XI.1917.
4. Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М. 1918, с. 45.
5. См. ЗНАМЕНСКИЙ О. Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л. 1976, с. 273.
6. См. РУБИНШТЕЙН Н. Большевики и Учредительное собрание. М. 1938, с. 54—55.
7. Центральный партийный архив Института теории и истории социализма (ЦПА ИТИС), ф. 274, оп. 1, д. 46, л. 231.
8. Протоколы Первого съезда Партии левых социалистов-революционеров. М. 1918, с. 111.
9. См. ГОРОДЕЦКИЙ Е. Н. Рождение Советского государства. М. 1965, с. 442.
10. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 161—162.
11. Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), август 1917 — февраль 1918 г. М. 1958, с. 149, 156, 279.
12. См. ЛЮБИМОВ И. Н. Революция 1917 года. Т. VII. М.—Л. 1930, с. 281.
13. Известия Всероссийского крестьянского съезда, 5.XII.1917.
14. См. ТРОЦКИЙ Л. Сочинения. Т. 3, ч. 2, с. 364—368.
15. Знамя труда, 23.XII.1917.
16. Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 284.
17. ЦПА ИТИС, ф. 275, оп. 1, д. 47, л. 3.
18. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2573, л. 5.
19. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 43, лл. 2—3.
20. Там же, л. 8 об.
21. ИОФФЕ Г. Третьего не дано. В кн.: Переписка на исторические темы. М. 1989, с. 64—65.
22. ЦПА ИТИС, ф. 5, оп. 1, д. 2573, л. 47.
23. Там же, л. 48.
24. Там же, д. 2572, л. 2.
25. Там же, д. 2573, л. 57.
26. Там же.
27. Там же, д. 2572, л. 14.
28. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М. 1959, с. 429.
29. ЦПА ИТИС, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 15.
30. Там же, ф. 275, оп. 1, д. 64, л. 2.
31. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 1315, л. 3.
32. Там же, л. 4.
33. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 546, оп. 22, лл. 1—2.
34. 7-й Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов. Стеногр. отч. М. 1920, с. 60.
35. Вольский представлял на съезде «меньшинство» ПСР, которое на IX ее Совете 18—21 июня 1919 г. выступило за окончательное примирение с большевиками в интересах «установления единого революционного фронта, полного объединения всех сил трудовой демократии, политического соглашения всех социалистических партий» (ЦПА ИТИС, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 24). «Большинство» же ПСР по-прежнему считало, что из тупика гражданской войны «Россию может вывести только третья сила, равно чуждая и большевизму, и реставрации, — это трудовая демократия России, осознавшая себя именно как демократия» (там же, л. 67).
36. 7-й Всероссийский съезд Советов, с. 70.
37. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 417.
38. См. ТРОЦКИЙ Л. Д. Моя жизнь. М. 1991, с. 440.
39. ЦПА ИТИС, ф. 45, оп. 1, д. 35, л. 5.
40. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М. 1960, с. 98.
41. ЦПА ИТИС, ф. 275, оп. 1, д. 73, л. 16.
42. Там же.
43. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2573, л. 133.
44. Там же, д. 2572, лл. 32—38.
45. Там же, л. 31.
46. Восьмой Всероссийский съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих депутатов. Стеногр. отч. М. 1921, с. 42.
47. ЦПА ИТИС, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 77.

48. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 138, л. 150.
49. Там же, ф. 5, оп. 1, д. 2572, л. 59.
50. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 129.
51. См. Социалистический Вестник, 1926, № 20, с. 15—16.
52. МИЛЮКОВ П. Россия на переломе. Т. 2. Париж. 1927, с. 258—259.
53. Цит. по: Непролетарские партии России. Урок истории. М. 1984, с. :
54. Минувшее. Т. 2. М. 1990, с. 371.
55. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 222.

Янус в лаптях: крестьяне в русской революции, 1905—1917 гг.

Д. Байрау

Ход и результаты русской революции, как и ее предшественницы во Франции почти за 130 лет до нее, немыслимы без участия крестьян. Они являлись тем взрывчатым веществом, которое разрушило старый порядок. Поведение крестьян не вписывается при этом в схематическое представление о революционной смене формаций — от феодализма, через капитализм, к социализму. Дело в том, что их участие в политическом процессе противоречило буржуазно-либеральным чаяниям как французских привилегированных слоев, так и русского цензового общества¹. Та же судьба ожидала надежды, которые социалистические партии и, возможно, рабочее движение связывали со свержением монархии в России. Во Франции крестьяне боролись против последствий свободного рынка. В России же они не были заинтересованы также и в тех социалистических производственных ассоциациях, которые поддерживались пролетарской властью путем «неэквивалентного обмена».

Для большевистских революционеров крестьянин оставался «Янусом в лаптях» (Троцкий) и «непонятым, как чудо морское» (К. Федин), к нему относились с недоверием². «Жаждающее собственности крестьянство, получив землю, отвернется от революции, после того как оно разорвало на портянки знамя Желябовых и Брешковских», — пророчествовал М. Горький в мае 1917 года. Писатель видел в большевиках «беспомощную жертву в когтях бешеного, исстрадавшегося в прошлом, зверя»³ и опасался, что «все численно незначительное, качественно мужественное войско политически сознательных рабочих и честной революционной интеллигенции падает жертвой русского крестьянства». Он сравнивал индустриально-городскую цивилизацию России с «горстью соли, брошенной в застойное болото деревни», констатировал «вечное противостояние» интеллигенции крестьянству, «органически чуждому» прогрессу⁴, противостояние городского меньшинства деревенской массе.

На основании численного преобладания сельского населения, которое в 1914 г. еще составляло более 80% населения России, Горький заключал, что крестьянская революция, которую к тому же еще подогревали большевики, приведет к разрушению городской и промышленной цивилизации. Вместе с тем Горький упускал из виду тот хорошо известный феномен, что, хотя крестьянские восстания были спо-

---

Байрау Дитрих — профессор университета И.-В. Гете (Франкфурт-на-Майне, Германия). Автор ряда работ по социально-политической истории России нового времени, в том числе монографии «Армия и общество в предреволюционной России» (Кельн. 1984).

собны оказывать значительное разрушительное воздействие, крестьянство, однако, никогда не становилось носителем послереволюционного порядка. Это должно было найти подтверждение и в ходе русской революции.

Ярости крестьянства хватило, чтобы разрушить экономические и государственные основания монархии, но этого было недостаточно для создания какого-либо противовеса большевистской диктатуре в виде организованной власти. Соотношение между революционным воздействием и фактическим политическим безвластием крестьян составляет главную проблему данной статьи. При описании и анализе поведения крестьян в революции 1917 г. исходными являются общие исторические условия данного периода, обстоятельства, созданные войной и развитием революции в деревне. Соотношение между революционным взрывом, с одной стороны, и политическим безвластием — с другой, это вопрос об организации крестьянских действий; на него нужно ответить, чтобы в определенной степени объяснить основания успеха большевиков с точки зрения побежденных.

После освобождения крестьян (1861 г.) внимание правительства с 80-х годов стало все более сосредоточиваться на промышленном секторе, в то время как сельское хозяйство, несмотря на консервативный поворот во внутренней политике, привлекало гораздо меньше внимания. Хотя и были сделаны различные попытки усилить позиции помещичьего дворянства путем основания Дворянского банка (1885 г.) и реформ местного управления (введение института земских начальников 1889 г., земская реформа 1890 г.), дворянство, особенно русских территорий империи, оказалось в состоянии экономического упадка. В общем земельном фонде в центральных областях России его доля сельскохозяйственных угодий в 1877 г. составляла 27%, а в 1905 г. снизилась до 17%. В результате революции 1905 г. этот процесс ускорился. Площадь помещичьих земель в указанном регионе сократилась с 32 млн. до 28 млн. десятин. В целом между 1863 и 1915 гг. дворянское землевладение сократилось в Черноземной полосе почти на 58%, в нечерноземной — на 51%⁵.

К концу XIX в. едва ли можно говорить о прогрессе в области модернизации как крестьянского, так и дворянского сельского хозяйства. Хотя и произошло формальное размежевание между крестьянскими землями и дворянскими владениями, но и в начале XX в. сохранялись многочисленные формы взаимной зависимости между ними. Поскольку крестьянское население за период между 1863 и 1914 гг. более чем удвоилось, а крестьянская сельскохозяйственная техника, особенно в центральных российских регионах, все более приходила в упадок, то происходило сокращение количества сельскохозяйственных орудий на один крестьянский двор. Крестьяне при этом вынуждены были выбирать между арендой или необходимостью (чаще) принять невыгодные, несправедливые условия работы на своих бывших помещиков. Но даже и там, где помещики переходили в большей степени к самостоятельной обработке своих земельных владений, это ухудшало положение соседних деревень, поскольку помещики, с целью получения дополнительных доходов, затрудняли доступ к лесам, выпасам и водам⁶.

В ходе аграрных волнений 1905 и 1906 гг. в русских областях появились особые региональные специфические черты в отношениях между дворянством и крестьянством: в Центральном промышленном районе, где благодаря длительной традиции домашних промыслов отходничество и сельское хозяйство были тесно связаны, противоречия возникали прежде всего по поводу использования лесов и пастбищ. В чисто аграрных зонах Черноземной полосы и на средней и нижней Волге, напротив, имения и особенно помещичьи усадьбы много раз становились объектами нападений и разрушались, чтобы предотвратить возвращение помещиков. Эти действия дали определенный результат, поскольку именно в этих областях после 1905 г. дворянские земли стали скупаться при посредстве Крестьянского банка. В аграрных волнениях 1905 и 1906 гг. традиционные крестьянские представления о «земле и воле» («земля есть дар божий, как воздух и вода»⁷) слились воедино с элементами «крестьянского бунта».

В целом в действиях крестьян прослеживается, с одной стороны, прочность сельской общины, с другой — активная роль таких «внешних факторов», как отходники, солдаты, вернувшиеся с военной службы, и особенно — молодежь⁸. В отличие от более ранних крестьянских волнений миф о царе утратил свою привлекательность: если ранее крестьяне оправдывали свои выступления против помещиков ссылками на волю (фиктивную) царя, то те петиции и приговоры, которые прини-

мались крестьянскими обществами в 1905 г., показывают, что все надежды возлагались на созыв демократически избранного парламента (Государственной думы). Деградация крестьянской земледельческой техники, сокращение полезных площадей вследствие роста населения и увеличение аренды объясняют сосредоточенность крестьянства на земельном вопросе. В ходе революции 1905 г. выдвигались различные предложения об отчуждении государственных, церковных и дворянских земель с компенсацией их владельцам или без нее⁹.

После государственного переворота 3 июня 1907 г. новый председатель Совета министров П. А. Столыпин в своей аграрной политике не ориентировался на требования ни буржуазно-демократических, ни социалистических партий, ни самих крестьян. Община, некогда представлявшаяся как опора самодержавия и как средство защиты крестьянства от пролетаризации и обнищания, оказалась неэффективной в обоих отношениях. Со своими периодическими переделами земли, уравнительностью и круговой порукой в сфере налогообложения община препятствовала переходу земли к лучшим хозяевам; она же оказалась и институтом, способным организовывать борьбу крестьян против помещиков и государственной власти. Преимущественной целью столыпинской аграрной реформы была модернизация крестьянского сельского хозяйства и разрушение цельности сельской общины¹⁰. Речь шла о том, чтобы отменить традиционное устройство деревни, укрепить индивидуальную собственность и преодолеть чересполосицу. Около четверти крестьянских дворов выделилось из общины. Но этот факт, взятый в отдельности, мало говорит о реальном воздействии реформы. В литературе этот вопрос вызывает споры.

В целом, однако, реформа была направлена на усиление товарности сельского хозяйства и дальнейшую дифференциацию отдельных регионов. Даже когда крестьяне жили по канонам традиционного домашнего хозяйства и ориентировались на собственное потребление, их хозяйство в возрастающей степени втягивалось в рынок¹¹. Хотя вопрос о распределении доли рыночного производства между крестьянскими и помещичьими хозяйствами остается спорным, в общей продукции, попадавшей на рынок, все большая доля приходилась на продукцию крестьянских хозяйств. В 50-е годы XIX в. было продано только 20% зерна, в 70-е годы — почти 30%, а после 1906 г. — 40%. При этом продажа ржи — типичного «крестьянского продукта» — составила 58%. В целом доля товарного зерна, произведенного крестьянами, составила перед войной примерно 30%¹². В 1914 г. участниками кредитных, сбытовых и производственных товариществ являлись 10 млн. крестьян¹³.

Эти общие показатели растущей коммерциализации крестьянского хозяйства, которая шла одновременно с еще более быстрой модернизацией помещичьих предприятий, не свидетельствуют, однако, что одновременно происходило сколько-нибудь значительное улучшение земледельческой техники. Как до, так и после 1917 г. богатство или бедность крестьянского двора определялись по количеству рабочих рук. С этим связаны низкий уровень капиталовложений и, как следствие, высокая мобильность крестьянских дворов¹⁴.

Коммерциализация крестьянского хозяйства означала, однако, рост не только товарности сельскохозяйственной продукции, но и взаимодействия кустарного производства, отходничества и сельского хозяйства. Это относится прежде всего к Центральному промышленному району, сельская экономика которого испокон века определялась деревенским ремеслом, а также отходничеством¹⁵. Данные отрасли поглощали постоянно растущую часть мужской и женской рабочей силы. В 60-е годы XIX в. во многих губерниях 15—30% сезонных рабочих (мужчин) было занято в промышленности, ремесле, строительстве и на транспорте. В начале XX в. в отдельных губерниях до 60% отходников было занято не только в районах с развитой промышленностью, но и в таких чисто земледельческих зонах.

Число паспортов, выданных отходникам, возросло в Российской империи с 1,2 млн. (1861 г.) до почти 9 млн. (1910 г.)¹⁶. Поскольку отходничество являлось формой перехода к постоянной деятельности в промышленности и промыслах, растущее число дворов без лошадей и рабочего скота (их число к 1912 г. возросло в среднем по российским областям более чем на 30%) следует рассматривать не только как признак обнищания, но и как форму пролетаризации, перехода из сельского хозяйства в промышленность и ремесло. Перепись 1897 г. показала, что приблизительно 30% самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, получало основные доходы от несельскохозяйственных занятий¹⁷.

Культурные и политические последствия сезонного отходничества, равно как и деятельность крестьян в промышленности, рассматривались до сих пор лишь с точки зрения промышленного развития. Накал борьбы в промышленных центрах неоднократно объяснялся сохранением сильных крестьянских корней у рабочих масс¹⁸. В то же время требует исследования вопрос об обратном структурном воздействии на деревню, в том числе — на политическое мышление и поведение крестьян (особенно в конфликтных ситуациях). Каким образом усиление занятости в несельскохозяйственной сфере изменяло привычные формы работы и образа жизни в деревне?¹⁹ Не связана ли эрозия мифа о царе с возрастанием открытости деревни по отношению к внешнему миру? Не связаны ли определенные формы волнений прежде всего с отходниками, как свидетельствует исследование антиеврейских погромов 1881 года?²⁰

Воздействие других факторов культурной модернизации сельского населения также оставалось до сих пор вне пределов обсуждения. В середине XIX в. контакты деревни с внешним миром осуществляли главным образом спорадически появляющиеся торговцы, чиновники, военные и, особенно, помещики, а также, как правило, мало уважаемые попы. На рубеже веков с этими традиционными «посредниками» стали конкурировать товарищества, банки, персонал земских и государственных учреждений — землемеры, агрономы, врачи, фельдшеры и сельские учителя. За исключением школьных учителей и «низшего» медицинского персонала, большая часть интеллигенции проживала в провинциальных городах, а не в деревне. Ее контакты с крестьянами можно более конкретно представить, если принять в расчет, что один врач приходился на 23 тыс. сельских жителей или что число агрономов в стране составляло 5800 (1915 г.), землемеров — 7 тыс. (1914 г.), ветеринарного персонала — 7200 (1912 г.), санитарных пунктов — 2700 (1910 г.), земских сельских учителей — 128 тыс. (1914 г.)²¹.

На рубеже веков была развернута энергичная деятельность по ликвидации неграмотности, которая охватила прежде всего сельскую молодежь. Обращают на себя внимание данные о низкой посещаемости школы перед 1914 годом. Они колеблются от 80% в Московской губернии до 30% в Оренбургской. Данные о сокращении сроков военной службы для лиц, показавших способность к чтению, письму и счету, также свидетельствуют о наличии значительного числа людей с более низкой степенью грамотности. Исходя из этого, процентные показатели уровня школьного образования сельской молодежи не должны приниматься безоговорочно²².

Постепенно в деревне расширялась сеть информации. С помощью чтения, бесед и разговоров узнавались цены и политические новости. С 80-х годов, наряду с имевшейся почти исключительно религиозно-образовательной литературой с ее «полезными» функциями для семейной жизни и земледелия, стали распространяться газеты, брошюры, обработанные для популярного чтения, произведения «высокой» литературы русских и иностранных классиков и — все более — бульварная литература²³. Во время волнений появлялись агитаторы, что было особенно чувствительно, по крайней мере для властей. С помощью их агитации большевики старались объединить рабочих и крестьян, чтобы воздействовать на деревню²⁴. Трудно судить, однако, о том, каково в действительности было это воздействие.

Столыпинские реформы сравнительно мало изменили рыхлую систему административных институтов. Предводители дворянства (в 1900 г. около 800 лиц в губерниях и округах) и прежде всего земские начальники были подлинными носителями власти. Земским начальникам (в 1902 г. около 2300 лиц) принадлежали функции местной инстанции в судопроизводстве, хозяйстве и управлении²⁵. Поскольку сеть полиции была недостаточной (в 1900 г. один исправник с небольшим вспомогательным персоналом приходился на 50—100 тыс. сельских жителей), в случаях волнений и беспорядков для усмирения вызывались регулярные войска и казаки. Недостатком государственного присутствия в сельских местностях, равно как и имевшими место конфликтами, обуславливались ужесточение как индивидуальных, так и коллективных телесных наказаний и самосуды. Хотя в 1905—1906 гг. крестьянами было разрушено более 1 тыс. имений, число убитых было ограничено. В ходе правительственных репрессий с октября 1905 по апрель 1906 г. было расстреляно 34 тыс. «мятежников», 14 тыс. умерло от ран²⁶. Здесь важна не столько жестокость военных, которые рассматривались как невольные слуги режима, сколько недостаток возможностей по разрешению конфликтов вследствие отсутствия госу-

дарственных инстанций в сельской местности. Этот дефицит не был преодолен и после 1905 года.

С точки зрения технологии власти данная проблема возникла тогда, когда правительство в ходе освобождения крестьян и отмены крепостного права устранило все формы патримониального господства и попечения помещиков над крестьянами. Определенную компенсирующую функцию в то время был призван выполнять институт так называемых мировых посредников, учрежденный для регулирования отношений между помещиками и бывшими крепостными в ходе размежевания и выкупа земель. После 1889 г. правовой и политический контроль над крестьянством стал осуществляться с помощью института земских начальников. С 1907 г. дворянство, влияние которого вновь усилилось, опасаясь численного превосходства крестьянства, боролось против всякого расширения права участия крестьян и предпринимательских слоев в земствах и успешно препятствовало реорганизации сельских округов²⁷.

Следствием этого русского варианта «аристократической реакции» было то, что, хотя сельский сектор, а также земство получали со стороны государства возрастающую финансовую поддержку, укрепление государственных институтов, могущих обеспечить участие в управлении и, следовательно, лояльность по меньшей мере части непривилегированных слоев, не состоялось. Ревнивое упорство в отстаивании привилегий со стороны поместного дворянства при занятии административных должностей в местном управлении вело к тому, что представители примерно 30 тыс. семей помещиков (которые имели право занимать сословные и государственные посты на местах) частично оказывались не в состоянии выполнять эти административные функции²⁸. Так воспроизводилась плохая администрация, которая специфическим образом совмещала в себе «переизбыток чиновников с различными задачами и недостатком исполнительных органов»²⁹. Проблема должна была еще более обостриться в годы первой мировой войны, когда третья часть корпуса земских начальников и значительное число представителей сельской интеллигенции были мобилизованы.

Первая мировая война в определенном смысле стала проверкой организационных возможностей воюющих держав. Если Россия и может быть охарактеризована как «самое слабое звено в цепи империалистических держав» (Ленин), то это относится далеко не к ее мощи в области производства вооружений, промышленных товаров и продовольствия. Переориентация на военную экономику, несмотря на ошибочные первоначальные расчеты и периодически возраставший дефицит, особенно в вооружении и снаряжении армии, была проведена лучше, чем думали современники и особенно военные, возлагавшие на экономику ответственность за свои поражения³⁰. Еще более сложным, с точки зрения организации, был аграрный сектор с населением почти в 115 млн. человек с его 20 млн. крестьянских дворов и более чем 100 тыс. имений. В ходе войны в армию было мобилизовано в общей сложности 15,5 млн. человек. В 1914 г. под ружьем находилось почти 4 млн., в октябре 1917 г. — 6,4 млн. человек. Подсчитано, что во время войны от сельского хозяйства было оторвано 30—50% годной к военной службе мужской рабочей силы.

При оценке этих данных следует иметь в виду и такие моменты, как переизбыток рабочей силы в сельском хозяйстве, наметившийся упадок экспорта, который, однако, стабилизировался в 1915 г., и наличие 1,1 млн. военнопленных (1916 г.). Около 20% поголовья тяглого скота было отвлечено от сельского хозяйства (1916 г.), посевные площади под зерно сократились за период между 1914 и 1917 гг. на 14%, а урожай — почти на 20%. Сокращение поставок товаров из города и уменьшение мощностей сельских ремесленных заведений способствовали упадку производства товарного зерна, доля которого составила 15%, опустившись до половины довоенного уровня³¹. Подобное состояние производства и рынка не вело бы к катастрофическим последствиям, если бы не произошло столь драматического ухудшения снабжения продуктами питания городов и промышленных регионов Центральной и Северо-Западной России зимой 1916—1917 годов. Города вынуждены были принять поток беженцев примерно в 6 млн. человек; в целом их население возросло примерно на 30%, в то время как снабжение зимой 1916—1917 гг. сократилось на 25%. Особенно опасным оказалось положение в Петрограде³². Сочетание повышения цен на хлеб и зерно с трудностями снабжения привели к «хлебным волнениям», переросшим в конце концов в Февральскую революцию.

Положение со снабжением было (сравнительно с тем, которое сложилось в Германии), вероятно, менее драматическим, чем представляли себе это современники. Вряд ли следует заходить столь далеко, чтобы винить истерию в создании подобных обстоятельств³³, однако несомненно, что призрак голода, преследовавший власти и население с 1915 г., следует рассматривать как фактор мощного воздействия. В нем отразились не только «объективные» трудности со снабжением, но также недоверие к правительству и общая утрата им легитимности как в цензовом обществе, так и в массах простого населения.

Цензовое общество, представленное думскими партиями, выступало за улучшение руководства военными действиями. В широких слоях населения, которые в противоположность цензовому обществу осознали себя после 1917 г. в качестве «демократии трудящихся», напротив, уже задолго до февраля 1917 г. преобладала глубокая усталость от войны, способствовавшая их политической организации. Подобные настроения находили свое выражение еще до Февраля в ненависти солдат к тем командирам, которых они называли «немцами», в волнениях новобранцев³⁴ и разрыве сотрудничества буржуазных и социалистических группировок³⁵. Это противостояние, как известно, выразилось после Февраля 1917 г. в двоевластии Временного правительства и демократии Советов. В нем проявилась не только политическая противоположность между буржуазными и социалистическими партиями и их сторонниками, но и более глубокий социокультурный антагонизм, который сформировался прежде всего в городах.

Временное правительство унаследовало недостаточную по охвату населения административную систему, а меры по огосударствлению торговли зерном и созданию местных заготовительных комитетов в марте 1917 г. мало изменили это положение. В мае 1917 г. тогдашний министр продовольствия рассматривал возможность реквизиции зерна с помощью «экспедиций»³⁶. Часть Центрального Черноземного и Средне-Волжского районов пережила в 1917 г. неурожай; в сравнении с декабрем 1916 г., когда квоты заготовок еще держались на уровне примерно 86%, в октябре 1917 г. они снизились на 19%³⁷. Снабжение петроградского населения было теперь явно недостаточным. Кризис с поставками, готовый перерасти в голод, радикализация ядра активистов, прежде всего в рабочей среде и у матросов, наряду с усиливающейся анархией в Петрограде, в гарнизонных городах и на фронте, — все эти явления определенно находились в тесном взаимодействии.

Драматическое положение в промышленных центрах и промыслово-ремесленных регионах было связано с частичными неурожаями, разраставшимися транспортными проблемами и сохранявшимися трудностями административного контроля. Заслуживает также внимания общая демократизация институтов, которые имели отношение к заготовкам. До февраля 1917 г. они возлагались на армию, Министерство земледелия и губернаторов в тылу. В своеобразном сочетании почти диктаторских полномочий и неясных, конкурирующих компетенций с отсутствием действенной административной службы на местах и следует искать ту существенную организационно-техническую слабость, которая вызывала трудности в снабжении³⁸.

Демократизация способов проведения заготовок после февраля 1917 г. путем привлечения земств, советов и общественных объединений привела к тому, что местнические интересы и локальный эгоизм неизбежно начали оказывать большее влияние. Прежде всего это касалось противоречий между зернопроизводящими и потребляющими регионами. Это скрытое противоречие, упрощенно трактуемое как противоречие между городом и деревней, формировало конфликты в ходе революции и гражданской войны по меньшей мере столь же сильно, как классовая борьба в узком смысле слова. Этот аспект проблемы до сих пор мало исследован. Очевидно, нет никакой случайности в том, что после Октябрьского переворота промышленные центры и промыслово-ремесленные регионы Центральной и Северо-Западной России с их зависимостью от поставок продовольствия стали крепостями большевизма. Аграрные зернопроизводящие регионы Черноземья, Степной край, Кубань и Северный Кавказ стали, напротив, исходными пунктами антибольшевистских сил и центрами крестьянских движений «зеленых». Эти последние оборонялись как против большевистской диктатуры заготовок, так и против «белой» контрреволюции. Тот факт, что эти местности к тому же составляли окраину, что здесь переплетались многие национальные и социальные противоречия и что

здесь началась отчасти иностранная интервенция, затрудняет, конечно, их сравнение с Вандеей.

Демократизация местных властей означала в то же время, что социальные противоречия, умножившиеся и обострившиеся в военных условиях, должны были найти свое разрешение в деревне. Вероятно, недостатком вышедшей до сих пор литературы по истории крестьянской революции является то, что она сосредоточивала свое внимание почти исключительно на противоречиях между помещичьей собственностью и крестьянством, не занимаясь более подробно другими факторами, также оказывавшими влияние. К их числу относятся не только вышеназванные региональные противоречия, но и очевидные дезорганизующие воздействия войск на фронте и в тылу, роль дезертиров и гарнизонов, которые, как представляется, во многом были ответственны за погромные акции против торговцев еврейского происхождения, равно как и против помещичьих владений³⁹.

Эти факторы были не просто побочным явлением революционного процесса, но составляли часть краха цивилизации, который вел к регрессу и ожесточению социальных отношений. «Россия находится на пути назад в XVII столетие», писал впоследствии советский писатель⁴⁰. Становящаяся все более небоеспособной еще накануне 1917 г. армия после Февраля превращается просто в крестьянский «вооруженный народ», значительно более сильный, нежели его провозвестники в деревнях, массовое дезертирство (в сентябре 1917 г., предположительно, до 2 млн. человек) становится источником ужасающей анархии. Хотя солдаты Петроградского гарнизона из крестьян внесли существенный вклад в свержение монархии в феврале 1917 г., примечателен тот факт, что из старой армии не сформировалось никакой вооруженной организации, которая могла бы создать для крестьянской России какой-либо политический противовес большевикам. Армия как политический фактор потеряла значение, потому что она разложилась⁴¹.

Поскольку армия рекрутировалась большей частью из крестьян, решение вопроса о земле стало пробным камнем для февральского режима. Резолюции солдатских комитетов, постановления Временного правительства, центральных крестьянских советов откладывали урегулирование отношений земельной собственности до созыва Учредительного собрания. Выдвинувшийся после Февраля в качестве рупора крестьян и солдат «комитетский класс» недооценивал, однако, насущного характера земельного вопроса для крестьян, находившихся под бременем поставок. Хотя столыпинская реформа несколько смягчила земельный голод крестьян, нараставший вследствие перенаселенности и усиливавшегося упадка сельскохозяйственной техники, особенно в центральнорусских областях, она не смогла совершенно уничтожить его⁴². Крестьянские приговоры, принятые весной 1917 г., в составлении которых участвовали представители сельской интеллигенции, вновь концентрировали внимание на земельном вопросе. При этом на первый план у крестьян выдвигались отчуждение государственных земель, церковных имуществ и конфискация крупного землевладения, снижение арендной платы, использование военнопленных хозяевами, а не устранение частного землевладения, и требование восстановления общины⁴³.

Развитие событий на местах опережало решения, принимаемые в Петрограде и на фронте. Крестьяне, очевидно, не ощущали, что в далеких от них комитетах представлены их интересы. Создание заготовительных комитетов в провинции с полномочиями по контролю за севом и урожаем, как и организация земельных комитетов для подготовки земельной реформы, представляли собой отчаянные попытки успокоить крестьян и уладить возможные конфликты. На местах эти учреждения стали использоваться волостными и крестьянскими общинами для постепенного отчуждения помещичьих земель и инвентаря.

Предлогом служил, как правило, тот аргумент, что помещики оставляли землю невозделанной (вслед за чем увольнялись рабочие в поместьях и отпускались военнопленные), что урожаи не собирались в должном объеме, что продолжала существовать слишком высокая арендная плата, а использование лесов и пастбищ неправомерно ограничивалось. По решениям самочинных «судей» арендная плата выплачивалась этим многочисленным крестьянским комитетам. Напротив, губернские и уездные комитеты стремились наложить секвестр на помещичьи, государственные и церковные земли, чтобы упредить самочинные действия крестьян⁴⁴.

Крестьянское наступление велось под лозунгами присвоения и раздела помещичьих имений, ликвидации хуторов и отрубов, нового передела земли по числу работников или едоков, обобществления лесов, выгонов и вод и восстановления общинных порядков, которые, очевидно, соответствовали представлениям «моральной экономики»⁴⁵: «Земля должна принадлежать тем, кто обрабатывает ее своими руками и поливает ее своим потом»⁴⁶. Суть проблемы в том, что это крестьянское наступление несомненно привело к уничтожению едва утвердившихся ранее рыночных отношений в деревне. Данный процесс, равно как пролетарская революция, разруха в промышленности и всей «техноструктуре», уничтожил связанную с коммерческими отношениями жизнеспособность обоих этих секторов. В них возобладал регресс. Деревня, однако, могла легче переносить данную ситуацию, нежели город.

Вновь, как и в 1905—1906 гг. центрами крестьянских волнений стали Черноземная полоса, Юго-Запад и Средняя Волга. Перенаселенность и обезземеливание крестьянских дворов были здесь особенно острой проблемой. Поэтому крестьяне действовали наиболее воинственно⁴⁷. В сентябре и октябре 1917 г., когда достигли апогея захваты и разгромы помещичьих имений, было экспроприровано около 1 тыс. усадеб, то есть около 1% поместий, зафиксированных на 1905 год⁴⁸. Эти акции часто носили организованный характер в том смысле, что решение о разгроме помещичьей усадьбы и дележе инвентаря принадлежало сельскому сходу. Разрушение помещичьих гнезд могло быть при этом результатом холодного расчета: «выкуривание» должно было навсегда предотвратить возвращение «птиц». Преследовалась та же цель, что и при поджогах замков во Франции 1789 г. с уничтожением феодально-правовых документов и актов.

Убийства и акты вандализма (например, в образцовом имении Вяземских в Тамбовской губернии) рассматривались современниками, отчасти обоснованно, как символ восстания против господской культуры, которая выросла из пота и крови крестьян⁴⁹. Подобные события лишь подкрепляли традиционный страх ценового общества и интеллигенции перед «жестоким зверем в народной душе»⁵⁰. Верившие в «классовый инстинкт» масс в ленинском духе опасались, вопреки этому, стихийности народной лавины: «Незрелый дух темных масс от общей идеи переходит прямо в действие, не разбирая целей и средств» (В. М. Чернов)⁵¹. Крестьянская стихийность необязательно должна была означать смерть и разрушение. В деревне эти явления были гораздо менее распространены, чем на фронте, в гарнизонах и городах⁵². За осуждением народной революции просматривается страх перед возрождением традиционных для крестьянства способов действий. Целью этих действий было возрождение докоммерческого, основанного на натуральных началах, хозяйства. Это было вынужденной мерой, поскольку старые государственные формы власти были разрушены, упорядоченные рыночные отношения распались, а возвращение солдат и беженцев из города требовало нового передела земель соответственно числу работников или едоков.

Крестьянская революция развивалась в соответствии с собственной логикой. Она не могла быть управляемой ни Центральным крестьянским советом в Петрограде, ни большевиками. Она, несомненно, вела к дальнейшему падению роли рынка, поскольку помещичьи хозяйства перед войной составляли все же 21%⁵³. Сельское население на свой манер создало за пределами городов «крестьянскую диктатуру». Ее специфика заключалась в ее распыленности. Крестьянство было способно окончательно подорвать старый порядок, но оно не было в состоянии организовать политически. К русскому крестьянству после 1917 г. по существу подходит характеристика, данная парцеллярному крестьянству Марксом: оно образуется «путем сложения одноименных величин, вроде того как мешок картофеля образует мешок с картофелем». В противоположность городу, промышленности, а также политической власти могла установиться определенная общность, которая, однако, не была политически организована. Французские крестьяне поэтому неспособны были выразить свои классовые интересы от собственного имени. «Они не могут сами себя представлять, но должны быть представляемы»⁵⁴.

Организационное преимущество, которое получила укрепившаяся в городе большевистская диктатура, должно было оказаться политически очень значимым. Однако большевистское руководство унаследовало и тот структурный дефицит, который был характерен ранее для старого порядка и Временного правительства:

оно было представлено в деревне еще менее, чем они. В 1918 г. в центральных областях России они были в провинциальных городах лучше всего представлены военно-революционными комитетами, комиссарами и ЧК, равно как новообразованными частями Красной Армии. Они действовали иногда заодно с местными советами, иногда — против них⁵⁵.

Деревня, напротив, могла организовываться только для конкретных акций: ее волостные комитеты и сходы были «однодневками», способ функционирования которых вряд ли был открытым для посторонних⁵⁶. Поскольку деревня сама себя обратила вспять, на место отношений «нормального» обмена выступили расширяющиеся по масштабам формы принуждения с целью прокормить голодающие города и Красную Армию.

Здесь не место подробно рассуждать о том, имелось ли в виду уже с весны 1918 г. совершить скачок в социалистическую утопию под лозунгами потребительской коммуны, пролетарского натурального хозяйства и классовой борьбы, появилась ли мания «социализм декретировать»⁵⁷, или же люди в Петрограде и Москве просто подчинялись необходимости момента⁵⁸. Во всяком случае деревня стала объектом большевистской политики принуждения под лозунгом воображаемой классовой борьбы.

Согласно большевистской терминологии, кулаки, деревенские богатеи становились воплощением зла, носителями капитализма и эксплуатации, саботажниками, которые хотели заморить город голодом. Вопрос о том, можно ли возникшее в большевистской традиции понятие «кулак» связать со старым понятием «миродед», должен быть оставлен для дальнейшего исследования. Со старым понятием «миродед» ассоциировался всякий деревенский богач, который приобрел свое благосостояние вне сельского хозяйства и таким образом стал властвовать над «миром». До революции утвердился широко распространенный антикоммерческий взгляд на эту фигуру. Поскольку новые кулаки, довольно бедные, существовали в лучшем случае лишь как социологическая величина в статистике, то ясно, что акции, которые определялись как борьба с кулачеством, были направлены, как правило, против крестьянства в целом.

Приток населения и возвращение солдат наряду с антикулацкой кампанией и реквизициями сильно воздействовали на ускорение реального расслоения и вели к искажению данных о посевных площадях и инвентаре. К этому следует добавить, что деревенское ремесло и отходничество потеряли свое значение, так что все сельские жители сосредоточились на занятиях сельским хозяйством. Как следствие этого процесса во время революции и гражданской войны происходило нивелирование имущественного положения крестьян⁵⁹. Оно должно рассматриваться как проявление распада ранее более сложных в правовом отношении связей. Этому процессу в ремесленно-промысловых центрах соответствовал упадок промышленности, торговли, производственных мощностей и хаотическое сосуществование рациональной экономики и относящегося к ней хозяйства с черным рынком и спекуляцией.

Семьдесят тысяч (октябрь 1918 г.) так называемых комитетов крестьянской бедноты, созданных в июне 1918 г. главным образом с помощью солдат, рабочих и агитаторов, действовали прежде всего как вспомогательные органы для реквизиций продовольствия. Часть этих продуктов должна была распределяться среди самой деревенской бедноты — весьма мрачная форма «материальной заинтересованности»⁶⁰. Поскольку существующие в деревне взаимосвязи оказались, однако, сильнее, чем антагонизм между плохо организованными группами и остальным крестьянством, политическое руководство с лета 1918 г. во все возрастающих масштабах стало насаждать вооруженные продотряды. С 1919 г. они перешли в ведение Народного комиссариата внутренних дел. Силы этих реквизиционных подразделений варьировались: они возросли с примерно 9 тыс. человек (июнь 1918 г.) до 78 тыс. человек (сентябрь 1920 г.)⁶¹.

В отличие от дореволюционного аппарата управления взывание налогов и реквизиции стали проводиться еще более жестко и самовольно. Сравнение возможно только с военными реквизициями XVII и XVIII веков. То обстоятельство, что данная форма налогообложения и «неэквивалентного обмена», как она стала благообразно называться, глубже вторгалась в крестьянский бюджет, нежели налоговый пресс и арендные платежи до 1914 г., не вызывает сомнений и может

быть приблизительно рассчитано⁶². Один крестьянин в Новгородской губернии, противодействуя агитации в пользу реквизиции, высказался так: «Послушайте, товарищи... это правда, что земля наша, но урожай принадлежит им [правительству]. Леса принадлежат нам, скот принадлежит нам, но деревья, молоко, масло и мясо — принадлежат им. Вот что сделало для нас правительство. Пусть они заберут землю назад и обожрутся»⁶³.

Политика большевиков в деревне спровоцировала, особенно в производящих областях, крестьянские восстания, которые в 1920—1921 гг. приобрели значительные масштабы и вынудили регулярно использовать Красную Армию для карательных походов. Со стороны крестьянства речь шла об особом типе борьбы партизанского характера. Организация и характер политического руководства не позволяли восставшим устоять против регулярной армии. Тем не менее с распространившимися рабочими волнениями и Кронштадтским восстанием они принудили правительство перейти к новой экономической политике. Это была политика последовательной замены реквизиций регулируемой системой поставок, затем налогами с одновременным восстановлением свободной торговли.

Русская революция, как и Французская, представляла собой некое единство неупорядоченного потока событий, в начале которого стояли первая мировая война и свержение монархии, а в конце — преобразованная большевиками Россия. Основным фоном для развития процессов в различных общественных секторах стал крах цивилизации и экономики, который, вобрав в себя конфликты, наметившиеся еще до 1914 г., разразился с полной силой. В результате прогресс во многих областях, достигнутый до первой мировой войны, был обращен вспять, а государство и экономику пришлось восстанавливать с очень низкого исходного уровня. Начальным пунктом революции была полная потеря легитимности старым порядком в глазах как цензового общества, так и широких масс.

Переход петроградского гарнизона на сторону восставшего народа не привел к установлению гегемонии вооруженных сил в революционном процессе. Причиной этого можно с большой долей вероятности считать широкое распространение пассивного сопротивления, которое объясняется крестьянским характером значительной части армии. Офицерам и генералам, рассчитывавшим продолжать кровопролитную войну, было отказано в повиновении, а без этого нельзя было создать на базе армии какое-либо новое формирование, выражавшее крестьянские интересы. Та же неспособность к политической организации, хоть сколько-нибудь выходящей за пределы узко локальных рамок, наблюдалась и у сельского населения. Можно это объяснить, исходя из присущего ему традиционализма, который на фоне общего развала переживал ренессанс, рядясь в революционные одежды.

Неуважение ко всем властям, являвшимся со стороны, экспроприация помещичьей собственности, втягивание выделившихся хуторов во вновь восстановленную сельскую общину, новый передел земли и полей — все это возвращало деревню к самобытному существованию, в котором она находилась «более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом»⁶⁴. Отсюда, по-видимому, проистекает ее существенная организационная слабость и незащитность. Эта регрессивная структура объясняет, в свою очередь, принудительный характер мероприятий, которые исходили от большевистской государственной власти из промышленных центров. Этот процесс конституирования новых социальных структур вел к политическому распылению не только бывших верхних слоев, но и рабочих масс, и он строился на подчинении деревни индустриально-городским интересам. Перефразируя Горького, можно сказать: городская цивилизация в форме «пролетарской власти» утвердилась над деревенским «болотом», — почему и Горький позднее отдал себя в распоряжение новых властителей.

Противники большевиков часто утверждали, что их политическая победа имела своей предпосылкой руины и голод⁶⁵. Конечно, способность большевиков институционализировать революционный процесс, хотя и связанная с большой социальной ценой, оказалась незатронутой общим крахом гражданского общества. Тот факт, что концепция социализма провозглашалась так повелительно и самоуверенно, что были отвергнуты все формы социального сотрудничества (вопреки пропаганде «смычки» — мнимой связи рабочей и крестьянской власти, крестьянам не был гарантирован никакой политический диалог, разве только экономические уступки после 1921 г.), объясняется, наряду с другими причинами, укреплением

диктаторских начал, возобладавших после окончания гражданской войны. В этом и состояла причина последующей трагедии русского и еще более украинского крестьянства. После короткой передышки 20-х годов крестьянство было загнано в колхозы путем экспроприации, налогового гнета, политического насилия и, наконец, голода.

Примечания

1. HUNECKE V. Antikapitalistische Strömungen in der Französischen Revolution. — Geschichte und Gesellschaft, 1978, № 4.
2. Цит. по: HOFMANN T. Das Bauerntum in der sowjetrussischen Prosa der 20er Jahre. München. 1983, S. 87, 89.
3. GORKIJ M. Unzeitgemäße Gedanken über Kultur und Revolution. Frankfurt a. M. 1974, S. 41, 45.
4. Цит. по: HOFMANN T. Op. cit., S. 84, 87.
5. АНФИМОВ А. М., МАКАРОВ И. Ф. Новые данные о землевладении Европейской России. — История СССР, 1974, № 1; ПРОСКУРЯКОВА Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века. — История СССР, 1973, № 1.
6. О состоянии аграрного сектора см.: Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 3. T. 1. Stuttgart. 1983, S. 19ff., 233ff.
7. Цит. по: ЛУЦКИЙ Е. А. Крестьянские наказания 1917 г. о земле. В кн.: Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М. 1968, с. 118.
8. PERRIE M. The Russian Peasant Movement of 1905—1907. — Past and Present, 1972, Vol. 57; ПЕРШИН П. Н. Аграрная революция в России. Т. 1. М. 1966, с. 266сл.; MANNING R. Th. The Crisis of the Old Order in Russia. Princeton (N. J.). 1982, p. 158ff; REXHEUSER R. Dumawahlen und lokale Gesellschaft. Köln. 1980, S. 125ff.
9. ПЕРШИН П. Н. Ук. соч., с. 247сл.; БУХОВЕЦ О. Г. Массовые источники по общественному сознанию российского крестьянства. — История СССР, 1986, № 4.
10. Handbuch der Geschichte Rußlands, S. 419ff.; NÖTZOLD J. Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Rußlands in der Ära Witte und Stolypin. Brl. 1966, S. 90ff.; YANEY G. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia, 1861—1930. Chicago. 1982, p. 144ff.
11. TSCHAYANOFF A. Zur Frage einer Theorie der nicht-kapitalistischen Wirtschaftssysteme. — Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1924, Bd. 51; SHANIN T. The Awkward Class. Oxford. 1972, p. 28ff.
12. КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Русское крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967, с. 98; METZER J. Railroad Development and Market Integration: The Case of Tsarist Russia. — Journal of Economic History, 1974, vol. 34, № 3.
13. NÖTZOLD J. Op. cit., S. 82ff.; ПЕРШИН П. Н. Ук. соч., с. 139сл.
14. SHANIN T. Op. cit., p. 45ff.
15. ФЕДОРОВ В. А. Помещичьи крестьяне центрально-промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М. 1974, с. 82сл.
16. Там же, с. 198сл.; ПЕРШИН П. Н. Ук. соч., с. 131, 128.
17. РЫНДЗЮНСКИЙ П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М. 1983, с. 104.
18. См. дискуссию о рабочих-крестьянах между Д. Р. Бауэром, Р. Е. Джонсоном, Р. Дж. Суни и Д. Кенкер: Slavic Review, 1982, vol. 41, № 3; HAIMSON L. Changements démographiques et grèves ouvrières à Saint-Pétersbourg, 1905—1914. — Annales, 1985, № 4.
19. Тезис о стабилизации традиционного земледелия см.: JOHNSON R. E. Peasant and Proletarian. New Brunswick (N. J.), 1979, p. 39ff, 62ff.; см. также: ENGEL B. A. The Womans Side: Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province. — Slavic Review, 1986, vol. 45, № 2.
20. ARONSON I. M. Geographical and Socioeconomic Factors in the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. — Russian Review, 1980, vol. 39, № 1.
21. Эти данные требуют более широкого и систематического обоснования. Исходные цифры см.: ЛЕЙКИНА-СВИРСКАЯ В. Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М. 1981, с. 49, 58, 63; MANNING R. Th. Op. cit., p. 363; KRUG P. E. Russian Public Physicians and Revolution. University of Wisconsin-Madison, 1979, p. 67f.
22. EKLOF B. Peasant Sloth Reconsidered. — Journal of Social History, 1981, vol. 14, № 3.
23. BROOKS J. When Russia Learned to Read. Princeton (N. J.). 1985.
24. PETHYBRIDGE R. The Spread of the Russian Revolution. Lnd. 1972, p. 142ff.
25. Сюда в равной мере относится сказанное в сн. 21. ЛИБЕРМАН А. А. Состав института земских

- начальников. — Вопросы истории, 1976, № 8; HAMBURG G. M. Portrait of an Elite. — Slavic Review, 1981, vol. 40, № 4; WEISSMAN N. B. State, Estate and Society in Tsarist Russia. Princeton University, 1976, p. 33; YANEY G. Op. cit., p. 97ff.
26. ПЕРШИН П. Н. Ук. соч., с. 245; MANNING R. Th. Op. cit., p. 173.
  27. MANNING R. Th. Op. cit., p. 325ff.
  28. The Politics of Rural Russia, 1905—1914. Bloomington (Ind.). 1979, pp. 7, 261ff.
  29. LEHMANN C. Parvus. Stuttgart. 1900, S. 450.
  30. Это особенно подчеркивает Н. Стоун: STONE N. The Eastern Front, 1914—1917. Lnd. 1975, p. 12ff.; см. также: HAUMANN H. Kapitalismus in zaristischen Staat. 1906—1917. Königstein. 1980, S. 91ff.
  31. См. ГОЛОВИН Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж. 1939, с. 83, 120сл.; КИТАНИНА Т. М. Война, хлеб, революция. Л. 1985, с. 21, 25, 55; NÖTZOLD J. Op. cit., S. 41, 55; STONE N. Op. cit., p. 296.
  32. HASEGAWA Ts. The February Revolution. Lnd. 1981, p. 48ff.; КИТАНИНА Т. М. Ук. соч., с. 247сл.
  33. YANEY G. Op. cit., p. 413.
  34. WETTIG G. Die Rolle der russischen Armee im revolutionären Machtkampf 1917. — Forschungen zur ost-europäischen Geschichte, 1967, №12, S. 74, 193f.; WILDMAN A. K. The End of the Russian Imperial Army. Princeton (N. J.). 1980, pp. 92f., 97ff., 114ff.
  35. HASEGAWA Ts. Op. cit., pp. 110ff., 140, 172ff.
  36. The Russian Provisional Government. Vol. 2. Stanford (Cal.). 1961, p. 633.
  37. GILL G. J. Peasants and Government in the Russian Revolution. Lnd. 1979, pp. 176, 179; КИТАНИНА Т. М. Ук. соч., с. 263.
  38. YANEY G. Op. cit., p. 425ff.
  39. PETHYBRIDGE R. Op. cit., p. 85; ФРЕНКИН М. Русская армия и революция 1917—1918 гг. Мюнхен. 1978, с. 245сл., 328, 335сл., 512сл.; МАЛЯВСКИЙ А. Д. Крестьянское движение в России в 1917 г. М. 1981, с. 256, 354сл., 311.
  40. О революции как срыве «модернизации» см.: REXHEUSER R. Modernisierung und Revolution: Rußland im Jahre 1917. In: «Modernisierung» vs. «Sozialismus». Erlangen. 1985. Цит. по: RECK V. T. Boris Pilniak. Lnd. 1976, p. 96.
  41. См. ФРЕНКИН М. Ук. соч.; WILDMAN A. K. Op. cit.
  42. VINOGRADOFF E. D. The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma. In: The Politics of Rural Russia.
  43. FERRO M. The Russian Revolution of February 1917. Lnd. 1972, p. 122ff.
  44. МАЛЯВСКИЙ А. Д. Ук. соч.; КОСТРИКИН В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М. 1975; ОСИПОВА Т. В. Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1974.
  45. THOMPSON E. P. Plebeische Kultur und moralische Ökonomie. Frankfurt a. M. 1980, S. 67—130.
  46. GILL G. J. Op. cit., p. 155.
  47. Ibid., p. 157ff.; ОСИПОВА Т. В. Ук. соч., с. 158сл., 225сл.; ПЕРШИН П. Н. Ук. соч. Т. 2. М. 1967, с. 411.
  48. КЕЕР J. L. H. The Russian Revolution. Lnd. 1976, p. 212.
  49. Ibid., p. 205f.; SCHEIBERT P. Lenin an der Macht. Weinheim. 1984, S. 105f.; GORKIJ M. Op. cit., S. 108.
  50. АСКОЛЬДОВ А. Религиозный смысл русской революции. В кн.: Из глубины. Париж. 1967, с. 57.
  51. Цит. по: SUCHANOW N. N. Tagebuch der russischen Revolution. München. 1967, S. 386, 573; ЧЕРНОВ В. Записки социалиста-революционера. Берлин. 1922, с. 326; О Ленине и аграрном вопросе см.: SORLIN P. Lenine et le problème paysan en 1917. — Annales, 1964, № 19.
  52. МАЛЯВСКИЙ А. Д. Ук. соч., с. 348; КЕЕР J. L. H. Op. cit., p. 209. В 1925—1927 гг. в РСФСР еще оставались на земле 10 756 бывших кулаков, в 1927—1928 гг., очевидно, высланных (см.: ДАНИЛОВ В. П. Советская доколхозная деревня. М. 1977. с. 91; ЯКОВЦЕВСКИЙ В. Н. Аграрные отношения в период строительства социализма. М. 1964, с. 76).
  53. NÖTZOLD J. Op. cit., S. 94.
  54. MARX K., ENGELS F. Werke. Bd. 8. Brl. 1972, S. 198.
  55. BROVKIN V. The Mensheviks' Political Come Back. — Russian Review, 1983, vol. 42.
  56. МАЛЯВСКИЙ А. Д. Ук. соч., с. 344сл.; MALE D. J. Russian Peasant Organization Before Collectivization. Cambridge. 1971, p. 67ff.; ДАНИЛОВ В. П. Ук. соч., с. 102сл.; БЕЛОВ В. И. Избранные произведения. Т. 3. М. 1984, с. 220 сл.; ALTRICHTER H. Die Bauern von Tver. München, 1984, S. 92ff.
  57. MEDWEDJEW R. A. Oktober 1917. Hamburg. 1979, S. 156.
  58. HAUMANN H. «Kriegskommunismus» oder unmittelbarer Aufbau des Sozialismus? — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1975, № 23.
  59. ЯКОВЦЕВСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 103сл.; SHANIN T. Op. cit., p. 145ff.

60. ЯКОВЦЕВСКИЙ В. Н. Ук. соч., с. 71сл.; СЕМЬЯНИНОВ В. П. О взаимоотношениях крестьянских Советов и комитетов бедноты. — История СССР, 1986, № 5.
61. АЛЕКСЕНЦЕВ А. И. К вопросу о численности Продармии. — История СССР, 1986, № 2.
62. MEYER G. Studien zur sozialökonomischen Entwicklung Sowjetrußlands, 1921—1923. Köln. 1974, S. 78.
63. SOROKIN P. A. Leaves from a Russian Diary — and Thirty Years After. Boston. 1950 (Nachdruck 1970), p. 262.
64. MEYER G. Op. cit., S. 84ff.; RADKEY O. K. The Unkown Civil War in Soviet Russia. Stanford. 1976; ARSCHINOFF P. Geschichte der Machno-Bewegung (1918—1921). (Nachdruck, Brl. 1974); KENEZ P. Civil War in South Russia, 1919—1920. Berkeley. 1977, p. 161ff.
65. SOROKIN P. A. Op. cit., p. 275; SCHEIBERT P. Op. cit.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Михаил Федорович

Л. Е. Морозова

Одним из трудных в истории России был период конца XVI — начала XVII в., известный под названием Смутного времени. Начало его было во многом связано с тем, что прервалась династия московского князя Ивана Калиты и российский престол стал ареной борьбы за власть многочисленных законных и незаконных претендентов (за 15 лет их было больше 10). Политическая, социальная, а затем и гражданская война обескровили страну. Казалось, что единая Русь перестает существовать. Общество разделилось на несколько враждующих группировок, исконно русская территория оказалась захваченной соседями, центральной власти не было, возникла реальная угроза потери независимости.

В этой ситуации гибель страны могли предотвратить всеобщее согласие и единение вокруг центра, олицетворением которого в то время была царская власть. В тех условиях царский титул давал его обладателю не столько почести и блага, сколько тяготы и невзгоды. Не всякий мог отважиться бороться за него, тем более что у всех еще были свежи в памяти судьба Бориса Годунова и его семьи, смерть в польском плену царя Василия Шуйского, попытки самозванцев-авантюристов захватить и удержать престол. Участь неугодного царя была печальной: либо дурная слава на века (как Бориса Годунова), либо смерть от руки заговорщиков (как двух Лжедмитриев), либо насильственное пострижение в монахи (как Василия Шуйского).

Человеком, который занял царский трон, оказался Михаил Федорович Романов. Он вступил на престол в возрасте 16 лет. За сравнительно небольшой срок его правительство решило труднейшие задачи: примирило враждующие группировки, отразило атаки интервентов, вернуло некоторые исконно русские земли, заключило с соседями мирные договоры, наладило в стране хозяйственную жизнь.

Что обеспечило этот успех? Какие-либо особые личные качества молодого царя, которые традиционно приписываются опытным руководителям: трезвый и глубокий ум, отвага и решительность, обширные знания, богатый личный опыт? Ответ может быть только отрицательным: у тихого и скромного Михаила этих качеств не было. О нем даже о зрелом современники писали: «Сей убо благочестия рачитель присно восхваляемый благоверный и христоролюбивый царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Русии самодержец, бысть благоверен, зело кроток же и милостив»¹.

Морозова Людмила Евгеньевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

Может быть, успех принадлежал не самому Михаилу, а его окружению: боярам, родственникам, родителям? По отзывам некоторых современников (И. Масса, Г. Котошихин, автор Псковской повести), Михаил сам не занимался государственными делами, а отдал власть сначала матери и боярам, а потом вернувшемуся из польского плена отцу. Избрали же его бояре потому, что он «молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден»². Если бы дело обстояло именно так, то боярам совсем не нужно было бы выбирать царя, поскольку в период «семибоярщины» власть и так была в их руках. Правда, стране это правление принесло только новые бедствия и страдания.

Очевидно, что для спасения государства требовался не временщик «на час», а защитник «сырых и обездоленных», щедрый покровитель, справедливый судья для своих «чад». Такого человека видели тогда в Михаиле Романове и не ошиблись. Вот еще один отзыв современника: «Не точию убо в телесных добротах сияше, но и душу мужествену являя и благодатми светящуюся отвсяду, бе бо всеми добрыми делы украшая себе, постом и молитвою, правдою и целомудрием, чистотою и смиренномудрием, правдосудием и благовеинством присно украшая себе, лсти же и лукавства и всякого зла отнюдь всяк ненавистен бысть... и не храня вражды всякия, ниже злобе или гневу в сердце своем место даяше, ко всем бысть всегда тих и кроток»³.

Думается, что при избрании Михаила на царство немалую роль сыграло и то, что он не был замешан ни в одной аванюре Смутного времени. Его репутация была чиста, а личные качества могли вызывать только уважение. Именно поэтому его избрание было таким единодушным. В кровавое время взаимной ненависти, вражды и измен только такой человек мог примирить «всех и вся». Царю Михаилу все это сделать удалось.

Михаил родился 12 июля 1596 г. в семье богатого и знатного боярина Федора Никитича Романова и Ксении Ивановны Шестовой, дочери небогатого дворянина.

Федор Никитич занимал видное положение при дворе, поскольку приходился царю Федору Ивановичу, последнему представителю династии Ивана Калиты, двоюродным братом (его отец, Никита Романович Юрьев, — брат царицы Анастасии, первой жены Ивана IV).

Царь Федор Иванович умер бездетным, встал вопрос о выборе нового государя. В силу сложившихся традиций, Российское царство считалось вотчиной великих московских князей и передавалось по наследству от отца к сыну. При отсутствии прямых наследников трон следовало передать его ближайшему родственнику. А их в этом случае оказалось несколько, в том числе и Федор Никитич Романов. Но выбор был уже определен. Он пал на Б. Ф. Годунова, брата жены царя Федора, царицы Ирины, отказавшейся от престола. Во время правления Федора Борис Годунов был его соправителем и уже давно прибрал власть к своим рукам.

Однако в глазах современников Борис вряд ли представлялся вполне законным наследником престола, поскольку по крови не был Рюриковичем, не принадлежал и к «племени Калиты». Он, видимо, понимал шаткость своего трона, поэтому решил заранее избавиться от возможных соперников. В 1600 г. наложил опалу на всех Романовых, Федор Никитич Романов, как наиболее вероятный претендент на трон, был пострижен в монахи, та же участь постигла его жену, а дети, братья и другие родственники высланы в отдаленные места. Михаил в возрасте 4 лет был разлучен с матерью и отцом и отправлен на Белоозеро с сестрой Татьяной и другими родственниками. Через некоторое время им разрешили поселиться в своей вотчине в Клину, Юрьевского уезда.

Напрасно боялся царь Борис Романовых. Беда для него пришла с другой стороны. В Польше объявился самозванец, назвавшийся сыном Ивана Грозного, царевичем Дмитрием, который на самом деле погиб в детском возрасте при неясных обстоятельствах. Вот что пишет об этом Авраамий Палицын, автор знаменитого сочинения о Смуте: «И не воста никто на него от вельмож, их же роды погуби, ни от царей странских. Но кого попусти? Смеху достойно сказание»⁴. Действительно, до сих пор вызывает удивление, как беглый монах Гришка Отрепьев смог обмануть сразу два государства: Россию и Польшу.

Причина, видимо, в том, что Польша желала иметь на русском престоле своего ставленника, а русские люди просто хотели другого царя. Так или иначе, но самозванец был признан подлинным царевичем Дмитрием сначала в Польше, а затем и

в России. Многие знатные поляки пошли за ним добывать его «отчий престол», к ним присоединились казаки и жители Северской земли. Подтолкнула события внезапная смерть в апреле 1605 г. царя Бориса. Москва, забыв свое клятвоцелование сыну Годунова, царевичу Федору, бросилась в объятия самозванца. Уже летом 1605 г. он был торжественно коронован.

Участь маленького Михаила переменялась: Лжедмитрий вернул из ссылки и приблизил к себе всех родственников царя Федора, в том числе Романовых. В Москве 9-летний Михаил встретился с родителями. Вскоре его отец, теперь уже монах Филарет, стал ростовским митрополитом и отбыл в свою епархию. Между тем самозванец смог продержаться у власти чуть меньше года. Среди знати возник заговор, и Лжедмитрий был убит. На престол взошел теперь уже «самоизбранный царь» Василий Шуйский. Он не состоял в родстве с потомками Калиты, но был одним из наиболее знатных князей, Рюриковичей.

Для современников права Шуйского на московский престол выглядели более чем сомнительными. Поэтому когда прошел слух, что «царь Дмитрий» спасся и появился в Польше, под знамена нового самозванца собралось весьма многочисленное войско. Страна разделилась: одни были за царя Василия, другие — за Лжедмитрия II, который расположился недалеко от Москвы, в Тушино. Михаил вместе с

матерью и сестрой в это время находился в Москве под покровительством царя Василия, а Филарет, волею или неволею, стал тушинским патриархом.

Борьба между царем и самозванцем шла с переменным успехом, пока не появилась третья сила. Среди русской знати возникла идея пригласить на престол Владислава, сына польского короля Сигизмунда III. Царь Василий был свергнут с престола летом 1610 г. и насильно пострижен в монахи, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где был убит в конце 1610 года. Московский престол снова оказался пустым.

Для переговоров с польским королем в Смоленск выехало посольство во главе с Филаретом и боярином В. Голицыным. Выяснилось, что Владислав готов стать царем, но отказывается принять православие. Католик на русском престоле был просто немыслим — так считали послы. Переговоры затягивались. Во главе государства находились тогда семь бояр пропольской ориентации. Они постепенно приводили к присяге Владиславу население, впустили в столицу польские войска, арестовали Василия Шуйского и отправили его в Польшу, расхищали казну. Такое положение позволило Сигизмунду III арестовать членов смоленского посольства и отправить их в Польшу. Сам король встал во главе своих войск, направлявшихся в Москву, чтобы силой захватить царский трон.

В это крайне тяжелое для страны время ее патриотические силы сумели объединиться и дать отпор притязаниям захватчиков. Войска Первого ополчения отбросили армию короля и осадили Кремль, где находились правительство «семибоярщины» и их польские союзники. Среди осажденных находились и Михаил с матерью. Это было еще одно испытание, выпавшее на его долю. Осада была длительной, запасы пищи в Кремле иссякли. Многие стали умирать от голода. Дело дошло до того, что ели засоленные в бочках трупы людей. Авраамий Палицын писал, что когда Кремль освободили, то обнаружили «множество трупы человека разсечены от человекаядец оных в сосудах лежащих»⁵. Только в октябре 1612 г. войска Второго ополчения освободили Кремль. Михаил с матерью получили возможность выехать в свою вотчину — с. Домнино около Костромы. Затем из-за угрозы нападения польских отрядов они переехали в Ипатьевский монастырь.

Освобождение столицы от поляков было лишь первым этапом борьбы за возрождение Русского государства. Необходима была сильная центральная власть. В то время она отождествлялась с царской властью. Авраамий Палицын так описывал ситуацию: «И бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши перваго; бояре же и воеводы не введуще, что сотворити, занеже множество их зело и в самовластии блудяху»⁶. В самом начале 1613 г. был собран Земский собор для избрания нового царя. Претендентов на престол было несколько: самые родовитые — князья В. П. Голицын и Ф. И. Мстиславский, полководцы-освободители Москвы Д. М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой, принцы — польский Владислав и шведский Филипп-Карл (после свержения Василия Шуйского Швеция захватила северо-западные земли Руси, включая Новгород), а также «воренок Ивашка», сын Марины Мнишек и Лжедмитрия II.

Чтобы как-то сдержать страсти сторонников разных претендентов, было решено объявить по всей стране трехдневный пост: «И по всей же России вси православнии христиане моляхуся Богу о сем»⁷ (о новом царе. — Л. М.). Как некое чудо представляет Авраамий Палицын единодушное решение выбрать царем Михаила Романова, подчеркивая, что оно появилось сначала у людей, не участвовавших в соборе. На него стали приходиться писания «от дворян, больших купцов, от городов Северских, от казаков», в которых называлось одно и то же имя будущего царя⁸. Окончательно чаша весов в пользу Михаила склонилась тогда, когда некий дворянин из Галича подал на собор бумагу, в которой доказывалось, что именно этот отпрыск рода Романовых является ближайшим родственником последнего законного царя, Федора Ивановича. Немалую роль сыграло и то, что Романовы были одним из наиболее знатных и уважаемых бояр. Еще в начале XVI в. видное место при дворе занял Роман Юрьевич Захарьин, которого считают родоначальником рода Романовых. Дочь его, Анастасия, стала женой Ивана Грозного, матерью будущего царя Федора. Сын Никита был отцом Федора, будущего патриарха Филарета, отца Михаила. Став царем, Михаил в некоторых документах называл Ивана Грозного своим дедом. Такое родство подчеркивало законность его прав на престол.

Решение собора, по словам Авраамия Палицына, было одобрено народом, собравшимся на Красной площади: «Все возопиша: Михаил Федорович да будет

царь и государь Московскому государству и всеа Руския держава»⁹. В. О. Ключевский так объяснил это избрание: «Сам по себе Михаил, 16-летний мальчик, ничем не выдававшийся, мог иметь мало видов на престол, и, однако, на нем сошлись такие враждебные друг другу силы, как дворянство и казачество»¹⁰. С этим мнением согласен другой видный историк, С. Ф. Платонов, который писал: «На Романовых могли сойтись и казаки, и земщина — и сошлись: предлагаемый казачеством кандидат удобно был принят земщиной. Кандидатура М. Ф. Романова имела тот смысл, что мирила в самом щекотливом пункте две еще не вполне примиренные общественные силы и давала им возможность дальнейшей солидарной работы. Радость обеих сторон по случаю достигнутого соглашения, вероятно, была искренняя и велика, и Михаил был избран действительно «единомышленным и нерозвратным советом» его будущих подданных»¹¹.

После избрания нового царя было решено направить в Кострому посольство из представителей разных чинов (духовенства, казачества, дворянства и т. д.) во главе с рязанским архиепископом Феодоритом и боярином Ф. И. Шереметевым. Авраамий Палицын, который был в составе посольства, рассказывает: «Заутра же архиепископ Феодорит со всем освященным собором облекаюся в ризы, а боярин Федор Иванович и вси пришедши с ним, учредивше чины по достоянию и взявше честный крест и... чюдотворный образ пресвятыя Богородица и прочаа святыя иконы, поидоша ко обители святыя живоначальныя Троица в Ыпацкий монастырь»¹². За его воротами послов встретили Михаил и его мать. Все вместе вошли в церковь. Там Феодорит вручил «государыне и государю писание от освященного собора» об избрании Михаила царем. Это известие было встречено Михаилом «с великим гневом и плачем». Он сказал, что не хочет быть царем.

Его поддержала мать. Она пояснила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили»... «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?»¹³.

Старица Марфа, мать Михаила, была неплохо осведомлена о положении в стране и понимала, что на престоле ее сына ждут огромные трудности, а возможно, и бесславная гибель. Поэтому она долго не соглашалась благословить Михаила на царство. «Архиепископ Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы». Когда это не помогло, использовали последнее средство: архиепископ Феодорит с Авраамием Палицыным взяли иконы и стали молить старицу, говоря, что сам Бог повелел избрать ее сына царем, отказ же вызовет его гнев. Только после этого мать благословила Михаила¹⁴.

Страна, которой предстояло править Михаилу, находилась в тяжелейшем состоянии. Не прекращались внутренние распри и усобицы. На северо-западе часть территории с Новгородом захватили шведы. Поляки удерживали западные районы, включая Смоленск, и в любой момент могли повторить поход на Москву, чтобы отвоевать корону для Владислава. Не прекращались набеги крымских татар. На остальной территории бесчинствовали шайки разбойников. И молодой царь не спешил занять престол. Путь из Костромы в Москву занял у него больше месяца. Михаил останавливался в разных городах, посылал грамоты боярам, собирал вокруг себя верных людей. Все это для того, чтобы освоиться с новой для себя ролью и глубже понять ситуацию в стране.

Сохранились грамоты, которые посылал Михаил, и ответы бояр. В одной из первых грамот, датированной 23 марта 1613 г., царь писал об обстоятельствах его избрания, о том, как долго он отказывался и почему («мы еще не в совершенных летах, а государство Московское теперь в разоренье»), требовал от бояр и всех

людей, чтобы, присягая, они стояли «в крепости разума своего, безо всякого позывания нам служить, прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви»¹⁵. В свою очередь бояре разослали повсюду окружные грамоты, в которых сообщали о единодушном избрании царем Михаила Федоровича Романова и призывали всех молить Бога, чтобы «подал бы Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси многолетна здравия и на его государевых недругов и на всех хрестьян неприятелей победу и одоление»¹⁶. Вместе с этими грамотами рассылались присяжные записи для приведения населения к присяге новому царю.

В марте к польскому королю Сигизмунду III был послан Денис Оладын с грамотой, в которой перечислялись «вины» поляков (пособничество самозванцам, нарушение договоров, захват русских территорий и т. д.), содержалась просьба отказаться от притязаний на русский престол, предлагалось восстановить мир и дружбу и разменять пленных. Но миссия эта не имела успеха.

На пути в Москву Михаил посетил Ярославль, куда съехалось по этому случаю множество дворян, детей боярских, гостей и торговых людей, то есть всех, кто искал покровительства и защиты у нового государя. Потом он был в Ростове, Переяславле-Залесском и Троице-Сергиевом монастыре, где пробыл семь дней¹⁷. Медленно двигаясь к Москве, Михаил как бы показывал, что он чтит обычаи прежних государей, посещает святые места, берет под свое покровительство всех «сырых и избуженных».

Платонов детально исследовал события тех недель и пришел к выводу, что Михаил успел за это время создать верный себе круг правительственных лиц, оформить свои отношения с другими органами власти, собором и боярами¹⁸. Это хорошо видно по его переписке. Некоторые грамоты царя показывают, что уже в то время Михаил не был просто игрушкой в руках бояр, осознавал свои права и обязанности. В грамоте от 8 апреля 1613 г. он писал боярам, что в Москве «хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на приезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет... и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого... чем нам всяких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать?» Он выговаривает собору за беспорядки в стране, напоминает твердо о том, что не напрашивался на престол: «учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотеньем, крест нам целовали вы своею волею»¹⁹.

Анализ грамот показывает, что царь не был человеком слабым, малодушным и безвольным, как его представляют некоторые современники (И. Масса, Г. Котошихин, автор Псковского сказания) и историки (В. Н. Татищев и др.). В грамоте из Троице-Сергиева монастыря Михаил в достаточно резкой форме пишет, что если воровство, грабежи и разбои не прекратятся, то он и вовсе не поедет в Москву. Не менее решительно выговаривает он боярам за то, что не подготовлены царские покои. Бояре просили его пожить некоторое время в другом месте, но царь потребовал точного выполнения его воли²⁰.

На пути в Москву к Михаилу присоединилось множество людей, в том числе и служилых. Получилось так, что московское правительство обезлюдело и было вынуждено просить царя прислать стольников и дворян из своей свиты. В ответ царь лишь подтвердил, что «дворяне и стольники, и стряпчие с нами все»²¹. Чтобы еще больше привлечь к себе служилых людей, царь запретил боярам отбирать земли у тех служилых людей, которые находились при нем. Кроме того, он стал принимать челобитья у всех, кто считал себя обиженным. Боярам же писал, что «многие дворяне и дети боярские бьют нам чело о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и отдаете в раздачу без сыску... мы у тех поместий и вотчин до нашего указа отымати не велели»²².

Все это позволяет усомниться в том, что власть Михаила имела поначалу ограниченный характер. Платонов полагал, что у бояр даже не было возможности взять ограничительную запись у новоизбранного царя, поскольку ко времени его приезда в Москву собор был уже распущен²³. Да и сама процедура избрания Михаила не предусматривала каких-либо ограничений его власти. Ни в одном доку-

менте первых лет правления Михаила не содержится даже намек на соправительство бояр, напротив, всюду подчеркнуто, что они «холопы», верные слуги и исполнители его воли²⁴.

Торжественный въезд в столицу нового царя состоялся 2 мая 1613 года. На всем пути его встречали «во мнозе радости и в веселии со кресты и с честными иконами»²⁵. Прежде всего Михаил посетил в Кремле Успенский собор, главный храм страны, затем в Архангельском соборе приложился к гробам прежних Московских государей, которых считал своими сродниками. Он всячески подчеркивал преемственность своей власти от прежней законной династии. Мать царя поселилась в Новодевичьем монастыре.

Во многих сочинениях современников описано торжественное венчание на царство Михаила Федоровича. Интересен перечень лиц, участвовавших в этом. Ведь именно эти люди окружали царя в первые, самые трудные годы его правления. Венчание состоялось 11 июля в канун именин молодого царя. Священнодействие совершал казанский митрополит Ефрем (это должен был делать патриарх, но его в то время на Руси не было). Корону держал Ф. И. Мстиславский, скипетр — Д. Т. Трубецкой, царскую шапку — дядя царя И. Н. Романов, державу — В. П. Морозов, а за платьем ходили Д. М. Пожарский и казначей Траханиотов²⁶. Следовательно, в церемонии главную роль играли представители разных кругов: самый знатный князь, родственники царя, полководцы-освободители, служилый дворянин. Новый царь хотел примирить всех и оказать им честь.

Михаил был третьим выборным царем в истории России. Обстоятельства прихода его к власти были значительно сложнее, чем у первого выборного царя — Бориса Годунова и второго — Василия Шуйского. Михаилу досталась совершенно разоренная страна, окруженная врагами и раздираемая внутренними распрями, в то время как Борис правил в стране, которую боялись и уважали соседние государства. Ни у Бориса, ни у Василия в момент воцарения не было соперников. У Михаила же несколько лет пытались отнять корону сначала «воренок Ивашка», потом шведский королевич Филипп и польский Владислав. А главное — Михаил был еще очень молод, в то время, как Борис и Василий вступили на престол в зрелом возрасте. Однако именно ему удалось основать новую династию, правившую более трехсот лет.

Избранный окружением царя путь возрождения страны оказался верным. Вступив на престол, Михаил оставил на своих местах всех должностных лиц; не было ни одной опалы, ни одного удаления от должности. Даже вопрос о наказании изменников, расхитивших казну, был оставлен на усмотрение народа: «как всяких чинов и черные люди об нем приговорят»²⁷. Такой курс во многом способствовал всеобщему примирению. Михаил приблизил к себе многочисленных родственников. Брачные связи соединили клан Романовых со многими наиболее знатными фамилиями. Поэтому правительство нового царя оказалось достаточно представительным.

Уже в апреле 1613 г. во время похода к Москве был создан приказ Большого дворца, в котором видное место занял Борис Салтыков, родственник царя по матери. Этот приказ стал заведовать дворцовыми и монастырскими селами и землями и собирать в них «корм» для государя и его свиты. Младший брат Бориса, Михаил, получил звание кравчего. Особо значительную роль при дворе играл дядя царя — Иван Никитич. Еще одним приближенным человеком стал другой родственник — Ф. И. Шереметев, муж внучки Никиты Романовича И. Б. Черкасской. На Земском соборе 1613 г. он представлял всю фамилию Романовых.

В правительство входил и князь Б. М. Лыков-Оболенский, женатый на дочери Никиты Романовича Анастасии, родной тетке Михаила.

Лыков и Шереметев, получившие боярство при Лжедмитрии I, стали самыми видными и влиятельными членами Боярской думы. И. Б. Черкасский, сын Марфы Никитичны, дочери Никиты Романовича, получил боярство в день венчания Михаила, вместе с Д. М. Пожарским, и тоже вошел в правительственный круг. Близки к государю стали И. Ф. Троекуров, сын Анны Никитичны Романовой, шурина царя И. М. Катырев-Ростовский, женатый на рано умершей его сестре Татьяне. При дворе оказались и более дальние родственники: Черкасские, Сицкие, Головины, Морозовы и др.

Платонов полагал, что в годы правления Михаила его мать, старица Марфа, не

вмешивалась в государственные дела, а лишь управляла «своим родом»²⁸. Но если из лиц этого рода состоял двор и правительство, то получалось, что старица управляла государством. Неслучайно особо приближенными к царю оказались родственники по женским линиям. Очевидно, что в той сложной обстановке, в которой пришел к власти Михаил, такая роль матери молодого царя была одним из основных средств упрочения царской власти.

В послесмутное время было уже невозможно управлять страной в одиночку. Если раньше, особенно при Иване Грозном, московские люди осознавали себя холопами, слугами царя, то Смута показала роль народа в государстве. В. О. Ключевский писал, что «из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий... Это печальная выгода тревожных времен: они отнимают у людей спокойствие и довольство, а взамен того дают опыт и идеи... В Смуту... идея государства, отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием о народе»²⁹.

В новых условиях авторитарная власть была обречена на провал. Выросло самосознание различных слоев населения и накал страстей в обществе. Управлять страной надо было иначе. Поэтому активное привлечение царем Михаилом Боярской думы и Земских соборов в самом широком составе нельзя считать проявлением слабости его власти, как это делали Г. Котошихин и В. Н. Татищев (Г. Котошихин писал о Михаиле, что, хотя тот и «писался самодержцем, однако без боярского совету не мог делать ничего», Татищев же считал, что Михаил отдал все управление боярам, чтобы самому жить в покое)³⁰. В новом способе управления страной отразилось понимание Михаилом и его окружением ситуации в стране.

Три дня длились торжества по случаю коронации царя. Полководцы-освободители получили награды: Д. М. Пожарский — боярство, К. Минин — звание думного дворянина, Д. Т. Трубецкой — вотчину Вага, ранее принадлежавшую Борису Годуну. Военная опасность все еще оставалась реальной, и талантливых и храбрых воинов надо было держать «под рукой». Первой заботой молодого царя стало обеспечение всем необходимым ратных людей. Поскольку казна была пуста, он обратился за помощью к наиболее богатым людям государства. Строгановым царь 24 мая 1613 г. писал: «Да у вас же мы приказали просить займы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям... а как в нашей казне деньги в сборе будут, то мы вам велим заплатить тотчас»³¹. Кроме того, царь попросил духовенство разослать грамоты, в которых содержалось обращение к населению жертвовать продовольствие и всякие припасы для ратных людей.

Еще одним мероприятием нового правительства явилось введение воеводского правления. Оно позволило значительно уменьшить злоупотребление при сборе налогов и централизовать управление страной.

Главной заботой правительства Михаила стала ликвидация военной опасности. Поэтому сразу же под Смоленск были посланы войска под руководством Д. М. Черкасского, против шведов под Новгород отправился Д. Т. Трубецкой, а на юг под Астрахань против Заруцкого — И. Н. Одоевский. Одновременно ко дворам дружественных держав были посланы известительные грамоты о восшествии Михаила на престол. Новое правительство надеялось на их помощь.

Если шведы и поляки были внешними врагами России, то Заруцкий с Мариной Мнишек стали центром притяжения всех враждебных Михаилу внутренних сил — части казачества, желавшей жить разбоями и грабежами, и отдельных выходцев из Польши. Обосновавшись в Астрахани, Заруцкий рассылал грамоты по стране, в которых призывал казаков идти в поход на Москву с целью захвата престола для сына царя Дмитрия Ивана.

Правительству было важно в первую очередь подорвать авторитет Заруцкого в казацкой среде и изолировать его самого. Для этого во многие города и центры казацкой вольницы были посланы грамоты, рассказывающие о новом законном царе Михаиле и злодействах и беззакониях Заруцкого и еретичестве и «воровстве люторки Маринки». Вместе с грамотами казакам было послано царское жалование, провиант, одежда и прочее. Активно использовалось духовенство для прославления милостей, благочестия и благоверия нового царя. Все это подготавливало благоприятную почву для успешных действий царских войск.

В итоге многие казацкие отряды не стали примыкать к Заруцкому, а перешли

на царскую службу. Восстали против него и жители Астрахани, вынудив его и Марину бежать на Яик. Поэтому войска Одоевского были встречены в Астрахани очень радушно. За беглецами послали отряд стрельцов, который вскоре вернул их назад. Многие казаки, примкнувшие к Заруцкому, были прощены, а самого атамана вместе с Мариной и Иваном отправили в Москву, где они были казнены.

Если на юге к осени 1614 г. обстановка стабилизировалась, то на севере воровство и грабежи только усилились. Выжигались целые деревни, десятки людей погибали от пыток и мучений. Поскольку «ворами» являлись свои же русские люди, то было решено послать против них не войска, а духовенство и авторитетных представителей разных чинов. Эти меры оказались эффективнее оружия. Многие казаки перешли на царскую службу и даже предприняли поход на шведов. Только непокорные были побиты и рассеяны, а наказанию подверглись лишь атаманы. Простые казаки были прощены.

Наибольшую опасность для России представляла Польша. Король Сигизмунд III и его сын Владислав не забыли о том, что московский престол был почти у них в руках. В любой момент можно было ожидать их новых попыток захватить Москву. Кроме того, у поляков оставалось много русских пленных, в том числе отец Михаила Филарет. По юго-западу страны все еще рыскали шайки Лисовского. Трудно было смириться и с потерей исконно русских земель, включая Смоленск. В Польшу было направлено посольство во главе с Д. Оладыным. Выяснилось, что положение там тоже нестабильное, многие магнаты склонны к заключению мира с Россией. В то же время войскам под командованием Черкасского удалось вернуть Вязьму, Дорогобуж, Белую и подойти к Смоленску.

Однако разоренной стране не хватало собственных средств для борьбы с врагами. Поэтому правительство Михаила послало ко дворам дружественных держав посольство, возглавляемое С. Ушаковым и С. Заборовским. Первым оно посетило императора. Предполагалось использовать его влияние на Польшу, чтобы склонить ее к миру. Далее путь послов лежал в Голландию и Англию, где им надлежало просить денег и войска. Очевидно, это посольство особого результата не принесло, так как в 1615 г. было отправлено еще одно. Оно оказалось более удачным. Английский король взял на себя роль посредника в переговорах России со Швецией, и в феврале 1617 г. был подписан Столбовский мирный договор.

По нему Россия теряла все балтийское побережье, за которое шла борьба на протяжении всего XVI в., но получала назад исконно русские земли, в том числе и Новгород. Однако подписание этого договора не было ошибкой правительства Михаила. Вести дальнейшие военные действия со Швецией Россия не имела сил. О тяжелом положении в стране свидетельствует тот факт, что послы, отправившиеся в Швецию за мирным договором, были по дороге схвачены разбойниками и едва спаслись бегством³².

Теперь самой насущной задачей правительства стало подписание мирного договора с Польшей. Условия для этого были подходящими. Роль посредника взял на себя император. Первые переговоры состоялись осенью 1616 года. Со стороны России их возглавил И. Воротынский, со стороны Польши — А. Госевский. Россия требовала возвратить Смоленск, пленных и награбленные сокровища, а также возместить убытки, нанесенные польской интервенцией. Польша соглашалась только вернуть пленных. В итоге переговоры зашли в тупик и закончились вооруженным столкновением между послами. Тогда по решению сейма Владислав возглавил армию, двинувшуюся на Россию. Польский королевич заявил, что он идет добывать свой престол.

Поход Владислава на Москву вызвал колебания в умах некоторых воевод приграничных городков. Одним из первых сдался Дорогобуж, затем Вязьма. На пути к Москве оставался Можайск. Туда были посланы войска под руководством князей Черкасских и Б. Лыкова. Им удалось задержать армию Владислава. Однако угроза нападения на Москву была вполне реальной. В этой ситуации царь созвал собор, на котором был принят план защиты столицы и всей страны. В нем были достаточно подробно расписаны функции каждого члена правительства, каждого воеводы. Одни должны были защищать столицу, другие — ехать по городам для сбора войск, третьим предстояло просить помощь у дружественных держав.

Весьма многочисленное посольство отправилось к персидскому шаху с просьбой о денежной помощи. Вполне вероятно, что она была удовлетворена, так как

шах был заинтересован в дружбе с Россией. Документы сохранили перечень подарков, посланных Михаилом: кречеты, соболи, лисицы, моржовая кость, слюда, вино³³.

Владислав не стал тратить силы на захват небольших городков и сразу подошел к Москве. Ему на помощь шел с Украины гетман Сагайдачный. Но план польского наступления стал известен в Москве. Это дало возможность умело организовать оборону и наголову разбить польские войска. Определенная заслуга в этом принадлежала, видимо, лично Михаилу. В память о победе в селе Рубцове была воздвигнута церковь Покрова Богородицы, ставшая любимым местом паломничества царя. В борьбе с поляками духовенство оказало царю большую помощь. Оно призывало верующих бороться с еретиками и хранить верность православному царю.

Вскоре воюющие стороны приступили к мирным переговорам. Долгожданный мир был заключен 1 декабря 1618 г. в селе недалеко от Троице-Сергиева монастыря. Это был не «вечный мир», а лишь перемирие на 14 лет и 6 месяцев, поскольку многие проблемы во взаимоотношениях между двумя странами оставались нерешенными (Владислав не отказался от своих притязаний на русский престол, исконно русские территории оставались в руках поляков и т. д.). Но пленные наконец-то смогли вернуться домой. Среди них был отец царя Филарет. 14 июля 1619 г. он прибыл в Москву.

Встреча отца с сыном была, конечно, радостной. Очевидцы писали, что оба они упали на землю и «от очию, яко реки, радостные слезы пролиаху»³⁴. В память об этом Михаил велел заложить церковь святого Елисея. Он простил всех опальных и выпустил на свободу заключенных. Одновременно был издан указ о награждении всех людей, помогавших ему самому или его родственникам в трудные времена. Щедрое пожалование получил Д. М. Пожарский. Награды получили также тесть Ивана Сусанина, жители Чердынского уезда, помогавшие М. Н. Романову, брату Филарета, во время ссылки, монахи Сийского монастыря, где жил в опале Филарет, священник и крестьяне Обонежской пятины, помогавшие в ссылке матери Михаила Марфе.

Вообще Михаил очень почитал своих родителей. Став царем, он сразу же позаботился о своем плененном поляками отце. К нему был послан игумен Ефрем, чтобы Филарету не было одиноко на чужбине. Через некоторое время отправился к Филарету Ф. Желябовский, который должен был лично убедиться в его добром здравии и получить благословение для сына³⁵. Неоднократно ходил Михаил по монастырям, где молился о скорейшем освобождении отца, а после его возвращения предпринял еще более грандиозное путешествие по отдаленным монастырям.

Когда Филарет вернулся в Москву, Михаил, чтобы на законных основаниях разделить с ним власть, организовал возведение Филарета в сан патриарха. Для выбора Главы автокефальной русской православной церкви было достаточно решения собора русских иерархов. Однако Филарета ставит иерусалимский патриарх Феофан, очевидно, специально приглашенный с этой целью в Москву. Это вряд ли отвечало церковным канонам. Прибегли к этому, видимо, потому, что царь не был уверен в избрании Филарета, запятнанного связью с самозванцем. Так или иначе, но летом 1619 г. Филарет стал и патриархом, и вторым «великим государем всеа Руси».

Возвращение Филарета из польского плена было как нельзя кстати. Дело в том, что хотя родственники и оказывали Михаилу помощь в управлении страной, они все больше и больше злоупотребляли своей властью. Платонов писал по этому поводу, что ко времени приезда Филарета родственник круг Романовых не только вполне сформировался, но и требовал некоторого обуздания своего самоуправства и распущенности. Только Филарет как старший в семье мог навести порядок в собственном доме, то есть при дворе. И, судя по отзывам современников, он это сделал³⁶. Многие лица, ранее приближенные к царю, были отправлены в ссылку, откуда вернулись только после смерти Филарета.

Одной из первых забот патриарха стала женитьба Михаила: пора уже было позаботиться о наследнике престола. Еще до приезда Филарета была выбрана царю невеста, М. И. Хлопова. Ее поселили в царском дворце «для обирания его государской радости», дали новое имя, Анастасия, в честь жены Ивана Грозного. Родственники ее были включены в число придворных. Однако вскоре у невесты

обнаружилась странная болезнь, проявляющаяся в частой рвоте. Окольничие Борис и Михаил Салтыковы сказали Михаилу, что эта болезнь очень опасна и препятствует деторождению. Царь не стал решать дело сам, созвал собор, и тот постановил лишить Хлопову звания царской невесты и сослать ее в Нижний Новгород³⁷.

Когда приехал Филарет, на семейном совете было решено поискать невесту для Михаила в иностранных правящих домах. Была предпринята попытка просить руку племянницы датского короля, но так как он в то время болел, вопрос остался открытым. Потом попытались высватать сестру бранденбургского курфюрста, но в этом случае препятствием стали разные вероисповедания. В 1623 г. было решено пересмотреть дело Хлоповой. Выяснилось, что она живет в Нижнем Новгороде в полном здравии, а вся история о ее неизлечимой болезни выдумана Салтыковыми. Они специально оговорили девушку, поскольку питали неприязненные отношения к ее родственникам. С Хлоповыми Михаил был знаком еще по ссылке в селе Клин, где один из них был приставом. После выяснения обстоятельств этого дела Салтыковы были высланы из Москвы. Однако на Хлоповой царь все же не женился, этому воспротивилась его мать, видимо, обидевшаяся за своих племянников Салтыковых³⁸.

В 1624 г. невестой царя была объявлена М. В. Долгорукая. В сентябре состоялась свадьба. Однако вскоре молодая жена заболела и, промучившись три месяца, умерла. Современники предполагают, что и она стала жертвой недругов³⁹.

Только через год Михаил решил вновь вступить в брак. Выборы царской невесты проходили по обычаю: во дворец на смотрины привезли 60 наиболее знатных девиц. При каждой была прислужница из менее знатного рода. В полночь царь вместе с матерью обошел спальни девушек. И оказалось так, что Михаилу приглянулась одна из прислужниц — Евдокия Стрешнева. Ее отец был Можайским дворянином. Мать очень удивилась выбору и пыталась отговорить сына, так как такой выбор мог оскорбить знать. Но царь остался непреклонен.

Бракосочетание состоялось 5 февраля 1626 года. Главным распорядителем на свадьбе был дядя царя И. Романов, друзьями — Д. Черкасский и Д. Пожарский. На другой день во дворец прибыли с подарками бояре, думные дворяне, гости и торговые люди. Но, вопреки обычаю, царь не принял подарков. Лучшим свадебным подарком стала риза Господня, присланная из Персии от шаха. У христиан она считалась величайшей святыней. Казалось бы, такое сокровище следовало беречь «пуще ока», но царь и патриарх распорядились носить ее «по болящим» для исцеления. Во избежание потери, часть хитона положили в золотой ларец, который поставили в Благовещенском соборе.

Итак, только через 13 лет после вступления на престол Михаил обзавелся семьей. Столь поздняя женитьба, возможно, была связана с тем, что лишь после стабилизации обстановки в стране царь начал думать о наследнике. Именно этим объясняется требование Михаила ко всем людям подписаться под крестоцеловальной записью не только ему, но и его жене Евдокии Лукьяновне и их будущим детям. Главное требование этой присяги — не искать других претендентов на русский трон ни в каких землях и биться со всеми недругами Михаила.

Через год у Михаила появляется первенец — дочь Ирина, еще через год — Пелагея, которая вскоре умирает, в марте 1629 г. родился долгожданный наследник Алексей. Один за другим появились на свет еще пять дочерей и два сына, правда, не все они дожили даже до отрочества. Особенно тяжело пережили родители смерть в один год сыновей Ивана и Василия.

После ликвидации военной угрозы извне правительство Михаила начало заново «строить царство». Прежде всего, нужно было наладить управление государством. Происходит рост числа приказов и упорядочение их функций. По росписи 1639 г. числилось 14 приказов, занимающихся как общегосударственными делами (Челобитный, Судный, Пушкарский и т. д.), так и определенными территориями (Казанский дворец, Большой дворец и т. д.), а также делами сословий — Холопий, Стрелецкий и т. д. Новым был Аптекарский приказ, ведавший лекарями. Примечательно, что по его инициативе начали уже тогда отправлять молодых людей за рубеж для изучения медицины. Его возглавлял Ф. И. Шереметев, наиболее влиятельный человек в государстве. Этот приказ занимался здоровьем государя и его семьи.

Придворными лекарями были англичанин Дий и голландец Бильс, присланные

в Москву из дружественных держав «для сохранения царева здравия». Видимо, в молодости Михаил был вполне здоров, так как увлекался охотой на лосей и медведей, часто пешком ходил на богомолье в отдаленные монастыри. В зрелом же возрасте он страдал от болезни ног так, что едва мог сам сесть в карету. Царь отличался благочестием. Даже в очень тяжелое для страны время сразу после вступления на престол он прежде всего заботился о духовных делах. Узнав от священников о чудесах иконы Казанской Богоматери, он повелел установить новый церковный праздник: первое празднество и «ход со кресты» 8 июля, когда явилась эта икона; второе 22 октября, «како очистися Московское государство»⁴⁰.

Об укреплении царской власти при Михаиле свидетельствует новая государственная печать. В ней к титулу царя было добавлено слово «самодержец», а над головами двуглавого орла появились короны. Отличительной чертой правления Михаила было то, что он не придерживался жестких мер и раз навсегда заведенного порядка. Хотя для управления городами и был введен институт воевод, по просьбе горожан их могли заменить выборными губными старостами. Сохранились такого рода просьбы горожан и ответы на них царя. Важным мероприятием было упорядочение взимания податей. Единицей обложения стали количество земли и особые заведения (мельницы, торговые лавки, пекарни и т. д.). Для точного учета были составлены писцовые книги, которые дают историкам огромный материал для изучения хозяйственной жизни страны.

Современники недаром называли Михаила милостивым царем. Хотя казна была пуста, он старался в первые годы своего правления не обременять людей чрезмерными поборами. Царь давал льготы в уплате податей разоренным городам и едва встающему на ноги купечеству⁴¹. Особой заботой царя было развитие внешней торговли. При любых сношениях с другими государствами на первом месте стояли вопросы торговли.

Именно благодаря торговле у России были в то время дружественные отношения с Англией и Голландией. Англичане, первыми открывшие торговый путь через Архангельск, имели в стране множество льгот. Во время войны с Польшей английский король помогал Михаилу деньгами и войском. В Москве постоянно находилось английское представительство. Английский посол Дж. Мерик за посредничество при заключении русско-шведского мира получил право беспошлинной торговли в России и медальон с изображением царя.

Правительство защищало интересы русских людей. Когда англичане обратились к Михаилу с просьбой разрешить ездить через территорию России в Персию для торговли, он не удовлетворил ее, хотя это следовало бы сделать, учитывая значение дружественных отношений с Англией. Его беспокоило, не будет ли от положительного решения этого вопроса «урону» русскому купечеству? Для выяснения дела царь велел пригласить на заседание Боярской думы гостей и торговых людей. Из беседы с ними Михаил понял, что английская торговля с Персией нанесет немалый ущерб русским купцам, казне же, наоборот, даст большой доход. Царь считался с интересами русских купцов, и англичанам было отказано⁴². В 1629 г. в Россию впервые прибыл французский посол. Его тоже интересовало разрешение на торговлю с Персией. Но и ему было отказано по тем же соображениям, что и Англии.

Дипломатические контакты России в правление Михаила были достаточно широки. Она обменивалась послами с Голландией, Австрией, Данией, Турцией, Персией и другими странами. Примечательным стало посольство Голштинии в 1634—1636 гг., поскольку один из его членов, Олеарий, оставил воспоминания о поездке в Россию. Они содержат много ценных сведений о приемах в царском дворце, о быте воевод, торговле, строительстве кораблей, судоходстве по Волге и т. д. Олеарию так понравилась Россия, что он пытался даже поступить на службу к царю.

Важным шагом правительства Михаила была попытка ликвидировать местничество в двух основных полках, Передовом и Сторожевом, и среди дипломатических лиц. Дело в том, что из-за местнических споров срывались многие государственные мероприятия. В условиях постоянной военной опасности это не могло не беспокоить царя. Не помогали даже огромные штрафы «за бесчестье» и наказания. Налаживая жизнь в стране, правительство принимает ряд мер. Одной из них был указ о подводах, в котором определялось количество подвод, которое должно было

дать каждое сословие для государственных перевозок. Несколько указов касались землевладения: о выморочных имениях, о продаже земли, о разделе имущества и т. д. В 1634 г. был издан указ, запрещающий употребление табака.

При Михаиле было принято два закона, смягчающих наказания за уголовные преступления. Один касался беременных женщин, приговоренных к смертной казни — теперь их казнили только после родов, ребенка же отдавали родственникам. Второй указ касался фальшивомонетчиков. Раньше им заливали горло расплавленным железом. По новому закону их заковывали «в железа» и ставили на щеке клеймо «вор».

Особое покровительство оказывалось рудному делу. Царь неоднократно выписыл из-за границы специалистов для поиска полезных ископаемых. В 1618 г. в Сибирь выехал Джон Ватер для сбора сведений о рудах. В 1625 г. в Пермь и Сибирь было отправлено уже несколько горных чиновников. Очевидно, их поездка была удачной, так как они получили вознаграждение. Те же специалисты ездили на Кавказ, потом снова в Пермь. Вскоре в местах, где залегали руды, началось строительство заводов: медеплавильных, кирпичных, железорудных и др. Владельцы их получали от правительства льготы, что способствовало развитию промышленности. Наиболее крупными заводчиками были Строгановы. Много было и специалистов-иностранцев, которым царь покровительствовал, давая привилегии. В Москве появились мастера алмазного и золотого дела, часовщики, пушечники, колокольники, каменщики и даже мастера органного дела, действовали кожевенный и стекольный заводы⁴³. Зарубежные специалисты строили на Волге корабли, укрепляли русские крепости.

Царь покровительствовал виноградарству. Когда он узнал, что в Астрахани монахам удалось вырастить несколько лоз, то приказал насадить за счет казны виноградники. В 1630 г. в Москву было отправлено уже 50 бочек своего вина. По свидетельствам современников, Михаил имел большую склонность к разведению садов. Он тратил много денег на приобретение за границей дорогих растений. Гамбургский купец П. Марселиус, долгие годы снабжавший двор товарами, привез для царя махровые розы, которых на Руси раньше не было⁴⁴. Их посадили в особых висячих садах, где росли яблони, груши, вишни, сливы и даже грецкие орехи и виноград.

При Михаиле продолжалось освоение Сибири. В 1618 г. русские люди дошли до Енисея и основали город Красноярск. В Тобольске в 1622 г. была учреждена архиепископия. Ее возглавил Киприан Старорусенков, прославившийся тем, что, будучи хутынским архимандритом, он всячески ратовал за возвращение Новгорода России, когда тот был под властью Швеции. Плодородные земли Сибири не осваивались, поскольку основную часть русского ее населения составляли служилые казаки. Царь распорядился отправить в Тобольск 500 семейств и 150 девиц в жены казакам и стрельцам: семейные люди были больше заинтересованы в заведении собственного хозяйства.

Разумную политику проводило правительство в отношении народов, входящих в состав России. Михаил поддерживал дружеские отношения с касимовским ханом, часто приглашал его в Москву, где оказывал ему самый теплый прием. В 30-е годы XVII в. даже предполагалось дать ему в жены сестру царя Ирину. Об отношении царя к чувашам, мордве и казанским татарам свидетельствует грамота 1624 г., отправленная в Свияжск. Она предписывала воеводе обращаться с народами Поволжья ласково, корм покупать у них на деньги, «убытков не причинять и на дворе у себя работать не заставлять»⁴⁵. О татарских детях издается особый указ, запрещающий крестить их насильно и увозить из родных мест.

Царь заботился и о столице. В 1626 г. страшный пожар опустошил Москву, особенно Китай-город. Летописцы отмечали, что в Кремле выгорели все палаты, в приказах — все дела и книги. Пришлось восстанавливать все делопроизводство. В Кремле «не остана ничево, не токмо дворы, но и церкви Божия погореша»⁴⁶. Царь с семьей в это время находился на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре. Он сразу же издал указы, которыми назначались лица, обязанные восстанавливать строения и ехать по городам за копиями документов. Довольно быстро последствия пожара были ликвидированы.

Обновленная столица стала еще краше. В Китай-городе появились новые лавки для торговцев, более просторные и удобные для покупателей. В Кремле

были восстановлены все прежние царские дворцы и построены палаты для царевича Алексея, новая колокольня для большого колокола, красивый верх с часами для Фроловских ворот, которые стали называться Спасскими. Вновь были расписаны все кремлевские соборы. Летописцы отмечают строительство «дома преукрашенного и в нем палаты двокровные и трикровные на душеполезное книжное печатное дело» на Никитской улице, а также больших палат для изготовления оружия, в том числе пушек в Кремле. Кроме того возвели несколько церквей: во имя Спаса нерукотворного в Кремле, во имя Алексея, человека Божия в Новодевичьем монастыре, Казанской Божьей матери на Кулишках и др.⁴⁷. При Михаиле началось строительство царского дворца в селе Коломенское, ставшем любимой загородной резиденцией царей.

Поскольку заключенный в 1618 г. мирный договор с Польшей оставлял под ее властью исконно русские земли, в том числе и Смоленск, а королевич Владислав не отказывался от притязаний на русский трон, в 1630 г. начались приготовления к новой войне. К этому времени финансовое положение государства улучшилось, и войско было решено набрать за границей. С этой целью было взято на службу несколько иностранных офицеров. Они должны были набрать солдат в европейских странах (кроме французов и католиков). Для получения средств, необходимых, чтобы закупить оружие, со всех слоев населения собрали «пятую деньгу», часть денег взяли у монастырей и в качестве пожертвований у богатых людей.

Между тем в 1632 г. умер Сигизмунд III, и в Польше начался период бескоролья. Это было самое удобное время для начала военных действий. 9 августа Михаил рассылает грамоты «о винах» поляков и отправляет стотысячное войско в поход. Сам царь не имел склонности к ратному делу, был «кротким, крови не желательным». Во главе армии был поставлен опытный, но уже старый полководец М. Б. Шеин.

Начались военные действия удачно. Были взяты многие небольшие городки и осажден Смоленск. Тем временем в Польше избрали нового короля — Владислава. Он был молод, горяч и сам встал во главе войска, отправившегося на помощь Смоленску. Храбрость и решительность короля дали ему большие преимущества в сражениях с вялым и медлительным Шеиным. Вскоре русская армия, значительно превосходящая по численности польскую, оказалась в окружении. Шеин был вынужден заключить перемирие, по которому отдавал полякам все оружие и провиант. Многие современники подозревали, что Шеин стал изменником и умышленно затянул осаду Смоленска, дав возможность полякам собраться с силами (свидетельства Олеария, автора летописи о многих мятежах и др.). Такого же мнения придерживалось и правительство. Шеина и его помощников Измайлова с сыном приговорили к смертной казни. Другие военачальники были биты кнутом и сосланы в Сибирь.

Окрыленный успехом Владислав предпринял попытку захватить ряд русских городов, но под Белой потерпел поражение и был ранен. Это подтолкнуло обе стороны к заключению «вечного мира». По его условиям Россия теряла Смоленск и Чернигов. Владислав же окончательно отказывался от притязаний на русский престол, что являлось определенной победой Михаила.

В октябре 1633 г. умер отец Михаила патриарх Филарет. До этого в январе 1631 г. умерла мать царя.

Последующие годы правления Михаила были мирными и вполне благополучными. Пожалуй только два события заслуживают внимания. Первое из них — взятие Азова казаками.

Крепость Азов, принадлежавшая Турции, занимала важное стратегическое положение, поскольку закрывала от русских Черное море. Летом 1637 г. Михаил узнал, что казаки без его ведома захватили Азов. Реакция его на это известие была неоднозначна. С одной стороны, султан поддерживал с Россией дружественные отношения, с другой — владеть Азовом было заманчиво. Поэтому царь решил собрать Земский собор и поставить перед ним этот сложный вопрос. Собравшийся в 1641 г. собор изъявил готовность поддержать любое решение царя. Михаил же был настроен вернуть Азов туркам, поскольку страна не была готова к новой войне. В то же время царь приказал послать казакам денег, провиант и оружие, а также укрепить южные границы, так как возможно было осложнение отношений с Крымом, вассалом Турции. После сдачи Азова дружественные отношения с Турцией были восстановлены.

Второе событие — попытка Михаила выдать замуж свою дочь Ирину за Вольдемара, побочного сына датского короля. Первый этап переговоров между русскими послами и датским королем закончился удачно. В 1644 г. Вольдемар прибыл в Москву. Однако выдвинутые русской стороной условия оказались неприемлемыми для него. Вольдемар не желал менять веру, а Михаил не мог согласиться на брак своей дочери с иноверцем.

Современники полагают, что эта неудача отрицательно сказалась на здоровье царя. В апреле 1645 г. он заболел какой-то желудочной болезнью. Лечение не дало результата. Доктора поставили диагноз: «желудок, печень и селезенка бессильны от многого сидения, холодных напитков и меланхолии». На всеобщей по случаю дня св. Михаила, в именины царя 12 июля 1645 г. с ним случился припадок, и его отнесли во дворец. Поскольку болезнь усиливалась, Михаил приказал позвать жену и сына Алексея, а также патриарха. Царь простился с женой, благословил сына на царство, поговорил с боярами и патриархом и скончался «яко неким сладким сном усне»⁴⁸.

Пискаревский летописец отмечает: «Лета 7153 (1645) году месяца июля в 12 день с субботы на неделю в 4-м часу ночи преставился Михаил Федорович. На царстве сидел 32 год и всего лет 50... А как не стало, все поцеловали крест сыну Алексею Михалычу и его матери государыне царице»⁴⁹. Россия за годы управления первого царя из дома Романовых возродилась из руин, обрела силу и мощь, покончив с последствиями Смуты. Правительство Михаила смогло не только вывести страну из кризиса, но и укрепить ее, создав условия для дальнейшего более быстрого развития.

Какие личные качества Михаила Федоровича обеспечили этот успех? Вот что говорит по этому поводу автор Псковского сказания: «Был царь молод, но был добр, тих, кроток, смирен и благоуветлив, всех любил, всех миловал и щедрил, во всем был подобен прежнему благоверному царю и дяде своему Федору Ивановичу»⁵⁰. К этому можно добавить и мнение С. М. Соловьева: «Наконец, должно заметить, что личность царя Михаила как нельзя более способствовала укреплению его власти: мягкость, доброта и чистота этого государя производила на народ самое выгодное для верховной власти впечатление»⁵¹.

Примечания

1. ПОПОВ А. Н. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М. 1869, с. 204.
2. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории. Ч. III. М. 1937, с. 68—69.
3. ПОПОВ А. Ук. соч., с. 205.
4. Сказание Авраамия Палицына. СПб. 1909, с. 91.
5. Там же, с. 334.
6. Там же, с. 337.
7. Там же, с. 338.
8. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М. 1978, с. 219—220.
9. Сказание Авраамия Палицына, с. 340.
10. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 65.
11. ПЛАТОНОВ С. Ф. Сочинения. Т. 1. СПб. 1912, с. 354.
12. Сказание Авраамия Палицына, с. 342.
13. СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. V, т. 9. М. 1990, с. 9.
14. Сказание Авраамия Палицына, с. 346.
15. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 11.
16. Цит. по: БЕРХ В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб. 1832, с. 88.
17. Сказание Авраамия Палицына, с. 348.
18. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 375.
19. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 12.
20. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 376.
21. Дворцовые разряды. Т. 1. СПб. 1850, стб. 1131, 1156.
22. Там же, стб. 1100.
23. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 360—369.

24. Там же, с. 376—377.
25. Сказание Авраамия Палицына, с. 348—349.
26. ПСРЛ. Т. 14. М. 1965, с. 129.
27. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 382—383.
28. Там же, с. 385—386.
29. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч., с. 71—72.
30. Там же, с. 141.
31. Цит. по: СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 16—17.
32. БЕРХ В. Ук. соч., с. 103.
33. Там же, с. 110.
34. Там же, с. 116.
35. ПСРЛ. Т. 14, с. 133—134.
36. ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 386—387.
37. БЕРХ В. Ук. соч., с. 132.
38. Там же, с. 132—140.
39. ПСРЛ. Т. 14, с. 150—151.
40. Там же, с. 133.
41. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 133.
42. Там же, с. 133—136.
43. Там же, с. 292.
44. Там же, с. 338.
45. Цит. по: БЕРХ В. Ук. соч., с. 144.
46. Там же, с. 152.
47. ПОПОВ А. Н. Ук. соч., с. 47.
48. БЕРХ В. Ук. соч., с. 299.
49. ПСРЛ. Т. 34, с. 220.
50. ПСРЛ. Т. V. СПб. 1851, с. 55.
51. СОЛОВЬЕВ С. М. Ук. соч., с. 248.

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

ХІХ съезд Коммунистической партии страны

Заканчивался 1951 г. или, кажется, начинался 1952 г., не помню, в каком точно месяце, Сталин собрал нас у себя и высказал мысль, что пора созывать съезд ВКП(б). Нас уговаривать не требовалось. Мы все считали невероятным событием, что съезд партии не созывается уже 12—13 лет. Но не созывались также Пленумы ЦК партии, партактивы в союзном масштабе, другие крупные совещания партработников. ЦК не принимал никакого участия в коллективном руководстве делами СССР, все решалось единолично Сталиным, помимо ЦК. Политбюро ЦК подписывало спускаемые ему документы, причем Сталин часто даже не спрашивал мнения его членов, а просто принимал решение и указывал опубликовать его.

На этот раз договорились, что надо собирать съезд партии. Наметили его созыв на осень 1952 года. Сталин не сразу определил повестку дня съезда, а мы между собою обменивались мнениями, возьмет ли Сталин отчетный доклад на себя или кому-то поручит его. Мы гадали, кому он может поручить сделать доклад? Думали, если он не возьмет доклад на себя, почувствовав, что слаб физически и не сумеет простоять нужное время на трибуне, то, возможно, он раздаст текст в письменном виде и не станет зачитывать. Это тоже было возможно. Кажется, так практикуют в лейбористской партии: там доклады печатаются и заранее раздаются участникам съезда.

Я считал, что это неплохая практика, потому что разница между напечатанным текстом и тем, что зачитывается докладчиком, очень малая. К тому же не всегда у нас бывало, что докладчик является автором этого материала. Ведь к составлению отчетного доклада на партсъезде привлекается очень много ведомств и различных лиц. Потом, на каком-то этапе, весь материал сводится воедино, и будущий докладчик приводит его в надлежащий вид. Тут, конечно, докладчик вкладывает в дело свое «я». Потом он вносит проект доклада на утверждение руководству, где даются к тексту поправки. Затем документ принимается за основу. Такая практика была у нас раньше и, видимо, существует и сейчас.

Когда Сталин, наконец, определил повестку дня, то сказал, что отчетный доклад поручим Маленкову, об уставе — Хрущеву, а о пятилетке — председателю Госплана СССР Сабурову. Вот и была таким способом принята повестка дня съезда. Как Сталин нам сказал, так и записали, никаких замечаний не возникло.

Признаюсь, когда мне поручили готовить доклад об уставе ВКП(б), я задрожал. Это была для меня большая честь, но она меня не радовала, потому что я знал, сколь трудно подготовить толковый доклад по такому вопросу и еще труднее провести его через утверждение. Я заранее знал, что все «набросятся» на мой текст, особенно Берия. А он и Маленкова потянет за собой. Так оно и случилось.

Стали готовить доклады. Был подготовлен и доклад по уставу. Тексты с правкою утвердили. Мой доклад был сильно сокращен и в таком виде дошел до Сталина, а первоначального текста он не увидел, так как Сталин поручил просмотреть мой и Сабурова доклады Маленкову, Берии, мне и еще кому-то. Берия все время повторял мне: «Зачем это? Слюшай, ну зачем? Это все надо короче, короче!» В результате много материала было исключено. В конечном итоге мой доклад занял около часа. Тем не менее, суть его не пострадала. Текст сократили за счет всяческих примеров, а это, как говорится, беллетристика: там приводились доказательства того или другого общего положения. Тут я в какой-то степени подражал Жданову. Жданов делал доклад по уставу на XVIII съезде партии, и у него там имелось очень много примеров. Не знаю, насколько они были необходимы, но я полагал, что такой стиль уже апробирован, и шел тем же путем.

Спрашивается, почему Сталин не поручил сделать отчетный доклад Молотову или Микояну, которые исторически занимали более высокое положение в ВКП(б), чем Маленков, и были известными деятелями? А вот почему. Если мы, люди довоенной поры, рассматривали раньше Молотова как того будущего вождя страны, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни, то теперь об этом не могла идти речь. При каждой очередной встрече Сталин нападал на Молотова, на Микояна, «кусал» их. Эти два человека находились в опале, и самая жизнь их уже подвергалась опасности.

Открылся съезд. Были сделаны доклады, началось их обсуждение. Прения были короткими. Да, собственно, и не имелось условий разворачивать по-настоящему прения, обсуждение поставленных вопросов. Среди других проблем обсудили и доклад о пятой пятилетке. То была самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо у нас принимались. На мой взгляд, очень некачественно она была подготовлена и так же доложена съезду. Тотчас после смерти Сталина мы вынуждены были взять на себя ответственность за процесс выполнения этой пятилетки, внеся серьезные коррективы в план. Это невероятное дело — корректировать решение, утвержденное съездом партии. Но мы вынуждены были так поступить, потому что ни в какие ворота эта пятилетка не лезла. Мы рассылали предложения о корректировке делегатам прошедшего ранее XIX съезда партии, ища демократическую форму внесения изменений в план пятилетки. И мы их внесли, потому что это требовала жизнь, так что мы не должны были противиться здравому смыслу, опираясь лишь на то, что съездом план уже утвержден. То есть мы пошли по пути, которым должен был следовать каждый разумный человек.

XIX съезд завершился. Нужно было проводить выборы руководящих органов партии. Вся подготовительная работа уже была проделана аппаратом ЦК. Так делалось всегда. Все члены будущих руководящих органов еще до начала съезда подбирались аппаратом. Так же подбирались делегаты самого съезда. Определяли, сколько надо выбрать в ЦК партии рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, кого избрать персонально. Одним словом, вся структура и состав ЦК разрабатывались заранее. А потом, когда шли выборы на съезде, сразу рекомендовалось, кого именно избрать. То есть практически не выбирали людей, как это было когда-то, в первые годы Советской власти, а сообщали на места, что вот такого-то следует провести на съезд, потому что имеется в виду выбрать его в состав ЦК или членом Центральной ревизионной комиссии, и т. д. Вся работа за съезд уже была проделана. К сожалению, такая практика сохранилась донныне.

Так же проходили выборы на XX съезд КПСС. Еще осталась эта уродливая «демократия». Подобные методы в принципе неправильны, а сейчас они просто нетерпимы. Надо искать новые формы работы. Я старался найти такие новые формы и на XXII съезде партии пытался внести соответствующие коррективы в устав КПСС. Тогда тоже обсуждался новый текст устава, и доклад по нему делал Козлов. Но производили мы все это очень робко. Хочу, чтобы правильно поняли, почему — робко. Мы сами, руководители страны являлись продуктом той же революции, а потом были воспитаны в эпоху Сталина. Сталин был для нас величиной

неимоверного значения. И мы считали, что не следует выдумывать что-то, а нужно учиться у него и подражать ему. Уже потом мы воочию увидели его недостатки и все-таки психологически не могли освободиться от прежнего состояния, не решились искать что-то кардинально новое, с тем чтобы вернуть партию на ленинские рельсы и восстановить партийную демократию. Это было нам очень трудно, мы шли тут как бы ощупью.

А на XIX съезде партии такая практика была вообще в порядке вещей. Выбрали новый ЦК. Закончился съезд. Спели «Интернационал». Сталин выступил, держал речь под конец несколько минут. Тогда все восхищались им, радовались, как гениально им все сказано, и тому подобное. Закончил он свою речь, сошел с трибуны, съезд был закрыт, и члены Политбюро пошли в комнату Президиума ЦК. Сталин говорит нам: «Вот, смотрите-ка, я еще смог!» Минут семь продержался на трибуне и счел это своей победой. И мы все сделали вывод, насколько уже он слаб физически, если для него оказалось невероятной трудностью произнести речь на семь минут. А он считал, что еще силен и вполне может работать.

Закончился съезд. Вдруг ночью созывают нас и начинают голосовать поправку: человек трех забыли избрать кандидатами в члены ЦК. Сталин потом вспомнил о них и уже после съезда вставил их в списки членов, выбранных на съезде органов партии. Казалось, хорошо, что он об этом заботится. Плохо другое: что он насильствовал устав, насильствовал теорию и практику строительства партии, принимая решения один, без всякого обсуждения. Тут он выдумал, что тех людей забыли или пропустили при напечатании списка. Конечно, ничего не было пропущено, и это легко было доказать. Он сам задним часом подумал: а отчего вот этих не избрали? И распорядился.

Еще сильнее мы были поражены следующим фактом, тоже довольно показательным. Формировались руководящие органы партии. Президиум ЦК, его Секретариат, Комитет партийного контроля при ЦК. Это был самый ответственный момент: создать из избранных членов ЦК руководящие органы. Смотрим, созывается Пленум ЦК, но никакого предварительного разговора с Политбюро Сталин не поднимал. Каков будет состав Президиума? Ни численности, ни персонального состава не сообщает — ничего неизвестно! А на Пленуме Сталин, выступая, разделал «под орех» Молотова и Микояна, поставив под сомнение их порядочность. В его речи прямо сквозило политическое недоверие к ним, подозрение в какой-то их политической нечестности. Ну и ну!

Начались выборы. Мы переглядываемся. Я смотрю на Маленкова: если кто и должен был готовить кандидатуры, то именно Маленков. Сталин не знал людей персонально, за исключением той верхушки, в которой вращался. Поэтому должен был неизбежно прибегнуть к помощи аппарата. Мы спросили о новых людях у Маленкова. Он нам сказал: «Я ничего не знаю, мне никаких поручений не было дано, и я никакого участия в этом не принимал». Мы удивились: «Как же так? Кто же тогда готовил кандидатуры?» Сталин сам открыл Пленум и тут же внес предложение о составе Президиума ЦК, вытащил какие-то бумаги из кармана и зачитал их: Он предложил 25 человек, и это было принято без разговоров и без обсуждений. Мы уже привыкли: раз Сталин предлагает, то нет вопросов, это — Богом данное предложение; все что дает Бог, не обсуждают, а благодарят за это.

Когда он читал состав Президиума, мы все смотрели вниз, не поднимая глаз. 25 человек, трудно работать таким большим коллективом, решая оперативные вопросы. Ведь Президиум — оперативный орган и не должен быть очень большим. Когда заседание закрылось, мы переглядывались: как же это получилось, кто составил такой список? Сталин не знал людей, которых он назвал, и сам не мог составить этот список. Я, признаться, подозревал, что сделал это Маленков, только он скрывает и нам не говорит. Потом я его по-дружески допрашивал: «Слушай, я думаю, что ты приложил свою руку, хотя это продукт не только твоего ума, а были и поправки со стороны Сталина». Он: «Я тебя заверяю, что абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня к этому не привлекал и никаких поручений мне не давал, я никаких предложений не готовил». Мы оба еще больше удивились. Участия Берии я не допускал, потому что там имелись лица, которых Берия никак не мог бы назвать Сталину. И все-таки я его спросил: «Лаврентий, ты приложил руку?» «Нет, я сам набросился на Маленкова, думал про него. Но он клянется и божится, что тоже не принимал участия».

Молотов исключался, Микоян — тоже. И Булганин ничего не знал. Вертелись у нас в голове разные мысли, но без результата. Мы доискивались, кто же автор? Конечно, Сталин. Но кто ему помогал? Мы-то не участвовали. Поскребышев еще заведовал тогда секретариатом Сталина, но и он не мог сам составить такой список без помощи аппарата. Этого мы, однако, не допускали, потому что Маленков обязательно узнал бы: в аппарате по многу лет люди работали рядом с ним и под ним. Поэтому, хотя бы тайно, по секрету, но сказали бы Маленкову, если бы имели такое поручение от Сталина. Так мы и не смогли разгадать загадку.

25 человек были избраны. Не буду сейчас перечислять их. Скажу лишь, что там были разные люди, разного достоинства. Они пользовались доверием, и нельзя было сказать, что они в принципе недостойны. Может быть, Сталин обошел Маленкова и сам привлек кого-то из аппарата? Но многие из них были не готовы к той деятельности, которой ранее занималось Политбюро. В этом мы не сомневались. У нас имелось твердое мнение об этой стороне дела. Тем не менее, когда Сталин предложил в Президиум 25 человек и назвал их персонально, то сказал, что Президиум громоздок и понадобится избрать из его состава Бюро. Какое еще Бюро? Это было вовсе не уставное предложение. Только что мы приняли Устав КПСС, и тут же он ломается. Сталин добавил, что будет оперативное бюро, которое станет собираться почаще и принимать решения по текущим вопросам. Он предложил Бюро в составе девяти человек и тут же огласил его состав.

Когда он читал состав Президиума, я, слушая, думал: будут ли включены туда Молотов, Микоян и Ворошилов? Я сомневался. Это были люди, на которых Сталин «махнул рукой», и над их головами уже нависла опасность попасть в новоявленные враги народа. Но нет, они включены. Я радовался, уже это было хорошо. Когда же он зачитал состав Бюро, то в нем не было фамилий Молотова и Микояна, однако имелся Ворошилов. Я опять ничего не понимал: как это так, Молотова нет, Микояна нет, а Ворошилов есть? Ворошилова Сталин начал подозревать значительно раньше, чем Молотова и Микояна.

Бюро сложилось такое: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Итак, Ворошилов попал в Бюро. Я подумал: значит, хорошо, что все хорошо кончается. Сталин в конце концов понял, что то была ошибка, когда он считал Ворошилова английским агентом или черт знает кем. Все тут зависело от воображения Сталина, кто именно является агентом и какой империалистической страны.

После XIX съезда партии

Началась работа. Но не так, как шла раньше, ибо из девяти человек Сталин по своему выбору и благоволению избрал пятерых, о чем нигде не говорилось открыто. Он приглашал к себе только тех, кого считал нужным созвать. Считалось большой честью быть приглашенным к Сталину и, наоборот, дурным предзнаменованием, если кто-то из тех, кого приглашал он прежде, не назывался. В пятерку входили: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. Реже Сталин приглашал Кагановича и Ворошилова, совершенно не приглашал теперь к себе Молотова и Микояна.

В целом работа в руководстве протекала так же, как до XIX съезда партии. Не имелось никакого коллектива, все решения принимались теми же методами и тем же порядком, как это вошло в практику Сталина после 1939 года. До XVIII съезда ВКП(б) еще сохранялась более или менее, до какой-то степени, демократичная практика деятельности Политбюро. Потом постепенно все сходило на нет, склоняясь к единоличному управлению. Затем появились грубые окрики, беспелляционные приказы и прочее. Это происходило после разгрома состава ЦК, избранного на XVII съезде партии, уничтожения активнейших членов партии, «стариков», как мы их называли, тех, которые прошли дореволюционный путь борьбы по сколачиванию нашей партии, по организации рабочего класса и затем свершения Октябрьской революции.

Мы тревожились за судьбу Молотова и Микояна. То, что их не ввели в Бюро, казалось зловещим. Сталин что-то задумал. Когда он выступал на Пленуме, я был поражен, что в его речи сформулированы обвинения в адрес Молотова и Микояна. Это уже не шутка в узком кругу лиц из пяти — семи человек. За ним выступил Молотов. Да и Микоян тоже что-то говорил. Не помню, что. В стенограмме,

наверное, все осталось. Но, может быть, ничего не записывалось. Сталин мог так распорядиться. Мы-то были настороже, думали, что, видимо, Молотов и Микоян обречены.

Правда, после съезда Микоян и Молотов, пользуясь былой практикой, когда все мы собирались у Сталина, сами продолжали приходить туда без оповещения. Они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили. А если он уезжал за город, то тоже приезжали к нему. Их пропускали. И они все вместе проводили вечера на его даче. Не буду сейчас возвращаться к тому, какие это были вечера, я уже рассказывал об этом. Но однажды Сталин впрямую сказал: «Я не хочу, чтобы они приезжали». Не знаю, что конкретно он сделал, но, видимо, приказал никому не сообщать, когда он приезжает в Кремль, и не говорить, где он находится, если звонят Микоян или Молотов и спрашивают о нем. Они разыскивали Сталина потому, что хотели тем самым сохранить себя не только как руководителей и как членов партии, а и как живых людей. Добивались, чтобы Сталин вернул свое доверие. Я это понимал, сочувствовал им и всемерно был на их стороне.

После его запрета они потеряли возможность знать, где находится Сталин, утратив возможность бывать вместе с ним. Тогда они поговорили со мной, с Маленковым и, может быть, с Берией. Одним словом, мы втроем (Маленков, Берия и я) договорились иной раз сообщать Молотову или Микояну, что мы, дескать, поехали на «ближнюю» или туда-то. И они тоже туда приезжали. Сталин бывал очень недоволен, когда они приезжали. Так продолжалось какое-то время. Они пользовались «агентурными сообщениями» с нашей стороны, и мы превратились в агентов Молотова и Микояна.

Сталин понял нашу тактику. Понять было нетрудно. Он, наверное, допросил людей в своей приемной, и там ему сказали, что они-то не сообщают, где находится Сталин, ни Молотову, ни Микояну. Но раз они приезжают, и приезжают точно, следовательно, кто-то из нас их извещает, то есть из тех лиц, которых он приглашает к себе. И однажды он устроил нам большой разнос. Не называя никого персонально, он более всего адресовался к Маленкову и заявил: «Вы нас не сводите, не сводничайте!»

Экономические проблемы социализма в СССР

Часто, когда Сталин хотел поставить перед нами какой-то вопрос, он приглашал нас в кинозал. Просыпался он вечером, приезжал в Кремль (а спал он чаще всего на «ближней» даче) и вызывал нас. Звонит, бывало: «Приезжайте в кино к такому-то времени». Приезжаем. Он сам подбирал кинокартины для показа. Картины шли главным образом трофейные. Много было американских, ковбойских. Он их очень любил. Ругал их за примитивность и правильно оценивал, но тут же заказывал новые. Фильмы крутили без титров, а переводил с ходу министр кинематографии СССР Иван Григорьевич Большаков. Он нам со всех языков переводил. Мы, особенно Берия, часто подшучивали над его переводами. Он ведь совершенно не знал иностранных языков. Его сотрудники рассказывали ему содержание фильмов, он старался получше запомнить и потом «переводил». В отдельных эпизодах он говорил иной раз вообще невпопад либо просто произносил: «Вон он идет» и т. п. А Берия тут же начинал помогать: «Вот, смотри, побежал, побежал», т. д.

В таких случаях мы сообщали Молотову и Микояну: «Мы находимся в кино». А известно было, что Сталин посещал кино только в Кремле. Там имелась комната, оборудованная уже устаревшим по тому времени прокатным оборудованием. Сейчас этим кинозалом не пользуются. Вот там-то мы смотрели кинокартины: американские, немецкие, английские, французские. Существовал большой их архив, в основном трофейных. Немцы в годы войны грабили то, что попадалось им в оккупированных странах, а потом какое-то количество кинофильмов оказалось у нас. Иной раз встречались интересные картины, но чаще всего они не нравились нам.

Смотрели мы там как-то один фильм, сейчас не помню его названия, мрачное и неприятное повествование на историческую тему. Кажется, дело происходило в Англии. Нужно было перевезти ценности из Индии в Лондон, а на морских путях свирепствовали пираты, часто погибали и корабли, и их команды. И, когда потребовалось перевезти ценности, власти вспомнили о каком-то капитане, который сидел в английской тюрьме. Это был очень смелый пират, головорез. И вот

решили обратиться к нему, не возьмет ли он на себя задачу переправить ценности? Тот сказал, что согласен, если ему будет разрешено сформировать команду из людей, которые вместе с ним сидят в тюрьме, тоже бывших пиратов. Ему разрешили, дали корабль, и он поплыл в Индию. Но на обратном пути, когда получил ценности, он стал расправляться со своими сообщниками. Такой у него был метод приобретения чужой собственности. Он намечал к уничтожению очередного человека и ставил в своем кабинете на стол его портрет «для памяти». Когда он уничтожал его, выбрасывая за борт, появлялся другой портрет. Не помню, сколько он ликвидировал своих приближенных, но кажется, и сам потом погиб. Говорят, имелся такой исторический факт.

Когда мы смотрели эту картину и видели вероломство этого капитана, то оно в какой-то степени напоминало нам, как исчезали люди, которые работали вокруг Сталина. Внутреннее чувство подсказывало нам: не таким ли способом гибли и «враги народа»? Обычно, когда просмотр кончался, Сталин предлагал: «Ну поехали, что ли?» Кушать мы не хотели, ведь это был уже час или два ночи, надо отдыхать, завтра рабочий день. Но Сталин о нас не думал. «Поедем?» Тут все говорили, что они «голодные», выработали уже рефлекс и ввали. Ехали к Сталину, там начинался обед. Поскольку раньше мы уже позвонили Микояну и Молотову, то они потом между собой перезванивались, приезжали оба в кино, а потом вместе с нами — к Сталину. Так продолжалось, пока он не устроил нам скандал. И мы эту деятельность прекратили, потому что она могла плохо кончиться и для них, и для нас: и им не поможем, и свою репутацию в глазах Сталина подорвем. Никто на это не хотел идти, никто! Все мы без какой-либо договоренности ждали естественной развязки дикого положения, которое сложилось. Эта развязка наступила после смерти Сталина.

То, о чем я рассказываю, может показаться для людей со стороны невероятным. Но вот еще один факт. Сталин столько гадостей стал говорить о Ворошилове! А потом тот не только вошел в Президиум ЦК, но и в более узкое Бюро. Прошло какое-то время, как-то были мы после кино на очередном «кормлении», на ближней даче Сталина. Сталин был навеселе, он часто теперь доводил себя до такого состояния, и вдруг спросил: «Кто входит в Бюро Президиума?» Ему перечислили. Дошли до Ворошилова. «Кто, кто? Ворошилов? Как он туда пролез?» Мы молча смотрим друг на друга. Потом кто-то сказал: «Товарищ Сталин, Вы же сами его назвали, и Пленум избрал Ворошилова в состав Бюро». Он не стал тогда дальше развивать свою мысль. Но, следовательно, подумали мы, он Ворошилову не простил, а просто по старой привычке назвал на Пленуме его фамилию. Впрочем, хотя Ворошилов был избран, но не пользовался правами члена Президиума ЦК. Это выражалось в том, что Сталин не всегда вызывал его и на заседания, и на просмотр кинокартин, и на обеды, заменявшие у нас правительственные совещания. А они великой считались честью. Ворошилов теперь бывал там редко. Порой сам позвонит и приходит.

Мы же ездили к Сталину очень часто, почти каждый вечер. Только когда ему нездоровилось, случались пропуски. Других причин не возникало, потому что Сталину в одиночку некуда было девать себя. Он был вроде того купца из пьесы Островского «Горячее сердце», которого играл во МХАТ'е Тарханов. У этого купца жил какой-то приближенный, который думал, как тому заполнить его время. Купец говорил: «Ну, что сегодня будем делать?» И приближенный придумывал, что делать. Они и в разбойников играли, и всякими прочими затеями занимались. И Сталин, вроде этого купца, тоже говорил нам: «Ну, что сегодня будем делать?» Он-то уже неспособен был что-нибудь серьезное делать. Но мы должны были работать на своих постах, на которые были избраны, а кроме того, участвовать в сталинских вечерах в качествах театральных персонажей и развлекать его. Тяжелое для нас было время.

Еще до XIX съезда партии Сталин ввязался в дискуссию по языкознанию. Очень странная была дискуссия. Сталин как-то принимал у себя грузина, ученого-лингвиста, и беседовал с ним. Тот каким-то образом пробудил в Сталине желание включиться в научный спор. И Сталин выступил против наследия академика Марра, историка и лингвиста, против его трудов. В конце концов Сталин выступил и против того ученого-грузина, с которого все началось. Раньше это был близкий к нему человек, он его не раз приглашал к себе на обед. Таким образом, в результате

дискуссии появился труд Сталина по языкознанию, один из последних его теоретических трудов.

Потом Сталин занялся экономическими проблемами. Он организовал диспут по ним и опубликовывал свои мысли на этот счет. Тут тоже имело место оригинальное начало. Один из ученых, занимавшихся экономической наукой, с украинской фамилией, стал как бы зачинщиком: написал работу о социалистической экономике и обратился в Академию наук СССР с просьбой организовать ее обсуждение. Академия, обсуждая его работу, не оценила, как он считал, этот труд должным образом. Но он был настойчивым человеком, членом партии, кажется, со времен гражданской войны, и написал в ЦК ВКП(б), стал буквально терроризировать всех, требуя, чтобы ЦК обсудил его сочинение, причем правильно оценил бы его.

Однажды летом собрались мы у Сталина на даче. Там был в тот раз и Ворошилов. Шел обычный сталинский обед, мучительный, длинный. Вдруг Ворошилов (а мы-то были уверены, что он и не читал сочинения того экономиста, как и другие члены Политбюро ЦК) говорит Сталину: «Коба (он часто называл его так по старой партийной кличке), ты не читал бумагу, которую разослал такой-то?» И начал почему-то его ругать: вот такой он нехороший, то-то пишет и то-то. Сталин отвечает: «Нет, не читал». А сам смотрит на Маленкова и других. Тут все сказали, что не читали. Но Маленков добавил, что такая работа вроде бы находится в ЦК. Выяснили, что всем членам и кандидатам Политбюро ЦК сей материал был разослан самим автором. Ворошилов очень резко стал ругать его, приговаривая: «Арестовать его надо, мерзавца, арестовать его!» И Сталин поддержал: «Ну, что это за сволочь такая? Арестовать его!»

Как же это можно? Человек написал труд, пусть даже плохой, хотя бы и вредный, но послал его в ЦК на обсуждение, считая вопрос важным. Это его точка зрения, он давний член партии, прошел большой путь, был ранее партизаном в колчаковской Сибири, сам сибиряк, хотя и с украинской фамилией. Но дан был сигнал свыше, разгромили его и спустили указание по партийным организациям. Они обсуждали дело и клеймили позором этого человека. А за что? И сами толком не знали. За то, что осмелился написать. Если бы Ворошилов не поднял тогда вопроса, тот человек продолжал бы упорствовать на своем, называл бы всех бюрократами, но тем дело бы и кончилось. А теперь кончилось тем, что действительно арестовали, исключили из партии, и он отсиживал ни за что. Его выпустили на волю после смерти Сталина. Он обращался в Московский комитет партии, высказывая негодование против МК и против меня лично. Ему, конечно, ничего не было известно о моей роли в его деле, а меня он критиковал за то, что я не вмешался и не протянул ему руку помощи. А как? Ведь надо было бы в этом случае теоретически доказать справедливость его работы.

С этим же экономистом произошел еще один эпизод, который тоже характеризует поведение Сталина. Когда Сталин начал готовить свой предсмертный труд по экономическим проблемам социализма в СССР, он всех заставил читать и изучать его. Буквально вся партия сидела и корпела над этим трудом. Он предложил также высказаться ораторам на XIX съезде партии по данному вопросу. Маленков в своем докладе уделил большое внимание его работе. То же сделали и другие выступавшие, за исключением меня. Но я не говорил о нем не потому, что я «смелый и умный» и критически относился к этому труду, а потому, что на съезде я выступал как докладчик по партийному уставу, и у меня не было необходимости притягивать за уши этот труд Сталина.

В один прекрасный день он созвал нас и начал распекать за то, что плохо подобраны люди в секретариатах. Утверждал, что через наши секретариаты идет утечка секретных материалов, которые попадают за пределы Президиума, и что надо проверить, кто и как это проделывает. Мы смотрим, ничего не понимая, и ждем, чем это кончится. Вдруг Сталин обращается ко мне: «Это у вас, через ваш секретариат идет утечка». Я: «Товарищ Сталин, уверен, что такого не может быть, у меня проверенные люди. Я им доверяю, они честные партийцы. Никак не может быть, чтобы кто-то из них разглашал секретные документы, которые я получаю как член Президиума». «Нет, это у вас, сведения просочились через такого-то». И стал доказывать. Оказывается, какое-то положение, которое он сформулировал в своем труде, почти слово в слово совпало с формулировками в работе критикуемого им автора. «Как же так получилось? Откуда он узнал? Он не мог подслу-

шать. Значит, получил материалы, которые я диктую и рассылаю всем вам. Вот и дошло до критикуемого лица, а тот использовал мою формулировку». Тут Сталин начал горячиться.

Я понял, в чем дело. Автор той работы имел украинскую фамилию. А Сталин знал, что у меня работает помощником Шуйский, украинец, да я и сам ему об этом рассказывал, и когда он шутил, то называл его «боярин Шуйский». А я повторял иногда сталинские слова: «Вот у меня есть в секретариате боярин Шуйский». Подозрение пало и на него, и на других лиц. Сталин считал, что у меня там полно украинцев, и утечка идет через них. Когда я уразумел, то на второй день пришел в МК партии и вызвал Шуйского. «Вы знаете такого-то?» — спрашиваю его спокойно. «Нет, — говорит, — не знаю». «И не слышали о нем?» «Слышал». «Вы с ним знакомы?» «Незнаком и никогда не встречался». «Хорошо, найдите мне его анкету». Шуйский вскоре принес мне анкету. Я хотел посмотреть, кто этот человек и откуда, познакомиться с ним. По анкете установил, что, хотя фамилия у него украинская, еще его отец или даже дед выехал из Полтавской губернии в Сибирь. А внук был сибиряком, там родился, там воспитывался, там вступил в партию, там участвовал в борьбе партизанских отрядов против белогвардейского казачества, там прошел свой революционный путь. Это был не случайный человек в партии, а активный участник гражданской войны. Когда я познакомился с его анкетой, то понял, что Сталин действует любимым методом «оглушения»: сказал тебе и смотрит в глаза, дрогнул ты или нет?

Когда я встретился с ним на другой день, то спокойно сказал: «Товарищ Сталин, Вы спрашиваете о таком-то авторе, я взял его анкету. Вы знаете, он вовсе не с Украины». Это я говорил, чтобы отвести удар от себя и показать, что мой секретариат ни при чем. Там работали два украинца, Шевченко и Шуйский, безусловно честные люди. Я продолжал: «Он даже родился не на Украине, его дед уехал отсюда, а сам он от рождения сибиряк». Сталин смотрит на меня свирепо: «Вот черт!» Как-то так он выразился, но тут же смягчился. Это было у него своеобразной формой извинения за то, что напал на меня. «Так он из Сибири?» «Да, сибиряк. А где вообще нет украинцев? Они рассеяны по всей стране. Их много и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и даже в Канаде и прочих странах за пределами СССР».

Я-то от себя отвел удар, но Сталин не успокоился и продолжал искать источник, откуда тот человек мог получить материал. Потом Сталин пришел к выводу, что утечка произошла через Поскребышева. Это была неприятная вещь, потому что Поскребышев много лет проработал со Сталиным, был его верным псом. Как можно было допускать даже в мыслях, что тот передал материал? Что он, специальный агент экономиста, что ли? Да у него никаких связей ни с кем вообще быть не могло. Надо было знать Поскребышева! Это был неглупый человек, правда, в то время набравший уже такую силу, что зазнался. Он держал себя высокомерно, да не только высокомерно, а хамски, с членами Президиума ЦК. Бывало, так огрызался на Молотова и Микояна, а то и на других... И никто из нас не мог ответить ему. Это было оскорбительно, но он держался около Сталина и первым узнавал о немилости, которая проявлялась к кому-то со стороны Сталина, потому он и нападал на человека, кто был намечен для очередного жертвоприношения.

И вдруг Поскребышев попал у Сталина на подозрение. Конечно, все материалы прошли через Поскребышева. Более того, Поскребышев писал под диктовку Сталина. Сталин обычно рассказывал при диктовке. Ему не сиделось, когда он думал. Он ходил и диктовал, но никогда стенографисткам, а Поскребышеву, Поскребышев же записывал. Он приспособился к диктовке Сталина и научился записывать за ним. Потом тут же прочитывал записанное. Если он неточно уловил слова или же у Сталина вырисовывалась более четкая формулировка, то Сталин передиктовывал, рукой Поскребышева внося исправления или добавления. Я отдаю здесь должное Сталину. До самой своей смерти, когда он диктовал или что-нибудь формулировал, то делал это очень четко и ясно. Сталинские формулировки понятны, кратки, доходчивы. Это был у него большой дар, в этом заключалась его огромная сила, которую нельзя у него ни отнять, ни принизить. Все, кто знал Сталина, восхищались этим его даром, поэтому и мы гордились тем, что работаем со Сталиным.

Это положительная сторона Сталина. Я же сейчас главным образом акцентирую внимание на отрицательном. Положительного о нем столько сказано, что если

бы уменьшить все на 80%, то и тут хватит положительного на тысячу людей. Я же говорю о том, что нанесло большой вред нашей партии, о личных характерных чертах, которые у него были и порождали действия, стоившие нам десятки тысяч голов лучших сынов страны. Многие из этого, к сожалению, лежит еще под спудом, не известно народу. Все это сейчас опять придавлено и ждет своего времени, но все равно выйдет наружу и получит правильное освещение. Я считаю, что рассказ об истине — вовсе не позор для нашей партии. Неприятно, конечно, но это процесс самоочищения, когда партия сама поднимает такой вопрос. Еще больше ее сторонников придет в ее ряды, все поймут, что это было наносное явление, не характерное в принципе для нашей партии.

Ленин предупреждал о подобном. А ведь он основоположник нашей партии, ее создатель. Он разработал ту теорию, на основе которой построено и развивается наше Советское государство. Тут основа основ. Значит, если по-ленински, то нечего и опасаться. Сталин был большим человеком, много лет являлся вождем нашей партии. Но Ленин еще в начале его деятельности сказал о его недостатках, а потом жизнь подтвердила правоту Ленина. И партия сейчас исправляет ошибки Сталина для того, чтобы больше никогда они не повторились. Поэтому я и не боюсь говорить о них. Это не клевета, не принижение, а наоборот, самоочищение.

Итак, Поскребышева Сталин удалил и выдвинул на его место другого человека. Поскребышев же, как говорится, был «подвешен». Я убежден, что если бы жизнь Сталина продлилась еще на какое-то время, то Поскребышев был бы уничтожен как предатель. Сталин нам говорил: «Поскребышев передал материал, больше никто не мог, через Поскребышева шла утечка секретных документов». Тоже мне секретность! Какая тут секретность, если все публиковалось в открытой печати? Просто Сталин был уязвлен, что его формулировка совпала слово в слово с формулировкой того новоиспеченного, как он считал, ученого. Ведь никто не имел права думать так, как Сталин, только он был единственным гением. Поэтому все новое должен сказать только он, а другие должны повторять и распространять открытые им законы. И вдруг какой-то замухрышка, как он любил говорить, никому не известный сибиряк написал то же самое?

Если бы Сталин был объективен и не столь самолюбив, стал человеком, который мог бы самокритично заняться анализом, то не потребовалось бы больших усилий, чтобы увидеть, что труд того «новоиспеченного» теоретика, как Сталин его называл, был написан значительно раньше, чем Сталин занялся этим делом. Его сочинение ходило в Академии наук, там обсуждали его, размножали, оно рассылалось членами Политбюро ЦК. Одним словом, автор бился во все двери, буквально кричал, требуя признания своего научного приоритета. Сталин же начал заниматься этой проблемой, когда материал того автора уже был у Сталина. Так что как раз тот автор мог бы сказать Сталину: «Ты украл у меня формулировку».

Возможно, конечно, что Сталин прочел его труд, а потом, даже сам не осознавая, продиктовал такую же формулировку. Я не говорю, что тот автор вообще был умнее Сталина. Но часто люди даже небольшого масштаба совершают открытия. Какого бы ранга человек ни был, какое бы положение он ни занимал, он может сделать любое открытие, потому что каждый великий человек перед тем, как сделать шаг, который возвеличил его, тоже был рядовым человеком. Однако Сталин такого не допускал: раз он живет, раз он вождь, то в теоретических вопросах за ним всегда должно быть первое слово, а остальные должны заниматься повтором.

Данный эпизод, как я уже рассказывал, закончился тем, что того беднягу арестовали, и он сидел. Потом мы его освободили, но я не знаю его дальнейшей судьбы. Он так и не получил, видимо, должного признания. Полагаю, что, может быть, его труд заслуживал внимания. Но тут оказал большое воздействие тот факт, что наши так называемые ученые всегда исходили из положений, выдвинутых Сталиным, восхваляли его и твердили за ним зады. Они уже высказались на эту тему при жизни Сталина, и им было незачем менять свою точку зрения, роняя себя в глазах читателей. Возможно, тот человек незаслуженно не получил признания, но я не берусь судить. Тут специфическая область, пусть сами экономисты, если хотят, вернутся к его работе, подведут итоги, проанализуют и положат выводы на ту или иную полочку, кто там заслуживает, а кто — не заслуживает признания.

Для Ворошилова же эпизод с экономистом тоже довольно характерен. Его можно взять за какой-то отправной элемент при анализе событий, если изучать

аресты той поры. Вот ведь с какой «глубиной» характеризовали деятельность того или другого деятеля партии или ученого, когда приходили к выводу, что он «враг народа». Получалась филькина грамота. Обвинение и обоснование ареста брались буквально с неба. Смотрели на небо или в зависимости от того, какое ухо почесалось. И такие акции направляли против тысяч людей. Подобное поведение характерно не только для Ворошилова, а, допустим, и для Молотова.

В 1937 г., в пик репрессий определяли эту политическую линию Сталин, Молотов, Ворошилов, а при них бегал подпевалой на цыпочках и крутил хвостом Каганович. Каганович не был таким, как Молотов, но хотел быть даже злее Молотова. Ближе к Сталину стоял Молотов. Хотя Каганович тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин выставлял его за классовое чутье, за классовую непримиримость к врагам как эталон решительного большевика. Мы-то хорошо узнали, что это за «решительность». Ведь это тот человек, который даже слова не сказал в защиту своего брата Михаила, и Михаил покончил с собой, когда у него уже не оставалось выхода, а ему предъявили обвинение, что он немецкий агент и что Гитлер метит его в состав российского правительства. Просто бред! Что может быть нелепее: Гитлер намечает еврея Михаила Кагановича в правительство России? С точки зрения фашистов это уже само по себе преступление.

Позднее я не слышал, чтобы кто-либо говорил об этом событии, и никогда Лазарь Каганович не возвращался к трагедии своего брата, когда уже выяснилось, что произошла грубая ошибка. Ни Сталин, ни кто-либо иной не возвращались к этой истории. Просто был раньше Михаил Каганович, нарком авиационной промышленности, и не стало его, так что вроде бы и не было. Это характерно для Лазаря Кагановича. Как же он лебезил, как подхалимничал перед Сталиным после данного случая, боясь за себя!

Сталин о себе

Сталин в своих выступлениях всегда высоко отзывался о Ленине и себя называл ленинцем. В узком кругу лиц мне приходилось слышать его воспоминания о встречах с Лениным, его беседах с Лениным. Он рассказывал, какую позицию занимал Ленин по тому или другому вопросу, и всегда у него получалось так, что Ленин, узнав точку зрения Сталина, потом выступал с таким же положением, выдавая его за свое. То есть Сталин давал понять, что эти мысли он подбросил Ленину, а Ленин использовал их. Имели место случаи, когда нам просто неприятно было слушать это. Мы переглядывались, когда он явно выражал неуважение к Ленину.

Сталин в Октябрьскую революцию в годы гражданской войны занимал, как тогда говорили, антиспецовскую, «спецеедскую» позицию недоверия к старым специалистам, которых Ленин, наоборот, призывал участвовать в созидательной работе, прежде всего в строительстве Красной Армии, потому что без офицеров нельзя построить настоящую армию. Тогда Вооруженные Силы возглавлял Троцкий. Естественно, Троцкий выполнял эту директиву Ленина и привлекал офицеров к работе. Сталин нам демонстрировал, называя конкретные случаи, как Троцкий рекомендовал вот такого-то офицера и прислал его в Царицын, а Сталин его не принял. Потом же тот оказался изменником и предателем.

Но ведь нужно знать то время. Тогда вообще было широко распространено недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это недоверие было оправдано. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве не определила четко свою позицию и раскололась: часть эмигрировала, часть выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с Советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление. Сначала немногие включились в новое дело. Поэтому в народе, особенно среди рабочих, было сильное «спецеедское», антиспецовское настроение, и партийным организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать его.

К тому же, очень сильной была уравнительная тенденция. Это и понятно, потому что страна была разорена, рабочие жили хуже, чем при капитализме, голодали. Кроме того, рабочие находились под влиянием победы революции, и им представлялось, что тотчас люди станут жить лучше, чем раньше, потому что раз люди равны перед законом, то они должны уравниаться и в материальной обеспеченности. Наконец, когда наша партия назвала себя коммунистической и мы приступили к

строительству социализма, то многие считали, что средства потребления должны быть разделены между всеми, кто трудится. А тут вдруг Советская власть выделила специалистов, дала им большие оклады, а рабочие остались при прежних окладах или более низких, чем в прежнее время. Это подогревало «спецеество».

Специалисты имели раньше отдельные квартиры с коммунальными удобствами, рабочие же ничего этого не видели. Коммунальные услуги у них выражались в том, что воду, например на некоторых рудниках и шахтах в Донбассе, привозили в бочках, а на некоторых стояли распределительные колонки. Часто вода находилась на большом удалении, и рабочие месили грязь, идя за ней туда и обратно. На базар и специалисты, и жены их, и прислуга ездили на лошадях. Особенно против жен и прислуги злобное было настроение у рабочих. Ни одно их собрание не проходило без того, чтобы не поднимался этот вопрос. Не изменилось дело с коммунальными услугами и после победы революции.

В чем же дело? Большевики понимали, что надо привлечь буржуазных специалистов к работе, не только угрожая им, а и заинтересовывая. На первых порах это выражалось в том, чтобы в какой-то степени дать им привилегии, хотя бы и неполные, вроде тех, которые они имели при капитализме: сносные квартиры, средства передвижения и т. д. Главный инженер рудника имел пару лошадей, а инженер Гладовский, наш начальник мастерских, — одну лошадь с кучером. Это, конечно, не особенно-то жирное обеспечение. Но ведь рабочие, естественно, и этого не имели. К тому же то были враждебные элементы, представители буржуазного класса, слуги капитала. Так этот вопрос усложнялся, и партии было трудно вести борьбу с антиспецовскими настроениями. Тем не менее, иначе нельзя было привлечь специалистов к делу. А без специалистов, без инженерных знаний, знаний вообще, без науки нельзя построить новое общество, которое опирается именно на науку. Коммунизм — как раз такое общество. Его построение требует широких и глубоких знаний, умения организовать новое общество на основе науки, непреложного марксистско-ленинского учения. Иначе незачем говорить о коммунизме.

Прежде всего мы столкнулись с антиспецовскими настроениями в армии. В то время, как я уже говорил, Сталин был очень большим «спецеестом». И он поэтому рассказывал нам много эпизодов (я все сейчас не могу припомнить), которые как бы свидетельствовали против Ленина, потому что как раз Ленин выдвинул вопрос о привлечении спецов к построению социализма. Но это было абсолютно правильно, в этом сказались гениальность Ленина. В такой напряженный момент он призвал всех учиться у капиталистов, привлечь буржуазных специалистов и даже призвать их в армию. Он говорил, что надо дать им нужные права, приставив к ним комиссаров, но сохранить в армии единоначалие. Шутка сказать! Бывший офицер царской армии — и вдруг единоначальник в Красной Армии. Хотя при нем есть комиссар, воинские распоряжения-то отдает именно он. Когда я служил в Красной Армии, на этой почве тоже возникала масса недоразумений. Имелись поводы к недоверию, потому что случались и измена, и предательство, и бегство таких офицеров к белым.

Это естественный процесс. Шел отбор людей старого воспитания, отбор интеллигенции, воспитанной буржуазно-помещичьим строем. Их привлекли на сторону революции. Одни пошли под страхом, другие поверили в новое общество и хотели помочь ему, третьи — потому, что у них выхода не было: нужно было зарабатывать средства к существованию, четвертые — для того, чтобы получить возможность работать в хозяйстве или в учреждениях, с тем чтобы сознательно стать агентами старых хозяев и вредить социалистическому строю. Много было разных людей, а выбора у Советской власти не было. Она вынуждена была привлекать специалистов, чтобы строить новое, без чего не было возможности двигаться вперед. Вот почему ленинская позиция была совершенно правильной.

Помню такой конкретный случай, когда Сталин прямо выражал неудовольствие Лениным. Когда Сталин, по его рассказу, находился в Царицыне, он поехал раз на хлебозаготовки и принимал тогда же меры по организации обороны Царицына. Туда вместе с 5-й армией отступил с Украины Ворошилов, и там они сошлись со Сталиным. Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву, а он приехал и докладывал о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: «Батенька, я получил сведения, что Вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!» Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? «Вот видите, кто-то

ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал», — высказывался Сталин с явным недовольством. Мы между собой переговаривались: видимо, этот недостаток, от которого мы страдаем, работая под руководством Сталина, — давний порок. Он еще в те времена пьянствовал, Ленин это знал и предупреждал его, чтобы он так не поступал.

Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию. Туда вообще много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошелся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра — другой, и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики», среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными». Уж не знаю, какой там состоялся приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом, конечно, не спрашивал, и мы только переглядывались. А потом обменивались мнениями: он еще в молодости, оказывается, имел склонность к пьянству. Видимо, у него это наследственное.

Сталин рассказывал о своем отце, что тот был сапожником и сильно пил. Так пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс — это самое последнее дело. «Он — рассказывает Сталин, — когда я еще в люльке лежал маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал». Об отце его не знаю, как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности ходил слух, что отец его — вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считался человеком второго сорта. И это было понятно. Самый революционный и самый стойкий — рабочий класс. Он выносил всю тяжесть борьбы на своих плечах и поэтому к другим классам и прослойкам общества, не пролетарским, имел придирическое, не настороженное, а именно придирическое отношение. К таковым относились с большим недоверием.

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не Сталин, то его бы на партчистках мурыжили бы так, что кости трещали. А тут находились объяснения отекаемого характера. И все-таки люди об этом говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам.

Помню также, как Сталин не раз рассказывал нам и о другой своей ссылке. Он попал в Туруханский край и жил в одной деревне со Свердловым. Они сначала дружили, но потом, судя по его рассказам, было видно, что рассорились или разошлись. По крайней мере, перестали жить в одной крестьянской избе. Свердлов ушел отсюда, нашел себе квартиру и покинул Сталина. Сталин всегда говорил нам, что, когда они жили вместе, чалдоны, у которых они размещались в той деревне, считали, что главный — это Яшка, а не Рябой. Сталина называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой. Когда Яшка ушел на другую квартиру, они стали говорить: «Мы-то считали, что доктор главный, а оказывается, не доктор, а Рябой». Местные крестьяне называли Свердлова доктором. Он был раньше провизором и, видимо, оказывал какую-то помощь больным, какие-то были у него лекарства. Поэтому и шла о нем слава, что он доктор.

Сталин рассказывал: «Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала. Главным образом, мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я ее назвал Яшкой». Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. «Так вот, — говорил Сталин, — Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылизет, и все чисто.

А тот был чистюля». Мы опять переглядывались. Мы сами прошли, кто — крестьянскую, кто — рабочую школу, и не были изнежены каким-то особым обслуживанием. Но чтобы не помыть ложку, тарелку или чашку, из которой ешь? Чтобы собака все вылизывала? Нас это удивляло.

Сталин много раз нам рассказывал об этом. И мы заранее знали, когда он начинал, как и что было и чем кончилось. Случались такие рассказы о его жизни в ссылках, о которых дети могли бы так сказать: «Дедушка, а может быть, ты врешь?» Мы-то привыкли, что на позднем этапе своей жизни, когда он уже плохо себя контролировал, то многое выдумывал. Например, рассказывал такие вещи: «Пошел я раз на охоту. Взял ружье и пошел за Енисей. В том месте, где я жил, Енисей имел в ширину 12 верст. Я перешел Енисей на лыжах. Дело было зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки. (Я-то, признаться, не знаю, сидят ли куропатки на ветках? Имел я дело на охоте с куропатками, но всегда считал, что это — степная дичь и прячется в траве. Ну, не знаю. Как говорится, за что купил, за то и продаю.) Подошел. Стал стрелять. У меня было 12 патронов, а там сидели 24 куропатки. Я 12 убил, а остальные все сидят. Патронов больше нет. Я решил вернуться за патронами. Ушел назад, взял патроны и возвратился. А они все сидят». Тут я его даже переспросил: «Как, все, все сидят?» «Да, — отвечает, — все». Тут Берия ввернул какое-то замечание, поощряющее его рассказ. Он продолжает: «Я застрелил этих куропаток, взял веревку, привязал их к ней, а веревку привязал к поясу и поволок куропаток за собой».

Это мы слушали за обедом. Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в туалет, то там буквально плевались: за зимний день он прошел 12 верст, убил 12 куропаток; вернулся — вот еще 12 верст; взял патроны, опять прошел 12 верст, снова застрелил куропаток — и назад. Это будет 48 километров на лыжах. Берия говорил мне: «Слюшай, как мог кавказский человек, который на лыжах очень мало ходил, столько пройти? Ну, брешет!» У нас ни у кого не было сомнения в этом. Зачем ему нужно было врать, трудно сказать. Имелась у него какая-то такая потребность. Но это была забавная брехня, которая, конечно, никакого вреда не приносила. Однако возникали, конечно, и серьезные разговоры.

Потом я узнал, что Сталин, собственно говоря, и стрелять-то толком не умеет. Он взял как-то ружье, когда на ближней даче мы у него обедали, пошел разогнать воробьев и ранил чекиста, который его охранял. Один раз, из-за его неумения обращаться с оружием, у него за столом выстрелило ружье, и совершенно случайно он не убил тогда Микояна. Он сидел близко от него, выстрелом вырвало кусок земли и забросало песком и стол, и Микояна. Мы смотрели ошарашенные, никто ничего не сказал, но все были потрясены.

Сталин много говорил нам о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда Ленин лежал больной, а он повздорил с Крупской, то Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой возник повод для ссоры. Вроде бы Сталин прорывался к Ленину, а Надежда Константиновна охраняла Ильича, чтобы его не перегружать и не волновать его, как рекомендовали врачи. Или что-то другое. Сталин сказал какую-то грубость Надежде Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился. Я не помню, как поступил Сталин: послушался ли Ленина или нет. Думаю, что в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин иначе с ним не помирился бы.

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы наши конверт, а в нем лежала записка, написанная рукою Ленина. Ленин писал Сталину, что он нанес оскорбление Надежде Константиновне, которая является его другом, и требовал, чтобы тот извинился. Ленин писал, что если Сталин не извинится, то Ленин не будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что такая записка сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней. Сталин сильно не уважал Надежду Константиновну. Да он не уважал и Марию Ильиничну. Вообще очень плохо отзывался о них и не считал, что они представляли какую-то ценность для партии, что они сыграли какую-то роль в борьбе за дело партии, в достижении ею победы, какую одержала партия большевиков. Мне становилось очень не по себе, когда я слышал и видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде Константиновне еще при ее жизни.

Крупская выступала как-то на партконференции Бауманского района в 1930 г.,

когда началась борьба с «правым» уклоном — с Рыковым и Бухариным. Я в начале этой конференции отсутствовал, меня тогда Бюро партийной организации Промышленной академии послало вместе с моим товарищем в подшефный колхоз под Самару. Когда мы вернулись в Москву, то конференция была в разгаре. Мы отозвали тех делегатов, которых избрали ранее от Промышленной академии, и я был избран вместо одного из них. Мы их отозвали, потому что они стояли на позициях «правых», я же тогда был одним из тех, кто возглавлял в Промышленной академии группу, которая вела борьбу с «правыми». Бюро партийной организации было или само «правым», или примиренчески относилось к «правым», что почти одно и то же. Иной раз сторонники «правых» активно не выступали, но своими действиями делали все для того, чтобы дать возможность «правым» проводить работу. У нас бурно прошло партсобрание, и мы отозвали всех делегатов.

Поводом же к отзыву послужило то, что когда у нас состоялись выборы на конференцию, меня не было на этом собрании. Я понял потом, что меня Бюро ячейки послало в командировку сознательно, чтобы устранить меня и чтобы я не принимал участия в районной партконференции, чтобы я не помешал им. Бюро ячейки получило тогда указание от «правых» выбрать своих сторонников на конференцию. Когда стали выбирать, какой-то слушатель академии (а у нас все были коммунистами) выступил с предложением избрать Сталина, Бухарина, Рыкова и Угланова. Угланов был тогда наркомом труда. Таким образом и провели «правых» под флагом Сталина. Когда же я вернулся и мы вновь собрались, то поднялась настоящая буря, и мы отозвали всех делегатов. Но, кажется, Бухарина все-таки не отзывали: имелось указание сверху не отзывать Бухарина.

Надежда Константиновна, когда она выступала на Бауманской партийной конференции, защищала Бухарина и Рыкова, и против нее там выступил ряд делегатов. После этого ее «прорабатывали», без опубликования выступлений в печати, по всем партийным ячейкам. Прорабатывали и Марию Ильиничну. О Марии Ильиничне нечего даже было особенно говорить, потому что она была большой приятельницей Бухарина. Бухарин являлся редактором газеты «Правда», а Мария Ильинична была в редакции секретарем. Бухарина в то время все звали Бухарчик. Его любили в партии, и о нем лестно отзывался еще Ленин. Он называл его обычно «наш Бухарчик». Это был видный теоретик, который написал по поручению Ленина книгу «Азбука коммунизма», и все коммунисты того времени приобщались к марксистско-ленинской науке через изучение этой азбуки. Ее изучал каждый, вступающий в партию.

Я был воспитан в партии как молодой коммунист с послеоктябрьским стажем. Привык смотреть на Ленина с уважением, как на вождя, а Надежда Константиновна — это неотделимая часть самого Ленина. Поэтому мне было горько смотреть на нее на партактивах. Бывало, придет дряхлая старушка, ее все сторонятся, потому что она была человеком, который не отражает партийной линии и к которому надо присматриваться, потому что он неправильно понимает политику партии и выступает против ряда ее положений. Теперь я анализирую все то, что делалось в то время, и думаю, что как раз она была в этих вопросах права. Но тогда все смешивалось в одну кучу, забрасывали грязью и Надежду Константиновну, и Марию Ильиничну.

Когда я работал уже в Московском комитете партии, Надежда Константиновна занималась разбором жалоб. Не помню, в каком учреждении она тогда работала. Но обиженные и угнетенные партийцы приходили к ней с просьбами и присылали письма. Много недостатков имелось и в работе Моссовета. Тяжелые условия жизни были и у рабочих, и у служащих, и у интеллигенции. Они, если не находили выхода, обращались как к последнему прибежищу к Надежде Константиновне. Крупская сама тоже была во многом ограничена и не имела возможностей удовлетворить справедливые просьбы тех, которые обращались к ней за помощью. Поэтому она часто присылала их ко мне как к секретарю Московского комитета партии. К сожалению, даже я, занимая достаточно высокий пост, тоже был ограничен в возможностях по удовлетворению их запросов.

Общим недостатком были плохие жилищные условия. Шли с просьбами о квартирах. Каким-то сплошным кошмаром был этот квартирный вопрос. Мы проводили индустриализацию, строили новые заводы и фабрики, но при этом, как правило, совершенно не учитывалось увеличение численности рабочих в Москве.

Жилья строилось минимальное количество. Сколько-то домов, которые возводились, не восполняли даже амортизационных разрушений.

И вот Надежда Константиновна присылала жалобщиков ко мне, а я, что мог, делал, а потом отвечал ей, что мною сделано, или же отвечал, что мы бессильны. Иногда я лично встречался с ней, так что она меня знала как секретаря Московского комитета партии. Она правильно понимала, что я тот человек, который выражает в столице генеральную линию партии, и ко мне она относилась соответственно. Видимо, полагала, что я есть продукт последнего, сталинского поколения. Таково мое мнение. Так я думаю за Надежду Константиновну. Впрочем, так это и было. Я действительно был предан генеральной линии партии, ее Центральному Комитету и Сталину как нашему вождю, как руководителю страны, и считал, что все, что у нас делается, все, о чем говорит Сталин, — правильно, гениально, и надо это проводить в жизнь. И я делал все, что от меня зависело, чтобы это претворялось в жизнь.

Однако человеческие чувства проявляются даже при таком положении. Поэтому я раздваивался, когда Надежда Константиновна попадала в сферу партийного огня. Мне было ее жалко. Сталин в узком кругу объяснял нам, что она вовсе не была женою Ленина. Он иной раз выражался о ней довольно свободно. Уже после смерти Крупской, когда он вспоминал об этом периоде, то говорил, что если бы дальше так продолжалось, мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женою Ленина; говорил, что могли бы объявить, что другая женщина была женою Ленина, и называл довольно уважаемого в партии человека. Но я не могу быть судьей в таких вопросах, а просто считаю, что тут налицо одно из проявлений неуважения к Ленину. Это именно не клевета, а неуважение к Ленину.

Ничего святого у Сталина не было. Даже самого Ленина, даже его имя не щадил. Сталин нигде не выступал с этим, но в узком кругу позволял себе говорить такое. И он не просто так болтал: он хотел тем самым повлиять на нашу психику, на наше сознание, расшатать безграничную любовь к Ленину, чтобы еще больше укрепить собственное положение вождя и первого мыслителя нашей партии и нашей эпохи. Сталин очень осторожно вкрапывал в сознание людей, которые находились в его окружении, мысль, что Сталин вовсе не такого мнения о Ленине, как он публично говорит о том и как пишут об этом.

Тут я должен вернуться к рассказу о Кагановиче. Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: «Вы что говорите? Как вы смеее так говорить?» Но произносилось это тоном, поощряющим как бы возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка пошли с ней, чтобы их там покормили, она кричит: «Не ходи, не ходи чертенок!» и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: «Иди за мной, иди». Он и бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами: «Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец». А иной раз приводил такие сравнения, которые ни в какие записи не вмещаются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина явно ложное возмущение. В этом Каганович был большой мастер. Он чувствовал, что Сталину нравится, а что — нет. Вплоть до самой смерти Сталина все чаще возникал такой «спор» Кагановича со Сталиным. Никто из нас не вмешивался в этот спор. Думаю, что если бы Сталин официально согласился с Кагановичем и были бы предприняты шаги по смещению Ленина с прежнего пьедестала и постановки на

него Сталина с заменой ленинизма сталинизмом, то никто бы не возразил. Хотя я убежден, что все внутренне возмущались бы.

Но Сталин чувствовал, что хотя все молчат, но раз никто не поддерживает Кагановича, то и не следует утрировать. Сталин, безусловно, выделял Кагановича и считал, что именно он правильно оценивает роль и исторические заслуги Сталина. Не знаю, результат ли это старческого упадка сил и ослабленной мозговой деятельности Сталина или же это ослабление сдерживающих центров. Если раньше Сталин подавлял в себе такие мысли, то теперь они стали набирать силу, а Каганович хотел это ловко использовать. Однако этого не произошло. И очень хорошо, что не произошло.

Чтобы лучше понимать, в какой обстановке выслушивали мы, члены Политбюро, сталинские откровения, полезно будет заметить кое-что о самой этой обстановке, так как от этого во многом зависело восприятие нами сталинских слов.

Все последние годы жизни Сталина на него действовал какой-то страх. Это я замечал по многим признакам. Например, когда мы раз ехали из Кремля после просмотра кинокартин на «ближнюю» дачу, то стали вдруг петлять по улицам и переулкам Москвы, пока проезжали довольно короткое расстояние от Кремля до западной дуги Москвы-реки и еще не выехали за Москву-реку. В машину со Сталиным обычно садились Берия и Маленков, а остальные рассаживались по своему выбору. Я чаще всего садился в одну машину с Булганиным.

Я спрашивал потом тех, кто садился со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы». Он, видимо, имел при себе план Москвы и намечал маршрут, и когда выезжали, то говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать так-то, выехать туда-то. Не надо быть умным, чтобы догадаться, что это он принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы покушаться на его жизнь. Он даже охране заранее не говорил, каким поедет маршрутом, и каждый раз менял маршруты. Чем это было вызвано? Недоверием ко всем и страхом за свою жизнь.

Потом мы злословили между собой, что, когда приезжали на «ближнюю» дачу, там в дверях и воротах усиливались запоры. Появлялись всякие новые задвижки, затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена электрическая сигнализация и имеются прочие средства охраны? Мы считали, впрочем, что это все правильно: Сталин занимал такое положение, что для врагов советского строя был весьма «привлекательной» фигурой. Тут шутить было нельзя, хотя и подражать ему было бы тоже вредно. Тогда в Кремль никого из обычных граждан не пускали. Кремль был недоступен. Здание, где находился Большой театр, абсолютно ни для кого на какое-то время не было доступным, кроме тех лиц, которые шли туда вместе со Сталиным. Туда, где он сидел, никто и не входил без Сталина. И там тоже принимались все меры предосторожности.

Я был раз свидетелем такого факта. Сталин пошел в туалет. А человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин, выйдя из туалета, набросился при нас на этого человека и начал его распекать: «Почему вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так и должны охранять, а вы тут сидите, развалившись». Тот оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там нет дверей. Вот тут есть дверь, так за нею как раз и стоит мой человек, который несет охрану». Но Сталин ему грубо: «Вы со мной должны ходить». Но ведь это невероятно, чтобы тот ходил за ним в туалет. Значит, Сталин даже в туалет уже боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы больного мозга. Человек сам себя запугал. Но тут, видимо, и Берия руку приложил.

Сталин с Берией изоощрялись в убийствах людей, придумывали для того невероятные способы. Вот он и переносил все на себя: почему к нему не могут применить такие же методы люди, которые захотят его сжить со света? Думаю, что это его начало терзать. Его терзали те действия, которые он применял к людям, к которым он относился с недоверием. И все они были «враги народа». Слишком это вольное толкование, кто враг, а кто не враг. К сожалению, так было. И сейчас все это еще недостаточно разоблачено и заклеено. Еще не разработаны те меры, которые могли бы послужить средствами предупреждения, чтобы такого не повторилось.

Так протекала жизнь в последние годы бытия Сталина. Я уже рассказывал, как он за обедом буквально ни одного блюда не мог откусывать, если при нем кто-либо из присутствующих его не попробовал. У нас имелись излюбленные блюда, и повара хорошо их готовили. Харчо было очень вкусное. Его брали все подряд, и тут уж Сталин не сомневался. А что касается закусок, которые стояли на столе, то он выжидал, когда кто-то попробует. Выждет какое-то время и тогда сам тоже берет. Человек уже довел себя до крайности и людям, которые его обслуживали годами и были, безусловно, преданы ему, не доверял. Никому не доверял!

Под Новый год особенно все шло, как заведенная машина. Если же он нас вообще не вызывает день-два, то мы считали, что со Сталиным что-то случилось. Видимо, он заболел. Он страдал от одиночества, тяготился оставаться без людей, ему нужны были люди. Когда он просыпался, то сейчас же вызывал нас по телефону, или приглашал в кино, или заводил какой-то разговор, который можно было решить в две минуты, а он его искусственно растягивал. Когда он нас приглашал к себе, то не всегда случалось пустое времяпрепровождение. Другой раз решались важные государственные и партийные вопросы. Но на это уходил небольшой процент времени, а потом требовалось как-то занять Сталина, чтобы он не страдал, не тяготился одиночеством, не боялся его.

Берия же все резче и резче проявлял в узком кругу лиц неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но случалось, и в моем присутствии. Иной раз он выражался очень оскорбительно в адрес Сталина. Признаюсь, меня это настораживало. Такие выпады против Сталина со стороны Берии я рассматривал как провокацию, как желание втянуть меня в эти антисталинские разговоры с тем, чтобы потом выдать меня Сталину как антисоветского человека и «врага народа». Я уже видел раньше вероломство Берии и поэтому слушал, ушей не затыкал, но никогда не ввязывался в такие разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе. Он был более чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он, конечно, понимал, что я неспособен сыграть роль доносчика. К тому же я знал, что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев. Милые бранятся — только тешатся. Два кавказца между собой легче договорятся. И я думал, что тут провокация, желание втянуть меня в разговоры, чтобы потом выдать и уничтожить. Это провокационный метод поведения. А Берия был на это мастер, он был вообще способен на все гнусное. Булганин тоже слышал такие разговоры, и думаю, что Булганин тоже правильно понимал их.

Не знаю, насколько Берия позволял себе такие выражения в присутствии Молотова и Ворошилова. В присутствии Кагановича он, безусловно, этого не делал, потому что он Кагановича ненавидел и опасался, что тот все передаст Сталину. Каганович и сам обладал гнусным характером, но другим, подхалимским. Мы порою одергивали Кагановича, когда он нападал на Ворошилова или Молотова, когда почувствовал, что они потеряли доверие у Сталина, и можно лягать лежащих. Это безопасно. А раз безопасно, значит можно. Другой морали у него не было. Он уважал только того, от кого зависел и кто мог нанести ему удар.

Я подошел вплотную к последним дням жизни Сталина. Наверное, начну рассказ с того последнего дня, когда мы были еще у живого Сталина. Мы потом разъехались и больше с ним здоровым не встретились. А приехали, когда были вызваны известием, что он заболел, и провели с ним последние часы его болезни. Мы у него проводили время в последний субботний вечер, и он был в хорошем настроении, казался нам здоровым, и внешне ничто не вызывало какой-либо тревоги относительно такого конца, который наступил уже к утру. А сейчас скажу сразу, что как-то в последние недели жизни Сталина мы с Берией проходили мимо двери его столовой, и он показал мне на стол, заваленный горою нераспечатанных красных пакетов. Видно было, что к ним давно никто не притрагивался. «Вот тут, наверное, и твои лежат», — сказал Берия. Уже после смерти Сталина я поинтересовался, что сделали с этими бумагами. Начальник охраны Власик ответил: «У нас был специальный человек, который потом вскрывал их, а то так оставлять неудобно, и мы отсылали содержимое обратно тем, кто присылал.

(Продолжение следует)

Технология власти

А. Г. Авторханов

VII. Великая чистка

На эту тему написаны десятки, если не сотни книг. Во всех этих книгах неизменно ставился один и тот же вопрос: почему Сталин пошел на столь чудовищный террор не только против народа, но даже и против собственной партии, когда ни в народе, ни в партии уже не было даже намека на какую-либо организованную оппозицию против режима? «Революция пожирает своих детей», «великий эксперимент требует великих жертв», — отвечали одни. «Сталин — сумасброд, деспот и садист», — отвечали другие. Теперь дан и третий ответ Хрущевым в его «закрытом докладе» на XX съезде КПСС¹: «Сталин смотрел на все это с точки зрения интересов рабочего класса, интересов трудящегося народа, интересов победы социализма и коммунизма. Мы не можем сказать, что его поступки были поступками безумного деспота. Он считал, что так нужно было поступать в интересах партии, трудящихся масс, во имя защиты революционных завоеваний. В этом-то и заключается трагедия!»

Первые ответы ищут закономерности в исторических аналогиях или в личных качествах человека. Последний ответ ищет алиби для соучастников сталинских злодеяний, хотя и правильно подчеркивает, что Сталин далеко не был «безумным деспотом». Однако Сталин не был и политическим актером, который повторял на русской сцене давно заученные роли из старых трагедий — деспотов, тиранов или даже термидорианцев — лишь бы все шло «согласно истории». Да он апеллировал и к истории, но чтобы брать из нее то, чего не было, но должно было быть для успеха дела. Апеллировал не столько к успехам исторических фигур своего характера (если вообще были таковые), сколько к урокам их конечных падений, чтобы избежать самому этой судьбы. По этой части, конечно, мы не найдем никаких прямых указаний ни в «Сочинениях» Сталина, ни в «разоблачениях» Хрущева. То было некое устное «руководство, как захватить, удержать и расширить личную власть», куда Сталин не разрешил бы заглянуть не только нам, но и своим близким ученикам.

Но странное дело: одну из страниц этого неписанного «руководства» Сталин все-таки огласил как раз людям, которые находились вне политики, — советским художникам. Я придаю этой одной странице больше значения, чем всем книгам и речам Сталина, чем всем книгам и речам о Сталине, если мы хотим понять внутренние мотивы и найти психологический ключ к террористической практике Сталина

Продолжение. См. вопросы истории, 1991, №№ 1—12.

в тридцатых годах. Речь идет о беседе Сталина 24 февраля 1947 года с народным артистом СССР Н. К. Черкасовым и известным кинорежиссером С. М. Эйзенштейном. Беседа эта изложена в книге Н. К. Черкасова «Записки актера».

Прежде всего — о подлинности самой беседы. Критикуя Сталина за «немарксистский» характер его взглядов по излагаемому вопросу, один из видных старых советских историков профессор С. М. Дубровский констатирует²: «Книга «Записки актера» Н. К. Черкасова была подготовлена к изданию при жизни И. В. Сталина. Никаких возражений ни со стороны последнего (!), ни со стороны лиц, присутствовавших на указанной беседе, не последовало. Очевидно, изложение беседы считалось правильным». К чему же сводилось содержание беседы? Н. К. Черкасов свидетельствует³:

«Говоря о государственной деятельности Ивана Грозного, товарищ И. В. Сталин заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. В частности, говоря о прогрессивной деятельности Грозного, товарищ И. В. Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввел монополию внешней торговли, добавив, что после него это сделал только Ленин. Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричнины, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником... Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами — если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени... И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что «тут Ивану помешал Бог»: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает «грех», тогда как ему нужно было действовать еще решительнее!...» (курсив в цитате мой. — А. А.).

Таким образом, ошибки «прогрессивного Грозного» и его политической полиции — «опричнины» — Сталин видел в недостаточной жестокости как результат недостаточной решительности. Если бы не эта «мягкость» Ивана Грозного, то в начале XVII века в России не было бы польско-шведской интервенции и «крестьянской революции»! Никакие философские мудрствования, никакие исторические экскурсы, никакая субъективная «трагедия» Сталина, а вот эти откровенные его слова о «грехах» нерешительного Ивана Грозного и объясняют нам, на мой взгляд, всю психологию и практику Сталина на путях к его личной диктатуре.

«Великая чистка» и была завершающим этапом по физическому уничтожению не только бывших, но и возможных в будущем партийных «феодалов и бояр». Тут уже Сталин, конечно, не повторил «ошибок Грозного». Будущим тиранам придется учиться не на «ошибках» Сталина, а на его успехах, но едва ли удастся кому-нибудь и когда-нибудь превзойти эти успехи... Сама «Великая чистка» прошла через три этапа, соответственно тому, кто был помощником Сталина по НКВД: Чистка Ягоды — 1934—1936 годов. Чистка Ежова — 1936—1938 годов. Чистка Берии — 1938—1939 годов.

В организации «Великой чистки» роль наркома внутренних дел СССР Генриха Ягоды ничуть не уступает роли его преемника Николая Ежова, а в определенном смысле даже превосходит ее. Ежов только продолжал, продолжал грубо и топорно, ту акцию, которую весьма тонко, глубоко законспирированно и столь же вероломно подготовил и начал Ягода по поручению Сталина. На процессе так называемого «правотроцкистского блока» в марте 1938 года Ягода признавался, что он подготовил и провел убийство члена Политбюро, секретаря ЦК и Ленинградского обкома партии Сергея Кирова, отравил членов правительства Валериана Куйбышева, Вячеслава Менжинского (бывшего шефа самого Ягоды), писателя Максима Горького и его сына Максима Пешкова.

В то время к признаниям Ягоды отнеслись с таким же недоверием, как и ко всем другим показаниям московских процессов. Недоверие это объяснялось общеизвестными причинами: во-первых, никто не верил, чтобы старые революционеры — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков и другие — под конец своей жизни превратились в обыкновенных уголовных убийц, наемных шпионов и профессиональных отравителей; во-вторых, все обвинения были основаны на личных показаниях подсудимых, достаточно фантастических, чтобы не верить в их правдоподобность; в-третьих, никаких объективных улик и доказательств представлено

на суде не было, если доказательством не считать того, что прокурор Вышинский называл на суде «объективной логикой».

Однако сейчас, в свете доклада Хрущева на XX съезде, мы приходим к выводу, правильность которого поколебать уже невозможно: Ягода говорил абсолютную правду по поводу убийства Кирова и отравления других, но говорил неправду по поводу организаторов самих убийств. Организаторы убийств сидели не на скамье подсудимых, а в Политбюро ЦК партии — Сталин, Молотов, Каганович и Ворошилов. На скамье подсудимых сидел лишь один организатор-исполнитель — бывший шеф НКВД Г. Ягода.

Уже Л. Троцкий обратил внимание на это (в книге «Сталин»). Еще до разоблачений Сталина Александр Орлов, бывший генерал НКВД, привел нам в книге «Тайные преступления Сталина» веские доказательства того, что Киров был убит по заданию Сталина. То и другое косвенно подтвердил Н. Хрущев в названном докладе. Вот слова Хрущева⁴: «Необходимо заявить, что обстоятельства убийства Кирова до сегодняшнего дня содержат в себе много непонятного и таинственного и требуют самого тщательного расследования. Есть причины подозревать, что убийце Кирова — Николаеву — помогал кто-то из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной «катастрофы», во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что *они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова* (курсив мой. — А. А.). (Движение в зале)».

Хрущев, конечно, говорил только об одном «истинном организаторе убийства Кирова» — о Сталине, — прямо не называя его имени и не сообщив всего того, что он лично знает по этому поводу. Будет ли, однако, произведено расследование этого дела, как предлагал Хрущев? После того, что тот же Хрущев заявил в новогодней речи 1 января 1957 года в присутствии дипломатического корпуса в Москве о великих заслугах «стойкого марксиста-ленинца» Сталина, в этом можно сомневаться, по крайней мере, до тех пор, пока соучастники Сталина — Молотов, Каганович, Ворошилов — сидят все еще в Президиуме ЦК КПСС. Но уже сказанного Хрущевым, в руках которого находится личный архив Сталина и все еще уцелевшие свидетели сталинских преступлений, вполне достаточно, чтобы восстановить, наконец, историческую правду: Сталин убил Кирова руками шефа центрального НКВД Г. Ягоды и шефов ленинградского НКВД Медведя и Запорожца, а эти последние Сталиным «были расстреляны, чтобы скрыть следы» собственного преступления.

Почему же Сталин избрал своими первыми жертвами для начала «Великой чистки» Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького? Если мы вспомним положение, вес каждого из них в партии и стране, если учтем их личные качества и их взаимоотношения с будущими жертвами Сталина, то станет ясным, что выбор Сталина не был случайным, произвольным. В данном случае остановимся лишь на одном Кирове.

Трагедия Кирова заключалась в его невероятной популярности в партии, в исключительном личном мужестве, в доходящей до упрямства самостоятельности в работе. Широко были известны случаи, когда Киров просто игнорировал распоряжения ЦК и Совнаркома, если ему казалось, что они идут вразрез с интересами его работы в Ленинграде (вопросы рабочего снабжения, карательной политики НКВД против интеллигенции и т. д.), что создавало ему популярность и в народной массе. Причем Киров до конца жизни поддерживал старую традицию революционеров посещать большие рабочие и крестьянские собрания и выступать на них, традицию, от которой Сталин давно отказался (Хрущев заявил, что последний раз Сталин был среди народа только в 1928 году), а примеру Сталина следовали все другие члены Политбюро, кроме Кирова...

У Кирова были и другие личные преимущества, которые в те годы играли важную роль в карьере коммуниста: в отличие от полуинтеллигента, воспитанника

духовной семинарии и сына мелкого *грузинского* ремесленника-сапожника («мелкого буржуа»!) Сталина-Джугашвили, *русский* Киров был сыном потомственного пролетария, сам пролетарий, вступил в партию большевиков в восемнадцатилетнем возрасте, в 1904 году (Сталин вступил в девятнадцатилетнем возрасте в грузинскую националистическую организацию «Месаме-даси», из этой организации впоследствии вышли грузинские меньшевики, с которыми Сталин поддерживал связи до 1917 года). В годы войны и Февральской революции Сталин примыкал к правому крылу большевиков и открыто выступал вместе с Каменевым против «Апрельских тезисов» Ленина, о чем теперь пишут и сами большевики, а Киров с 1904 года ни разу не отходил от линии Ленина.

Как теоретик Сталин был дилетантом, как публицист — посредственностью, а как оратор — наводил скуку. После Троцкого и Луначарского у большевиков не было такого талантливого оратора и публициста, как Киров. Несмотря на свое исключительно высокое положение — второй человек в Москве и первый в Ленинграде — Киров не успел превратиться в то, во что превратились давным-давно его коллеги по Политбюро: в недостижимых бюрократах на вершине партийной олигархии. Именно в коридоре Смольного его убили, вероятно, выражаясь словами Хрущева, «чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства», а его легко могли убить на любом рабочем собрании. Было у Кирова и другое преимущество в глазах идейных коммунистов: так называемую «диктатуру пролетариата» Киров понимал в буквальном смысле, несмотря на его почти десятилетнюю сталинскую школу.

Сталин всегда считал все преимущества своих коллег своими личными недостатками. Даже та «мания величия» Сталина, о которой нам рассказывал Хрущев, кроме всего прочего, тоже выросла из того же источника — из чувства собственной неполноценности, которое так ярко сказалось в отношениях Сталина к Троцкому, Зиновьеву и Бухарину. Об этих качествах Кирова как человека и коммуниста Сталин счел нужным написать в некрологе, посвященном его же жертве⁵: «Товарищ Киров, — писал ЦК партии, — представлял собою *образец большевика, не знавшего страха и трудностей... Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции* сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных, товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплотой и с скромностью, которые присущи настоящему ленинцу» (весь курсив в цитате мой. — А.А.).

Но как раз эти качества — незнание страха, прямота, железная стойкость изумительно вдохновенного трибуна революции — были палкой о двух концах: они были хороши вчера, когда существовала думающая партия Ленина, они были вредны сегодня, когда создавалась нерассуждающая олигархия Сталина. Даже больше: такие качества были просто опасны не только для дела Сталина, но и для тех, кто ими владел. Вся последующая практика Сталина и поведение его «учеников и соратников» служат самыми убедительными тому доказательствами.

Если ко всему этому присовокупить политико-историческую географию резиденции Кирова, трагедия Кирова становится еще более ясной: он был своенравным диктатором первой столицы революции и второй столицы государства — Ленинграда. Пролетарский Петроград (Ленинград) — это колыбель революции, а купеческая Москва — ее незаконная наследница. Петроградцы начинали одну за другой три революции, а Москва — ни одной. Вместо купеческой Москвы появилась Москва бюрократическая, а Петроград остался самим собой — пролетарским центром. В Москве пролетариат стал буржуазией, а в Петрограде даже буржуазия превратилась в пролетариат. Как бы не случилось так, чтобы Петроград не устроил и четвертой революции, если в Москве постараются превратить мнимую «диктатуру пролетариата» в реальную диктатуру одного Сталина!

Конечно, Киров был самым убежденным соратником и другом Сталина в политической борьбе с троцкистами и зиновьевцами, но он был столь же решительным противником их физического уничтожения. Без энтузиазма боролся он и с бухаринцами, но никогда не порывал личных отношений с Рыковым, Томским и со своим кумиром в теории — Бухариным. Совершенно не случайно на процессе Бухарина, Рыкова и других следствие (Сталин) вложило в уста Ягоды следующие слова⁶: «Дело складывалось таким образом: с одной стороны, беседы Рыкова со мною определили мои личные симпатии к программе правых. С другой стороны, из того,

что Рыков говорил мне о правых, о том, что, кроме него, Бухарина, Томского, Угланова, на стороне правых вся московская организация, *ленинградская организация* (курсив мой. — А.А.), профсоюзы, из всего этого у меня создалось впечатление, что правые могут победить в борьбе с ЦК».

«Вся ленинградская организация» поддерживает правых, а ведь во главе ее стоял тот же Киров, как Угланов во главе московской организации. Заметим тут же, что во время «Великой чистки» ни один из личных друзей Кирова, ни один из его помощников, ни один из членов бюро и секретариата Ленинградского обкома партии не был оставлен в живых — если «скрывать следы подлинных организаторов убийства Кирова», то уж до конца! Даже их жены были уничтожены. Для этого Сталин создал специальный «Ленинградский центр» в составе бывших помощников Кирова — второго секретаря обкома и члена ЦК Чудова, членов Бюро Обкома Угарова, Смородина, Позерна, Шапошниковой (жены Чудова) и других.

XVII съезд партии (февраль 1934 г.) был съездом небывалого личного триумфа Кирова. Он воздавал на этом съезде высокую дань организаторскому таланту Сталина, назвал доклад Сталина «эпохальным документом», впервые, в нарушение всех традиций партии, предложил съезду не принимать специальной резолюции по отчетному докладу ЦК, а просто руководствоваться в работе партии «установками отчетного доклада ЦК, сделанного Сталиным». Все это было хорошо и укладывалось в рамки сталинской стратегии, но плохо было другое: звездой съезда все-таки был не Сталин, официальный «мудрый вождь и верный ученик Ленина», а Киров — «вдохновенный трибун» давно уже переродившейся революции.

Бурной, непрекращающейся овацией, на этот раз совсем не казенной, а «вдохновенной», по адресу Кирова, съезд как бы предупреждал Сталина: смотри, не зарывайся, Киров стоит у трона генерального секретаря! Вероятно, еще больше обескуражили вечно подозрительного Сталина результаты выборов в руководящие органы ЦК — Киров был единогласно избран во все три органа ЦК, в члены Политбюро, Оргбюро и Секретариата, — привилегия, которой до сих пор пользовался лишь один Сталин! (Чтобы умалить значение этого факта, Сталин ввел в эти органы и Кагановича.) Искренний друг Сталина, убежденный фанатик ленинизма, «потомственный пролетарий», но своенравный политик и опасный идеалист был торжественно увенчан лаврами «кронпринца» на престол партийного лидера.

Сталин не мог не ненавидеть такого друга. Он не подходил к плеяде Молотовых, Кагановичей, Ворошиловых. Несмотря на все дифирамбы Кирова, Сталин чувствовал, что Киров — все еще человек вчерашнего революционного дня. Даже в самом Сталине Киров восхвалял именно вчерашний день революции: «Сталин — верный ученик Ленина!» От самой хвалы Кирова отдает какой-то еле уловимой покровительственной снисходительностью: «После Ленина мы не знаем другого человека, который так верно и талантливо вел бы партию по ленинскому пути, как Сталин. Это должна знать вся партия», — твердил Киров, но Киров ни разу не говорил того, что Молотовы и Кагановичи утверждают уже давно: «Сталин — это Ленин сегодня». Киров помешался на Ленине! Целясь в сердце партии Ленина, трудно завербовать в заговорщики такого фанатика. Хуже этого: можно нарваться на сопротивление его «железной стойкости» и «прямоты».

Прежде чем приступать к осуществлению намеченной цели, надо его убрать. Арестовать и судить на Лубянке как «врага народа»? Но этому не поверит не только партия, но даже НКВД. Объявить Кирова на пленуме ЦК новым «уклонистом»? В этом случае в «уклонистах» мог бы очутиться сам Сталин. Киров — не бывший меньшевик, как Троцкий, не дезертир Октябрьской революции, как Зиновьев, не «левый коммунист», а потом и «правый оппортунист», как Бухарин, не бывший «националист», а потом и «каменевец», как Сталин, — он «образец большевика», как писал тот же Сталин в некрологе по поводу его убийства. Записать такого в «уклонисты» просто невозможно. Вдобавок ко всему этому, его искренняя преданность Сталину вне сомнения.

Такую же преданность Кирову Сталин выказывал и сам, выдвинув его в 1926 году на пост руководителя ленинградской партийной организации, хотя секретарем ЦК партии Азербайджана он был назначен еще Лениным (1921 г.). Свою дружбу с Кировым Сталин засвидетельствовал и в трогательной надписи на авторском экземпляре «Вопросов ленинизма»: «Брату моему и другу — Сергею Мироновичу Кирову от автора. И. Сталин, 1924», — гласит эта надпись. Да, такого Кирова

нельзя было убрать политически, но его легко было убрать физически. И сразу добиться двух целей: убить конкурента и воспользоваться этим убийством для оправдания «Великой чистки».

Я писал об этой версии убийства Кирова уже в книге, вышедшей по-французски в 1951 году (Alexander Ouralov. *Staline au Pouvoir. Les Iles d'or*, Paris, 1951), но относился к ней скептически. Криминальные возможности Сталина оказались глубже и шире, чем мои самые смелые представления о них! Но как же Ягода пошел на это? А вдруг дело провалится? Вдруг его разоблачат люди Кирова или сам Киров? На это дал классический ответ прокурор Вышинский⁷: «Ягода — не простой убийца. Это убийца с гарантией на неразоблачение». Верховным гарантом «неразоблачения» был сам главный организатор — Сталин, но только до поры до времени.

Теперь перед Ягодой была поставлена более трудная и ответственная задача — подготовить несколько процессов в Москве и Ленинграде по ликвидации, во-первых, собственных исполнителей, во-вторых, политических врагов Сталина, абсолютно непричастных к убийству Кирова. Первая задача была легкая: Николаева и его личных друзей (Католинов, Румянцев, Сосицкий и др.), которые могли знать кое-что о подлинных организаторах убийства, арестовали и в подозрительно спешном порядке, через какой-нибудь месяц (в начале января 1935 г.), расстреляли. Официальное сообщение говорило, что состоялся суд и что обвиняемые из «группы Николаева» расстреляны. Был ли вообще суд, что подсудимые говорили, каковы были показания самого Николаева, расстреляны ли они через месяц, а не через день, как тот охранник Кирова, о котором говорил Хрущев, — все это осталось тайной. Медведь и Запорожец были «наказаны» назначением на другую чекистскую работу на Дальнем Востоке «за необеспечение охраны Кирова».

В середине января 1935 года в Москве состоялся первый процесс над Зиновьевым и Каменевым. Им предъявили обвинение, что они поручили Николаеву и его группе совершить убийство Кирова. Косвенное доказательство: все члены группы Николаева коммунисты — бывшие зиновьевцы (хотя сам Николаев был с самого начала сталинцем). Но так как при их допросах, по всей вероятности, не применялись методы физических пыток, то обвиняемые категорически отказались признать себя виновными. Каменев заявил на этом суде⁸: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не делал ставку на боевую борьбу». Когда же ему суд сообщил, что его судят за возглавление террористического «Московского центра», Каменев иронически заметил: «Я ослеп — дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал». К этому же сводились и показания Зиновьева, который, однако, указал на одну важную деталь: многих из сидящих с ним на скамье подсудимых в качестве членов его «Московского центра» (16 человек) он впервые в своей жизни увидел здесь на суде (во всех московских процессах рядом с известными деятелями партии и государства НКВД сажал и своих совершенно неизвестных агентов — провокаторов как «свидетелей-соучастников»).

Но одно Зиновьев и Каменев все-таки признали: поскольку коммунисты, которых расстреляли по делу «Ленинградского центра» (группа Николаева), когда-то были их единомышленниками, постольку они, Зиновьев и Каменев, несут за них «моральную ответственность». Это было не то, чего Сталин требовал от них, но пока пришлось этим ограничиться. Каменева и Зиновьева присудили лишь к тюремному заключению за «моральную ответственность» в деле убийства Кирова. У Сталина было много времени и столько же терпения. Главное — лед тронулся! Зиновьевцы ошибались, если они думали, что они так легко отделались от назойливой охоты Сталина за их головами. Осужденных Зиновьева и Каменева Сталин не отправил в Сибирь, а разместил по одиночным камерам на Лубянке, разместил, главным образом, за их же оплошность: кто сказал «А», должен сказать и «Б».

Сталин дал новое задание Ягоде с неограниченными полномочиями — выбить из них это «Б». Сталин ему, вероятно, обещал то же, что и министру государственной безопасности Игнатьеву во время «дела врачей»: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову!» А при помощи каких методов? О них нам сообщил тот же Хрущев: «Эти методы были просты: бить, бить и еще раз бить». И Ягода и его помощники били зиновьевцев до тех пор, пока они не подписали фактические показания о том, что они не только убили Кирова, но собирались

убить Сталина, Кагановича, Ворошилова, Жданова, даже Косиора, Постышева, Орджоникидзе и Ягоду (в этот список почему-то не был включен Молотов).

В августе 1936 года состоялся первый открытый политический процесс в Москве над старыми друзьями Ленина, организаторами большевизма — бывшим председателем Коминтерна Г. Зиновьевым и заместителем Ленина по Совнаркому (правительству) Л. Каменевым, над старыми большевиками, руководителями Октябрьской революции и гражданской войны Евдокимовым, Смирновым, Бакаевым, Мрачковским, Тер-Ваганяном плюс десять агентов НКВД как «соучастников-свидетелей» «троцкистско-зиновьевского террористического центра». В агентах НКВД особой нужды и не было: зиновьевцы и троцкисты признавались во всем, не отговаривались и не упирались как на первом январском процессе 1935 года. Прокурору Вышинскому оставалось лишь цинично констатировать: «Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 г. для Зиновьева и Каменева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли».

Однако, признаваясь и в убийстве Кирова и в подготовке убийства Сталина и сталинских соратников, Зиновьев и Каменев категорически отвергали совершенно к делу не относящееся, но упорно выставляемое Вышинским второстепенное обвинение: при успехе своего заговора Зиновьев и Каменев решили убить своих исполнителей. «Да, Сталина мы решили убить, но убийц Сталина — нет», — утверждали они. Это возмущало Вышинского до крайности. По этому поводу он заявил в своей речи⁹: «Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, *старался показать*, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое... Я говорю об их плане уничтожения следов своих злодейских преступлений... Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовлявшемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их распоряжений. Первую часть Зиновьев и Каменев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль Верна... Это фантазия, арабские сказки... Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали... где участников заговора физически уничтожали рукой организаторов заговора, как это было с уничтожением Рема и его сподвижников! Так почему же вы это называете Жюль Верном?»

Практика Сталина показала, что это действительно не из Жюль Верна. 25 августа 1936 года как Зиновьев и Каменев вместе с их друзьями, так и агенты-provокаторы НКВД были все до единого расстреляны. Но на этом закончилась и provокаторская роль самого Ягоды. Ровно через месяц — 25 сентября 1936 года — Сталин и Жданов протелеграфировали из Сочи Молотову и Кагановичу¹⁰: «Мы считаем абсолютно необходимым и слешным, чтобы тов. Ежов был бы назначен на пост народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД». Эту телеграмму Хрущев комментирует так¹¹: «Строго говоря, мы должны подчеркнуть, что Сталин не встречался с партийными работниками и поэтому не мог знать их мнения. Сталинская формулировка, что «ОГПУ отстает на четыре года» в применении массовых репрессий и что нужно «наверстать» запущенную работу, толкнула НКВД на путь массовых арестов и казней».

Спрашивается, как это Ягода не справился с «троцкистско-зиновьевским блоком», после того как он блестяще провел процесс Зиновьева и Каменева и расстрелял их? Нет, Ягода справился и справился великолепно. Весь мир был изумлен фантастически-подробными, внешне совершенно не вынужденными признаниями подсудимых в самых тяжких обвинениях против них со стороны НКВД (Ягода), прокуратуры (Вышинский), Военной коллегии Верховного суда СССР (Ульрих). Суд кончился без единого эксцесса, подсудимые в своих последних словах глубоко каялись в несодеянных преступлениях, Вышинский торжествовал, Ягода ждал нового ордена и нового поручения, а Сталин снимает его с поста шефа НКВД и бесцеремонно сажает в подвал того же НКВД! Сталина надо было бы обвинить в

неблагодарности, если бы это не было первым справедливым арестом за все время советской власти.

Путь Ягоды к власти был усеян трупами сотен тысяч рядовых советских граждан. Из советских вельмож на его совести лежало всего несколько трупов — Кирова, Куйбышева, Менжинского, Максима Горького и еще десятка два из группы Зиновьева и Николаева. За убийство этих советских вельмож Сталин и расстрелял его: надо было ликвидировать свидетелей-исполнителей собственных преступлений. Недаром Вышинский злился на наивность Зиновьева и Каменева, которые никак не могли себе представить, чтобы Гитлер мог уничтожить Рема за выполнение собственного приказа (пожар в рейхстаге), чтобы скрыть следы этого преступления. Почему же Сталину щадить исполнителя своих преступлений?

VIII. Ежовщина

На второй день после телеграммы Сталина и Жданова из Сочи Ягода был снят и формально назначен наркомом (министром) связи СССР на место Рыкова, который находился на этой работе после снятия с должности главы правительства. Место Ягоды, конечно, занял Ежов. Николай Иванович Ежов был, выражаясь советским языком, классическим продуктом специфической сталинской школы. До 1927 года он был на партийной работе в провинции (Казахстан). В 1927 году по рекомендации его старого друга Поскребышева Сталин взял его в свой секретариат. В 1930 году его назначили заведующим отделом кадров ЦК. В 1934 году на XVII съезде партии он впервые был избран членом ЦК, а в 1935 году он уже секретарь ЦК и председатель Комиссии партийного контроля при ЦК вместо Кагановича, заместителем которого он до того работал. Но Ежов был не просто секретарем ЦК, а секретарем ЦК по надзору над кадрами НКВД, суда и прокуратуры (эта должность была введена тогда впервые и сохраняется поныне).

Как я рассказывал в другой работе¹², через пять месяцев после убийства Кирова — 13 мая 1935 года — ЦК ВКП(б) принял четыре важнейших для жизни миллионов решения, из которых только одно было опубликовано: 1. Создать Оборонную комиссию Политбюро для руководства подготовкой страны к возможной войне с враждебными СССР державами (имелись в виду Германия и Япония, в первую очередь; Франция и Англия, во вторую). В ее состав вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович и Орджоникидзе. 2. Создать Особую комиссию безопасности Политбюро для руководства ликвидацией врагов народа. В ее состав вошли Сталин, Жданов, Ежов, Шкирятов, Маленков и Вышинский. 3. Провести во всей партии две проверки: а) гласную проверку партдокументов всех членов партии через парткомы, б) негласную проверку политического лица каждого члена партии через НКВД. 4. Обратиться ко всем членам и кандидатам партии с закрытым письмом о необходимости «повышения большевистской бдительности», «беспощадном разоблачении врагов народа и их ликвидации».

Опубликовано было решение лишь о гласной проверке партдокументов. Вся политическая лаборатория Сталина погрузилась в величайшую конспирацию против собственной партии, народа и государства. Если в основу работы Оборонной комиссии был положен принцип — «Будем бить врага на его собственной территории» (Ворошилов), то Комиссия безопасности должна была руководствоваться в своей работе лозунгом: «Чтобы успешно бить врага на фронте, надо уничтожить сначала врагов в собственном тылу» (Сталин). Убийство Кирова было организовано для этой цели. Но так как вездесущая советская разведка была убеждена, что рано или поздно столкновение с Германией и Японией неизбежно, то Сталин вспомнил и об угрозах троцкистов прибегнуть к «тезису» Клемансо (когда враг подойдет к столице, произвести государственный переворот, чтобы спасти страну) и поставил перед Комиссией безопасности задачу разработать подробный оперативный план, обеспечивающий создание «морально-политического единства советского народа». В результате двухлетней разведывательной работы Комиссии безопасности появился чудовищный план, который советский народ окрестил именем «ежовщины».

Сущность его, как подтвердили последующие события, заключалась в следующем: 1. Все взрослое мужское население и интеллигентная часть женского насе-

ления СССР была подвергнута негласной политической проверке через органы НКВД и его агентурную сеть по группам: а) интеллигенция, б) рабочие, в) крестьяне. 2. По каждой из этих социальных групп было установлено в процентах число, подпадающее под ликвидацию. 3. Была выработана подробная «таблица признаков», по которой люди подлежат ликвидации. 4. Был выработан календарный план, предусматривающий точные сроки ликвидации этих групп по районам, областям, краям и национальным республикам. План делил людей, подлежащих ликвидации, по категориям: а) остатки бывших и уничтоженных враждебных классов (бывшие дворяне, помещики, буржуи, царские чиновники, офицеры и их дети); б) бывшие члены враждебных большевизму партий, участники бывших антисоветских групп и организаций, Белого движения и их дети; в) служители религиозного культа; г) бывшие кулаки и подкулачники; д) бывшие участники всех антисоветских восстаний, начиная с 1918 года, хотя бы они были ранее амнистированы советской властью; е) бывшие участники всех антипартийных оппозиционных течений внутри партии, безотносительно к их позиции и принадлежности к ВКП(б) в настоящем; ж) бывшие члены всех национально-демократических партий в национальных республиках СССР.

Но если для ликвидации всех перечисленных категорий существовала все-таки какая-то «правовая основа», так как все они «бывшие»: одни по рождению, другие по воспитанию, третьи по убеждению, то теперь была установлена новая категория совершенно другого порядка, подлежащая ликвидации по признакам, до которых могли додуматься воистину лишь коммунистические алхимики из Политбюро: «антисоветски настроенные лица» или потенциальные враги советской власти. Потомственные пролетарии, стахановской марки колхозники, закоренелые большевики, краснейшие профессора, нашумевшие герои гражданской войны, легендарные вожди партизан, армейские политкомиссары, генералы армии и Маршалы Советского Союза, парикмахеры грандотелей и швейцары из посольств, дипломаты из Наркоминдела и проститутки из Интуриста — все они подводились под рубрику «антисоветски настроенных лиц» с тем, чтобы потом в стенах московской и провинциальных Лубянок произвести их в чины соответственно их уже не бывшему, а советскому рангу и профессии — в шпионы, террористы, вредители, повстанцы.

Психологи из НКВД, руководимые Комиссией безопасности, приступили к делу и на основе «таблиц о признаках» вели в течение 1935 и 1936 годов глубоко законспирированную работу по учету бывших и по установлению будущих врагов сталинского режима. Так как речь шла не о тысячах и даже не о сотнях тысяч, а о миллионах людей, то не было никакой возможности пропустить их через какие-нибудь нормальные советские юридические инстанции, поэтому было решено создать при центральном НКВД «особое совещание», а на местах — чрезвычайные республиканские, краевые, областные «тройки» для заочного суда над арестованными.

Одновременно в печати развернулась грандиозная кампания «по разоблачению и выкорчевке врагов народа». Две третьих всех публикуемых материалов «Правды» и местной партийной печати были посвящены «разоблачению и уничтожению врагов народа». Под знаком развертывания «большевистской критики и самокритики» от каждого члена партии, от каждого «непартийного большевика» требовалось подавать разоблачительные материалы на «врагов народа». «Если критика содержит хотя бы 5—10% правды, то и подобная критика нам нужна» — это известное требование Сталина постоянно повторялось устной и печатной пропагандой для поднятия духа многочисленной армии доносчиков.

С точки зрения выявления «врагов народа», «критике и самокритике» должны были подвергнуться все учреждения, фабрики и заводы, рудники и шахты, железные дороги и водные пути, колхозы и совхозы, все виды школ, искусство, культура, наука. Как о тамбовском колхознике, так и о московском наркome могли писать и говорить с одинаковым успехом, если у кого была «пятипроцентная» правда о потенциальной склонности к антисталинизму названного колхозника или высокопоставленного министра. Члены партии с членами партии, парткомы с парткомами, области с областями, республики с республиками соревновались в выявлении «врагов народа».

О крепости и идейной преданности партии Ленина — Сталина той или иной

парторганизации судилось по количеству выявленных и разоблаченных «врагов народа». Ордена на грудь и знаки в петлицах прибавлялись лишь у тех чекистов, на счету которых числилась наибольшая сумма арестованных «врагов народа». В гражданских и партийных чинах поднимались лишь те, кто имел наиболее часто упоминаемое имя в агентурных списках НКВД. Доносы приняли характер чумы и размахом стахановский. На доносы толкали всех: брата на брата, сына на отца, жену на мужа, всех на одного, одного на всех. Поэтому самые различные возрасты и ранги оказались подверженными этой специфической советской болезни — всеобщей «доносомании»: одни — как профессионалы, другие — для «самостраховки», третьи — по принуждению. На конференции Краснопресненского района Москвы в 1937 г. один из делегатов хвалился тем, что он «собственноручно» разоблачил за четыре месяца более 100 «врагов народа». Два сексота НКВД на «философском фронте» Митин и Юдин сумели лишь одним заявлением посадить в подвал всю Коммунистическую академию при ЦИК СССР, считавшуюся ранее теоретической лабораторией ЦК ВКП(б).

Но если в столице события все же развивались согласно «таблицам о признаках», то в провинции «доносомания» переросла в «доносохаос». Так как местные аппараты партии и НКВД не справлялись не только с обработкой, но и систематизацией этих доносов, ЦК вынужден был командировать в «помощь» местам особые бригады «специалистов» из ЦК и НКВД. Они имели инструкцию как в деле наведения порядка в «партийном хозяйстве», так и по присмотру на месте за самими партийными хозяевами. Но местные организации вовсе не думали отставать от столицы. Некоторые из них уже имели собственные «таблицы признаков», о которых Жданов говорил на XVIII партийном съезде, подводя итоги «массовым избиениям членов партии» (Жданов). Одна из этих организаций, по словам того же Жданова, решила выйти из хаоса доносов собственными средствами и в интересах справедливости классифицировать врагов по категориям, согласно количеству поданных на каждого доносов. Были установлены категории: 1) враг, 2) вражок, 3) вражонок, 4) вражонок. Соответственно были оформлены дела на подлежащих аресту.

Самая интенсивная и, надо сказать, главная работа по выявлению и учету «врагов народа» шла все-таки не в парткомах, а в кабинетах НКВД. К каждому местному НКВД были прикомандированы «особоуполномоченные» всесоюзного НКВД и Комиссии безопасности, которые только и знали, в чем задача и цель предстоящей «генеральной операции». В их карманах находились мандаты, подписанные Сталиным и Ежовым, дающие им чрезвычайные права на все, вплоть до ареста любого местного — областного, краевого, республиканского — партийного начальника и чекистского комиссара. Районные, областные и краевые НКВД должны были представить ему и его штабу списки, составленные согласно «таблицам о признаках» на все категории лиц, предусмотренные в этих таблицах.

Для проведения такой большой и чрезвычайной операции Ежов пользовался столь же большой и чрезвычайной властью. Он был теперь секретарем ЦК, председателем Комиссии партконтроля (партийный суд), членом Оргбюро ЦК и наркомом внутренних дел СССР. Выше него стоял лишь один Сталин, хотя Сталин сам юридически не входил тогда в состав правительства. Назначение Ежова, еще год тому назад совершенно не известного человека в стране и мало известного в партии, было встречено в народе с чувством облегчения. Когда же через непродолжительное время по стране прокатилась весть, что Ежов посадил в тюрьму старого и ненавистного инквизитора Г. Ягоду, то народ ликовал. На сомнения пессимистов — «Как бы хуже не стало!» — оптимисты отвечали: «Ну уж, знаете, хуже и быть не может!» Ежов жестоко разочаровал оптимистов: уголовные возможности сталинизма воистину оказались неограниченными...

На Ежова, на основе вышеприведенного плана, утвержденного Политбюро, возложены были следующие четыре задачи: 1. Создать «антисоветский троцкистский центр» во главе со старыми большевиками и членами ЦК Ю. Пятаковым, К. Радеком, Г. Сокольниковым, Л. Серебряковым и другими и провести процесс. 2. Создать «антисоветский военный центр» во главе с полководцами гражданской войны: маршалом Тухачевским, командармами Якиром, Уборевичем, Корком, Эйдеманом и другими и провести их закрытый процесс. 3. Создать «антисоветский правотроцкистский блок» во главе с бывшими членами Политбюро Бухариным и

Рыковым, бывшим шефом НКВД Г. Ягодой, с бывшими членами ЦК партии (которые, по свидетельству Хрущева, даже не были исключены из ЦК партии) Крестинским, Розенгольцем, Ивановым, Черновым, Гринько, Зеленским, Икрамовым, Ходжаевым и другими и провести процесс. 4. Провести по областям и республикам массовые аресты людей, в осуществление указанного выше плана, и пропустить их через чрезвычайные «тройки НКВД».

К осуществлению этих задач Ежов приступил в весьма неблагоприятных оперативно-технических условиях: сам Ежов все-таки не был по профессии чекистом, весь аппарат НКВД был сверху донизу разгромлен после ареста Ягоды в порядке чистки от его людей, новые работники из аппарата партии и из школ были малоопытными в полицейской технике. Тем не менее Ежов за два с половиной года своего управления (1936—1938 гг.) развернул такой террор, какого не разворачивали НКВД—ЧК—ОГПУ за двадцать лет своего существования. Сам Хрущев признался: «Достаточно сказать, что число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 году, по сравнению с 1936 годом, больше чем в десять раз»¹³. Хрущев почему-то не добавил, что это число в 1938 году по сравнению с 1937 годом выросло в геометрической прогрессии.

Подсчет арестованных членов партии легко произвести, что я и делаю в другом месте. Однако нет никакой возможности подсчитать, сколько же было арестовано людей беспартийных. Однако известно, что в июле 1937 года ЦК партии разослал местным партийным комитетам, органам НКВД и прокуратуры строго секретную инструкцию, подписанную Сталиным, Ежовым и Вышинским о порядке и масштабе проведения акции «по изъятию остатков враждебных классов». В инструкции буквально указывались нормы (в процентах), которые давались каждой республике или области для арестов. Они для того времени были довольно скромными — от трех до четырех процентов к общему населению. Если брать весь СССР, то это означало ликвидацию около 5 000 000 человек.

Я уверен, что этот «план заготовок людей» был значительно перевыполнен. С арестованными поступали просто: одних ссылали в концлагерь решением «троек НКВД» на местах (начальник НКВД, секретарь обкома и прокурор области), других расстреливали группами по заочному приговору тех же «троек». Родственники в этом случае получали устную справку: «Сослан на десять лет без права переписки».

Если Ежов образцово справился с проведением всенародной чистки «по изъятию остатков враждебных классов» (тут и работа была несложная — аресты, заочные суды по спискам «троек», групповые расстрелы и массовые отправки в концлагерь), то процессы в Москве прошли не так гладко, хотя подсудимые (группа Пятакова — Радека — январь 1937 г.) на первом ежовском процессе по-прежнему признавались. Признавались ли военные, осталось тайной, так как их судили при закрытых дверях. Но самый важный ежовский процесс — процесс Бухарина и Рыкова — удался лишь по форме, а по существу это был скандальный провал (об этом в следующей главе — «процесс Бухарина»). Все полагали, что этот неудачный процесс отучит если не Ежова, то Сталина от дальнейших судебных трагикомедий. Уже за границей начали писать, что все эти судебные инсценировки — сплошные фальшивки, а «чистосердечные признания подсудимых» — фантазии. Народ внутри СССР этим фантазиям не верил с самого начала.

Ввиду этого и так как Сталин уже и физически покончил со своими бывшими конкурентами за власть, было основание полагать, что чистка кончается. Такое ожидание оказалось ошибочным. Сталин поставил перед Ежовым теперь две новые задачи: 1. Создать «параллельный бухаринский центр» во главе с людьми, которые все еще сидели рядом со Сталиным в Политбюро, — Косиором, Чубарем, Эйхе, Рудзутаком, Постышевым, Петровским (как раз те члены и кандидаты Политбюро, которые в сентябре 1936 года голосовали против суда над бухаринцами) — и судить их. 2. Создать «параллельный военный центр» во главе с маршалами Егоровым, Блюхером и др. и судить их. На этих двух «центрах» и потерпел неудачу Ежов. Он не создал ни того, ни другого. Вопрос о том, почему он провалился здесь, тесно связан со следственной техникой и личными качествами вновь арестованных, иначе говоря, с эффективностью физических методов допроса и реакцией арестованных.

В первой части данной книги я говорил в общих словах о следственной технике

НКВД. Вообще говоря, о том, почему подсудимые признавались на московских процессах (как, впрочем, потом на послевоенных процессах титоистов в «народных демократиях»), существуют две теории: одна говорит, что под тяжестью моральных и физических мук и с целью спасения своих друзей и семьи люди давали любые показания; другая даже утверждает, что старые большевики продолжали и на суде служить делу революции (например, Рубашов у Артура Кестлера). Мне кажется, что обе эти теории верны лишь в определенных и конкретных случаях, но не как правило и, конечно, не как закон.

Людей, которые давали под пытками желательные Сталину показания, мы видели на московских процессах, но Рубашовых там не было, хотя не было и врагов советской власти. Рубашовы все-таки встречались, встречал их я сам, но на среднем этаже элиты. Это были люди политически ограниченные. «Революции без жертв не бывает, в интересах социализма я выполняю приказ партии и буду подтверждать на суде свои показания!» — так рассуждали они. Таких простачков чекисты спокойно пускали на суд и так же спокойно расстреливали их после суда. Так же поступали и с теми, кто сдавался, не выдержав пыток. Однако мы видели только десятки таких людей на процессах, но мы не видели сотен и тысяч других, которых Сталин не допустил до открытого суда.

Из среды большевистской гвардии, из самого ЦК партии, мы видели на процессах только тех, кто еще недавно открыто боролся со Сталиным и его руководством в разных оппозициях, но мы не видели ни одного, кто раньше в оппозициях не участвовал. Они тоже сидели, их ведь тоже расстреляли. Хрущев рассказал нам: «Было установлено, что из 139 членов и кандидатов ЦК партии, избранных на XVII съезде, 98 человек, то есть 70%, были арестованы и расстреляны (большинство в 1937—1938 гг.)». Но из них через суд прошел лишь один десяток, другие были расстреляны либо через закрытый суд, либо вообще без всякого суда, хотя среди них были и вышеназванные члены и кандидаты сталинского Политбюро. Разве они не признавались на предварительном следствии? Многие признавались, но как только их допускали до суда, они единодушно заявляли, что все их показания сделаны ими под пытками и избиениями и вымышлены от начала до конца. Хрущев приводит несколько таких примеров, связанных с попыткой Сталина и Ежова, а потом и Берии, создать «параллельный бухаринский центр». Они настолько ярки и характерны, что стоит остановиться на них.

а) Дело Эйхе: «Примером злостной провокации, возмутительной фальсификации и преступного нарушения революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро, одного из виднейших работников партии и советского правительства товарища Эйхе, члена партии с 1905 г. ... Товарищ Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года... Эйхе был вынужден под пыткой подписать заранее заготовленный следователями протокол его признания, в котором он и некоторые другие видные партийные работники обвинялись в антисоветской деятельности. 1 октября 1939 г. Эйхе послал заявление Сталину, в котором он категорически отрицал свою вину и просил расследования своего дела... Сохранилось и второе заявление Эйхе, которое он писал Сталину 27 октября 1939 года... Эйхе писал: «25 октября этого года мне сообщили, что следствие по моему делу закончено... Если бы я был виновен хотя бы в сотой доле тех преступлений, в которых меня обвиняли, я никогда не посмел бы посылать Вам это предсмертное заявление; но я не виновен ни в одном из этих преступлений... Я еще никогда не лгал Вам, и теперь, стоя одной ногой в могиле, я тоже не лгу. Все мое дело — это типичный пример провокации, клеветы... Моя вина — это мое признание в контрреволюционной деятельности... Но положение было таково: я не смог вынести тех пыток, которым подвергали меня Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль... Если в той легенде, которую сфабриковал Ушаков и которую я подписал, что-либо не совпадало, меня вынуждали подписывать новые варианты этой легенды. Так же поступили и с Рухимовичем... Так же поступили с руководителем *запасной сети, будто бы созданной Бухариным в 1935 году*» (курсив мой. — А.А.).

Чем же кончилось это дело? Хрущев говорит: «2 февраля 1940 года Эйхе судили... Он сказал следующее: «Во всех моих так называемых признаниях нет ни слова правды; подписи, которые я поставил под этими признаниями, вымучены... Я

никогда не был виновен в каком-либо заговоре. Я умру, веря в правильность политики партии, как я верил в нее в течение всей моей жизни». 4 февраля Эйхе был расстрелян».

б) Дело членов и кандидатов Политбюро Косиора, Рудзутака, Чубаря, Постышева и члена Оргбюро Косарева. Хрущев говорит: «Рудзук, кандидат Политбюро, член партии с 1905 года, человек, который провел 10 лет на царской каторге, категорически отказался перед судом от вынужденного от него признания. В протоколе сессии Военной коллегии Верховного суда есть следующее заявление Рудзутака: «Единственная просьба, с которой он обращается к суду, это сообщить ЦК ВКП(б), что в НКВД есть еще не ликвидированный Центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершали; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают людей лгать и клеветать на невинных, не замешанных ни в чем людей... Он просит суд разрешить ему сообщить об этом ЦК ВКП(б) в письменной форме. Он заверяет суд, что он лично никогда не имел никаких враждебных намерений по отношению к политике нашей партии, потому что всегда был согласен с партийной линией...» В течение двадцати минут был вынесен приговор, и Рудзук был расстрелян... Так же были сфабрикованы «дела» против видных партийных и государственных деятелей: Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других...

НКВД стал применять преступный метод заготовления списков лиц, дела которых попадали под юрисдикцию коллегий военных трибуналов. *При этом приговоры заготавливались заранее* (курсив мой. — А.А.). Ежов обычно посылал эти списки лично Сталину, который утверждал предложенную меру наказания. В 1937—1938 гг. Сталину было направлено 383 таких списка с именами тысяч партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников. Он утверждал эти списки».

в) Дело военных. Хрущев говорит: «Очень прискорбные последствия, особенно в начале войны, были вызваны ликвидацией Сталиным многих лиц из числа командного состава... В эти годы репрессиям были подвергнуты определенные слои военных кадров, начиная, буквально, с командиров рот и батальонов и кончая руководителями высших воинских соединений... Мы имели превосходные военные кадры, которые были безусловно преданы партии и родине. Достаточно сказать, что те из них, которым удалось выжить, несмотря на суровые пытки, которым они подвергались в тюрьмах, с первых же дней войны проявили себя настоящими патриотами и героически сражались во славу родины. Я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский... Горбатов, Мерецков (делегат настоящего съезда), Подлас (замечательный командир, погибший на фронте) и многие, многие другие. Однако много подобных командиров погибло в лагерях и тюрьмах...»

В ноябре 1938 года Ежов был снят с должности в НКВД и назначен наркомом (министром) водного транспорта. Последний раз его видели на открытии XVIII съезда партии в марте 1939 года. Прямо с этого съезда он бесследно исчез — расстреляли ли его по суду или по «списку», неизвестно. Хрущев об этом тоже ничего не сообщил. Он взял его даже некоторым образом под защиту, явно стараясь, по своему излюбленному методу, всю вину свалить на одного Сталина. Хрущев говорит: «Мы совершенно правы, обвиняя Ежова в низких методах 1937 года. Но нужно дать ответ на вопрос: мог ли Ежов... сам решать такие вопросы, как судьба таких выдающихся партийцев? Нет, было бы наивно считать, что это было дело одного Ежова. Совершенно ясно, что эти вопросы решал Сталин и что без его приказаний и его одобрения Ежов этого сделать не мог».

Укажем в связи с этим еще на два характерных штриха: ни одного раза во всем докладе Хрущев не прибегает к персональным выпадам по адресу Ежова, тогда как Сталина и Берию он щедро награждает всякими «титулами»; Ежова Хрущев выставляет как человека, который был лишь простым орудием Сталина, но когда Хрущев переходит к разбору преступлений Берии, то сам Сталин выставляется как орудие террористической практики Л. Берии. Итак, Сталин снимает Ежова в ноябре 1938 года, причем снимает сам, лично, так как «такие вопросы решал сам Сталин», без Политбюро, которое, по словам Хрущева, существовало лишь по названию. В чем же причина опалы столь заслуженного палача?

В свете анализа тех данных, которые приводит Хрущев, можно прийти только к одному выводу: Ежов сносно провел процесс Пятакова — Радека, далеко не удачно — процесс Бухарина — Рыкова, но совершенно провалился на попытках создать «параллельный бухаринский центр» из членов и кандидатов Политбюро и ЦК и «параллельный военный центр» из маршалов и генералов Блюхера, Егорова, Гамарника, Рокоссовского, Мерецкова, Горбатова и других. Как бы Ежов ни бил на допросах, как бы он ни ломал ребра, как бы он ни изощрялся в фальсификациях, но после бухаринского процесса люди не только не признавались даже на закрытых судах в своих мнимых преступлениях, но, наоборот, прямо из камер НКВД Ежова писали разоблачительные письма о практике Сталина — Ежова самому Сталину и тому же номинальному Политбюро. Короче говоря, Ежов не справился со своей задачей, он должен был уйти, но уйти он мог только в могилу, так как слишком много знал.

IX. Л. Берия

Деятельность Берии в 1939—1940 годах подтверждает этот вывод. Берия, отказавшись от предыдущей практики групповых процессов, начал расстреливать членов ЦК и верховного руководства армии через закрытые индивидуальные процессы, независимо от того, отказывались подсудимые от своих вынужденных показаний или нет. Более того, он их расстреливал и в том случае, когда сам же чекистский суд вынужден бывал выносить тем или иным обвиняемым оправдательный приговор. Хрущев привел в своем докладе один документ потрясающей силы как в отношении политической трагедии большевистских фанатиков в большевистской тюрьме, так и беспредельной аморальности сталинцев из Политбюро. Старый большевик Кедров писал своему личному другу, тогда секретарю ЦК партии по Комиссии партийного контроля и члену Политбюро А. А. Андрееву (Андреев сейчас член ЦК и член Президиума Верховного Совета СССР): «Я обращаюсь к Вам за помощью из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы. Пусть этот крик отчаяния достигнет Вашего слуха; не оставайтесь глухи к этому зову; возьмите меня под свою защиту; прошу Вас, помогите прекратить кошмар этих допросов и покажите, что все это было ошибкой. Я страдаю безо всякой вины. Пожалуйста, поверьте мне. Время докажет истину. Я — не агент-provokator царской охранки; я — не шпион; я — не член антисоветской организации, как меня обвиняют на основании доносов. Я не виновен и в других преступлениях перед партией и правительством. Я — старый не запятанный ничем большевик. Почти сорок лет я честно боролся в рядах партии за благо и процветание страны... Сегодня мне, шестидесятидвухлетнему старику, следователи грозят еще более суровыми, жестокими и унижительными методами физического воздействия... Они пытаются оправдать свои действия, рисуя меня закоренелым и ожесточенным врагом, и требуют все новых, более жестоких пыток. Но пусть партия знает, что я не виновен и что нет такой силы, которая могла бы превратить верного сына партии в ее врага, до его последнего дыхания. У меня нет выхода. Я не могу отвратить от себя грозящие мне новые и еще более сильные удары. Но все имеет свои пределы. Мои мучения дошли до предела. Мое здоровье сломлено, мои силы и энергия тают, конец приближается. Умереть в советской тюрьме, заклеянным как низкий изменник Родины — что может быть более чудовищным для честного человека. Как страшно все это! Беспредельная боль и горечь переполняют мое сердце. Нет! Нет! Этого не будет! Этого не может быть! — восклицаю я. Ни партия, ни советское правительство, ни народный комиссар Л. П. Берия не допустят этой жестокой и непоправимой несправедливости... Я глубоко верю, что истина и правосудие восторжествуют. Я верю. Я верю».

Хрущев поясняет: «Военная коллегия нашла, что старый большевик товарищ Кедров был невиновен... Но он был расстрелян по приказу Берии». С другими старыми большевиками поступали еще проще: например, Голубев и Батуриин «были расстреляны без суда, а приговор был вынесен уже после их казни».

Таким образом, Сталин добивался и добился через Берию тогда, чего он не смог добиться при Ежове, — продолжая физические пытки, но уже не особенно церемонясь с судебными формальностями, Сталин и Берия расстреляли остальных членов ЦК. Когда в начале 1939 года местные партийные организации начали недо-

умевать по поводу продолжающихся и после Ежова пыток в НКВД, Сталин отправил 20 января 1939 года, по свидетельству Хрущева, шифрованную телеграмму секретарям обкомов и крайкомов, ЦК коммунистических партий республик, народным комиссарам внутренних дел и начальникам органов НКВД. В этой телеграмме говорилось: «ЦК ВКП(б) поясняет, что применение методов физического воздействия в практике НКВД, начиная с 1937 г., было разрешено ЦК ВКП(б) (фактически они применялись и раньше, например, в 1936 г. — А.А.)... ЦК ВКП(б) считает, что методы физического воздействия должны, как исключение, и впредь применяться по отношению к известным и отъявленным врагам народа и рассматриваться в этом случае как допустимые и правильные методы».

Хрущев утверждал, что Берия не только был «агентом иностранной разведки», но что Сталин, будучи предупрежден и имея факты в руках, не принял никаких мер против Берии, так как «Сталин верил в Берию и этого для него было достаточно». Такие факты были доложены пленуму ЦК в 1937 году, когда Берия еще был только секретарем ЦК Грузии. Докладывал об этих фактах человек, в руках которого был архив Азербайджанской независимой республики 1918—1920 годов, которая возглавлялась партией «мусаватистов». Имя этого человека — Каминский. Он был членом большевистской партии с 1913 года, был первым секретарем ЦК коммунистической партии Азербайджана и председателем Бакинского Совета в 1920 году сразу же после свержения власти «мусаватистов». В 1930 году Каминский был секретарем московского обкома партии, а в 1937 году — наркомом (министром) здравоохранения СССР. В компетентности бывшего первого правителя советского Азербайджана Каминского не было сомнения. Там же, в Баку, учился и работал Берия в бытность турок, потом англичан при власти мусаватистов. Связи Берии с лидерами «Мусавата» были известны, насчет турок и англичан ходили разные слухи, пока Берия не стал заместителем председателя советской разведки в Баку (председателем был Багиров, расстрелянный после Берии). Как только карьера Берии пошла в гору, слухи прекратились, так как за такие разговоры теперь арестовывали, если бы даже они и были справедливы. Но вот: «Уже в 1937 году, на одном из пленумов ЦК, бывший народный комиссар здравоохранения Каминский сказал, что Берия работал на мусаватистскую разведку. Однако едва пленум ЦК успел окончиться, как Каминский был арестован и расстрелян».

Надо только добавить: из всех секретарей ЦК компартий союзных республик во время ежовщины не были расстреляны, а сделали карьеру только три секретаря: Берия — из Грузии, Багиров — из Азербайджана, Хрущев — с Украины. Была ли такая карьера, по крайней мере первых двух, случайной? Может быть, на самом деле прав Исаак Дон Левин, этот проницательный знаток большевизма, когда он в своей интересной книге «Великий секрет Сталина» утверждает и доказывает весьма солидными документами, что сам Сталин был агентом царской охранки, а так как агентами у мусаватистов были, по утверждению «коллективного руководства» (а раньше и Каминского), Берия и Багиров, то не покрывали ли агенты взаимные преступления перед своей партией? Ведь вся дореволюционная деятельность Сталина протекала главным образом в Баку и Тифлисе, в центрах, которые Сталин еще при Ленине, а потом и до конца своей жизни доверял только своим личным ставленникам? Сталин не доверял Орджоникидзе, но во всем доверял Берии. Хрущев сообщает: «Берия также жестоко расправился с семьей товарища Орджоникидзе... Орджоникидзе всегда был противником Берии и говорил об этом Сталину. Но вместо того, чтобы разобраться в этом вопросе и принять соответствующие меры, Сталин допустил ликвидацию брата Орджоникидзе и довел самого Орджоникидзе до такого состояния, что он был вынужден застрелиться».

Хрущев почему-то не договаривает правды до конца: Орджоникидзе был единственным из старых членов Политбюро, который поставил перед Сталиным ультиматум о прекращении ежовской инквизиции (Берия тогда был все еще грузинским «царьком»). В ответ на это Сталин послал на его квартиру чекистов с запасным револьвером для Орджоникидзе: если Орджоникидзе не хочет умереть в подвале НКВД, то он должен умереть на своей квартире. В присутствии чекистов он попрощался со своей женой Зинаидой и застрелился. Доктор Плетнев, который в то время ожидал в приемной Орджоникидзе, засвидетельствовал смерть от разрыва сердца. Через три дня на Красной площади были похороны. На мавзолее Ленина, «печально» свесив головы, стояли друзья-убийцы Сталин, Молотов, Каганович,

Ворошилов, Хрущев, Микоян, Ежов, а срочно вызванный из Грузии Берия проливал крокодиловы слезы по поводу «преждевременной смерти великого революционера, друга и соратника Сталина — Серго Орджоникидзе». Я присутствовал на этом митинге, вблизи мавзолея, в снежный февральский день 1937 года. Я наблюдал за Сталиным — какая великая скорбь, какое тяжкое горе, какая режущая боль были обозначены на его лице! Да, великим артистом был товарищ Сталин!

Не говорит Хрущев правды и о масштабе террора при Берии. Верно, что Берия в отношении членов ЦК, крупных партработников и высших военных чинов довел дело Ежова до конца. Тут он действительно не знал пощады. Но пытки, кроме как для этих «известных врагов», применялись еще только к бывшим «ежовцам» — чекистам ежовского набора. Более того, начались массовые освобождения многих из арестованных ежовцами. На местах прекратили приведение в исполнение смертных приговоров, и дела таких лиц начали пересматривать в срочном порядке. Даже многих осужденных возвращали из концлагерей на пересмотр и доследование дела. Таким образом, к началу 1939 года аресты и пытки в основном прекратились. Я, конечно, не думаю, что Берия был «добрее» Ежова или в Сталине проснулась совесть, но конец должен был все-таки когда-нибудь наступить. Сталин, арестовав Ежова и назначив Берию, сумел, как обычно, заработать на своих же преступлениях новый капитал: ужасы террора были приписаны лично Ежову, «весна либерализма» — верному ученику Сталина — Л. П. Берии.

Однако во время войны и после ее окончания Берия, под руководством Сталина, показал такой высокий класс инквизиции, до которого не поднялся даже Ежов: начались массовые депортации целых народов в Сибирь и Казахстан; поголовно выселены были чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары, приволжские немцы, частично депортированы балтийские народы... Хрущев с поддельным возмущением говорил по этому поводу: «...Чудовищны акты, инициатором которых был Сталин... Мы имеем в виду массовую высылку из родных мест целых народов, вместе с коммунистами и комсомольцами, без каких-либо исключений: эта высылка не была продиктована никакими военными соображениями. Так, уже в конце 1943 года... проведено решение относительно высылки всех карачаевцев... В тот же период, в конце декабря 1943 года, такая же судьба постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года были полностью высланы чеченский и ингушский народы, а Чечено-Ингушская автономная республика была ликвидирована. В апреле 1944 г. с территории Кабардино-Балкарской автономной республики были высланы в отдаленные места все балкарцы...» Доложив все это, Хрущев иронически закончил: «Украинцы избегли этой участи только потому, что их было слишком много и не было места, куда их сослать. Иначе он их тоже сослал бы».

(Продолжение следует)

Примечания

1. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 59.
2. «Вопросы истории», 1956, № 8, стр. 128.
3. Н. К. Черкасов. Записки актера. Москва, 1953, стр. 380—382.
4. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19.
5. «Правда», 2.XII. 1934.
6. А. Я. Вышинский. Судебные речи. Москва, 1948, стр. 533.
7. Там же, стр. 523.
8. Вышинский. Цит. соч., стр. 394.
9. Там же, стр. 392, 390, 383, 403—404.
10. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 19—20.
11. Там же, стр. 20.
12. Alexander Uralov. The Reign of Stalin. The Bodley Head. London, pp. 83—160.
13. Н. С. Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 22.
14. Там же, стр. 17, 23—28, 30, 35, 40, 44, 45, 47—48.

Я был агентом Сталина

В. Г. Кривицкий

Глава II. Конец Коммунистического Интернационала

Коммунистический Интернационал родился в Москве 2 марта 1919 года. Свой смертельный удар он получил в Москве 23 августа 1939 г., с подписанием советско-нацистского пакта председателем Совета народных комиссаров Молотовым и германским министром иностранных дел Риббентропом. Но упадок его был очевиден во многом из того, что происходило в предшествующие годы.

Майским утром 1934 г. я был с начальником Контрразведывательного управления ОГПУ Волынским в его кабинете на десятом этаже здания на Лубянке. Внезапно снизу, с улицы послышались музыка и пение. Выглянув в окно, мы увидели какое-то шествие. Это шли триста членов Австрийской социалистической армии «Шуцбунд», которые героически дрались на баррикадах Вены против фашистского «хаймвера». Советская Россия предоставила убежище этому неполному батальону борцов за социализм.

Я никогда не забуду это майское утро: счастливые лица шуцбундовцев, поющих свой революционный гимн «Братья, вперед к солнцу, к свободе», стихийное дружеское общение с группами советских людей, присоединявшихся к шествию. На какое-то мгновение я забыл, где я нахожусь, но Волынский вернул меня на землю: «Как вы думаете, Кривицкий, сколько среди них шпионов?», — спросил он самым обычным тоном. «Ни одного», — ответил я со злостью. «Вы глубоко ошибаетесь, — сказал он. — Через шесть — семь месяцев процентов семьдесят из них будет сидеть на Лубянке».

Волынский хорошо представлял себе, как действовала сталинская машина. Из тех трехсот австрийцев сегодня на советской территории не осталось ни одного. Многие были арестованы вскоре же по своем прибытии. Другие, хотя они и признавали, что ждет их дома, толпами стекались в австрийское посольство получить паспорта и возвратились на родину, чтобы отсидеть длительные сроки в тюрьмах. «Лучше за решеткой в Австрии, — говорили они, — чем на свободе в Советском Союзе». Остатки этих беженцев советское правительство переправило в составе интербригад в Испанию во время испанской гражданской войны. Сталин стремительно продвигался по пути к тоталитарному деспотизму, и Коминтерн уже давно пережил свое первоначальное предназначение.

Коммунистический Интернационал был основан российской большевистской

партией¹ двадцать лет назад вследствие веры, что Европа накануне мировой революции. Ленин, являвшийся его вдохновителем, был убежден, что социалистические и рабочие партии Западной Европы, поддержав «империалистическую войну», которую вели их правительства в 1914—1918 гг., утратили поддержку трудящихся масс. Он считал, что традиционные рабочие партии и федерации профсоюзов Германии, Франции, Великобритании и США со своей верой в представительное правление и мирную эволюцию к более справедливому социальному порядку, совершенно устарели, что задача одержавших победу русских большевиков состоит в том, чтобы обеспечить революционное руководство рабочими всех стран. Ленина вдохновляла мечта о Коммунистических Соединенных Штатах Европы, а в конечном счете — о коммунистических порядках во всем мире.

Ленин был уверен, что большевики, несмотря на свой энтузиазм, в упоении первыми победами, не смогут построить коммунистическое общество в России, если трудящиеся классы передовых стран не придут к ним на помощь. Он видел, что его смелый эксперимент обречен на неудачу, если к отсталой аграрной России не присоединится хотя бы одна из великих индустриальных стран. Самые большие свои надежды он возлагал на скорую революцию в Германии.

Последние двадцать лет показывают, что Ленин недооценивал значимость существующих рабочих организаций, как профессиональных, так и политических, и переоценивал возможность приспособить к Западной Европе русский большевизм с его лозунгом немедленного свержения любого правительства, будь то демократического или автократического, и установления международной коммунистической диктатуры.

На протяжении двух десятилетий Коминтерн, основанный, вдохновляемый и направляемый русскими большевиками, старался навязывать свои методы и свою программу за пределами Советского Союза. Повсюду он учреждал свои компартии, скраивая их по большевистской модели с ее высокой централизацией и дисциплиной и делая их послушными и подотчетными перед штаб-квартирой в Москве.

Коминтерн направлял своих агентов во все уголки мира. Он планировал восстания масс и военные мятежи в Европе, на Дальнем Востоке и в Западном полушарии. Наконец, когда все эти усилия ни к чему не привели, Коминтерн в 1935 г. взял курс на свою последнюю политическую акцию «Народный фронт». На этом заключительном этапе, вооруженный новым оружием камуфляжа и компромиссов, он повел свой крупнейший натиск, проникая внутрь органов, формулирующих общественное мнение, и даже в правительственные учреждения ведущих демократических стран.

Я имел возможность с самого начала вплоть до 1937 г. близко наблюдать деятельность Коминтерна. На протяжении 18 лет я принимал прямое политическое и военное участие в его революционных акциях за рубежом. Я был одним из исполнителей воли Сталина во время интервенции в Испании, когда Коминтерн в последний раз бросил свои силы в бой. Моя работа в Коминтерне началась в 1920 г. во время войны с Польшей. Меня тогда направили в органы советской военной разведки Западного фронта, штаб которого находился в Смоленске. Пока армии Тухачевского продвигались к Варшаве, задачей нашего отдела были тайные действия за линией фронта — диверсии, саботирование транспортировки вооружения, пропаганда в польской армии с целью ее разложения и обеспечение штаба Красной Армии военной и политической информацией.

Поскольку четкого разграничения деятельности между нами и агентами Коминтерна в Польше не было, мы сотрудничали всеми возможными способами с недавно образованной польской коммунистической партией и издавали революционную газету «Swit» («Заря»), которую и распространяли среди солдат польской армии.

В день, когда Тухачевский стоял у ворот Варшавы, депутат от крестьян Домбаль заявил в польском парламенте: «Я не рассматриваю Красную Армию как врага. Напротив, я приветствую Красную Армию как друга польского народа». Для нас это было чрезвычайно важным событием. Мы напечатали речь Домбалья в «Swit» и распространили сотни тысяч ее экземпляров по всей Польше, особенно среди польских солдат.

Домбаль был тут же арестован и заключен в Варшавскую цитадель — страш-

ную польскую политическую тюрьму. Через три года Советское правительство добилось, наконец, его освобождения, обменяв его на группу польских аристократов и священников, содержавшихся в качестве заложников. Он затем приехал в Москву, где был восславлен как один из героев Коминтерна. На него обрушилась лавина почестей и наград, ему был предоставлен высокий пост. Более десятилетия Домбаль был одним из самых важных среди нерусских деятелей Коминтерна. В 1936 г. он был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Польши на протяжении 17 лет — то есть с самого момента произнесения им речи в польском парламенте. ОГПУ решило, что приветствование Домбалем Красной Армии, равно как его трехлетнее заключение в тюрьме были предусмотрены замыслом польской военной разведки. Домбаль был казнен.

Во время русско-польской войны польская коммунистическая партия работала рука об руку с нашим управлением, и мы готовили ее для совместных действий с Красной Армией. Польская компартия подчинялась всем приказам наступающей армии Тухачевского. Члены польской компартии помогали нам, организуя саботаж, устраивая диверсии, срывая доставку военного снаряжения из Франции. Мы организовали забастовку в Данциге, чтобы помешать выгрузке французского оружия для польской армии.

Я совершал поездки в Варшаву, Краков, Лемберг, в Немецкую и Чешскую Силезию и в Вену, организуя забастовки, чтобы остановить перевозки оружия. Я организовал успешную железнодорожную забастовку на чешской узловой станции Одерберг, убедив железнодорожников разойтись, а не способствовать обеспечению Польши Пилсудского военным снаряжением, изготовленным на заводе «Шкода». «Железнодорожники! — писал я в листовке. — Вы по своей дороге возите пушки, убивающие ваших русских собратьев, рабочих».

В то же самое время польское советское правительство, созданное в предвкушении взятия Варшавы, вместе со штабом Тухачевского приближалось к польской столице. Главой этого правительства был назначен Феликс Дзержинский, ветеран польского революционного движения и глава российской Чека (прежнее название ОГПУ).

Русско-польская война была одной из серьезнейших попыток, предпринятых Москвой, на остриях штыков принести большевизм в Западную Европу. Она потерпела крах, несмотря на все наши усилия, военные и политические, несмотря на победы Красной Армии и на то, что на нас работала польская секция Коминтерна вместе с нашими пропагандистами и разведчиками по ту сторону фронта. В конечном счете, измотанная Красная Армия была вынуждена отступить. Пилсудский остался хозяином Польши. Лопнула надежда Ленина протянуть руку трудящимся Германии через Польшу и помочь им распространить революцию до Рейна.

Мысль ускорить большевистскую революцию посредством военного вторжения встречала отклик еще раньше, в 1919 г., во время недолгого существования Венгерской и Баварской советских республик. Отряды Красной гвардии находились тогда едва в сотне километров от территории Венгрии. Но большевики были тогда слишком слабы, а кроме того, они воевали с белыми за собственное свое существование.

К началу 1921 г., когда в Риге был подписан договор между Россией и Польшей, большевики, в особенности сам Ленин, осознали, что задача проведения революций в Западной Европе была серьезной и долгосрочной. Рассеялись те надежды на быстрый успех в международном масштабе, какие существовали на I и II конгрессах Коминтерна, когда его председатель Зиновьев провозгласил, что в течение одного года вся Европа станет коммунистической. Однако и после 1921 г. и даже в 1927 г. Москва предприняла ряд революционных авантур и путчей.

Тысячи рабочих в Германии, Прибалтике, на Балканах и в Китае пали напрасными жертвами этой серии безответственных попыток. Коминтерн посылал их на гибельные авантюры, стряпая планы военных переворотов, всеобщих забастовок и восстаний, ни один из которых не имел существенных шансов на успех.

В начале 1921 г. в России сложилась особо угрожающая ситуация для советского режима. Голод, крестьянские восстания, Кронштадтский матросский мятеж и всеобщая стачка петроградских рабочих подвели правительство к черте катастрофы. Все победы в гражданской войне казались напрасными, и большевики метались вслепую перед лицом оппозиции со стороны тех самых рабочих и матросов,

которые некогда были их главной опорой. Коминтерн, оказавшись в этой отчаянной ситуации, принял решение, что единственный путь спасения большевизма — это революция в Германии. Зиновьев послал в Берлин своего надежного помощника Бела Куна, бывшего главу Венгерской советской республики.

Бела Кун прибыл в Берлин в марте 1921 г. с приказом Зиновьева и Исполкома Коминтерна Центральному Комитету компартии Германии: «В Германии сложилась революционная ситуация, Коммунистическая партия должна взять власть». ЦК германской компартии пришел в недоумение. Члены его с трудом верили собственным ушам. Они знали, что не могут надеяться свергнуть берлинское правительство. Но приказы Бела Куна были ясны: немедленное восстание, ликвидация Веймарской республики и учреждение в Германии диктатуры коммунистов. ЦК Германской компартии подчинился инструкциям из Москвы. Верноподданная Исполкому Коминтерна во главе с Зиновьевым и направляемая Лениным, Троцким, Бухариным, Радеком и Сталиным, германская компартия не могла ослушаться.

22 марта была объявлена всеобщая забастовка в промышленных районах центральной Германии Мансфельде и Мерзебурге. 24 марта коммунисты захватили здания муниципальных учреждений в Гамбурге. В Лейпциге, Дрездене, Хемнице и других городах центральной Германии коммунисты предприняли нападения на помещения судов, муниципалитетов, общественных банков и полицейских участков. Официальная газета немецких коммунистов «Die Rote Fahne» открыто призывала к революции.

Явившись на медные рудники Мансфельда, коммунистический Робин Гуд Макс Хельц, который за год до этих событий без какой-либо поддержки вел партизанскую войну против правительства Берлина по всему Фогтланду, в Саксонии, объявил, что на него возложено руководство всеми операциями. Примерно в это же время по всей Германии произошла серия взрывов, предпринимались попытки взорвать общественные здания и монументы в Берлине. В этом правительство распознало искушенную руку Хельца. 24 марта рабочие-коммунисты крупного завода по производству азота в Лейне, вооруженные винтовками и ручными гранатами, забаррикадировались на заводе.

Однако попытки коммунистов скоординировать эти выступления на местах полностью провалились. Вымуштрованных рядовых коммунистов, откликнувшихся на призыв, партия послала на смерть батальон за батальоном, более безжалостно, чем это делал Людендорф, бросая войска в бой. Огромная масса рабочих не отозвалась на призывы к всеобщей забастовке, равно как не присоединилась и к разбросанным вспышкам. К началу апреля восстание было повсеместно подавлено.

Вождь германской компартии д-р Пауль Леви, с самого начала возражавший против этой авантюры как безумия, был исключен из партии за то, что назвал виновников своими именами. Он сообщил Москве, что она ничего не понимает в обстановке в Западной Европе, что ее безумная затея стоила жизни тысячам рабочих. Большевистских вождей и эмиссаров Коминтерна он называл «негодьями» и «дешевыми политиками».

Вскоре после этого мартовского восстания компартия Германии потеряла половину своих членов. Что касается коммунистического подстрекателя Макса Хельца, рассчитывавшего динамитом расчистить путь к власти, то он был судим по обвинению «в убийстве, поджоге, разбое и еще по 50 пунктам» и приговорен к пожизненному заключению.

Судьба Хельца меня интересовала, потому что, несмотря на все его дикие понятия, он был несомненно честным и храбрым революционером. Для рабочих его родного Фогтланда он стал легендарной фигурой. Несколько лет спустя, когда я работал в Бреслау, где Хельц отбывал наказание, я установил контакт с одним из его тюремных надзирателей, который сильно к нему привязался. Через него я посылал Хельцу книги, шоколад, еду. С ним обдумывали план освобождения Хельца. Но мне были необходимы помощь и согласие от Коммунистической партии. Я связался с Хаманом, руководителем партийной организации в Бреслау, и он пообещал дать мне несколько надежных людей. Тогда я поехал в Берлин и посоветовался в ЦК компартии. Они обсудили этот вопрос. Одни хотели освободить его легальным путем, например, избрав в депутаты рейхстага. Другие считали, что его побег как раз и приведет в движение массы, которые в то время проявляли апатию к ком-

партии. Мне дали разрешение организовать нападение на конвой. Однако первое, что сказал мне тюремщик Хельца, возвратившись в Бреслау, это что ему приказано запереть камеру Хельца.

О нашем тайном замысле власти узнали не от кого другого, как от самого Хамана, руководителя коммунистической организации Бреслау, депутата рейхстага — и полицейского осведомителя. Хельц был позже освобожден законным путем. Хотя я предпринимал усилия для его побега и был в постоянном контакте с ним в Бреслау, встретились мы с ним впервые в Москве в 1932 г. на квартире писателя Киша, члена германской компартии. Когда он узнал, кто я такой, он рассмеялся: «Так это вы тот самый богатый американский дядюшка, посылавший мне еду и хорошие книги!»

В Москве Хельц некоторое время слыл героем. Его наградили орденом Красного Знамени, его именем была названа фабрика в Ленинграде и ему предоставили хорошую квартиру в гостинице «Метрополь». Но когда в 1933 г. коммунисты без единого выстрела капитулировали перед Гитлером и стало ясно, что такова официальная политика Сталина и Коминтерна, Хельц попросил, чтобы ему выдали паспорт. Решение по этой просьбе все откладывалось и откладывалось, а за ним установили слежку. Он пришел в ярость и требовал немедленно разрешить ему выезд. Друзья Хельца стали избегать его. ОГПУ отказалось вернуть ему паспорт. Вскоре в «Правде» появилось малозаметное сообщение о том, что Хельц утонул в речке под Москвой. В управлении мне сказали, что после того, как Гитлер пришел к власти, Хельца видели выходящим из здания германского посольства в Москве. Хельц несомненно был убит ОГПУ потому, что его славное революционное прошлое делало его потенциальным лидером революционной оппозиции Коминтерну.

Поражение мартовского восстания в Германии значительно отрезвило Москву. Даже Зиновьев смягчил тон своих заявлений и манифестов. Европа явно не разделалась еще с капитализмом. Да и сама Россия тоже: после крестьянских восстаний и Кронштадтского мятежа Ленин пошел на важные экономические уступки крестьянам и предпринимателям. В России наступил период восстановления, и вопрос о мировой революции решительно отступил на задний план. Коминтерн был занят поисками козлов отпущения за свои поражения, подвергая чистке центральные комитеты компартий в различных странах и назначая взамен их новых вождей. Фракционная борьба в зарубежных компартиях загружала машину Коминтерна сочинением резолюций, контррезолюций и распоряжений об исключениях из партии.

В январе 1923 г. я работал в Москве в Третьем отделе разведуправления Красной Армии. До нас дошла молва о том, что французы вот-вот оккупируют Рурскую область с целью взимания репараций. В то время я жил в гостинице «Люкс», которая также служила тогда главной резиденцией для работников Коминтерна и приезжающих заграничных коммунистов. Нужно пояснить, что гостиница «Люкс» была и до сих пор является штаб-квартирой западноевропейских коммунистов в Москве. В ее коридорах можно встретить лидеров компартий любой страны, а также профсоюзных делегатов и отдельных рабочих, которые так или иначе заслужили право на паломничество в пролетарскую Мекку.

Поэтому для Советского правительства было важно пристально наблюдать за «Люксом», чтобы в точности знать, что говорят и делают товарищи в каждой из стран, каково их отношение к Советскому правительству и к противоборствующим фракциям внутри партии большевиков. Поэтому «Люкс» кишит агентами ОГПУ, прописанными там в качестве постоянных жильцов и гостей. Среди агентов, прижившихся в «Люксе» и информировавших ОГПУ о деятельности иностранных коммунистов и рабочих, был Константин Уманский, ныне советский посол в США.

Впервые я встретил Уманского в 1922 году. Уроженец Бессарабии, он до 1922 г. жил в Румынии и Австрии, после чего приехал в Москву. Благодаря знанию иностранных языков он получил должность в ТАССе. Его жена работала машинисткой в одном из учреждений Коминтерна.

Когда Уманскому пришло время служить в Красной Армии, он не пожелал, как он мне сказал сам, «терять» два года в обычных казармах. Тогда жизнь в Советском Союзе еще не приобрела нынешнего кастового характера, и сказанное им неприятно меня поразило. Большинство коммунистов до сих пор смотрят на службу в Красной Армии как на привилегию. С Уманским было иначе. Он представил в

Разведуправлению рекомендацию от наркома по иностранным делам Чичерина и руководителя ТАСС Долецкого, требуя, чтобы ему было разрешено «отслужить» свои два года в армии в качестве переводчика Четвертого отдела.

В тот самый вечер, когда мы с Фириним, бывшим в то время помощником генерала Берзина, начальника разведывательного управления, сидели в одном московском ресторане, я увидел Уманского. Я подошел к его столику и спросил, почему он уходит из ТАССа. Он ответил, что намерен убить двух зайцев — остаться сотрудником ТАСС и отслужить свой срок армейской службы в Четвертом отделе. Когда я передал это Фирину, тот ответил со злостью: «Можешь быть уверен, что работать в Четвертом отделе он не будет».

В те годы не так-то легко было обеспечить себе теплое местечко, и Уманскому не удалось стать переводчиком в Красной Армии. Однако он сумел увильнуть от некомфортабельных солдатских казарм, устроившись дипкурьером в Наркоминделе. Это считалось равноценным службе в армии, так как все дипкурьеры состоят в штате ОГПУ. Сохранив за собой свое место в ТАССе, Уманский ездил в Париж, Вену, Токио, Шанхай.

Работая в ТАССе, Уманский сотрудничал также и с ОГПУ, потому что журналисты и корреспонденты ТАССа находились в опасно близком контакте с внешним миром. Ему было удобно шпионить за тассовскими журналистами по всем направлениям, как из московского кабинета, так и из-за рубежа. А в «Люксе» он держал ухо востро, прислушиваясь к обрывкам разговоров, происходивших между зарубежными коммунистами.

Константин Уманский принадлежит к числу немногих коммунистов, кому удалось проникнуть за колючую проволоку, отделяющую прежнюю партию большевиков от новой. Он преуспевает.

Когда до нас дошло известие об оккупации Рура французами, группа из пяти-шести сотрудников, в которую входил и я, получила задание немедленно отправиться в Германию. В течение суток все формальности были улажены. Москва надеялась, что из-за французской оккупации откроется путь для нового наступления Коминтерна в Германии. Не прошло и недели, как я оказался в Германии. У меня сразу же сложилось впечатление, что Германия стоит накануне катаклизма. Инфляция подняла цены до астрономических высот, больших размеров достигла безработица, ежедневно случались уличные стычки рабочих с полицией или рабочих с нацистскими боевиками. Оккупация Рурской области французами подлила масла в огонь. Был момент, когда казалось даже, что измученная и истощенная Германия может взяться за оружие, начать самоубийственную войну с Францией.

Вожди Коминтерна осторожно следили за событиями в Германии. Исход 1921 г. для них был неблагоприятен, и они определенно не хотели наносить удара, пока внутренний хаос не достигнет высшей точки. Разведывательное управление, однако, дало нам очень определенные инструкции. В Германию мы были посланы для разведки, мобилизации недовольных элементов в Рурской области и подготовки вооружения для восстания в благоприятный момент.

Мы сразу же образовали три типа организаций в германской компартии: партийная разведслужба, действовавшая под руководством Четвертого управления Красной Армии; военные формирования как ядро будущей Красной Армии Германии и *Zersetzungsdienst* — небольшие отряды, предназначенные для разложения рейхсвера и полиции.

Во главе партийной разведслужбы мы поставили Ганса Кипенбергера, сына гамбургского издателя. Он неустанно трудился над созданием сложной сети осведомителей в армии и полиции, правительственном аппарате, во всех политических партиях и враждебных нам военизированных организациях. Его агенты проникли в монархистскую организацию «Стальной шлем», в «Вервольф» и нацистские отряды. Работая рука об руку с *Zersetzungsdienst*, они, соблюдая секретность, выясняли у некоторых офицеров рейхсвера, какую позицию они займут в случае коммунистического восстания.

Кипенбергер служил Коминтерну очень преданно и храбро. Во время событий 1923 г. он ежедневно рисковал жизнью. В конечном счете его постигла судьба всех преданных коммунистов. Будучи избранным в 1927 г. в рейхстаг, он вошел в Комитет по военным делам. Считая себя представителем Коминтерна в этом органе, он многие годы снабжал советскую военную разведку ценной информацией. После

прихода Гитлера к власти он в течение нескольких месяцев оставался в Германии, продолжая выполнять для компартии опасную подпольную работу. Осенью 1933 г. он бежал в Россию. В 1936 г. был арестован как нацистский шпион.

Следователь ОГПУ добивался от него признания, что он служит в немецкой разведке. Кипенбергер отказывался «признаваться». «Спросите Кривицкого, могли ли я стать нацистским агентом, — настаивал он. — Он знал, чем я занимался в Германии». «Разве вы не были знакомы с генералом Бредовом, главой военной разведки рейхсвера?» — спросил следователь ОГПУ. «Конечно, знал, — отвечал Кипенбергер. — Я был членом коммунистической фракции рейхстага и членом Комитета по военным делам». (Генерал Бредов часто выступал в комитете рейхстага.)

ОГПУ не располагало другими «обвинительными» данными против Кипенбергера. Тем не менее после шести месяцев допросов этот бесстрашный борец «сознался», что он агент германской военной разведки. «У меня в голове гвоздь, — все время повторял он. — Дайте мне что-нибудь, чтобы заснуть».

Мы, советские офицеры, организовывали военные формирования германских коммунистов — основу германской Красной Армии, которой не суждено было существовать, — очень систематически, разбивая их на сотни, Hundertschaft. Мы составляли списки коммунистов-фронтовиков, ведя им учет по чинам. Из этого списка мы надеялись сформировать офицерский корпус германской Красной Армии. Подобрали и технический персонал из числа опытных специалистов: пулеметчиков, артиллерийских офицеров, ядро авиационного корпуса и кадры для службы связи из квалифицированных радистов и телефонистов. Мы создали женские организации и обучали их медико-санитарному делу.

Однако в Рурской области из-за французской оккупации мы оказались перед лицом совершенно иной проблемы. В Руре разыгрался один из самых необычных спектаклей в истории. Неспособные противостоять французской армии силой, немцы развернули пассивное сопротивление. Остановились шахты и фабрики, где оставался на местах минимум персонала, чтобы не допустить затопления шахт и поддерживать в рабочем состоянии фабричное оборудование. Железные дороги почти не действовали. Безработица была всеобщей. Берлинское правительство, уже столкнувшееся с фантастической инфляцией, содержало практически все население Рура.

Тем временем французы стали разжигать сепаратистское движение, которое ставило целью отделение всей Рейнской области от Германии и образование независимого государства. Случайные наблюдатели считали, что сепаратистское движение — всего лишь французская пропаганда. На деле, однако, оно было естественным и очень серьезным, и, если бы против этого не выступили англичане, то в 1923 г. Рейнская земля отделилась бы от Германии. Во многих домах Рейнланда я видел бюсты Наполеона, создателя Конфедерации Рейна. Довольно часто я слышал жалобы местных жителей на то, что Пруссия эксплуатирует их богатую страну.

Компартия противодействовала сепаратистскому движению всеми доступными ей способами. Лозунг Коминтерна был «Война Штреземану и Пуанкаре!» Лозунг нацистов и их союзников-националистов гласил: «Война Пуанкаре и Штреземану!» Именно в эти дни французскими военными властями был казнен нацистский террорист Шлагетер. Смерть Шлагетера осталась бы не замеченной за пределами узкого круга его сотоварищей, если бы Карл Радек, самый умелый пропагандист Коминтерна, не довел этот факт до сознания немецкого народа. «Вступайте в компартию, и вы добьетесь национального и социального освобождения своей родины!» — призывал он.

Какое-то время даже шли переговоры между Радеком и рядом лидеров нацистов и националистов, особенно графом Ревентловом. Основой сотрудничества служил тот факт, что единственным шансом на успех для германского национализма было объединение действий с большевиками против Франции и Великобритании. Но заключение этого союза так и не было доведено до конца. Он был заключен лишь в 1939 г. далеко не на тех условиях, которые намечала Москва, когда Германию третируют как побежденную страну.

Тем временем все было готово для сепаратистского переворота. Лидеры сепаратистов Матес, Дортен и Шмидт начали действовать. Сигналом для провозглаше-

ния Рейнской республики должна была послужить крупная демонстрация в Дюссельдорфе во второй половине сентября.

Националисты боролись против сепаратистов посредством актов индивидуального террора. Компартия созвала контрдемонстрацию против «предателей-сепаратистов». Когда обе конфликтующие стороны столкнулись на перекрестке двух магистралей города, я впервые в жизни увидел, как коммунисты бьются бок о бок с националистическими террористами и немецкой полицией. Сепаратисты потерпели поражение главным образом благодаря вмешательству в конфликт прогермански настроенного правительства Великобритании.

Даже в то время, когда мы всеми имеющимися средствами поддерживали немецких националистов против французов в Рейнской области и Руре, мы приняли решение, что в случае коммунистического восстания в Германии мы не позволим втянуть нас в конфликт с французской армией. Стратегия, выработанная нашими сотрудниками в Рейнской области, предусматривала вывод наших партийных формирований в Центральную Германию, Саксонию и Тюрингию, где коммунисты в то время были особенно сильны. Наши отряды мы обучали, имея это в виду.

Готовясь совершить коммунистическую революцию, немецкие коммунисты создавали мелкие террористические группы, так называемые «группы Т», для деморализации рейхсвера и полицейских сил с помощью политических убийств. «Группы Т» состояли из отчаянно храбрых фанатиков.

Я вспоминаю встречу с одной из этих групп сентябрьским вечером в городе Эссен незадолго до коммунистического восстания. Помню, как они собрались, чтобы спокойно, почти торжественно выслушать отдаваемые им приказы. Их командир объявил без лишних слов: «Сегодня ночью мы действуем». Они спокойно вынули свои револьверы, проверили их в последний раз и один за другим вышли из помещения. На следующий день эссенские газеты сообщили, что найдено тело убитого полицейского офицера, убийца неизвестен. На протяжении нескольких недель эти группы наносили быстрые и эффективные удары в разных частях Германии, устраняя офицеров полиции и других противников коммунистического дела.

С наступлением мирного времени эти фанатики не могли найти себе дела в упорядоченной жизни страны. Многие из них сначала участвовали в вооруженных экспроприациях для нужд революции, а затем и просто в разбойных нападениях. Те немногие, кто добрался до России, почти все очутились в ссылке в Сибири.

Тем временем немецкая компартия продолжала ждать инструкций от Коминтерна, которые шли, казалось, невероятно долго. В сентябре лидер партии Брандлер и несколько его коллег были вызваны в Москву для инструктажа. В Политбюро шли бесконечные дискуссии, на которых руководители большевистской партии дебатировали вопрос о наиболее подходящем часе для начала революции в Германии. Многие часы нетерпеливого ожидания, пока мозговой трест большевистской партии в Москве выработывал окончательный план действий, охлаждали пыл лидеров немецкой компартии.

Москва решила в этот раз продумать все до мелочей. Она тайно направила в Германию своих лучших людей — Бухарина, Макса Левина, одного из вождей Баварской советской диктатуры, просуществовавшей 4 недели; Пятакова, венгерских и болгарских агентов Коминтерна и самого Радека. Мы, из Красной Армии, продолжали в Германии обучение наших войск. Проводили секретные ночные маневры в лесах близ Золингена в Рейнской области, в которой порой принимали участие по нескольку тысяч рабочих. Наконец стало известно: «Зиновьев установил дату восстания».

Отряды компартии по всей стране ждали последних указаний. В адрес ЦК немецкой компартии поступила телеграмма от Зиновьева с указанием точной даты. Курьеры Коминтерна с приказом из Москвы поспешили разъехаться по различным партийным центрам. Из тайников достали оружие. С нарастающим напряжением ожидали мы условленного часа. И тогда... «Новая телеграмма от «Гриши», — объявили коммунистические руководители. — Восстание отложено!»

Снова коминтерновские курьеры засновали по Германии с новыми приказами и новой датой революции. Несколько недель мы жили по тревоге. Почти каждый день приходили телеграммы от «Гриши» (Зиновьева) — новые приказы, новые планы, новые агенты из Москвы с новыми инструкциями и новыми революционными проектами. В начале октября коммунисты получили приказы присоединиться к

правительствам Саксонии и Тюрингии, вступив в коалицию с левыми социалистами. Москва полагала, что эти правительства станут для коммунистов действенным центром притяжения сил и что полицию можно будет обезоружить заранее, еще до восстания.

Наконец все было приготовлено. От Зиновьева поступила телеграмма с категорическим приказом. Курьеры Коминтерна снова принялись развозить приказы по партийным округам по всей Германии. Снова были приведены в боевую готовность коммунистические батальоны. Час близился. Дороги назад нет, думали мы, и с облегчением ждали конца этим неделям нервного напряжения. В последний момент вновь был срочно созван ЦК германской компартии. «Еще одна телеграмма от «Гриши»! Восстание опять отложено!» Снова посыльные понеслись по всей стране, в последнюю минуту отменяя приказы, отданные партийным центрам. Но в Гамбург курьер опоздал. Гамбургские коммунисты, с истинной немецкой дисциплинированностью двинулись в бой в назначенный час. Сотни рабочих, вооруженных винтовками, атаковали полицейскую базу. Другие заняли стратегические позиции в городе.

В других частях Германии рабочие-коммунисты были ввергнуты в панику. «Почему мы бездействуем в то время, как гамбургские рабочие сражаются? — спрашивали они у своих районных партийных вожakov. — Почему мы не идем им на помощь?» Партийным функционерам нечего было им ответить. Только наверху знали, что рабочие Гамбурга гибли из-за последней телеграммы «Гриши». Гамбургские коммунисты продержались три дня. Большие массы рабочих в городе остались безучастными, а Саксония и Тюрингия не пришли на помощь коммунистам. Рейхсвер под командованием генерала фон Секта вступил в Дрезден и разогнал правительство левых социалистов и коммунистов Саксонии. Правительство Тюрингии постигла та же участь. Коммунистическая революция выдохлась.

Все мы, кто находился в Германии, знали, что ответственность за фиаско лежит на московском руководстве. Вся стратегия предполагаемой революции была выработана большевистскими вождями Коминтерна. Требовалось поэтому обязательно найти козла отпущения. Фракционные соперники Брандлера в германской компартии владели коминтерновскими приемами замазывания ошибок высшего начальства, и они сразу же начали действовать. «Брандлер и ЦК в ответе за то, что нам не удалось взять власть!» — кричала новая оппозиция во главе с Рут Фишер, Тельманом и Масловым. «Совершенно верно, — вторила им Москва. — Брандлер — оппортунист, социал-демократ. Пусть убирается вон! Да здравствует новое революционное руководство — Рут Фишер, Тельман и Маслов!» На следующем конгрессе Коминтерна это получило вид ритуальных резолюций и постановлений, и с благословения Москвы власть в компартии Германии была передана ее новому генеральному штабу.

Брандлер получил приказ явиться в Москву, где он был лишен немецкого паспорта и получил работу в советском учреждении. Германские дела, сообщил ему Зиновьев, больше не должны его беспокоить. Все его попытки вернуться в Германию не имели успеха, пока его друзья не пригрозили устроить международный скандал, привлекая к этому делу внимание берлинского правительства. Только тогда его выпустили из Советской России и исключили из партии.

То же самое произошло с известным французским писателем Суваринным, автором самой полной биографии Сталина. Изгнанный из руководства французской компартии по приказу Коминтерна, он был задержан советским правительством до тех пор, пока его друзья не пригрозили обратиться к французским властям.

Дорогостоящий эксперимент советского правительства не совсем пропал даром только для одного ведомства — военно-разведывательной службы. Видя крах усилий Коминтерна, мы сказали: «Давайте по возможности спасать, что осталось от германской революции». Мы отобрали лучших людей, прошедших подготовку в нашей партийной разведке, и людей из *Zersetzungsdienst* и включили их в систему советской военной разведки. На руинах коммунистической революции мы построили в Германии для Советской России великолепную разведывательную службу, которой могла бы позавидовать любая страна.

Потрясенная поражением в Германии, Москва стала искать новые сферы завоеваний. Уже глубокой осенью 1924 г. положение в Германии стабилизировалось. Коминтерн за почти шесть лет не одержал ни одной победы, которая оправ-

дывала бы промотанные им огромные деньги и растраченные человеческие жизни. Тысячи коминтерновцев паразитировали за счет советской власти. Положение Зиновьева в партии становилось зыбким. Любой ценой нужна была победа — как угодно, где угодно.

С запада с Советской Россией граничила Эстония, крохотное государство, явно находившееся тогда в тисках кризиса. Зиновьев вместе с Исполкомом Коминтерна приняли решение отбросить в сторону всякую марксистскую теорию. Вызвав к себе начальника Разведуправления Красной Армии Берзина, Зиновьев сказал ему примерно следующее. Эстония переживает революционный кризис. Мы не станем действовать здесь так, как в Германии. Мы применим новые методы — никаких стачек, никакой агитации. Все что нам нужно — это несколько отважных групп, руководимых горсткой командиров Красной Армии, и в два-три дня мы станем хозяевами Эстонии.

Берзин был человеком, который подчиняется приказам. Через несколько дней была создана группа надежных командиров Красной Армии, человек в шестьдесят, главным образом русских, выходцев из Прибалтики, во главе с Жибуром, одним из героев гражданской войны. Им было предписано проникнуть в Эстонию различными путями — одним через Финляндию и Латвию, другим — проскользнув через советскую границу. В Эстонии их ожидали рассредоточенные специальные коммунистические части общей численностью около двухсот человек. К концу ноября все приготовления закончились.

Утром 1 декабря 1924 г. «революция» разразилась в намеченных стратегических точках Ревеля (столицы). В стране сохранялось полное спокойствие. Рабочие как всегда направлялись на работу на свои фабрики. Шла своим чередом деловая жизнь, и часа через четыре «революция» была полностью подавлена. Около ста пятидесяти коммунистов были застрелены на месте. Сотни других, никак не связанных с этой затеей, попали в тюрьму. Красные командиры быстро вернулись в Россию заранее намеченными путями. Жибур вновь сел за свой рабочий стол в управлении Генерального штаба, а историю с Эстонской революцией постарались как можно быстрее замять.

В Болгарии Коминтерн пережил период процветания, пока у власти был Стамболийский, лидер Крестьянской партии. Стамболийский был в хороших отношениях с Москвой. Остатки белой армии генерала Врангеля, которую большевики вытеснили из Крыма, находились на территории Болгарии, и Советское правительство мечтало устранить эту угрозу. С согласия Стамболийского из России в Болгарию была заслана для этой цели группа секретных агентов. Они использовали все средства пропаганды, включая издание газеты, и все методы террора, включая убийства. Им удалось в значительной степени деморализовать эту потенциально антисоветскую армию.

Несмотря на дружеские отношения между Стамболийским и Москвой, в 1923 г., когда Цанков устроил военный переворот, свергнувший правительство Стамболийского, Москва предписала болгарской компартии оставаться нейтральной. Коммунистические вожди надеялись, что в результате смертельной схватки между реакционными военными элементами и Стамболийским вся власть окажется в их собственных руках. Стамболийский был свергнут и убит. Цанков установил военную диктатуру. Тысячи невинных людей отправились на виселицы, а компартию загнали в подполье.

Прошло два года, и коммунисты решили, что настало время устроить коммунистический путч против правительства Цанкова. Заговор был организован в Москве руководителями болгарской компартии с помощью командиров Красной Армии. Одним из этих болгарских лидеров был Георгий Димитров. Коммунисты разузнали, что 16 апреля 1925 г. все основные члены болгарского правительства будут присутствовать на богослужении в софийском кафедральном соборе. Было решено воспользоваться случаем для восстания. По заданию ЦК болгарской компартии во время службы в соборе была взорвана бомба. Погибло около 150 человек. Но премьер-министр Цанков и главные члены его правительства уцелели. Все непосредственные участники покушения были казнены.

Сам Димитров продолжал работать в Коминтерне в Москве. Он стал представителем Коминтерна в Германии. В конце 1932 г. ему было велено возвратиться в Москву, и знающие люди поговаривали, что его карьере пришел конец. Не успел

он подчиниться приказу, как был арестован в связи с историческим делом о поджоге рейхстага. Благодаря смелому и умному поведению на нацистском суде ему удалось возложить вину за совершенное преступление на самих нацистов, и коммунисты признали в нем героя. Это один из самых курьезных случаев в истории Коминтерна, когда Димитров, один из организаторов взрыва в Софии, стал впоследствии в качестве председателя Коминтерна официальным защитником «демократии», «мира» и Народного фронта.

Москва выработала теоретическое оправдание своих неудач в Венгрии, Польше, Германии, Эстонии и Болгарии. Этим наполнены тома тезисов, резолюций и докладов. Ни в одном из них, однако, не было и намека на то, что ответственны большевизм и его русские вожди. Миф о непогрешимости руководства Коминтерна поддерживался с истинно религиозным упорством. Чем очевидней становился факт провала, тем грандиозней становились планы на будущее, изоощренней — международная структура Коминтерна.

Хотя Коминтерн так и не выполнил ни в одной стране своей первоначальной задачи, установления коммунистической диктатуры, он превратился — особенно после того как прибег к такой уловке, как создание «Народного фронта», — в одну из самых важных политических сил в мире.

Общая структура Коминтерна не составляет тайны. Широко известно, что коммунистические партии, легальные или подпольные, имеются во всех странах мира. Весь мир знает, что руководящий центр его расположен в Москве. Но он почти ничего не знает о том, как устроен его реальный аппарат и о его тайной связи с ОГПУ и советской военной разведкой.

Главный штаб Коминтерна, усиленно охраняемый агентами ОГПУ в гражданском, расположен в здании напротив Кремля. Любопытным москвичам здесь не место скапливаться. Граждане, входящие по делу в его здание, независимо от высоты их положения немедленно попадают под наистрожайшее наблюдение с того момента, как они вошли и до ухода. Слева от главного входа находится комендатура, наполненная агентами ОГПУ.

Если Эрл Браудер, генеральный секретарь компартии США, захочет попасть на прием к Димитрову, он должен получить пропуск в комендатуре, где его документы тщательно исследуют. Прежде чем ему позволят покинуть здание Коминтерна, его пропуск будет внимательно изучен вторично. На нем должна стоять собственноручная подпись Димитрова с точным указанием времени, когда беседа окончилась. По поводу какого бы то ни было времени, прошедшего после окончания беседы, тут же проводится расследование. Каждая минута, проведенная в здании Коминтерна, должна быть на учете и записана. Случайные беседы в коридорах строго запрещены, и нередко высокие чиновники Коминтерна получают строгий нагоняй от агента ОГПУ за нарушение этих правил. Такая система обеспечивает ОГПУ обстоятельными досье насчет связей между русскими и иностранными коммунистами, и это находит применение в нужный момент.

Ядро Коминтерна — это малоизвестный и никогда не афишируемый отдел международной связи (ОМС). Пока не начались чистки, ОМС возглавлял старый большевик Пятницкий, еще при царском режиме прошедший практическую школу нелегальной революционной пропаганды. В начале этого столетия Пятницкий заведовал переправкой «Искры» из Швейцарии в Россию. Когда был организован Коминтерн, то, подбирая руководителя для такого важнейшего подразделения как ОМС, Ленин, естественно, остановил свой выбор на Пятницком. Фактически он стал министром финансов и директором по кадрам Коминтерна.

Под его руководством была создана всемирная сеть постоянных, ему подчиненных агентов, действующих в качестве связных между Москвой и номинально автономными коммунистическими партиями в Европе, Азии, Латинской Америке и США. В качестве резидентов Коминтерна эти представители ОМС жестко контролируют деятельность руководителей компартий в стране пребывания. Ни рядовые члены компартий, ни даже большинство их вождей не знают личности представителя ОМС, который подчиняется только Москве и лично в дискуссиях не участвует.

В последние годы ОГПУ постепенно взяло на себя некоторые функции ОМС, особенно выслеживание и донесение в Москву о случаях несогласия со Сталиным. Однако в чрезвычайно сложной работе по субсидированию и координации деятельности компартий ОМС остается главным инструментом.

Самым щепетильным делом, доверяемым резидентам ОМС, является распределение денег, финансирование компартий, оплата их дорогостоящей пропаганды и ложных фасадов, таких, как, например, Лига в защиту мира и демократии, МОПР, Межрабпом, «Друзья Советского Союза» и целый сонм других якобы независимых организаций, которые стали особенно необходимы, когда Москва принялась создавать Народный фронт.

На протяжении многих лет, когда перспектива революции не казалась упущенной, большая часть денег Коминтерна поступала в Германию и Центральную Европу. Но по мере того, как он во все большей степени становился придатком советского правительства и революционные задачи уступали место сталинизации общественного мнения и захвату ключевых позиций в демократических правительствах, бюджет Москвы для Франции, Англии и США резко возрос.

Ни одной компартии в мире никогда не удавалось покрыть сколько-нибудь значительную часть своих расходов. Москва считает своим долгом оплачивать в среднем 90—95% расходов зарубежных коммунистических партий. Эти выплаты производятся за счет советского бюджета через ОМС, в размерах, определяемых сталинским Политбюро.

Резиденту ОМС предоставлено первому судить, насколько целесообразны те или иные расходы, намечаемые компартией. В Соединенных Штатах, например, если политбюро американской компартии намеревается открыть новую газету, то оно консультируется с агентом ОМС. Он рассматривает это предположение и, если оно заслуживает внимания, связывается с руководством ОМС в Москве. ОМС в важных случаях передает дело на решение Политбюро ВКП(б). Менее серьезные вопросы агент ОМС решает, конечно, самостоятельно.

Одним из самых излюбленных способов пересылки денег и инструкций из Москвы за рубеж для местных компартий является дипломатическая почта, не подлежащая досмотру. По этой причине представитель ОМС обычно состоит на службе в посольстве Советского Союза в какой-нибудь номинальной должности. Из Москвы он получает пакеты, опечатанные правительственной печатью, пачки денег, а также секретные инструкции по их распределению. Он лично передает пачки купюр руководителю компартии, с которым поддерживает прямой контакт. Несколько раз по небрежности американские, английские и французские банкноты посылались за рубеж с красноречивым штемпелем советского Госбанка.

В первые годы существования Коминтерна финансирование производилось и еще более грубо. Помню время, когда эта процедура состояла в том, что по указанию Политбюро Чека (ОГПУ) доставляла в Коминтерн мешки с конфискованными бриллиантами и золотом для отправки за границу. С тех пор разработаны более тонкие методы. Удобной ширмой служат советские торговые учреждения, такие, как «Аркос» в Лондоне и Амторг в Соединенных Штатах и ведущие с ними дела частные фирмы. Постоянные смены руководителей в компартиях представляют специфическую проблему для ОМС в его денежных операциях. Когда Москва сменила руководство компартии Германии после провала восстания 1923 г., Миров-Абрамов, агент ОМС в Германии, так же, как Пятницкий в Москве, провел много беспокойных часов, размышляя о том, кому они теперь должны доверить коминтерновские деньги. Облегчение они испытали тогда, когда в новом руководстве остался Вильгельм Пик, так как Пятницкий и Абрамов доверяли этому вождю — ветерану рабочего движения.

Миров-Абрамов, которого я знал много лет, был представителем ОМС в Германии с 1921 по 1930 год. Официально он работал в отделе печати советского посольства в Берлине. На самом же деле он ведал распределением денежных средств и распространением инструкций Коминтерна по всей Германии и большей части Центральной Европы. В самый разгар активизации деятельности Коминтерна в Германии Миров-Абрамов располагал штатом более чем в 25 человек помощников и курьеров. Позже он был отозван в Москву и назначен помощником Пятницкого. Когда старый большевистский состав руководства Коминтерна был уничтожен Сталиным, Мирова-Абрамова вместе с Пятницким отстранили. Благодаря его исключительным контактам с подпольем в Германии он был переведен в советскую военную разведку, где и служил до 1937 г., когда был расстрелян в период большой чистки. Абсурдным было заявление Ягоды, поверженного шефа

ОГПУ, на процессе в следующем году, где он свидетельствовал, будто посылал крупные денежные суммы Троцкому через Мирова-Абрамова.

Ведение финансами Коминтерна и его иностранным отделом лишь небольшая часть дел, возложенных на ОМС. Он служит еще и как нервная система Коминтерна. Представители, посылаемые Москвой в качестве политкомиссаров в компартии зарубежных стран, устанавливают все свои контакты через ОМС, который снабжает их паспортами, «надежными адресами» и вообще действует как постоянный аппарат связи между учреждениями в Москве и этими политическими агентами за рубежом.

Видным комиссаром Коминтерна в Соединенных Штатах еще несколько лет назад был венгерский коммунист Погани, известный в США под именем Джон Пеппер. Его основной миссией там было отстранение лидеров компартии США Ловстона и Гитлова после того, как они получили вотум доверия огромного большинства членов партии. Погани-Пеппер выполнил данные ему приказы и поставил во главе американской компартии новое руководство. Сам Пеппер в 1936 г. в Москве был арестован и расстрелян.

Паспортное бюро ОМС в отличие от ОГПУ и военной разведки не занимается непосредственным изготовлением паспортов. Оно добывает подлинные документы, где только возможно, и лишь подделывает их как требуется. Добывать паспорта ему помогают фанатики из числа коммунистов и сочувствующих. Если представителю ОМС в США нужны два американских паспорта для агентов Коминтерна в Китае, он сносится со своим человеком в американской компартии. Последний через членов партии или сочувствующих добывает подлинные паспорта. Работники же ОМС затем меняют фотографии и искусно подделывают другие нужные данные.

Москва всегда любила американские паспорта. В другой связи я рассказал, какую роль они сыграли в гражданской войне в Испании. Обычное дело, когда представитель ОМС или агенты ОГПУ пересылают пачки паспортов в Москву, где в центральном учреждении ОМС имеется штат, около десяти сотрудников, занимающихся подгонкой документов соответственно потребности Коминтерна.

В 1924 г. в Берлине полиция совершила налет на местную контору ОМС и захватила пачку германских паспортов вместе с делопроизводственными перечнями имен их первоначальных владельцев, истинных имен агентов Коминтерна, пользовавшихся этими документами в то время, и фиктивных имен, под которыми они разъезжали. По этой причине значительное предпочтение отдается подлинному паспорту.

В 1927 г. Коминтерн и ОГПУ послали Эрла Браудера в Китай. Я не знаю, почему для этой миссии был избран Браудер, но полагаю, что главной причиной был его американский паспорт. Мне вспоминается в этой связи один мой разговор с работником Коминтерна. На него работал человек, чья некомпетентность всегда была предметом анекдотов в нашем кругу. Я часто натыкался на этого человека в одной из европейских столиц, когда он суетился, выполняя по видимости важные поручения. Позднее мне довелось побеседовать о нем с тем коминтерновцем.

«Скажи мне честно, товарищ, — спросил я, — почему ты держишь у себя этого идиота?» Старый большевик снисходительно улыбнулся и ответил: «Мой дорогой, молодой Вальтер, тут дело не в способностях этого человека. Важно то, что у него канадский паспорт, а мне нужен канадец для тех поездок, куда я его посылаю. Никто другой не подойдет». «Канадец! — воскликнул я. — Он не канадец, он украинец, уроженец Шепетовки». Коминтерновец разразился хохотом. «О чем ты говоришь! Украинец, уроженец Шепетовки! У него канадский паспорт. Этого мне вполне достаточно. Думаешь, так легко найти настоящего канадца? Приходится выжимать что можно из шепетовского канадца!»

Я думаю, что когда Коминтерн обсуждал вопрос о посылке Браудера в Китай, им было вполне ясно, что он не специалист по китайским делам. Но Браудер настоящий американец — из Канзас Сити, не из Шепетовки.

Практически все дела, связанные с изготовлением и подделкой паспортов и других документов, доверяются только русским по происхождению. Условия жизни в довоенной царской России дали им исключительную практику в этом искусстве. Сложные паспортные правила, получившие распространение в большинстве стран Европы после 1918 г., застали большевиков хорошо подготовленными. В кабине-

тах ОГПУ и IV управления РККА есть такие умельцы, которые могли сфабриковать консульские подписи и государственные печати, совершенно не отличимые от подлинных.

Отдел международных связей выполняет еще одну очень важную функцию. Он координирует деятельность Коминтерна, связанную с обучением и пропагандой в международном масштабе. В его ведении находятся школы, расположенные в Москве и ее окрестностях, для тщательно подобранных коммунистов, которые изучают все аспекты гражданской войны, начиная с пропаганды и кончая умением обращаться с пулеметом. Эти школы появились в первые же месяцы большевистской революции, когда немецких и австрийских военнопленных пропускали через краткосрочные курсы, в надежде, что эти «кадры» применят свои знания на баррикадах Берлина и Вены. Позднее курсы превратились в постоянные учебные заведения. Наиболее способные слушатели проходили военную подготовку непосредственно в разведывательном управлении Генштаба РККА.

В 1926 г. в Москве был основан университет практического большевизма для западноевропейских и американских коммунистов. Этот университет, так называемая Ленинская школа, существует на средства ОМС, который также предоставляет и жилье своим слушателям. Директор школы — жена Емельяна Ярославского, главы советской «Лиги безбожников». Слушатели — ныне главным образом британские, французские и американские коммунисты — ведут обособленный образ жизни и минимально общаются как с русскими, так и иностранцами в Советском Союзе. Выпускникам этой большевистской академии полагается возвратиться в свои страны для работы в пользу Коминтерна в профсоюзах, правительственных учреждениях и других некоммунистических органах. Секретность соблюдается потому, что их ценность для Москвы в США, Франции и Англии утрачивается, если становится известным, что они обучались методам гражданской войны под руководством офицеров разведки Красной Армии.

Еще одни курсы для очень мелких групп тщательно процеженных иностранных коммунистов действуют в режиме полной секретности вне Москвы, близ Кунцева. Здесь американских и европейских коммунистов обучают технике разведслужбы, включая обращение с секретными радиопередатчиками, подделку паспортов и т. д.

Когда Коминтерн обратил свои взоры на Китай, он учредил восточный университет, так называемый Университет имени Сунь Ятсена во главе с Карлом Радеком. Москва была исполнена оптимизма в ожидании советской революции в Китае. Сыновья генералов и высоких чинов китайского правительства приглашались в качестве слушателей этого специального учебного заведения. Среди них был сын Чан Кайши. Гоминьдан — китайская националистическая партия — и Коминтерн работали рука об руку, и Москва считала, наконец, обеспеченной большую победу.

Гоминьдан принял русского политического советника Бородин и русского военного советника генерала Галина-Блюхера, командовавшего впоследствии Красной Армией на Дальнем Востоке вплоть до его ликвидации в 1938 году. Коммунисты наводнили Гоминьдан, многие из них вошли в его ЦК, внедрились в военную академию в Вампу. Когда Чан Кайши в полной мере воспользовался выгодами от поддержки из Москвы, он сделал крутой поворот и 20 мая 1926 г. согнал коммунистов со всех ключевых постов. Однако Сталин избегал полного разрыва с Чан Кайши в надежде перехитрить его в будущем.

В то время я жил в гостинице, известной до революции под названием «Княжий двор». На одном этаже со мной жил генерал Фэн [Юйсян]. Несмотря на майский крутой поворот, вожди Коминтерна сохраняли уверенность в своей грядущей победе в Китае. Фэн прибыл в Москву, пытаясь с помощью маневрирования организовать альянс против Чан Кайши. Советское руководство придавало его визиту большое значение, его приглашали на собрания и встречи, приветствуя его как вождя китайских масс. Фэн играл свою роль превосходно, во всех своих пламенных речах обещая бороться за победу ленинизма в Китае.

Почти ежедневно я наблюдал, как у двери его номера, охраняемого бойцами охраны из ОГПУ, появлялись все новые и новые ящики с книгами и брошюрами. Я несколько раз беседовал с ним, объясняясь частью по-русски, частью по-английски. Он был типичный китайский вояка, ничто в мире не было чуждо ему более, чем ленинизм, которым его постоянно пичкали. Он не оправдал возложенных на

него надежд, как, впрочем, и многие другие. Так и не открыв ящичков с книгами, он возвратился в Китай, и думать забыв про обещания «бороться за ленинизм», которые давал в Москве.

В декабре 1927 г. после того, как Чан Кайши довел свое дело до конца, перестреляв и обезглавив тысячи коммунистов в Шанхае, Коминтерн направил в Китай Хайнца Ноймана, одного из бывших вождей компартии Германии, руководить восстанием в Кантоне. Восстание продолжалось два с половиной дня и стоило жизни почти шести тысячам человек. Все китайские коммунистические лидеры в Кантоне были казнены, а Хайнц Нойман бежал в Москву.

Совершенно независимо от обширных пропагандистских механизмов отдельных компартий с их газетами, журналами, книгами и брошюрами, которые обходятся ежегодно в миллионы долларов, действует централизованный пропагандистский аппарат самого Коминтерна. Он находится в ведении Бюро агитации и пропаганды, но финансирует и фактически управляет им Отдел международных связей. Его главное издание — международный пресс-бюллетень (IPC), выпускаемый на английском, французском и немецком языках. Он предназначен главным образом для сотен редакторов коммунистических изданий в разных странах. Нацисты пытаются следовать этому примеру в пропаганде, издавая свой «World Service» (Эрфурт), распространяемый между профашистскими и антисемитскими изданиями во всем мире.

Наибольшие осложнения для Москвы создают те несчастные случаи, когда официальные газеты компартий недопонимают, что от них требуется, и занимают противоречивые позиции по одному и тому же вопросу. Когда был подписан пакт Берлин — Москва, за 10 дней до начала нынешней войны в Европе, официальные органы печати компартий работали исключительно синхронно. Лондонская «Daily Worker», парижская «L'Humanité» и «Daily Worker» в США одновременно и в одинаковых выражениях приветствовали этот сигнал к всеобщей войне как великий вклад в дело мира.

Коминтерн также издает во всех ведущих странах мира журнал «Коммунистический Интернационал», помещающий на своих страницах решения Коминтерна, а также статьи русских и зарубежных руководящих коммунистических деятелей. Эти ключевые материалы служат двойной цели. Они не только обеспечивают единство мнений во всех компартиях Европы и Америки, но, что за последние годы стало даже более важным, образуют тот механизм, с помощью которого Сталину гарантируются хорошо организованные отклики на все, что он декретирует в Москве. Во время великой чистки Кремлю было очень важно суметь показать русскому народу, что вся прокоммунистическая печать в Западной Европе и США целиком и полностью поддерживает уничтожение им старой большевистской гвардии.

За границей слабо сознают, как жизненно необходимо было Сталину в 1936, 1937 и 1938 гг. получить возможность заявлять, что английские, американские, французские, немецкие, польские, болгарские и китайские коммунисты единодушно поддерживают ликвидацию «троцкистско-фашистских бешеных собак и вредителей», в числе которых были даже Зиновьев и Бухарин — два первых руководителя Коминтерна.

Еще до того, как Коминтерн официально начал применять свою тактику создания «Народного фронта», ОМС уже субсидировал пропаганду в новой и более тонкой форме. Москва сочла, что ее целям более не соответствует расчет только на те категории населения, которые можно привлечь откровенно коммунистическими лозунгами. В лице Вилли Мюнценберга, некогда видного деятеля немецкой компартии и депутата рейхстага, ОМС нашел исполнителя новой затеи в виде постановки издания с ложной внешностью. ОМС снабдил Мюнценберга деньгами для открытия большого издательского дела. Он выпускал привлекательные иллюстрированные газеты и журналы, все — по внешности непартийные, но тем не менее сочувствующие Советскому Союзу. Впоследствии он занялся также и кинобизнесом и основал концерн, известный под названием «Prometheus». Предприятия Мюнценберга велись очень умело, и вскоре их деятельность распространилась на Скандинавию. С приходом Гитлера к власти Мюнценберг перевел их в Париж и Прагу.

Когда во время большой чистки настала очередь Мюнценберга, то добраться до него оказалось непросто. Он отклонил приглашение «посетить» Москву. Пред-

седатель Коминтерна Димитров писал ему письма с настойчивыми заверениями в том, что Москве он нужен для новых важных поручений. Мюнценберг не клюнул. Тогда ОГПУ направило к нему одного из своих агентов Белецкого — убедить, что ему нечего бояться. «Кто решает вашу судьбу, — доказывал Белецкий, — Димитров или ОГПУ? А я знаю, что Ежов на вашей стороне».

Мюнценберг не пошел в западню и все лето и осень 1937 г. скрывался, опасаясь более сильных методов убеждения. Он передал ведение делами чешскому коммунисту Шмералю. Немецкая компартия исключила его из своих рядов и занесла в списки «врагов народа». Мюнценберг и сейчас живет в Париже. Он никогда не выступал открыто против Сталина.

После VII конгресса Коминтерна (1935 г.) декоративные издания Мюнценберга стали образцом для подражания во всей Европе и США. В Париже Коминтерн даже основал вечернюю газету. Но за последние три-четыре года Коминтерн тратит на «независимые» издания и подставные организации в США больше денег, чем в любой другой стране. Покуда Москва создавала видимость, что стоит за создание системы коллективной безопасности и против гитлеризма, ее пропагандистские кампании пользовались доверием американской публики. Вместо создания революционных «кадров» среди американских рабочих задача теперь состояла в том, чтобы убедить деятелей Нового Курса, влиятельные деловые круги, профсоюзных лидеров и журналистов, что Советская Россия идет во главе сил «мира и демократии».

В разгар кампании по созданию «Народного фронта», когда диктатура в Советском Союзе становилась все более тоталитарной, а чистка — определяющим фактором советской жизни, Коминтерн более чем когда-либо по самой своей сущности перешел на содержание ОГПУ.

Коминтерн имеет свою собственную «Контрольную комиссию» по образцу ЦКК русской большевистской партии, предназначенную для слежки за политическими настроениями его членов. На протяжении тех лет, пока Сталин взбирался к единоличной власти, по мере того как обострялась фракционная борьба в большевистской партии, внутренний шпионаж становился единственной функцией этого органа. Контрольная комиссия выбросила из РКП(б) всех неустойчивых сталинистов. Контрольная комиссия Коминтерна следовала этому примеру в международном масштабе.

Контрольная комиссия не была, однако, самым жестоким инструментом сталинской инквизиции. В помощь ей был создан еще один инструмент — орган под невинным названием «сектор кадров». Это теперь рука ОГПУ в Коминтерне. Долгие годы его возглавлял Краевский, польский коммунист, давний друг Дзержинского, первого шефа советской тайной полиции, много лет работавший агентом Коминтерна в США и Латинской Америке. Краевский внедрял своих агентов во все компартии и довел внутривнутрипартийный шпионаж до его нынешнего уровня высочайшей эффективности.

Каждые десять дней начальник сектора кадров встречается с начальником соответствующего отдела ОГПУ и вручает ему материал, собранный его агентами. ОГПУ использует затем эти данные по своему разумению. Сейчас этот полицейский орган в Коминтерне прослеживает до самых истоков малейшие проявления оппозиции к Сталину за рубежом. Особенно бдительно он прослеживает все нити, ведущие от зарубежных коммунистов к потенциальным оппозиционерам внутри РКП(б).

Один из самых неприглядных родов деятельности, возложенных на этот отдел, состоит в заманивании в Москву иностранных коммунистов, подозреваемых в нелояльности к Сталину. Какой-нибудь коммунист, считающий, что он находится в прекрасных отношениях с Коминтерном, получает от Исполкома известие, что он нужен в Москве. Польщенный признанием своей значимости, он спешит в столицу Коминтерна. По прибытии в Москву его хватают в ОГПУ и он исчезает. Многие подобные захваты числятся за сектором кадров, который через свою сеть шпионов нередко получает не только ложную, но и злонамеренную «информацию», тенденциозно изображающую данное лицо идущим не в ногу со сталинской линией. Возможно, никогда не удастся установить, сколько зарубежных коммунистов таким образом заманили на погибель.

Москва пользуется также и более тонкими методами обращения с лидерами

зарубежных компартий, попавшими в немилость. Прежде чем убрать со сцены какого-нибудь важного политического деятеля, который в среде его последователей до какой-то степени еще пользуется престижем, его репутация должна быть подорвана. Он должен быть скомпрометирован в глазах коммунистов в его собственной стране. Когда это сделано, то с ним могут немедленно расправиться.

Процесс подрыва репутации развивается по хорошо рассчитанной схеме. Первым делом его отстраняют от работы в своей собственной стране. Направленный в Москву, он должен выбрать между послушанием и немедленным исключением. Он не может отказаться и остается в компартии. Но если он занимает высокое положение, то не так-то легко сделать его мальчишкой на побегушках в советской конторе. В кабинетах Коминтерна, куда его вызвали, ему сообщают, что он избран для важной миссии в Китае, на Ближнем Востоке или в Латинской Америке. Это означает начало его заката. Оторванный от своей партии, заброшенный в отдаленную сферу, где он мало что может сделать, он возвращается в Москву, чтобы предстать перед суровым взором коминтерновского шефа. «Ну, товарищ, — говорит шеф, — чем ты можешь оправдать шесть месяцев своего пребывания в Бразилии и израсходованную там тысячу фунтов стерлингов?»

Никакие отговорки не принимаются в расчет. Известный аргумент — и бесспорный факт, что рабочий класс Бразилии еще не достиг достаточного уровня политической зрелости для усвоения коммунистического учения, не производит никакого впечатления. Извещенные обо всем этом, его товарищи по партии дома, если они не окончательно забыли его, видят его в новом свете. Вот ведь, Коминтерн послал его в Бразилию, и он не выполнил взятые на себя обязательства.

Отсюда логично вытекает следующий шаг. Ему теперь предоставлено место в одном из тысяч советских учреждений. Он становится советским служащим, получающим зарплату от властей, и его политическая карьера окончена. С этого момента, если у него есть характер, главной его задачей является выбраться из Советского Союза, добраться до родины и оборвать все связи с Советской Россией и с Коминтерном. Это не часто удается.

Один из самых трагических случаев такого рода произошел с моим другом Станиславом Губерманом, братом всемирно известного скрипача. Стах Губер, как называли его в нашем кругу, вступил в польское революционное движение во время первой мировой войны. Наряду с Мюнценбергом он считался одним из основателей польского комсомола. Он проявил себя как бесстрашный партиец-подпольщик и вскоре стал одним из руководителей компартии. В Польше он отсидел не один срок в тюрьме, часто бывал жестоко избит полицией.

Когда Коминтерн решил сменить состав Центрального Комитета польской партии, Губера вызвали в Москву. Вскоре он был переведен на работу в одном вновь созданном учреждении, связанном с железными дорогами. В роли железнодорожника Губер чувствовал себя совершенно не на месте. Он тщетно пытался настаивать на своем возвращении в Польшу на прежнюю работу. Его стали перебрасывать из одного учреждения в другое, давая ему возможность изучить различные аспекты советской бюрократии, но вернуться в Польшу к своим товарищам ему так и не дали.

Когда в Доме Советов праздновалась 15-я годовщина комсомола, Губер все еще работал в Москве безвестным секретарем в одной из советских контор. В президиуме восседали новые важные лица советского режима. Произносились пламенные речи о великой роли комсомола в Советском Союзе и во всем мире. На заднем ряду в зале сидел Стах Губер — один из основателей комсомола. Прогуливаясь бесцельно, он встретил своего старого товарища, тоже давно потерявшего свое положение. Они были рады встрече и старый друг пригласил Губера к себе домой. Они провели за бутылкой почти всю ночь, вспоминая о прошлом. Несколько дней спустя Стаха вызвали в Контрольную комиссию Коминтерна.

«Вы были в прошлую среду вечером на квартире у товарища N?» Губер принял это «обвинение». Его тотчас же исключили из партии, что лишило его возможности получить какую-либо работу, и он оказался без крыши над головой. Я приютил его у себя. Я был почти уверен тогда, что Стах покончит с собой. Ему помог спастись Мануильский, один из руководителей Коминтерна. Контрольную комиссию убедили пересмотреть свое решение. Губер был восстановлен в партии, с записью о «строгом и последнем предупреждении» в учетной карточке. Ему дали работу на

железнодорожной станции Великие Луки. Губер понимал, насколько шатко теперь его положение и работал не покладая рук в надежде, что смоет этим пятно со своей партийной репутации.

Он так хорошо трудился, что в 1936 г. был награжден поездкой авиарейсом в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции. В пути самолет, на котором летел Губер, разбился, и Стах погиб. Через несколько месяцев один из его друзей сказал мне: «Повезло Стаху, что он погиб в авиакатастрофе!» Ему действительно повезло. В Великолукской области местный партийный секретарь наградил его за хорошую работу, но для ведомства ОГПУ он был всего лишь старый большевик, ранее исключенный из партии и восстановленный с испытательным сроком. В разгар чистки ОГПУ бросилось на поиски Стаха Губера.

Не всегда дело кончалось трагически. Когда лидер австрийской компартии Томанн был назначен заведующим учебной частью в общежитии моряков в Ленинграде, он устроил так, что ему пришла телеграмма из Вены с известием о том, что его мать умирает. На этот раз Москва оказалась в дураках. Прибыв в Вену, Томанн заявил о своем разрыве с Коминтерном.

Община иностранных коммунистов в Москве, проживающих главным образом в гостинице «Люкс» в качестве постоянных представителей своих партий, всегда вела образ жизни, резко отличающийся от образа жизни советских граждан. Компартии, конечно, не посылают в Москву на постоянное жительство своих высших руководителей. Такие люди, как Поллит, Браудер и Торез, приезжают только когда их вызывают на важные совещания или съезды. Но каждая партия имеет в Москве своих постоянных консулов, которые отличаются от обычных дипломатических работников тем, что свое жалованье получают не от тех, кто их послал. Хотя Политбюро, и в особенности сам Сталин, относятся к ним с презрением, они тем не менее считаются — или считались до недавнего времени — в Москве знаменитыми личностями.

Во время голода, сопровождавшего насильственную коллективизацию в 1932—1933 гг., когда средний советский служащий вынужден был довольствоваться сушеной рыбой и хлебом, был создан кооператив для обслуживания исключительно этих иностранцев, где они по умеренным ценам могли купить продукты, которых ни за какие деньги нельзя было больше нигде достать. Гостиница «Люкс» стала символом социальной несправедливости, и средний москвич, если спросить, кому живется хорошо в Москве, неизменно отвечал: «Дипломатическому корпусу и иностранцам в «Люксе».

Горстку русских писателей, актеров и актрис, которым случилось общаться с деятелями Коминтерна, вынуждали лизоблюдствовать перед этой иностранной аристократией. Русские приходили к ним и выпрашивали такие мелкие предметы повседневного быта, как лезвия для бритвы, иголки, губная краска, авторучка или фунт кофе.

Для ОГПУ все это международное сборище, живущее в «Люксе» за государственный счет, всегда было и есть объект для подозрений. Этот картонный мирок «пролетарской революции» вечно бурлит интригами, взаимными обвинениями, каждый иностранный коммунист обвиняет другого в недостаточной преданности Сталину. Через своих осведомителей в гостинице ОГПУ подслушивает все эти обвинения и контробвинения и заносит их в свои пухлые досье.

Когда началась большая чистка, иностранные коммунисты в Советском Союзе подверглись сплошным арестам и ликвидации. Коминтерновские консулы, живущие в «Люксе», получили, наконец, важную работу. Они стали агентами ОГПУ и доносили на своих соотечественников пачками. Будучи персонально ответственными за всех иностранных коммунистов, находившихся в то время в Советском Союзе, они могли спасти свое собственное положение, а часто и голову только тем, что выдавали своих соотечественников ОГПУ.

Любопытно, что в эти годы, когда Коминтерн превратился в креатуру Сталина и ОГПУ, Советская Россия пользовалась наивысшим престижем в демократических странах. Создание «Народного фронта» в качестве троянского коня, возвещенное Димитровым на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г., открыло новую эру. Отбросив непопулярные большевистские лозунги, которые за последние почти два десятилетия не смогли восторжествовать ни в одной стране за рубежом, Москва теперь записывается в число оплотов цивилизации, поборников мира, демократии

и антигитлеризма. Даже тогда, когда большая чистка терроризировала всех нас на каждом шагу, Сталин даровал своим подданным «самую демократическую конституцию в мире». Конституция, которая, хотя она существует только на бумаге и в ней открыто гарантируется постоянное властвование его новой партии, построенной по фашистскому образцу, расценивается многими либералами за рубежом как если не великое достижение, то во всяком случае «значительная претензия».

«Народный фронт» имел важное значение практически в пяти странах: в Англии, США, Франции, Испании и Чехословакии. Во всех фашистских или полуфашистских странах Коминтерн сдал свои позиции, не создавая даже видимости борьбы. Численность так называемых подпольных компартий Германии и Италии, как я имел хорошую возможность наблюдать, возглавляя службу военной разведки в Западной Европе, была ничтожной. Наводненные фашистскими провокаторами, они исполняют единственную функцию — посылать людей на смерть. Коммунизм в этих странах давно обанкротился, и если новой революционной волне суждено когда-нибудь захлестнуть Германию в результате гитлеровских войн, то возглавлять ее будет скорее всего не Москва.

В прогрессивных странах Скандинавии со стабильными демократическими правительствами лозунги «Народного фронта» не нашли никакого отклика, так же как и революционные лозунги прошлых лет.

С другой стороны, хотя в Англии в среде трудящихся мало нашлось сторонников Москвы в ее новом обличье, ее антифашистские лозунги увлекли значительное число студентов, писателей и профсоюзных лидеров. Во время испанской трагедии и в мюнхенские дни многие отпрыски британских аристократических семей как вступали в интербригады (коминтерновскую армию в Испании), так шли и на службу в нашу разведку. Московские процессы потрясли многих из этих новообращенных. В разгар чистки один из членов ЦК компартии Великобритании сказал моему коллеге: «Зачем Сталин расстреливает ваших людей? Я знаю, как преданно служите вы Советскому Союзу, но я уверен, что если вы вернетесь в Москву, вас тоже расстреляют». Такие настроения возникали и гасли. Казни продолжались. Картина происходящего в Испании раскрыла весь ужас тоталитаризма. Однако Сталин удержался в роли великого союзника демократии против Гитлера.

Во Франции «Front Populaire» был так тесно связан с франко-советским альянсом, что он чуть ли не полностью завладел правительственной структурой. Правда, были и такие люди, как Леон Блюм, которые пытались не допустить, чтобы военная ситуация влияла на внутреннюю политику, но такие усилия в большой мере терпели неудачу. Франция в большинстве — от генерала Гамелена и депутата консерваторов де Кериллиса до профсоюзного лидера Жуо — так носилась с идеей, что безопасность Франции связана с Москвой, что «Front Populaire» стал доминирующим фактом французской жизни. Внешне Коминтерн действовал через свои перекрашенные организации. Газеты, клубы книголюбов, издательства, театры, кинокомпании — все это стало инструментами сталинского «антигитлеровского» фронта. За кулисами же ОГПУ и советская военная разведка вели лихорадочную работу, подбираясь к горлу государственных институтов Франции.

Эта страна не была совсем уж слепа в отношении грозящей опасности. В Палате депутатов часто делались запросы правительству, бросающие обвинение в том, что Советское правительство слишком хорошо осведомлено в секретах французской военной авиации. Каковы бы ни были основания для этих выпадов, фактом является по меньшей мере то, что у нас в советской разведке ряд высокопоставленных французских должностных лиц считался «нашими людьми».

Отчетливым было влияние Москвы в Чехословакии. Наиболее ответственные члены пражского правительства рассматривали Советскую Россию как бдительного защитника ее независимости. Здесь вторгся элемент панславизма, дополнительно усиливший авторитет Кремля. Чехи настолько возлюбили идею об их великом славянском брате, защищающем их от нацистской Германии, что дали себя втянуть в одну из самых трагических интриг в современной истории. О том, как Москва использовала чехословацкое правительство в интересах Сталина, рассказано в моем предисловии.

Роль компартии как таковой в США никогда не была сколько-нибудь серьезной, и на нее Москва смотрела всегда с величайшим презрением. За все долгие годы своей деятельности, вплоть до 1935 г., американская компартия не могла

похвалиться почти ничем. Профсоюзное движение не отзывалось на ее лозунги, а основная масса американцев вряд ли знала о ее существовании. Но даже в те годы эта партия была для нас важна тем, что она теснее, чем какая-либо другая компартия, была связана с нашим ОГПУ и разведслужбой. Во время механизации и моторизации Красной Армии мы имели в лице членов компартии США наших агентов на авиационных, автомобильных и военных заводах.

Несколько лет назад, будучи в Москве, я сказал руководителю нашей военной разведки в США, что, по моему мнению, он заходит слишком далеко, мобилизуя такой большой процент американских партийных функционеров для шпионажа. Его ответ был типичным: «Почему бы и нет? Они получают от нас хорошие деньги. Революции им никогда не совершить, а так они хоть могут отработать свои деньги».

Призвав под знамя демократии тысячи новобранцев, шпионская сеть компартии — ОГПУ значительно выросла и проникла в незатронутые прежде сферы. Тщательно скрывая свою принадлежность к партии, коммунисты проникли на сотни ключевых должностей. Москва получила возможность влиять на поведение должностных лиц, которые, зная, с кем имеют дело, на десять шагов не подошли бы к агенту ОГПУ или Коминтерна.

Более впечатляющим, пожалуй, чем этот успех в шпионаже и в политике давления, было проникновение Коминтерна в профсоюзы, издательства, журналы и газеты, с использованием такого маневра, как простая замена коминтерновского ярлыка штемпелем антигитлеризма.

Коминтерновцы всегда считали свою всемирную партию и ее руководство в Москве первейшим и наиглавнейшим объектом преданности. И член Комитета по военным делам германского рейхстага Кипенбергер, и член британской палаты общин Галлахер, и член Комитета по иностранным делам французского парламента Габриель Пери — все они признавали действительной свою преданность только Коминтерну. Когда же Коминтерн превратился в личный инструмент Сталина, они свою преданность перенесли на него.

Эпоха «Народного фронта» завершилась оглушительным крахом 23 августа 1939 года. Занавес, прикрывший фарс «Народного фронта», опустился в тот момент, когда глава советского правительства Молотов в присутствии улыбающегося Сталина поставил свою подпись вслед за нацистским министром иностранных дел фон Риббентропом, скрепляя пакт Берлин — Москва. Этим Сталин предоставил Гитлеру карт-бланш, и через десять дней мир был ввергнут в войну. В Берлин была послана советская военная миссия для выработки деталей полного сотрудничества между двумя самыми авторитарными и всеохватными тираниями, какие когда-либо знал мир.

Для Сталина срастание этих двух диктатур является вершиной всего, к чему он стремился многие годы. Безнадежно увязнув в противоречивых последствиях своих экономических и политических просчетов, он может надеяться остаться у власти, только сотрудничая рука об руку с Гитлером.

Отношение Сталина к Коммунистическому Интернационалу и его зарубежным функционерам всегда оставалось циничным. Еще в 1927 г. на заседании большевистского Политбюро он сказал: «Кто они, эти люди из Коминтерна? Ничего больше, как наймиты, живущие за наш счет. И через 90 лет они не смогут сделать нигде ни одной революции». У Сталина излюбленное наименование для Коминтерна было «лавочка». Однако он старательно оберегал свою «лавочку», ибо она хорошо служила как целям его внутренней политики, так и его внешнеполитическим маневрам. После ОГПУ это было его самое употребительное личное оружие.

Примечания

1. В качестве «делегатов» от тех или иных стран действовали немногочисленные социалисты и новообращенные коммунисты, оказавшиеся в Москве. Если не считать представителей левого крыла скандинавских социалистических партий, то единственным настоящим делегатом от зарубежной революционной организации был Эберлейн из союза «Спартак» в Германии. Но и тот прибыл с наказом Розы Люксембург голосовать *против* создания нового Интернационала.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Г л а в а I . *Введение. Стимулы борьбы с советской властью: национальное сознание.*

История откроет нам со временем истоки большевизма — того огромного и страшного явления, которое раздавило Россию и потрясло мир, установит отдаленные и близкие причины катастрофы, заложенные в историческом прошлом страны, в духе ее народа, в социальных и экономических условиях его жизни. В цепи событий, поражающих современников своей полной неожиданностью, жестокой извращенностью и хаотической непоследовательностью, история найдет тесную связь, суровую закономерность и, может быть, трагическую неизбежность...

Но и перспектива времени не гарантирует еще абсолютной правды. Вселенская правда нам недоступна. Есть только многогранные отражения ее. И те, кто делают историю, и те, кто пишут ее, не могут сбросить с себя окончательно уз, налагаемых традициями и идеями эпохи, нации, общества, класса. Смутное время найдет и своего Карамзина с его национально-историческим подходом, и своего Жореса, который во введении к капитальному труду «История великой французской революции», порвав обязательные покровы объективности, говорит: «Мы намереваемся изложить события с социалистической точки зрения для народа, для рабочих и крестьян».

Тем труднее положение современников, участников событий. Их мысленный взор застилает еще кровавая пелена; их душевное равновесие нарушено; в их сознании события более близкие, более волнующие невольно заслоняют своими преувеличенными, быть может, контурами факты и явления, отдаленные от фокуса их зрения. Их чувства глубже, страсти сильнее, восприятие элементарнее; они жили настоящим, воплощенным в плоть и кровь, — даже те, кто, став духовно выше среды и своего времени, проникали уже обостренным зрением за плотную завесу грядущего... Свидетельство современников, однако, весьма ценно. Не только установлением конкретных фактов, но даже субъективной формой их восприятия, дающей иногда ключ к разгадке многих сокровенных побуждений и

действий людей, партий, общественных групп. Свидетельства эти — те кирпичи, из которых история возводит свое величественное здание. С такой точки зрения я и смотрю на задачу моих «Очерков».

В этой книге я пишу главным образом о борьбе Добровольческой армии с советской властью в 1918 году, захватывая однородный и цельный период — с весны до осени, когда поражение Центральных держав принесло совершенно новую политическую конъюнктуру, существенно отразившись и на условиях нашей борьбы. С этим событием почти совпала смерть ген. Алексеева, завершившая нашу совместную деятельность, и окончание второго Кубанского похода Добровольческой армии...

Менее подробно я буду останавливаться на прочих фронтах и формах противобольшевистского движения, не связанных внутренне с судьбою Армии. Точно так же, говоря о большевизме, я главным образом касаюсь реальных его последствий и «достижений». Они, наряду со стихийными следствиями мировой войны и революции, вконец разрушили благосостояние страны и принизили дух ее народа. Они же дали стимулы той постоянной и непрекращающейся борьбе, которая продолжается и ныне, после падения всех белых фронтов, проявляясь в чрезвычайно разнообразных формах — активно и пассивно, явно и тайно, сознательно и рефлексивно. И будет длиться до тех пор, пока не исчезнет возбуждающее ее начало — советская власть, ненавистная народу.

Поэтому в общем, пока еще тихом, но грозном ропоте народного моря тонут бесследно голоса представителей новых течений общественной мысли, осуждающих те или иные формы преодоления большевизма или приемлющих его как власть, «революционно изживающую себя и подверженную внутреннему органическому перерождению».

Противобольшевистские движения не создавались отдельными людьми — они вырастали стихийно и непредотвратимо. И подобно тому, как некогда слово русских оппортунистов было бессильно остановить разрушительный поток народного безумия, так в будущем оно не в силах будет ввести в спокойное русло и в формы государственно-целесообразные проявления народного гнева.

Стимулы для борьбы с советской властью были крайне разнообразны, находя отклик почти во всех слоях русского народа и затрагивая самые чувствительные стороны народной психики. Основной порочный недуг советской власти заключался в том, что эта власть не была национальной. Никогда еще в русской истории после татарского ига представители страны, какими в дни величайшего ее падения явились последовательно господина Иоффе, Бронштейн и Бриллиант¹, не подвергались большему унижению, чем на Брест-Литовской конференции. Никогда еще вероятно к жизненным интересам государства «полномочные послы» его не относились с таким грубым невежеством или презрением, как те лица, которые говорили теперь от имени русского народа.

Трижды прерывалась и трижды возобновлялась мирная конференция. Встретив в третий раз все те же непомерные требования со стороны враждебных держав, Бронштейн (конец января) отказался подписать мирный договор и уехал в Петроград, заявив вместе с тем, что советское правительство демобилизует армию и «выводит народ из войны»...

Но 6 февраля германские армии перешли в наступление по всему Восточному фронту, не встречая почти никакого сопротивления², и Совет народных комиссаров в тот же день сообщил радиотелеграммой о принятии всех условий Центральных держав. Наступление австро-германцев тем не менее продолжалось, достигнув к марту месяцу линии Псков — Киев — Одесса. В конечном итоге последствия Брест-Литовского мирного договора (19 февраля) и дополнительных к нему соглашений свелись к следующему:

В политическом отношении: отторжение от России Финляндии, Украины, Крыма, Прибалтийского края, Литвы, Польши, Грузии, Батума, Карса и Ардагана. Одни из этих окраин получили независимость, в других допускался плебисцит, исход которого предreshался фактом военной оккупации их германцами и турками. Мирный договор этот довершил распад России, наметившийся в результате ослабления и вырождения центральной власти и максимализма в национальных устремлениях. Помимо отторжения огромной территории, страна отрезывалась от Балтийского и Черного морей; лишалась жизненно необходимых

условий своего экономического развития, становясь данником новообразований, за призрачной самостоятельностью которых виднелась сила германского меча и капитала; теряла, наконец, более или менее обороноспособные рубежи, культурные и промышленные центры и важнейшие железнодорожные узлы — обстоятельство, лишавшее признаков государственной целесообразности всю нервную систему страны — ее сеть железных путей. Россия отбрасывалась политически назад, к началу XVII века, теряя одним ударом все, что было приобретено за три столетия на Западе и Юге гениальными усилиями ее собирателей, кровью ее воинства, трудами ее народа.

В экономическом отношении на Русское государство легли и прямые тяготы, непосильные для его разрушенного экономического положения. Восстановлен был с Германией торговый договор 1904 г.³, причем остались прежние тарифы, которые ввиду обесценения рубля (тогда уже 1/10) привели фактически к беспошлинному ввозу германских товаров в Россию. Обусловлена была уплата убытков, понесенных в процессе революции или в силу советского законодательства, лицами немецкого происхождения; за ними сохранены социальные и экономические права. Эти условия имели тем большее значение, что немецкий капитал являлся крупнейшим участником нашей промышленности и что цифра вкладов его только в акционерных предприятиях превышала 500 милл. золотых рублей. В скрытом виде наложена была на Россию и контрибуция в 6 миллиардов марок золотом «за все финансовые обязательства, предусмотренные договором»⁴...

Наконец, огромные плодородные русские области с брошенными в них бесчисленными военными материалами оставались в руках австро-германцев. Как заявил цинично на конгрессе Чернин, «пока не заключен всеобщий мир, австро-германцы не могут отдать оккупированных областей; они являются областями снабжения нашей армии, с их фабриками, заводами, возделываемыми полями и т. д.»... А в союзном совещании приводил и мотивы такого требования: «Германия и Венгрия не дают больше ничего. Без подвоза извне в Австрии через несколько недель начнется повальный мор». В военном отношении Россия обязывалась демобилизовать армию, разоружить флот и допускала впредь до выполнения всех условий договора занятие немцами Западного Края до линии Нарва — Рогачев.

Таким образом в силу официальных договоров и тайных сношений с правительством народных комиссаров, Россия поступала в полную экономическую зависимость от Германии, превращалась в новую базу Центральных держав для борьбы с союзниками, базу, из которой можно было черпать военные материалы, обильные запасы всякого снабжения и даже людские контингенты — не только в виде сотен тысяч пленных австро-германцев, подлежащих возвращению из России, но и в качестве дружин рабочих, вербуемых во всех областях германской оккупации и становившихся затем в положение рабов.

Какое же оправдание имела Брест-Литовская трагедия? Фразы советских правителей о «разгорающемся уже пожаре мировой революции», о переговорах «через головы немецких генералов с немецким пролетариатом» — были только фразами, предназначенными для толпы. Внутреннее положение Европы не давало никаких решительно оснований для подобного оптимизма народных комиссаров. В период Брест-Литовских переговоров состоялась, правда, сначала в Австрии, потом в Берлине всеобщая забастовка; о мотивах последней лидер независимых соц.-демократов Гаазе говорил в рейхстаге: «Забастовка велась не для мелких экономических завоеваний, но служила политическим протестом с высокоидейной целью. Немецкие рабочие возмущались тем, что им приходится ковать цепи для угнетения русских братьев, бросивших оружие». Но это была лишь кратковременная вспышка, по существу использовавшая только подходящий предлог для сведения счетов социал-демократии со своим правительством. Рейхстаг огромным большинством одобрил мирные условия, при воздержавшихся социалистах большинства и против голосов «независимых».

Еще менее основания имело заявление Ленина, что договор этот — «только передышка, только клочок бумажки, который можно порвать когда угодно»... Немцы имели тогда реальную силу и обеспечили себе достаточные гарантии и выгодное стратегическое положение, чтобы настоять на выполнении договора.

Быть может, однако, в распоряжении советской власти не было уже никаких

ресурсов, и «похабный мир» являлся неотвратимым? Даже советская Ставка не могла согласиться с такой безнадежной точкой зрения. Начальник штаба главковерха ген. Бонч-Бруевич на военном совете 22 января⁵ настаивал на необходимости продолжения борьбы, указывая и новые способы ее: немедленный увоз всей материальной части в глубь страны, отказ от сплошных фронтов, переход к маневренным действиям на важнейших направлениях к жизненным центрам страны и широкая партизанская война. Силы для этой борьбы он видел в новой «рабоче-крестьянской» армии, в национальных формированиях и в уцелевших частях старой армии.

Можно быть различного мнения о боевой ценности всех этих элементов, но не подлежит сомнению, что огромные русские просторы, объятые восстанием, поглотили бы такие колоссальные силы и средства ослабленных уже вконец германцев, что вторжение их в глубь России приблизило бы катастрофу на Западном фронте... Но для этого большевикам пришлось бы временно отказаться от демагогических лозунгов и повременить с гражданской войной.

Наконец, в то самое время, когда Совет народных комиссаров в бурных и панических заседаниях обсуждал жестокий ультиматум Центральных держав, в стане врагов настроение было еще более подавленным. Германское правительство, опасаясь разрыва, употребляло все усилия, чтобы сдержать неумеренные требования главной квартиры. Граф Чернин угрожал, что Австрия заключит сепаратный мир с Россией, если чрезмерная требовательность ее создчиков расстроит переговоры. Берлин, Крейцнах (Ставка) и Вена переживали дни томительного ожидания и страха, не считая возможным вести длительную войну на Восточном фронте, хотя бы и против разваливавшейся армии. И когда после перерыва переговоров в Брест-Литовск к 7 января приехал Троцкий, «было любопытно видеть, — говорит Чернин, — какая радость охватила германцев. И эта неожиданная, столь бурно проявившаяся радость доказала, как тяжела была для них мысль, что русские могут не приехать». Итак, Германии нужен был мир во что бы то ни стало. Никакие промежуточные формы его (перемирие, «ни мира, ни войны») не могли спасти положения. Совету народных комиссаров также нужен был мир — какую угодно ценой, хотя бы ценою расчленения, унижения и разрушения России. Лишь бы сохранить власть.

Этот мотив довольно откровенно прозвучал и в воззвании Совета в ночь на 6 февраля «Ко всему трудящемуся населению России» — воззвании, оправдывавшем согласие Совета на предъявленные ему Центральными державами требования мира: «Мы хотим мира, мы готовы принять тяжкий мир, но мы должны быть готовы к отпору, если германская контрреволюция попытается окончательно затянуть петлю на наш совет». Только тогда отпор! «Поставленная народом под знаком мира» советская власть должна была дать мир, хотя бы призрачный, иначе ей угрожала гибель. Гибель «в порядке народного гнева» или в силу германского наступления и оккупации столиц.

Мотив самосохранения советской власти, поставленный в основание Брест-Литовского действия, не вызывал никогда сколько-нибудь серьезных сомнений среди русской общественности. Несколько иначе обстоял вопрос по поводу другого обвинения народных комиссаров, вызывающего и поныне двойное к себе отношение. Одни считают Брест-Литовск просто комедией, разыгранной для соблюдения приличий, так как платные агенты германского Генерального штаба, в числе которых называют Ленина и Троцкого, не могли не исполнить требований своих нанимателей. Другие отказываются признать это преступление, быть может, не столько по доверию к названным лицам, сколько из-за сознания чудовищности самого факта, смертельного стыда и глубокой боли за поруганное национальное достоинство России...

Немецкий Генеральный штаб, который мог бы открыть глаза миру, молчит. В этих кругах есть своя профессиональная этика, не допускающая оглашения имен секретных сотрудников... Лично у меня в могилевской Ставке был в руках материал, создававший серьезные обвинения против Ленина и безусловно уличавший Раковского в шпионской деятельности в пользу Центральных держав. В печати, русской и заграничной, кроме следственного производства о восстании большевиков 3—5 июля 1917 г., появлялись многократно данные, более или менее серьезные и правдоподобные.

В ноябре 1918 г. в американской прессе были опубликованы официально документы ⁶, собранные Э. Сиссоном, командированным в Россию американским правительством. Ему «при содействии различных политических партий и лиц, служащих у большевиков», удалось достать около 70 документов, характеризующих как влияние немцев при посредстве большевиков на внутренние события в России, так и использование ими советской власти с первых же дней ее существования в интересах Германии. Я не буду останавливаться на этих материалах, рисующих подчиненное сотрудничество большевиков с германским Генеральным штабом. Приведу лишь один основной документ, относящийся к самому началу революции:

*Имперский Банк
2 марта 1917 г.
Берлин*

*Представителям
всех германских банков
в Швеции*

Вы сим извещаетесь, что требования на денежные средства для целей пропаганды мира в России будут получаться через Финляндию. Требования эти будут исходить от следующих лиц: Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина, текущие счета которых открыты в соответствии с нашим приказом № 2754 в отделениях частных германских банков в Швеции, Норвегии и Швейцарии. Все эти требования должны быть снабжены подписью «Диршау» или «Волькенберг». С любой из этих подписей требования вышеупомянутых лиц должны быть исполняемы без промедления. № 7432. Имперский Банк.

Несколько мягче, но все же довольно определенно высказывалась по этому вопросу немецкая демократия. Соц.-дем. Бернштейн 11 января 1918 г. писал по поводу Брестских переговоров: «В военных кругах Германии успех переговоров с русскими совершенно открыто объясняют тем, что все, кто нужно, подмазаны. Что же касается нас, немецких социалистов, то, будучи на основании опыта многолетнего общения с Лениным и Троцким убеждены в их личной честности, мы стоим перед неразрешимой загадкой. Некоторые ищут разрешения загадки в том, что, быть может, первоначально большевики по чисто деловым соображениям воспользовались немецкими деньгами в интересах своей агитации и в настоящее время являются пленниками этого необдуманного шага»...

Я не знаю, что правильнее — уверенность Сиссона или прозрение немецких социалистов. Но вся совокупность трагических обстоятельств взаимоотношений немцев с большевиками создала во мне лично интуитивное глубокое убеждение в предательстве советских комиссаров. Такое убеждение, присущее широким кругам русской общественности, проникало в народ и обостряло ненависть к советской власти. Каковы бы ни были внутренние побуждения народных комиссаров, перед Россией встал во всей своей гнетущей тяжести грозный реальный факт: Брест-Литовск.

Завершение в столь чудовищных формах длительного процесса разрушения армии, страны и ее международного значения как будто разбудило наконец сознание верхних слоев русского народа. Чрезвычайно единодушно вся русская общественность, весь пестрый конгломерат политических партий, вся печать, кроме официальных советских органов, отнеслись с глубоким негодованием к этому явному предательству интересов России. Даже на искусственно подобранном 4-м съезде Советов, решавшем судьбу Германии, России и русской революции, из 700 голосов нашлось все же 300, протестовавших против заключения мира; они принадлежали не только профессиональным партийным деятелям левоэсеровского толка, но и рядовым крестьянам и рабочим. Рабочие промышленности и транспорта впоследствии, поняв всю экономическую тяжесть договора, воспрепятствовали широкому исполнению его, не допустив вывоза в Германию поездов с «национализированными» советской властью запасами мануфактуры, меди и проч.

Московский комитет партии большевиков на экстренном заседании 7-го февраля постановил «настаивать на пересмотре Советом народных комиссаров принятого решения», считая его «вредным делом для мировой революции» и призывая «вести беспощадную борьбу за демократический мир». Даже партия русских анархистов считала, что «Брестский мир навязан трудовому народу

коммунистической властью... вопреки ясно выраженному желанию трудовых масс не подписывать мира с германским империализмом и продолжать революционное сопротивление»...

Как бы ни были разнообразны внешние обоснования этого широкого протеста, в основе его более или менее явно, более или менее ярко выступало национальное чувство. Конечно — только в верхних слоях. Потому что народ в широком смысле этого слова — или «трудовые массы», по другой терминологии — в этот период революции относился к чисто духовной стороне вопроса с величайшим равнодушием. Реальные же последствия событий сказывались не сразу.

Национальное чувство укрепило идеологию противобольшевистского движения, дало ему новый стимул, значительно расширило базу борющихся сил и объединило большинство их в основной, по крайней мере, цели. Оно намечало также пути внешней ориентации, вернув прочность почти истлевшим на пожаре революции нитям, связывавшим нас с Согласием, и прибавив к чисто моральным уже обоснованиям его («недопустимость измены союзникам») и элемент целесообразности⁷. Наконец, подъем национального чувства дал сильный толчок к укреплению или созданию целого ряда внутренних фронтов — на севере, востоке и юге, к оживлению деятельности московских противобольшевистских организаций и вообще к началу той тяжелой борьбы, которая в течение нескольких лет сжимала петлю на шее советской власти.

Г л а в а II. *Стимулы борьбы с советской властью: социальные, экономические, психологические.*

К середине 18 г. обострение отношений к советской власти в широких слоях населения достигло уже большого напряжения, основываясь не только на возмущенном национальном чувстве, но и на причинах социального, экономического и психологического характера.

Отходил от власти дезорганизованный ею пролетариат. Бессмысленная демобилизация всех фабрик и заводов, работавших на оборону⁸, в месячный срок, национализация промышленности, разрушение торговли и транспорта, расстройство обмена с деревней и другие причины общего характера одним из важных последствий своих имели ставший хроническим кризис городов. Население их, не исключая покровительствуемого властью пролетариата, попало в тягчайшее материальное положение, испытывая гнет безработицы, постоянного недоедания, иногда голода, болезней и мора.

Как следствие всех этих явлений, началось расстройство рядов пролетариата и качественное его ослабление. Более беспокойные, властные и вместе с тем аморальные его элементы уходили в ряды советской бюрократии, в ее опричнину, в состав карательных экспедиций, нередко на вольный разбойный промысел. Уходили добровольно — иногда от не остывшего еще революционного экстаза — в красную гвардию, потом по повинности — в красную армию. Там они теряли связь со своим классом или гибли. Более хозяйственные и предприимчивые люди, в том числе множество квалифицированных рабочих, переходили с фабрик и заводов на кустарный промысел или бежали в деревню, оседая на земле. Оставались лишь более рыхлые или консервативные в отношении веками установившегося уклада жизни, поступившие в конечном результате в разряд государственных пенсионеров: «пролетарская власть», взявшая в свои руки предприятия, вынуждена была содержать рабочих на счет казны независимо от ценности труда и выгодности предприятий.

Но так как разоренное государство вынести такой тяготы фактически не могло, то жизнь этой категории рабочих с каждым днем становилась тяжелее и безотраднее. Если вторая группа была для правительства безусловно потеряна, то и в этой, третьей, им благотворимой, иллюзии первых месяцев революции в значительной мере поблекли, и создавалась оппозиция к власти, хотя и не организованная. Первоначально она не выходила из рамок местных экономических интересов. Но мало-помалу под напором жизни эти рамки раздвигались.

Уже в конце марта 18 г. собрание фабрично-заводских уполномоченных

Петрограда говорило: «Позорный мир, голод, неумело ведущаяся эвакуация, полная дезорганизация фабрично-заводской жизни — все это обрушилось на рабочих. Профессиональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуют борьбы в защиту прав рабочих. На улицах и в домах днем и ночью происходят убийства... Убивают не врагов народа, а мирных граждан — рабочих, крестьян, студентов... Мы протестуем и требуем открытого суда над всеми, совершающими зверства и убийства».

С весны 1918 г. оппозиция рабочего класса к советской власти стала проявляться в формах активных, иногда угрожающих. Таковы, например, крупные волнения и забастовки в Петрограде и Сормове, вооруженные восстания на Ижорском и Сестрорецком заводах, и в особенности Воткинское и Ижевское восстания. Последнее потребовало от советской власти больших усилий и жертв, длилось три месяца и было кроваво подавлено в начале ноября, причем в первый же день овладения Ижевским заводом большевики казнили около 800 восставших рабочих. При всех этих выступлениях, на митингах, в резолюциях, воззваниях, слышалось резкое осуждение советской власти, требование Учредительного собрания и политических свобод.

Отошло от власти и крестьянство. Советская власть была вначале весьма слабой, и крестьянское море, вынесшее ее на своем гребне, казалось еще слишком взбаламученным и опасным. Поэтому декрет о национализации земли не внес серьезных потрясений в уклад деревенской жизни, предоставленной первоначально своему самостоятельному течению в русле замкнутых классовых интересов. Но уже к лету 18 года советская власть, несколько окрепнув сама, увидела, вместе с тем, серьезную опасность в двух явлениях крестьянской жизни: в чрезвычайном росте собственнического инстинкта, грозившем оторвать навсегда крестьянские массы от коммунистических идеалов, и в прекращении обмена деревни с городом, грозившем голодом пролетариату и красной гвардии — единственной, хотя и не вполне надежной опоре власти.

С первой опасностью, олицетворяемой средним крестьянином и «кулаком», советская власть начала бороться разгромом всех бытовых (волость) и революционных (Советы и комитеты крестьянских депутатов) установлений деревни и насаждением, подчас вооруженной силой, комитетов бедноты. В состав этих комитетов обыкновенно входили элементы пришлые, давно уже потерявшие связь с деревней, или безземельные, бездомные, нехозяйственные, иногда с уголовным прошлым, составлявшие подчас большую и грязную накипь деревенской жизни. Деятельность их проявлялась в формах насилия и произвола, направляясь по преимуществу к «уравнению», т. е. к ограблению зажиточных и крепких крестьян, дележу их имущества, земледельческих орудий, рабочего скота и запасов.

Против второй опасности советская власть официально, в порядке управления, выдвинула средство еще более примитивное — вооруженные отряды различного наименования — «продовольственные», «карательные», «заградительные», которые шли походом на деревню за «излишками» или отбирали на станциях железных дорог, на перепутьях и заставах крестьянское добро и запасы мешочников. Власть не делала попытки государственного регулирования этой своеобразной «социализации», которая обратилась в грабеж и дележ. При малейшем сопротивлении отряды забирали все в порядке контрибуции. Не только подневольная, но и официальная советская печать в 1918 году рисовала «потрясающие картины» походов на деревню, реквизиций и кровавых усмирений...

Отрицательные результаты советской аграрной политики были настолько разительны, что в правых кругах возник даже своеобразный взгляд на лечение социальной болезни путем «прививки большевизма». Так, В. Шульгин писал в апреле 18 года: «Самое важное, чтобы революция дошла до самого конца; нужнее всего действительное осуществление социализации земли в деревнях для того, чтобы вся толща крестьянского населения получила стихийное отвращение к лозунгу «земля и воля», погубившему государство. Процессу этому отнюдь не следует мешать, каких бы жертв это ни стоило»⁹.

Правительственная система и практика местной власти в отношении к деревне вызвали упорнейшее сопротивление векового уклада жизни и привели только к укреплению в крестьянстве начал собственности и классового самосознания.

Сопrotивление проявилось в сжатии крестьянского хозяйства до потребительных норм, что угрожало неисчислимыми бедствиями государственному хозяйству, и в прямых действиях: в 1918 году волна крестьянских возмущений пронеслась по всей советской России, сопровождаемая разорением советских и коммунистических хозяйств, сожжением ж. д. станций и складов, насилиями над комиссарами и членами комитетов бедноты, которых убивали, подвергали мучениям, иногда живыми закапывали в землю. Восстания возникали неорганизованно, стихийно, нося местный характер; бывало, впрочем, как, например, в Рязанской губернии, что выведенные из терпения притеснениями советской власти крестьяне подымались несколькими уездами, ведя настоящие длительные сражения многотысячными отрядами с пулеметами и орудиями.

Так как восстания эти первым своим результатом имели обыкновенно прекращение всякого подвоза продовольствия в города, то они встречались враждебно городским пролетариатом; между ним и крестьянством ложилась пропасть. В результате — соединенными усилиями советской власти, пролетариата и его вооруженной силы — красной гвардии — крестьянские восстания подавлялись жестоко и беспощадно.

Цели своей — упразднения многомиллионного слоя крестьянства — большевики, однако, не достигли. По советской статистике, к 1919 г. число средних, вышесредних и крупных крестьянских хозяйств упало лишь до 49%, т. е. на 10% по сравнению с 1917 годом.

Позднее, в марте 19 г., подводя итоги советской аграрной политики и круто меняя ее направление, Ленин говорил, что стремление раздавить среднее крестьянство так, как это сделано с буржуазией, «будет идиотизмом, тупоумием и гибелью дела»... И тут же приводил классическое по своей моральной обнаженности обоснование мысли: «Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание — той верхушки, которую в городе были капиталисты»... В дальнейшем советская власть искала уже «путей завоевания доверия крестьянства»... Ищет совершенно безнадежно и поныне.

Буржуазия просто истреблялась. Ленин поставил задачу теоретически: «Обеспечить диктатуру (рабочего класса), свергнуть буржуазию и отнять у нее те экономические источники ее власти, которые являются помехой в деле всякого экономического строительства». «Чрезвычайная комиссия» решила задачу практически: «Мы не ведем войны, — писал Лацис, — против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию как класс... Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который Вы должны ему предъявить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определять судьбу обвиняемого»...

Истребление буржуазного класса шло самыми разнообразными путями: отнятием собственности, выселением из жилищ, голодным пайком, трудовой повинностью, лишением свободы; наконец, казнями, казнями без конца, без счета. Скорбь и ужас разлились по земле, одев в траур каждую русскую семью, не пощадив ни таланта, ни силы, ни молодости, внося в естественное течение общественной жизни как систему, как норму — институт заложников, родовую месть, надругательство над душой и телом человека, страдания и потоки крови.

Большевистская идеология в разряд буржуазии, кроме интеллигентского пролетариата, служилого элемента и мещанства, причисляла еще многочисленные слои других классов: более здоровую и крепкую часть рабочего класса, крупное и среднее крестьянство и, по мотивам вовсе уже не социальным, — социалистическую демократию, которая — одни раньше, другие позже (левые с.-р.) — стала в ряды противников большевистской власти.

Но советская практика делала серьезные различия между этими категориями «контрреволюционеров». Буржуазия истреблялась как класс и как среда, недоступная влиянию коммунистических идей, независимо от степени ее сопротивления; рабочие подвергались притеснениям и преследованиям только индивидуально, преимущественно представители партий с.-р. и с.-д.-меньш.; террор в отношении крестьянства был направлен не против личности, а для «подавления его сопротивления власти и собственнических инстинктов»; наконец, по отношению к социалистической демократии в 1918 г. советское правительство,

по выражению Ленина, проявило «много терпения и даже добродушия», в надежде, что она «сделает выбор» между большевиками и буржуазной диктатурой. Правда, терпение это было относительным: периодически, особенно же в день разгона Учредительного собрания, потом в Ленинские дни¹⁰ большевистские тюрьмы наполнялись социалистами. Хотя положение их было привилегированным, но тюремный режим большевиков стал несравненно тяжелее, чем «царский», и не исключалось применение «высшей меры наказания», если не в силу политики центра, то — самовластия «мест».

Человеческое страдание — всегда страдание. Убийство — всегда убийство, льется ли при этом «белая» или «красная» кровь. Но когда я читаю такие строки: «Историк революции с недоумением и ужасом остановится на тех страницах деятельности коммунистического правительства России, которые говорят о гонениях на анархическую идею и (ее) деятелей. Он не сразу поверит. А, поверив, убедившись в их потрясающей правде, назовет их самыми черными страницами в истории коммунистической государственности»¹¹... Когда с.-д. Дан пишет¹²: «Весть о моем переводе на Урал (на службу по медицинскому ведомству) быстро разнеслась по городу,.. многие, даже из знакомых большевиков, не хотели верить, что возможна такая дикая расправа... У одной большевички даже стояли слезы на глазах»... Когда тут же через десяток страниц, без гнева, без осуждения, без «гражданской скорби» он проходит мимо картины «искоренения бывшего колчаковского офицерства»: «Окна подвала Губчека выходили на улицу, и летом, когда окна были открыты, можно было заглянуть в глубь этого ужасного помещения, где в невероятной тесноте и грязи сидели заключенные с бледными, измученными голодом лицами, покрытые всевозможными паразитами. Один из знакомых коммунистов рассказывал мне, что расстрелы производятся тут же, на дворе, под окнами заключенных»,.. мне хочется сказать людям в шорах: «Говорите о ваших терзаниях. Читайте ваших мертвых. Но когда проходите случайно мимо бездонной могилы русской буржуазии — по существу, русской интеллигенции, снимите шапку над ней. Ибо там, вместе с окровавленными трупами, погребены невознагражденные культурные ценности страны, ее интеллектуальные силы, ее надежды!»

Оставшаяся в живых буржуазия была побеждена. Часть уходила в районы белых армий; другая — преимущественно крупная буржуазия — банковская и торгово-промышленная зная, к которой большевики относились почему-то с наибольшей терпимостью, шла в эмиграцию; третья — воплотившая в себе идею «буржуазного интернационализма», с большой легкостью принимала подданство и меняла его в любом новообразовании, отколовшемся от русской державы; четвертая — шла на службу к советской власти, составив многочисленные кадры «спецов» и чиновничества — только терпимых «слуг нового режима»; пятая, едва ли не наибольшая численно, обратилась в люмпен-пролетариат, задавленный духовно, бесправный и нищий. Появилась еще одна категория людей, о которых высказал компетентное мнение Ленин: «К нам присоединились... карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас; которые полезли к нам потому, что коммунисты у власти; потому, что более честные «служилые элементы» не пошли к нам работать, вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, никакой честности»¹³.

Подобное расслоение произошло и в рядах офицерского корпуса старой армии, на который большевизм обрушился с особенной силою. Это расслоение может быть выражено символически четырьмя известными эпизодами, относящимися к зиме 1918—19 гг. Генерал Духонин убит большевиками... Генерал Скалон — военный эксперт большевистской делегации в Брест-Литовске, не вынес позора, застрелился... Генерал Брусилов, «признавая здоровую жизненную основу советской власти», отдал ей свои последние силы. Полковник Дроздовский сформировал добровольческий отряд и повел его за тысячу верст, на Дон для борьбы с большевиками...

Но помимо мотивов классового или личного самосохранения, общие явления распада государственной и народной жизни достаточно ярко и наглядно свидетельствовали о гибельности советского режима. Даже в элементарном отражении темной массы. Народное хозяйство катилось стремительно по наклонной плоскости, ударяя больно по всем сторонам повседневной жизни,

ослабляя людей физически и вызывая небывалую смертность. Террор, широко развитая система шпионажа, лишение всех гражданских свобод, отсутствие норм закона и безграничный произвол власти придавили дух народа, создав невыносимо затхлую атмосферу, в которой, казалось, жить долго невозможно. Гонения, воздвигнутые на религию, осквернение святынь возмущали народную совесть, и в храмах, переполненных верующими, возносились горячие моления «об избавлении от вражеска плена и ранней смерти».

Казалось, во всех слоях населения и во всех областях жизни были глубокие обоснования и стимулы к борьбе с ненациональной, негосударственной и ненародной властью. К середине 1918 г., когда я с Добровольческой армией начинал второй Кубанский поход, эта мысль психологически владела всеми. Ее заносили к нам вырвавшиеся из советской России или жившие на Юге мудрые политики, громкие общественные деятели, генералы и офицеры, случайные беженцы. Она проходила красной нитью через все сводки, доклады, донесения с мест, через все разговоры, которые вели многочисленные посетители, бывавшие летом 18 г. у ген. Алексеева и у меня. Так, например, Милюков писал 3 мая ген. Алексееву: «Несомненно, психология в России, хотя и не так быстро, как было бы желательно, но все же меняется — и не только на юге, но, как осведомляют меня мои московские друзья, также и на севере. Большевики изжили себя. За отсутствием внешней силы, которая бы их ликвидировала, они начали ликвидироваться изнутри»...

Не менее категорично определялось положение советской России в докладе Левого центра¹⁴: «В частном разговоре Ленин высказался: «Мы, конечно, провалились; но великая заслуга наша в том, что в Париже коммуна просуществовала несколько дней, а у нас в России несколько месяцев». Большевики второго сорта уже теперь понемногу исчезают, а главные деятели получили гарантии от немцев, что драгоценная жизнь их будет сохранена».

Более экспансивно относились к событиям штабные сотрудники. Одно из донесений, весьма характерное для общего тона осведомления и для тогдашних настроений Юга, гласило: «Подводя итоги общему внутреннему политическому состоянию страны, все население Совдепии можно разделить на два лагеря: большевиков и меньшевиков. Грани политических убеждений в различных партиях кровавым и нелепым управлением Совнаркома совершенно сгладились. Нескончаемые обиды и кровавый террор советской власти в связи с голодом настолько сгустили атмосферу, что вся Совдепия представляет из себя котел с громадным внутренним давлением, и достаточно одного сильного удара в стенку, как произойдет неслыханный и невиданный в летописях истории взрыв, который даже без внешнего воздействия сметет с лица земли советскую власть и, если вовремя им не овладеть, то может погребсти остатки всякой культуры»...

Прогнозы оказались неверными — мы убедились в этом скоро, ведя тяжелые, кровопролитные бои на Северном Кавказе. Неверными — не столько в изображении подлинных народных настроений, сколько в оценке их активности, а, главное, в ошибочном сложении сил. Между тремя основными народными слоями — буржуазией, пролетариатом и крестьянством легли непримиримые противоречия в идеологии, в социальных и экономических взаимоотношениях, существовавшие всегда в потенции, углубленные революцией и обостренные разъединявшей политикой советской власти. Они лишили нас вернейшего залога успеха — единства народного фронта.

Между тем, в противобольшевистском стане все усилия Москвы, Киева, Ростова, Самары, всех политических и общественных организаций — правых и левых — по крайней мере в 18 году, были направлены не на преодоление этих противоречий, а на поиски «вернейшей» ориентации и «наилучших» форм государственного строя. Ни того, ни другого мы не нашли.

Г л а в а III. *Политическая карта Российского государства к середине 1918 года: Северная область, Финляндия, Прибалтийский край, Литва, Польша, Северо-Западная область.*

Политическая карта Российского государства к осени 1918 года и до падения Центральных держав представляется в следующем виде.

На крайнем севере Мурманский район оккупировали союзники, преимущественно англичане. Иностранных войск было там ничтожное количество. Только к осени союзники довели их до 9—10 батальонов¹⁵ и 3 батарей¹⁶. Русские формирования ввиду безлюдности края не превышали нескольких рот. До 2-го августа в районе сохранялась советская организация, и только порваны были официальные сношения местного Совета с Москвою. Английскому командованию была безразлична тогда политическая физиономия не только местной власти, но и формируемой им вооруженной силы, в состав которой вошли, в числе прочих отряды финской красной гвардии, бежавшие из Финляндии, после занятия ее немецкими войсками. Безразличны были также и русские интересы: англичане приступили к формированию особого «корельского батальона», исходя из самоопределения Корелии в отдельную «нацию» и «государство»...

Позднее, 2 августа, союзный десант высадился в Архангельске, который весьма поспешно был брошен большевиками. Английский генерал Пуль вступил в командование всеми войсками Северной области (большая часть Архангельской губ.), в состав которых в Архангельском районе, кроме англичан (4—5 батальонов), вошли американцы (4—5 батальон.), французы (1 бат.), поляки, итальянцы... Эти части начали усиливаться новыми смешанными формированиями, вроде «русско-французской роты», «славяно-британского легиона» и т. д.

Приступлено было также к организации русской вооруженной силы, основанием которой послужили офицерские команды, сформированный в Архангельске из мобилизованных полк с двумя дивизионами артиллерии и, главным образом, крестьянские партизанские отряды, насчитывавшие в общем до 3 тысяч и разбросанные на громадных расстояниях у Пинеги, Шенкурска, на Сев. Двине, Онеге, Печоре, Мезени... Все эти силы были подчинены русскому «командующему войсками»¹⁷, власть которого была, однако, лишь номинальной, ограничиваясь административными и организационными функциями. Англичане, вплоть до ухода союзных войск, держали в своих руках командование, боевое управление и снабжение русских войск. У русского «командующего» не было даже и органов — оперативных и снабжения.

Назначенный в конце 18 года командующим войсками ген. Марушевский приступил к использованию партизанских отрядов, обращая их путем вливания офицеров и строевых рот из Архангельска в регулярные части. К концу 1918 года общая численность союзных войск не превышала 10—15 тысяч смешанных частей весьма посредственного состава, а русских 7—8 тысяч человек, мало еще организованных.

23 июня 18 г. союзные посольства, переезжая поспешно из Вологды в Архангельск, издали и широко распространили воззвание, в котором цели занятия Мурмана и дальнейших затем операций союзников в Северной области в направлении к Петрозаводску и к Вологде объяснились следующим образом: 1) необходимость охраны края и его богатств от захватных намерений германцев и финнов, в руки которых могла перейти Мурманская жел. дорога, ведущая к единственному незамерзающему порту России; 2) защита России от дальнейших оккупационных намерений германцев; 3) искоренение власти насильников и предоставление русскому народу путем установления правового порядка возможности в нормальных условиях решить свои общественно-политические задачи.

Поскольку первые две цели, вытекая из реальных и непосредственных интересов союзников, трактовались ими серьезно, настолько третья с первых же дней занятия Северной области обратилась исключительно в благовидный предлог морального свойства и в средство агитации.

Местное английское командование определяло цели борьбы разное. Ген. Пуль тотчас по своем прибытии в Архангельск объявил, что «союзники явились для защиты своих интересов, нарушенных появлением в Финляндии германцев», и торопил поэтому русское командование с организацией собственной армии. Сменивший его осенью ген. Айронсайд говорил о «наступлении на Вятку — Котлас для соединения с Колчаком и передачи ему привезенного для его армии имущества».¹⁸ В то же время английским добровольческим частям, отправляемым из Англии на русский Север, лондонские власти внушали, что они назначаются «лишь для оккупации, а не для боя».

Наступление, весьма впрочем вялое, союзники, занимавшие огромный фронт

от финляндской границы до Пинеги, повели по двум направлениям: на Петрозаводск и на Вологду. В течение 18 г. они достигли, примерно, линии Пинега — Шенкурск — Плесецкая (станц. Сев. ж. д.) — Тургасово — Парандово (станц. Мурман. ж. д.). На этих направлениях были сосредоточены небольшие советские силы, сведенные к осени 18 г. в две армии и насчитывавшие в общей сложности до 18 тыс. бойцов при 70 орудиях¹⁹. Войска эти в 1918 году не представляли из себя сколько-нибудь серьезной силы. Армии имели задание активно оборонять подступы к Москве и Петрограду.

С начала августа, после высадки англичан в Архангельске и начавшегося наступления на Вологду, Совет комиссаров пришел в чрезвычайное беспокойство. Большевистские сводки до крайности преувеличивали силы союзников²⁰ и серьезность их намерений. Переписка, обмен телеграммами, панические донесения с фронта свидетельствуют о полной растерянности большевистской власти и командования. Над Москвой, казалось, нависла огромная угроза, и возбужден был даже вопрос о необходимости эвакуации ее... Угрожаемое в то время с востока и юга советское командование начало лихорадочно перебрасывать подкрепления из Петроградского района, даже с Мурманского направления на Архангельское.

5 августа Чичерин обратился к германскому послу Гельфериху с просьбой возложить на германские войска оборону подступов к Петрограду (игнорируя даже Петрозаводск) на позициях по реке Свири, так как все советские силы оттягиваются в Вологду. Между прочим, в то время советская власть захватила в качестве заложников «англо-французскую буржуазию», объявив, что заложники будут расстреляны, если Вологда падет.

Германская главная квартира отнеслась, однако, к этим опасениям без особенного доверия, считая, в частности, полуразрушенную Мурманскую дорогу, угрожаемую с запада германо-финскими отрядами, достаточно обеспеченной. Действительно, в силу суровости климата, пустынности театра и, главным образом, направления русской политики Лондона, находившейся под сильным давлением социалистов и рабочей партии, военные действия в Северной области не получили развития, а с уходом союзников фронт этот стал обреченным.

Государственное управление области представляет интерес в том отношении, что, в противовес прочим фронтам, на Севере оно осуществлялось демократией без давления «белых генералов»: прибывший впоследствии, в начале 19 г., в Архангельск по приглашению Чайковского ген. Миллер¹ стал лишь министром в составе кабинета — военным, путей сообщения, почт и телеграфа.

В начале августа с прибытием в Архангельск англичан советская власть была свергнута, и верховное управление перешло к «временному правительству» во главе с Н. Чайковским, из членов Учредительного собрания северных областей преимущественно левого толка. С неизжитой еще психологией «углубления революции», с традициями «керенщины» и соглашательства, правительство это скоро стало одиозным в глазах буржуазии, офицерства и английского командования. С ведома ген. Пуля в сентябре правительство было свергнуто офицерством и заточено в Соловецкий монастырь, затем по требованию союзных дипломатов освобождено, причем Н. Чайковскому поручено было сформировать новое правительство из более умеренных элементов; в него вошли преимущественно народные социалисты.

Мурманский край управлялся «краевым советом» почти того же состава, что и при большевиках, подчиненным Архангельску, но, ввиду трудности сообщения, действовавшим почти самостоятельно.

Чайковский в январе 19 года выехал в Париж, где и остался, став членом «Парижского политического совещания» и продолжая числиться председателем правительства; вскоре я получил от него письмо, весьма характерное для программы и иллюзий умеренной социалистической демократии: «После 8 месяцев работы я могу с удовлетворением сказать, что мы достигли положительных результатов... При организации власти мы исходили из двух положений: 1) что во время войны вся организация правительства должна быть приноровлена к обслуживанию Главного командования и 2) что она должна сохранять за собой самостоятельность в глазах населения, являясь для него защитником прав и свободы и посредником между ним и военным командованием. Получилась следующая конструкция: Главнокоманду-

ющему (английский генерал Айронсайд) принадлежит вся полнота власти в стране, но фактически... в политическое управление он не вмешивается, разве лишь в исключительных случаях... в интересах немедленных оперативных действий... Благодаря этому, авторитет правительства поддерживается и укрепляется, и тем самым доверие, возбуждаемое (к нему) среди населения, распространяется и на командование».

В дальнейшем при развертывании правительства в российском масштабе при такой конструкции его «нет места распространению среди населения подозрений в реакционности власти военного командования и его стремлении к диктатуре»... Словом, весь вопрос сводился к созданию демократической власти, что достигнуто вполне на Севере и без чего всякая борьба обречена на неуспех. Указывая, что задача в Северной области «упрощена до игрушечного масштаба», Чайковский все же горячо и задушевно советовал мне применить на Юге эту систему²¹.

Жизнь, к сожалению, жестоко разбивала его мечты. Северная область явила пример полного раскола в среде демократии и интеллигенции, неизжитый психоз большевизма в массах и отсутствие в них всякого доверия к своему демократическому правительству. Не привлеки на свою сторону буржуазных кругов, это правительство, вместе с тем, встретило противодействие в широком фронте революционной демократии, в членах Учредительного собрания, в партийных организациях с.-д., с.-р., в земско-городском объединении, рабочих кооперативах и т. д. Все они вели с правительством длительную борьбу, имевшую главной целью достижение власти. Наряду с этим с начала 19 года вспыхивали одно за другим кровавые восстания в войсках. Очевидно, формы государственной власти были далеко не основными причинами неуспеха противобольшевистской борьбы...

26 ноября финляндское правительство опубликовало декларацию о независимости страны. «В России нет теперь правительства, — говорилось в декларации. — Так как представители (России) перестали исполнять свои функции в Финляндии, законной русской власти (в стране) не осталось. Войска, расположенные в стране, служат источником ужаса и побуждают революционные элементы к бунту. Анархия в России обязывает финский народ освободиться навсегда от всякой зависимости от России».

Хотя Совет народных комиссаров в конце декабря признал независимость Финляндии, но тем не менее он продолжал вмешиваться активно в гражданскую войну в крае, поддерживая восстание финских коммунистов, снабжая обильно финскую гвардию и подкрепляя ее русскими отрядами.

В январе 18 года власть в стране перешла в руки социал-демократов и возглавлялась финским советом комиссаров, который утвердился в Гельсингфорсе; правительство с «белыми» войсками, предводительствуемыми ген. Маннергеймом^{II}, вынуждено было уйти на север, где образовался новый центр власти и борьбы — в Вазе. Гражданская война шла с большим ожесточением и переменными успехами, пока белое финляндское правительство не обратилось за помощью к Германии. В середине марта германцы высадили в Финляндии дивизию ген. фон дер Гольца, который вместе с Маннергеймом к середине апреля очистил край от красногвардейцев, заняв затем своими войсками все важнейшие стратегические пункты Финляндии.

Ненависть финнов к русским большевикам перешла ко всему, что носило русское имя. Гонению подверглось все русское население, не испытавшее ничего подобного в дни финляндского коммунизма. Если финляндская пресса того времени отражала действительно народные настроения, то они дышали страстной, болезненной нетерпимостью ко всему, что напоминало о России, даже к «проклятым луковицам» — так называли финляндцы купола православных храмов... Были ли это только угар революционного похмелья или безудержное проявление заложенного прочно национального шовинизма?..

Немецкое влияние в стране окрепло до того, что 6 октября, накануне падения Германии, финляндский сейм высказался за монархию и за предложение престола Финляндии Гессенскому принцу. Цель оккупации края немецкая главная квартира, помимо подчинения его политическому и экономическому влиянию Германии, видела в возможности «двинуться на Петроград, когда это будет желательно, чтобы свергнуть большевистскую власть»; в угрозе Мурманской жел. дороге и в

воспрепятствовании англичанам, продвигавшимся по ней, «утвердиться в Петрограде»²². Германия через Финляндию явно протягивала руку к русскому незамерзающему порту на Ледовитом океане, а в то же время Совет комиссаров, обеспокоенный движением англичан, сам просил германское правительство произвести немецко-финский десант на Мурманском побережье²³... Просил интервенции «импералистических» войск Германии и финляндской «белой гвардии»...

Финляндское правительство, возглавляемое и социал-демократом Свинхувудом^{III} и монархистом Маннергеймом, одинаково устремляло свои притязания на Печенгу, Восточную Карелию, Аландские острова, позднее на Эстонию, угрожая России окончательным превращением Финского залива в Финляндский.

Мировое положение запутывалось в такой степени, а интересы Русского государства отменялись с такой легкостью, что все три взаимно враждебные группировки держав наперерыв друг перед другом спешили с признанием независимости Финляндии. 22 декабря состоялось признание со стороны Советов. В тот же день признала Финляндию Франция; через два дня — Германия; 23 апреля — Англия, выразив при этом надежду, что Финляндия не станет возражать против решения мирной конференции относительно ее границ.

Этот разрыв государственной связи Финляндии с ее метрополией, хотя и predetermined историческим ходом событий, но не обеспеченный стратегическими гарантиями, поставил перед будущей Россией ряд вопросов капитальнейшей важности: беззащитность побережья и Петрограда²⁴; потеря свободного выхода в Балтийское море через Финский залив и базы русского военного флота; угроза наиболее жизненным русским водным артериям²⁵ и единственному свободному выходу в Ледовитый океан.

Прибалтийский край был последовательно оккупирован немецкой армией; в нем введено было общее управление для Эстонии, Лифляндии и Курляндии, соединенных в 18 году в Балтийский округ. Управление военно-полевое, начиная от военного губернатора и кончая военным комендантом.

«Самоопределение» народностей Прибалтийского края (эсты, латыши, немцы и русские) и их будущее в значительной мере предопределялись общей политикой Германии, которая при наличии серьезных и подчас весьма острых разногласий между правительством, главным командованием, с одной стороны, и парламентскими партиями — с другой, сохраняла твердо свои основные линии: Имперский канцлер Бетман-Гольвег говорил в рейхстаге: «Германия никогда не вернет освобожденных ею и ее союзниками народов между Балтийским морем и Вольнюю господству реакционной России, будут ли это поляки, литовцы, балты или латыши»... Ген. Людендорф «предусматривал соединение эстонцев и латышей — народов германской культуры — в одно государство под прусской гегемонией»... «Курляндский народный совет» 23 февраля представил императору Вильгельму петицию о принятии им «короны Курляндии», об объединении всей Прибалтики в одно государство и о присоединении его навсегда к Германии.

Сообразно с такими взглядами, германское командование проводило в крае яркую политику германизации во всех областях — быта, школы, экономических отношений и т. д. В остальном отношении немецких властей к русским людям всех политических толков, кроме уличенных в германофобстве, было терпимое. Об общественных настроениях того времени судить трудно, ибо общественная жизнь в Прибалтике под давлением военного положения и германской военной администрации совершенно замерла.

Нет сомнения, однако, что в Прибалтийском крае германофильские симпатии были совершенно чужды коренному населению. Они проявлялись неумеренно и пылко лишь немецким элементом городов и, главным образом, прибалтийским дворянством, пользовавшимся в России в течение веков привилегированным положением и благосклонностью династии. В органах немецкой печати и в воззваниях предводителей дворянства всех трех губерний прозвучали неожиданные мотивы: признание, что «с горячей симпатией и пламенным восторгом в продолжение четырех лет» оно «следило за успехами германского оружия и болело душой, что не имело возможности на деле доказать свой германизм»²⁶... Радость, что «столь долго желанное отделение от России стало, наконец, действительностью»²⁷... Призыв «пожертвовать самым дорогим — послать своих сыновей в германскую армию, чтобы они сражались вместе со своими освободителями»²⁸...

Напротив, эсты и латыши относились к «освободителям» с глухой враждебностью, не только в силу исторического атавизма, но и по социальным побуждениям: не было сомнения, что Германия поддержит класс крупных помещиков и промышленников — по преимуществу немцев. Они тяготились иностранной опекой, но страх перед большевиками и ненависть к ним были еще сильнее, создавая благодарную почву для враждебных России влияний и национального шовинизма и побуждая их явно к признанию немецкого протектората, а тайно к борьбе за полную независимость.

Как бы то ни было, Прибалтийский край с его портами, связанными с внутренними областями страны рядом могучих ж. д. магистралей и привлекавшими более трети нашего внешнего товарообмена, был от России отторгнут, естественные, обороноспособные рубежи потеряны, флот обречен на упразднение и выход в Балтийское море закрыт.

Положение Литвы, оккупированной немцами еще с 1915 года, было совершенно таким же, как и Прибалтийского края, в смысле характера оккупации и общественных настроений. Новый привходящий элемент составляло разве то обстоятельство, что, кроме естественного страха перед русской анархией, у литовских шовинистов зрели уже планы, подогреваемые германским командованием, относительно объединения Литвы в «этнографических пределах», в которые они включали и большую часть белорусских губерний... Другой отличительной чертой был состав верхнего слоя буржуазии в Литве — по преимуществу поляков. Это обстоятельство облегчало значительно привлечение литовского народа в орбиту германской политики.

Племенная рознь, с одной стороны, и польские притязания, с другой, обнаружились уже с самого начала оживившей национальные чаяния русской революции. Еще в мае 17 года польский центральный национальный комитет обратился к литовской «Тарибе» (совету) с приветствием и пожеланием возобновить унию, в которой «народы Литвы — литовцы, поляки и белорусы получили бы гарантию национального, культурного и экономического развития». Литовский совет отказался высказаться в данный момент по возбужденному вопросу и заявил, что был бы «счастлив видеть эту гарантию и теперь — в прекращении деморализации и полонизации литовского народа в церкви и школе»...

Под влиянием общей военно-политической обстановки Литва не избежала предначертанной ей участи: «Тариба» в начале февраля 18 г. определила будущий строй «независимого» государства и обратилась к протекторату Германии, а 29 апреля император Вильгельм рескриптом своим признал «независимое и свободное Литовское государство, союзное по собственной воле с Германией». На литовский престол был приглашен немецкий принц.

В судьбе Западных областей России в период германской гегемонии на Востоке есть черты, совершенно сходные. Представительства народов, населяющих эти области, собранные случайно и в обстановке, не располагавшей ни к духовному равновесию, ни к углубленному прозрению, не были следствием исторически слагавшихся взаимоотношений государств и племен. Мысли, чувства и решения вождей явились производной весьма реальных, но временных, преходящих причин: 1) Наличия на территории их единственной дееспособной силы, давившей на их волю, но обеспечивавшей временно их существование. 2) Страху перед русской анархией. Не осталась, конечно, без влияния и память о русской политике, слишком мало считавшейся с культурно-национальными стремлениями народностей, населявших империю.

Едва ли не с наибольшей терпимостью и даже признанием отнеслась Россия к отделению русской Польши. Судьба ее в первой половине 18 г., благодаря резким противоречиям во взглядах берлинского и венского правительств, оставалась неопределенной, границы не установлены, и вся территория оккупирована немцами. Хотя независимость свою Польша получила не только из рук Временного правительства, но и двух императоров (германского и австрийского), но отношение ее к Центральным державам оставалось чрезвычайно сдержанным. И в русском общественном мнении слагалось все более прочное убеждение, что в новом государственном образовании оно найдет дружественное отношение и отклик в своем национальном несчастье.

Отказ польских корпусов, созданных Россией, оказать ей помощь против боль-

шевиков и подчинение затем этих войск Регентским советом главнокомандующему германским восточным фронтом вызвали у нас некоторое смущение. Другой эпизод, относящийся к тому же периоду, служил еще более плохим предзнаменованием для будущего... Когда по договору Центральных держав с Украиной к последней отошла Холмская Русь²⁹, это обстоятельство вызвало в Польше «взрыв негодования». Регентский совет обратился к народу с манифестом на тему о «новом разделе», а польское общество и вся пресса разразилась шовинистическими выпадами не только против договаривавшихся сторон, но и против... России. Замечательно, что державы согласия тотчас же после заключения германо-украинского договора особым актом вступились за «попранные» права Польши, и лорд Бальфур обратился к члену польского национального комитета в Лондоне с торжественным заявлением о непризнании им отторжения Холмщины.

До лета 1919 года командование Добровольческой армии³⁰ с польским правительством никакой связи не имело. В конце мая 1918 года в штаб армии приехал из Киева полковник Зелинский, в качестве представителя негласной организации, образовавшейся из состава польских корпусов³¹, разгромленных и распущенных немцами. Впоследствии полномочия его были подтверждены «главным комитетом польских войск на Востоке», подчиненным Парижскому «Верховному национальному комитету».

В результате переговоров о создании при Добровольческой армии польских частей, появилась подписанная ген. Алексеевым и мною 30 мая декларация, которая, после опеределения целей армии, заключала следующие положения: «III. Добровольческая армия широко раскрывает двери для польской регулярной армии, обеспечивая ей ...независимую организацию на началах союзных войск, но с полным подчинением командованию Добровольческой армии в оперативном отношении. IV. ...Польские войска во время пребывания в Добровольческой армии должны принимать беспрекословное участие в выполнении необходимых операций против большевиков. VI. С союзниками должно быть заключено соглашение относительно доставки для польских войск вооружения, патронов, артиллерии и всего боевого снаряжения. С своей стороны Добровольческая армия будет братски делиться теми запасами вооружения и материальной части, которые она будет захватывать в своих боевых столкновениях с большевиками и внешним врагом».

До конца 18 года средствами Добровольческой армии удалось сформировать польскую бригаду из трех родов оружия, часть которой под начальством подполковника Малаховского приняла кратковременное, но видное участие в боях на Ставропольском направлении. Когда же в декабре в водах Черного моря появились союзники, я отправил польскую бригаду со всей ее материальной частью на русском пароходе в Одессу, откуда она двинулась на родину.

От Нарвы по линии Псков — Орша — Рогачев — Клинцы стояли передовые германские части, занимая железнодорожные узлы и прикрывая оккупированный район — большую часть Псковской губернии и всю Белоруссию. Эта обширная территория не входила в захватные планы немцев и занималась ими исключительно с целью эксплуатации средств ее. Конечный срок оккупации определялся установлением границ Эстляндии и Лифляндии и уплатой советским правительством определенной мирным договором контрибуции. В соответствии, однако, с платежными средствами Москвы, легальный титул оккупации был обеспечен по крайней мере до конца войны.

Очистив край от большевистских банд и восстановив в нем внешний порядок и безопасность, немцы подчинили его всецело военному управлению, наводнив его своей администрацией, персонал которой стоял зачастую на очень низком нравственном уровне. Но ни это обстоятельство, ни хищническая эксплуатация и без того разоренного края не вызывали сколько-нибудь серьезного противодействия. В крае, в особенности в восточной части его, слишком еще свежи были воспоминания о нескольких месяцах большевистского режима и слишком остро чувствовался страх перед вторичным нашествием «красных».

В крае существовали «комитеты объединенных общественных организаций» и белорусские национальные учреждения; хотя тенденции их были явно германофильскими, но никакой роли в местной жизни им сыграть не удалось за отсутствием серьезной поддержки у немцев и авторитета среди населения.

Еще в декабре 17 года в г. Минске состоялся «Всебелорусский краевой съезд»,

состоявший преимущественно из солдатчины Западного фронта. Съезд был разогнан большевиками в первый же день, успев избрать из своей среды «Раду Белорусской народной республики». Рада бежала за линию фронта и вернулась в Минск в феврале вместе с немцами, пополнив затем свой состав буржуазным элементом.

Белорусский национализм в ряду других принял особенно оригинальные формы — конечно, только в интеллигентских кругах, не имевших никаких корней в народе и обративших национализм в средство политики, а иногда и... личного существования. Наряду с Минской появилось много других самостоятельных «рад», в том числе в Витебске, Могилеве, Гомеле, Гродно, Ковно, Смоленске, даже в Москве и Петрограде. Все они подымали спор о своей «всенародности» и первенстве; одни поддерживали идею единства России, другие требовали независимости; одни «ориентировались» на большевиков, другие на немцев, поляков или литовцев; издавали воззвания, остававшиеся без отклика, и выносили резолюции, не находившие исполнителей.

Минская рада, обладавшая некоторыми средствами, посылала, кроме того, делегации в политические центры, в том числе в Берлин, Киев и на Юг. «Черезвычайный посланник» г. Тремпович прибыл в августе на Дон «для завязывания дружественных сношений с государствами, входящими в состав Юго-восточного союза (?)», и представил ген. Алексееву «меморандум». В нем высоким слогом определялись исторические права «Белорусской народной республики», указывалось на «трудности внутреннего положения молодого государства», обусловленные разорением его, отсутствием средств и реальной силы и «антиправительственной агитацией»... Тремпович просил «моральной, а при возможности, иной помощи и поддержки»³².

В противоположность политике немецкой главной квартиры в Прибалтийском крае, где национальные части были распущены³³, в этой оккупационной зоне немцы допускали русские противобольшевистские формирования для защиты края после их ухода. В Риге, Ревеле и других пунктах открылись вербовочные бюро в «Северную армию», какое название приняла к осени псковская организация. Образовался и штаб армии, возглавляемый ген. Вандамом (Едрихин), в состав которого вошли и немецкие офицеры. Немцы обещали выдать на формирование армии 150 милл. марок, вооружение и снаряжение на корпус...

Но шаги немцев в этом направлении были неискренни. Недоверие и опасение побуждали их оттягивать формирования и создавать им практические затруднения. Денег было отпущено в действительности не более 3 милл., оружия и орудий ограниченное количество, притом в большинстве брак. С другой стороны, политиканство русской общественности и инертность населения лишали эти начинания русских средств и опоры; отсутствие популярных и авторитетных военных вождей — уверенности и духовного подъема. Поэтому попытки формирования вооруженной силы в Белоруссии ген. Кондратовичем и другими, в Псковской губернии «Северной армии», не привели к сколько-нибудь серьезным результатам.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. «Сокольников».
2. Дрался только чехо-словацкий корпус.
3. С изменениями в пользу Германии.
4. В счет этой суммы советское правительство успело уплатить Германии 325 миллионов золот. рублей, которые впоследствии по Версальскому договору перешли к Франции.
5. См. Т. II, гл. XVIII.
6. Они появились частично на Юге России значительно ранее, еще весной 1918 г.
7. Надежды на создание Северного и Восточного фронтов и поворот на Волгу чехо-словаков.
8. Декрет был объявлен в конце декабря, задолго до заключения мира, отозвавшись, несомненно, на тяжести его условий. Приписывался обществом подчиненным отношениям комиссаров к немецкому Генеральному штабу.
9. Донесение организации «Азбуки». «Веди». 28.V.18.

10. Покушение на Ленина в августе 18 г.
11. «Гонения на анархизм в советской России». Офиц. изд. партии.
12. «Два года скитаний».
13. Доклад на 8 съезде компартии.
14. «Союз Возрождения России». Доклад привез к нам в июне Титов.
15. Из них 5—6 англ., 1 франц., 1 итальян., 1 серб.
16. Французские.
17. Последовательно эту должность занимали: капитан 1-го ранга Чаплин, полковн. Ген. штаба Дуров (18 г.), ген. Марушевский и ген. Миллер (главноком.).
18. Ген. Добровольский. «Борьба за возрождение России в Сев. области».
19. На Мурманском — 6-я армия, до 10 тыс., и на Архангельском — 7-я, до 8 тыс., образовавшие «Северный фронт» под командой ген. Парского.
20. Большевики считали против себя на северном фронте 58 тыс. штыков.
21. Любопытно, что в Сибирь своим друзьям из состава революционной демократии Н. Чайковский давал несколько иную ориентировку: «С союзниками происходит много конфликтов... Плохо быть русским министром без армии и силы» (из телеграфного сообщения Лебедева Авксентьеву. — А. Ган).
22. У Людендорфа.
23. У Гельфериха.
24. Кронштадтская крепость находится в 15—20 верстах от финского побережья.
25. Тихвинской и Мариинской системе — со стороны Ладожского озера, западный берег которого с портами Кексгольмом и Сердоболем принадлежит теперь Финляндии.
26. Ф. Деллингсгаузен (Эстлянд. дворянство).
27. Ф. Эттинген (Лифлянд. дворянство).
28. Бар.ф.Раден (Курл. дворянство).
29. Холмская губерния находилась в 15 г. в военном управлении Австро-Венгрии, а в 16 г. присоединена была Центральными державами к Царству Польскому.
30. Потом — Вооруженных сил Юга России.
31. Были ранее в составе русской армии.
32. Доклад от 30 августа № 92.
33. Начали формироваться вновь перед уходом немцев.

Примечания редакции

- I. *Миллер Евгений Карлович* (1867—1937?) — генерал-лейтенант (1915 г.). Участник первой мировой войны. С осени 1917 г. представитель Ставки Верховного главнокомандующего при итальянском главном командовании. В январе 1919 г. вошел (как генерал-губернатор) во Временное правительство Северной области (ВПСО). В мае назначен А. В. Колчаком главнокомандующим войсками Северной области, а в сентябре — главным начальником края. С февраля 1920 г. военный министр и управляющий иностранными делами воссозданного ВПСО. В конце февраля 1920 г. эмигрировал. С 1930 г. председатель Русского общевоинского союза.
- II. *Маннергейм Карл Густав Эмиль* (1867—1951) — барон, финляндский государственный и военный деятель, маршал (1933 г.). Служил в русской армии, участвовал в первой мировой войне, генерал-лейтенант (1917 г.). В 1918—1919 гг. главнокомандующий финляндской армией. В декабре 1918 — июле 1919 г. временный правитель Финляндии. Выступал за военное сотрудничество с белогвардейцами против Советской России и участие финляндской армии в походе на Петроград. С 1939 г. главнокомандующий финляндской армией. С 1944 г. президент Финляндии, в 1946 г. вышел в отставку.
- III. *Свинхувуд Пер Эвинд* (1861—1944) — в ноябре 1917 — мае 1918 гг. первый премьер-министр Финляндии, в мае — декабре 1918 г. исполнял обязанности главы Финляндского государства. В 1930—1931 гг. — премьер-министр, в 1931—1937 гг. — президент Финляндии.
- IV. *Бальфур Артур Джеймс* (1848—1930) — премьер-министр Великобритании в 1902—1905 гг., консерватор. В 1904 г. его правительство заключило с Францией договор, ставший основой Антанты. В 1915—1916 гг. морской министр, в 1916—1919 гг. министр иностранных дел.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1919 год

19 декабря/1 января. Хотя я начинаю год по новому стилю и хотя я переходу на новый стиль всегда сочувствовал, я сам продолжаю чувствовать старый стиль и сам про себя буду встречать его через 12 дней; быть может, это молчаливый протест против режима Р.С.Ф.С.Р. День без впечатлений, сидел дома и писал лекции; только в занятиях и отрада.

20 декабря/2 января. Провели вечер у родителей жены; туда я шел в сравнительно хорошем настроении, может быть, потому, что прочел все заманчивые вести, которые сегодня напечатали в своей газетке меньшевики-печатники¹, а вышел — мрачнее ночи, после того как жгуче почувствовал нищету вместо довольства, потерю всего заработанного жизнью и тень голода, витавшего над нами. Тяжелые вести из Киева, идущие от Собинова, точнее, от его сыновей-офицеров; они совпадают с тем, что написано сегодня в газете печатников: там начинается террор самостийников; я не знаю, что лучше — эта сволочь или большевики².

22 декабря/4 января. Рішон заявил, что они, французы, разбили большевиков под Пермью³. Сегодня рассказывали, что у Деникина дела неплохи и что снабжение военными припасами налаживается. Приехавший из Воронежа говорил, что казаки в 30-ти верстах, что красная армия не желает идти в бой и что усилия тов. Троцкого вынудить их идти довольно тщетны; противник сейчас, однако, очень слаб, но стоит одного усилия, чтоб опрокинуть красноармейцев. Сегодня вышел указ о том, чтоб нам продолжать учить с сохранением содержания, но без ответственности и без права ходить в совет и факультеты⁴. Раз снимают ответственность, можно только порадоваться.

23 декабря/5 января. Целый день чувствовал усталость от вчерашней прогулки на Девичье Поле и на Миусскую площадь⁵; эти прогулки тоже современность: они дают свою колоритную нотку в общую картину русской жизни. На завтра жену требуют на очистку снега⁶ — вот еще одна нотка современности; такими «нотками» мы окружены, из них мы не выходим. Одесса занята добровольческой армией и союзниками. Там поднят трехцветный флаг во имя единой и неделимой России⁷. Наконец-то! Об этом сообщает меньшевицкая газетка «Вечер Москвы», которая, конечно, этому не сочувствует⁸.

24 декабря/6 января. Утром вез по улицам Москвы кислую капусту в обществе А. И. Яковлева, такого же, как я, профессора Университета, и О. М. Веселкиной, начальницы Ал[ексан]дровского института, точнее, бывшего и[нститута]⁹. Потом сгрел снег с улицы. Потом имел визит гр. П. С. Шереметева по поводу спасения Михайловской библиотеки¹⁰, причем обнаружилось трогательное единение в этом деле и официальных и неофициальных сфер. Я никогда так не был доволен елкой, как в этом году, и радуюсь, что, придя от всеобщей, мы ее зажжем.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6—12.

26 декабря/8 января. Два тихих дня, в которые большевики позволили нам отдыхать; я старался в эти дни отдохнуть, но едва ли достиг какого то ни было результата; по крайней мере, сейчас, вечером второго из этих дней, я чувствую себя таким же разбитым, как и ранее. Сегодня возили Володю в цирк и смотрели, как он веселился; но мы веселиться не могли; нигде, может быть, так, как в цирке, не бросается в глаза царящая над нами охлократия; ничего, кроме горилых рож. Вечером долгий и жаркий спор с Ниной по поводу того, что нам предстоит делать и что предпринять для нашего спасения. Мое впечатление, что пока мы еще не понимаем друг друга. Это очень тяжело, тем более, что и сам я ежедневно колеблюсь, не зная, что лучше делать. Но я все более и более прихожу к заключению, что деятельность в Совдепии никакая немыслима и что отсюда, и во имя России и во имя себя самого, надо уходить.

27 декабря/9 января. Призраки голода надвигаются все ближе и теснее. Сегодня прошелся по Москве и как-то особенно проникся ужасом от этого мертвого, убитого города; одна мысль — бежать, и более, чем когда-либо, я укрепляюсь в мысли, что надо готовиться к отъезду.

30 декабря/12 января. За эти дни жизнь текла в обычных рамках; это не прежние праздники, а какое-то промежуточное состояние, не лишенное всегдашних беспокойств и отличающееся от простых будней только меньшим числом текущих обязательных занятий. Слухи о том, что большевики собираются разрушить и наш факультет, обратив его в часть нового общего факультета «общественных наук», становятся все крепче. Мы даже совещались по этому поводу и решили, что на имеющее последовать приглашение участвовать в заседаниях, имеющих быть по этому поводу, мы пойдем, хоть все собравшиеся, кажется, ясно себе представляли, что всякие рассуждения будут бесполезны. Очень характерно вел себя Сакулин: он хороший человек, но типичный социал-предатель и соглашатель, не то народный социалист, не то меньшевик, ни то ни се, ругает большевиков и тут же готов вступить с ними в переговоры на каких-то условиях, хотя он сам должен знать, что никаких условий соблюдать все равно они не будут. Есть слухи и о том, что они вовсе не допустят конкурса, а назначат тех, кого им хочется. Я отношусь к этому равнодушно; все дело в том, чтобы дотянуть до лета и до возможности куда бы то ни было уехать или же выждать перемен. Я это и думаю и говорю везде.

А перемены все-таки будут; большевики меняют свою продовольственную политику и разрешают свободно ввозить почти все; я не думаю, чтобы это могло изменить к ним отношение недовольных ими масс, но если даже 10% объявленных милостей осуществится, то нам, несчастным буржуям, не производящим хозяйственных благ, будет, может быть, лучше. С другой стороны, отовсюду слухи о разложении красной армии; да она и не может не разлагаться. В-третьих, тоже настойчивые слухи о новых высадках людей и технических средств, главным образом на юге. Наконец, объявление войны Финляндией Эстонии¹¹. Разложение внутри и натиск извне; все это должно произойти в течение 1919. О германских событиях я до сих пор ничего сказать не могу, потому что не могу ничего понять в них.

31 декабря/13 января. Сегодня слышал о том, что получены известия от Ент. и Пин. Один говорит, что родственники будут, другой говорит, что вернется весной. Еще сведение, что в Деникинской армии-ссорятся монархисты и республиканцы¹² и что при приезде английских офицеров все офицеры напились. Как все это по-русски! Если будут какие-нибудь изменения, то наверно выплывут все-таки некоторые новые люди из тех, которые выстрадали все это время и изучили на практике русскую жизнь.

2/15 января. «Старый» новый год встретили обычным образом у родителей жены — радовались двум пирогам из черной муки и пили сладенькое вино за невозможностью достать ни водки, ни шампанского, которыми прежде провожали и встречали год; вчера опять остатки буржуазности — обед у Е. А. Готье¹³ — вместо бездны яств, которые там когда-то в этот день бывали, была ветчина с картошкой, и все поражались роскошью стола: таковы картины голода, затягивающего нас. Но этот голод затягивает и их: упорно говорят о выводе красноармейских частей из Москвы во избежание голодного бунта; они сами пишут о катастрофическом положении продовольствия. Чувствуется, что назревают какие-то новые непредотвратимые события. Что они нам принесут?

3/16 января. Вчера неожиданно получил письмо от кн. М. М. Черкасской из Харькова от 19 сентября. Где оно валялось — остается тайной. Оно характерно для иллюстрации переживаемого времени, и поэтому я прилагаю его здесь¹⁴; вот какие сведения дают о себе жители двух городов, между которыми два года назад сообщение поддерживалось 3-мя парами курьерских поездов, ходившими 14 часов. В сегодняшних известиях неподражаемое письмо жены «тов. Раскольников», попавшего в плен к англичанам¹⁵: офицеры прямо перешли на ту сто-

рону, а матросы в последний момент стали отдавать им честь и величать «Ваше вскбродие», и сами выдали Раскольникову. Русский человек всегда и везде себе верен: «душевной крепости не бе в нас отдавна».

4/17 января. Все более и более настоящим становится дело выезда из Москвы Нины и Володи; особенно Нины; вчера пришла в голову мысль, что если Леля переедет в Вологду, то Нине на время уехать туда, т. к. вопрос питания там лучше обставлен, чем здесь; с другой стороны, хотя дело все труднее и труднее, но надо выхлопывать право на выезд из Совдепии. Слава Богу, выпустили А. А. Кизеветтера; к сожалению, я его еще не видал; хотя вчера он был у нас, но меня не оказалось дома, а сегодня я его не застал. Сегодня нет ни крупных слухов, ни интересных известий, а между тем именно сегодня какое-то особое нетерпение и желание, чтобы все поскорее кончилось.

5/18 января. Убиты Либкнехт и Роза Люксембург¹⁶: наши владыки завывали; это серьезная страница в германской революции; было время, когда я жалел об его аресте, а теперь хочется сказать: собаке собачья смерть; далее наши вещают, что с.-р. ищут с ними соглашения; сегодня мы с Яковлевым обсуждали эту конъюнктуру и пришли к заключению, что такое отслоение *vermine*¹⁷ скорее хорошо, чем плохо; их мир не будет прочным, а противников коммунистов это сразу отмежует и от с.-р. подлой слякоти. Было собрание домовых жильцов: свергали домового председателя, который покусился на изнасилование дочери управляющего.

6/19 января. Был в Храме Спасителя на патриаршей службе; пахло чем-то старым и хорошим, но я думаю, что это была моя любовь к Московской Руси, а не сознание силы православной церкви, которая слаба и бессильна, несмотря на внешнюю красоту церковной службы. В то же время шла «демонстрация протеста» по поводу убийства Либкнехта; я ее не видал; говорят, что она особой внушительностью не отличалась. Ободряющих новостей нет; сидел дома и работал. Вечером в Обществе истории и древностей, где избирали председателя и секретаря на место умерших Глазова и Белокурова: избрали Любавского и Богословского; последний после избрания заявил, что его дело — свято блюсти устав и священные предания общества¹⁸. Я с ним согласен.

7/20 января. Бездна слухов; один противоречит другому; во всем, кажется, можно разобрать только одно, что как будто что-то начинается на севере¹⁹ и, быть может, будет более действительным, чем на юге. В Украине новый переворот: директория свергнута какими-то военными; пока еще рано делать выводы, но падение Петлюры и прочей сволочи может навеять только самые приятные чувства. Начал лекции в университете: 2½ градуса; кое-какой народ все-таки был; удивляюсь этим молодым людям.

8/21 января. Очищена Нарва²⁰, и подтверждается переворот в Киеве; этого достаточно, что все повеселели, хотя, может быть, и без всякого основания; в остальном — день прошел, и слава Богу; благодарим Его и за то, что Нина вымолила в Совдепе на усиленное питание 30 яиц, 3 фунта пшена и 3 фунта риса; именно вымолила и выстояла.

9/22 января. Справляем св. Гапона²¹ и их же с ним убиенных или без него, это все равно; в мертвой Москве все закрыто, что разницы не делает, ибо и в остальные дни тоже все закрыто. Ходил в Дорогомиловскую слободу за молоком к отставному извозпромышленнику, который делает нам милость, поставляя по дорогой цене небольшое количество молока; из разговора выяснилось, что вся семья недовольна существующим положением дел; видно, что низы готовы растерзать и своих теперешних владык, но еще не решаются и без посторонней помощи не решатся этого сделать. Много смутных разговоров и слухов, но веры им придавать страшно: уж очень грустно во всем разочаровываться.

10/23 января. Продолжаются напряженные ожидания чего-то такого; быть может, не будет и на этот раз ничего, а жизнь становится все труднее. Утром я ходил к Мясницким Воротам в магазин Самсонова получать 30 яиц и 3 фунта риса для Нины и Володи. Уже самый факт путешествия так далеко²² за столь малым характерен для нашего времени, но путешествие по Москве в деловое время утром еще раз произвело на меня ужасное впечатление — вероятно, нашествие Чингисхана приблизительно так влияло на города, которые ему подвергались: все окна заколочены, все убито, все прекращено; не скоро удастся все исправить и привести в порядок тем, кто будет призван это сделать. Рассказывают, что Ленин, катавшийся в автомобиле по Сокольникам, был остановлен, причем у него отобрали автомобиль и пригрозили ему браунингом, кто — не известно²³. *Se non è vero*²⁴, то во всяком случае характеризует разложение нынешнего режима.

12/25 января. Татьяна день. Обедня в Большом Вознесенье²⁵; прекрасное пение; среднее количество профессоров и отсутствие студентов; может быть, впрочем, потому, что об этой обедне знали только по передаче из уст в уста. Наш прот. Боголюбский сказал проповедь на

тему о том, что древние мученики и мученицы не «стыдадились» Христа; надо было сделать естественный вывод, что нынешние люди Его стыдятся; это было бы верно, но вывода такого он не сделал; быть может, сам устыдился или, точнее, испугался; проповедь могла бы быть эффективной, но эффект произведен не был.

В 1 час дня была встреча профессоров в зале совета; встреча неофициальная; было человек 50 профессоров, новых и старых, уйденных и оставленных; начал собрание Гулевич²⁶ очень тактичной и умной речью; по содержанию она была обычной речью при открытии собрания, но он очень тонко коснулся и современного момента и не менее тонко благодарил Боголюбского за возможность быть сегодня в храме; под конец он предложил избрать председателем собрания Савина. И Савин хорошо справился с задачей руководить разговорами, о которых можно было сказать словами Цицерона: *cum tacent, clamant*²⁷.

Не знаю, что было на душе у присутствующих, но, конечно, речи большей частью шли о том, что Татьяна наша не последняя, и что мы опять будем ее праздновать в нашем храме²⁸, и что Московский Университет еще сыграет свою роль в том возрождении России, которого мы все так страстно ждем. А мне так не раз сегодня думалось — не последняя ли это Татьяна? Не умрет ли сам собой наш университет от холода и голода, если большевики не умрут до тех пор?

Я рискнул приветствовать от имени собравшихся Кизеветтера и Новикова, недавно вышедших из узилища или из Бутырской санатории²⁹. Некоторые говорили с искренним оптимизмом, например, тот же А. А. Кизеветтер, который меня этим даже поражает; я недоумеваю, искренняя твердая вера или маниловщина. Характерным было выступление Д. Л. Черняховского, когда-то моего репетитора, который говорил об идеальной автономии университета с участием студентов; его речь не была покрыта аплодисментами. Разошлись, посидев часа полтора. К сожалению, сегодня не устроилось компании, чтобы провести Татьяну; никогда мне так не хотелось ее отпраздновать, как сегодня.

Сегодня большевики напечатали обращение предварительной Мирной конференции ко всем русским правительствам, приглашая их съехаться 15 февраля на Принцевых островах. Конечно, трудно сказать, каков истинный характер этого предложения или предписания; я толкую его как очную ставку перед диктаторами мира; общее мнение не пессимистично; большевики комментируют его с кислыми ужимками, ибо искренно они его принять не могут. Быть может, это последняя попытка что-либо сделать с Россией³⁰; быть может, последняя попытка спаять русских или отругать их перед активным вмешательством; что ж, подождем 3 недели; ведь ждали же достаточно долго.

Очень поучительны и очень утешительны выборы в германский учредительный Рейхстаг: ни одного спартаковца и 23 независимых; большинство у шейдемановцев, которые, в сущности, не левее наших кадетов³¹. Европа осталась Европой, а Россия показала, что она не более как ожидавшая Азия. Вчера мне пришлось пешком идти на лекции на Девичье Поле³², а оттуда пешком же на лекцию в Университет Шанявского; если бы это пришлось делать регулярно, то чтение лекций было бы невозможным.

13/26 января. Был у меня Н. А. Бердяев³³, несомненно, выдающийся и приятный человек. Живя литературным трудом и, вероятно, капиталом, он тоже дошел до стенки и говорил со мной о возможности получить место по части музеев и архивов; я, конечно, дал ему все необходимые советы и указания. В беседе он высказал мысль, которую я вполне разделяю, хотя она до моего сознания еще не доходила: у нас слишком много разлагающих сил и слишком мало, точнее, совсем нет сил слагающих; в этом наша величайшая трагедия и опасность. Он был ранее оптимистом, но сейчас изменился к худшему; однако, его пессимизм не превосходит моего. Говорят, на вчерашней профессорской беседе был Артемьев, «товарищ министра» от большевиков³⁴. Как жаль, что никто мне не показал этого субъекта, который, вероятно, пришел туда в качестве соглядатая. О вчерашнем приглашении на Принцевы острова сегодня пишут кисло, а меньшевики даже вовсе молчат; значит тут что-то не то.

14/27 января. Присутствовал на заседании библиотечной сессии; так называется какое-то новое учреждение, выдуманное в Комиссариате Народного Просвещения для управления библиотеками в Совдепии. Я пришел в кабинет тов. Луначарского, где (без него) происходило какое-то предварительное заседание и без толку сыпались слова; председательствовал беспринципный тов. Брюсов³⁵; минут через 15 пришел тов. Покровский и, едко извинившись за какие-то слова, сказанные накануне, выгнал заседание из этого кабинета; стали искать, куда идти; оказывается, что бывший актовый зал Лицея не топится — в нем 5°; в библиотеку? Но есть постановление, что в библиотеке заседаний быть не должно; но что же такое? Покровский по-солоновски изрек, что библиотечная сессия в библиотеке заседать не может; долго ждали между шкалами, что кто-то откроет заседание. Глядя на все это, я еще раз вспо-

мнил слова ген. d'A[...]de, говоренные в Москве — ah, le dâchis³⁶. Кроме dâchis русские ни на что не способны, очевидно.

17/30 января. Заседание «библиотечной сессии», так названы какие-то периодические съезды, которые должны вершить дела русских библиотек³⁷. На них присутствуют отчасти люди нашего склада, вроде вице-директора публичной библиотеки Браудо, Венгерова³⁸, Калишевского; надо сказать, что петербургских мало; академики Ольденбург и Дьяконов сказались больными и не приехали³⁹. Зато и другой лагерь представлен очень полно, и даже товарищ Покровский удостоивает принимать участие в дебатах. Быть может, самым интересным экземпляром является С. Д. Масловский (псевдоним — Мстиславский), бывший библиотекарь Академии ген. штаба, левый с.-р., участник брестских переговоров, отец семейства в 10 человек, на вид алкоголик, про которого говорят, что его поступки всегда возбуждали по меньшей мере недоумение. Он предлагает сделать все книги в России общим достоянием, предоставив «народу» уничтожать книгу, пользуясь ею где угодно и как угодно; другой тип, А. П. Кудрявцев, ловкий проходимец из эмигрантов, ставящий своей задачей почему-то покровительство русским антиквариам, быть может, будучи сам заинтересован в этом. Кто знает? О других не говорю: достаточно посмотреть на физиономии А. А. Покровского, почему-то пользовавшегося популярностью среди библиотекарей в Москве, тов. Чачиной, что-то лепечущей о внешкольном образовании⁴⁰, и иных, чтобы видеть, что из рук этих горилл скоро вывалится последняя книжка.

Во время дебатов было несколько перлов; говоря об антиквариатах, М. Н. Покровский говорил, что они жулики и мошенники; Кудрявцев, возражая ему, говорил, что такое явление может быть только исключением, что вообще все, что основано на грабеже, не может быть твердым: попал пальцем в небо. Говорили о возможной утечке редких книг за границу; Покровский по этому поводу изрек — все равно или большевицкий остров поглотит море или море высохнет; как оно, очевидно, имеет тенденцию. Не то глупость, не то доктринерская наивность. Между прочим, на этой сессии мы проводим какие-то фантазмагорические штаты библиотеки — в 250 человек⁴¹. Куда мы будем их сажать? Долго ли эта орда просуществует у нас? На общем горизонте ничего определенного; говорят, что на Принцевы острова поедут Раковский⁴² и Иоффе, чтобы ссорить американцев с англичанами и французами; это тоже называется попасть пальцем в небо. Все-таки очевидно, что до весны не будет ничего и что в конце концов вся Россия, голодная, бессильная и разоренная, упадет в объятия иностранных капиталистов и империалистов.

18/31 января. Сегодня несколько радостей, характерных для современного момента; Маша приехала из деревни и привезла картофеля 7 пудов, 6 фунтов масла, 7 фунтов крупы и 3 огромных ковриги хлеба; читал в Шанявском, был народ и дали денег с сентября; и, в-третьих, не было никакого пленума или комиссии. Общих слухов никаких; все остается, как вчера; говорят, что на Принцевы острова они не едут; для нас это было бы даже и лучше.

19 января/1 февраля. Слышал от А. И. Браудо, со слов В. Д. Бонч-Бруевича, что на анонимное радио они не поедут; из того же источника: Ленин говорил Горькому — мы знаем, что у нас ничего не выходит, но куда же нам уходить, когда нас никто не свергает. Поэтому они гонят всю, и в ус себе не дуют; и будут так делать до последней своей минуты. Вчера нес в руках два хлеба от Ярославского вокзала в Мертвый переулок — оригинальное занятие. Имел разговор с П. С. Анти[...] о передвижениях на юг; находит, что сейчас никуда пробраться нельзя.

21 января/3 февраля. Кислые известия в «Известиях», изобличающие недовольство из-за того, что их недостаточно приглашают на конференции; на днях они расстреляли четырех великих князей: Георгия и Николая Михайловичей, Дмитрия Константиновича и Павла Александровича⁴³. Рязанов назвал это «гнусным расстрелом». Надо думать, что у них есть два противоположных течения — 1) за сближение с Европой — 2) против него.

22 января/4 февраля. События дня: нота тов. Чичерина правительствам союзников: предлагаются концессии, амнистии, уплата по займам, с условием, чтобы внутренний строй советской России остался нетронутым. Некоторые считают это капитуляцией, но я не держусь этого мнения; вся нота полна лжи, обычной для большевиков; они обещают что угодно, с тем, чтобы при случае обмануть и отречься от всех своих обещаний. Для меня вопрос состоит в том, что союзники из этого сделают или захотят сделать: сделают ли вид, что они им поверили и вступят в переговоры или же это будет моментом полного между ними разрыва. Я думаю, что, на худой конец, если они начнут договариваться, то будет небольшой момент, когда сношения с заграницей будут возможны; тогда надо этим воспользоваться и уехать. Меня сильно начинает тяготить моя библиотечарская должность в Музее; хлопоты без конца, все усиливающиеся, и более никакого нравственного удовлетворения.

23 января/5 февраля. Большевики заняли Киев⁴⁴ и отходят в Псковском районе; вечный кадрили chemins croisés⁴⁵, однако военные действия продолжаются повсюду, и это стоит в полном противоречии с условиями, выставленными союзниками в радио, приглашавшем большевиков на Принцевы острова. По более или менее общему мнению, положение должно определиться — или война или мир, и, во всяком случае, конец теперешнему неопределенному состоянию. С Яковлевым и Бахрушиным решили, что если будет мир, конечно, временный, и вероятно, кратковременный, надо тотчас же выбираться из Совдепии.

25 января/7 февраля. Очередные слухи: кто из них едет якобы в Париж, кажется Мануильский; его будто бы вызывают, однако он едет с паспортом Красного Креста, что доказывает, что дело обстоит не так просто⁴⁶. Ноту Чичерина будто бы заставило их послать то, что где-то высадился большой десант; в Финляндии есть будто бы и русская организация во главе с ген. Юденичем и с Треповым⁴⁷. Вернулся А. Э. Вормс с финляндской границы; его с большевицким паспортом не пропустили, тогда как будто бы пропускали людей без оных; Вормс сидел 3 дня на границе, читал газеты финские, шведские и английские, и вынес впечатление, что английской интервенции не будет, потому что внутренние затруднения Англии слишком велики. Сегодня узнал, что арестовали у нас в доме самых влиятельных членов домового комитета — кн. Урусова, Соколова и Крылова; уверяют, что это визитная карточка бывшего председателя Славина. Сегодня целый день мрачное настроение.

26 января/8 февраля. Угнетенное состояние души; чувствую, что все валится из рук и ничего делать не хочется, ибо порывы их творчества, которые грозят теперь сломать университеты и опечатать Музей, т. е. изгадить всю мою работу — еще хуже их виртуозности в ломке. Был у меня в Музее офицер ген. штаба, которому в один день поручено от «полевого штаба» выяснить, какие области Россия советская может отдать кому-то такое на основании ноты Чичерина. После долгого разговора выяснилось, что в основу работы можно положить атлас Замысловского⁴⁸.

28 января/10 февраля. В умах полная неразбериха; но слухи опять как будто оживляются: рассказывают о каком-то кооператоре типа с.-р., который приехал из Англии и слова которого в общем подтверждают слова Вормса о состоянии умов в Англии; говорится о добровольческой армии — нерусской — которую будто бы успешно набирают и поддерживают Франция и Англия; говорят о взятии обратно Уфы⁴⁹; в газете печатников письмо некоего мужа революционна о том, что у Колчака 400 000 прекрасной армии. Где правда, где ложь? А между тем большевики свое дело делают и ломают университеты; теперь выдумали нас, историков, свести с юристами в факультет общественных наук⁵⁰; для них никогда не будет достаточно ерунды. Принялись и за библиотеки, вследствие проявленного к ним со стороны тов. Ленина интереса⁵¹ — постоянные циркуляры, точь-в-точь как ранее, когда чем-нибудь интересовались августейшие персоны.

29 января/11 февраля. Решил провести день дома, чтобы отдохнуть от Музея и подкрепить слабеющие нервы; на этот раз мне это удалось; лекции, однако, я читал и опять удивился на наших студентов, которые хоть и в малом числе, но упорно являются слушать курс доисторической археологии. Общее положение без перемен; те же слухи и то же болото.

30 января/12 февраля. Еще один день дома; чувствую, что у меня менее желанья бросаться на других нежели несколько дней назад; целый день занимался вдали от газет и от шума; новостей, кажется, особенных нет; вечером в Обществе истории и древностей, где М. М. Богословский читал свои воспоминания о В. О. Ключевском (сегодня его именины): в мастерском изложении М. М. ожили воспоминания о Московском Университете за 80-е и начало 90-х годов, когда Московский Университет был центром умственной жизни Москвы; пахло чем-то далеким, хорошим, навсегда ушедшим; надо и мне написать свои воспоминания об университетском времени⁵².

1/14 февраля. Встретил Ил. Н. Бор[оздина]⁵³, который рассказывает, что «они» собираются уничтожить «2-ю ступень» единой трудовой школы, ими же самими изобретенную, и желают заменить ее посылкою всех детей на фабрики на 4 часа в день, причем за фабричным трудом будут следовать чтения⁵⁴. Перемен нет, кроме того, что нам, кажется, не миновать слияния с юристами и что пресловутый всероссийский конкурс, ими же объявленный, будет заменен простым назначением. Общий вопрос — быть или не быть — стоит без перемен.

2/15 февраля. Опять большой праздник, проведенный как будень; сидели после 3-х часов в научно-издательской комиссии при архивном управлении и толкли воду в ступе, рассуждая об издании документов, которых ни при современном, ни при будущем состоянии русской земли издавать все равно не придется. Приехавшие из Петербурга передают, что все там на месте; однако тов. Чичерин, разразился сегодня нотой к Финляндии по поводу сосредоточения войска на финско-русской границе.

5/18 февраля. За два дня произошли большие и неприятные события. «Военный Контроль», поселившийся в нашем доме, переименовался в «Особый отдел В.Ч.К.»⁵⁵ и стал пухнуть и расширяться. «По стратегическим условиям» они выселяют всех жильцов старого Солововского дома, и все 10 оставшихся квартир вселяют в дом № 4, т. е. наш. При этом недвусмысленно говорят вокруг, что и весь дом будет постепенно выселен. Приходится опять думать о переезде в Музей; об этом ведутся переговоры, и мы уже сейчас отправили часть мебели в Музей. Надо все устроить и все привести в порядок, а там, может быть, удастся и что-нибудь сделать с собой самими. На общем горизонте мертвая зыбь.

6/19 февраля. Все по-прежнему, и даже нет интересных слухов. Для проведения фантазмагорических штатов Румянцевского Музея я был водим в Комиссариат Народного Просвещения на заседание коллегии комиссариата. Председательствовал тов. Покровский, но я никогда не думал, чтобы он вел заседание так вяло, скверно и неумело. На заседании присутствовала Н. К. Крупская-Ульянова-Ленина⁵⁶, без 5 минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью; остальные присутствующие были Познер, Шапиро, Маркс⁵⁷ и другие представители господствовавшего племени, кроме тов. Чачиной — тип вечно смущающейся, краснеющей и мигающей учительницы, тоже фанатического вида, которая при Н. К. Крупской состояла вроде того, как *mezzo-soprano* состоят при *soprano* в итальянских операх.

Первый вопрос, на котором я присутствовал, касался невразумительной и сумбурной записки Ленина, сущность которой сводилась к тому, что вся Совдепия должна покрыться сетью библиотек, причем каждая из них должна дать отчет о своих успехах, а все вместе — соревновать одна перед другой⁵⁸. К записке все относились совершенно так же, как в былое время к тому, что всемиловейше начерталось на всеподданнейших докладах. Чрезвычайно характерна была речь одного из присутствующих — тов. Темкина, конечно еврея, по поводу этой записки: он доказывал, что надо создать сначала библиотекарей, потому что в провинции «наших» нет, что культурное земство исчезло и интеллигенция ушла. Ульянова и Покровский были смущены, когда увидели, как их товарищ попадал пальцем в небо. По этому же поводу зашла речь о каком-то учреждении, которое будет называться ЦентроКнигой и, состоя при ЦИКе, будет монополизировать все издательства в России. Жиды, создавшие этот проект, съели, как оказалось, издательства Комиссариата Народного Просвещения, и надо было видеть, как товарищи присутствовавшие ругали отсутствовавших и какая рознь чувствовалась между ними⁵⁹.

Очень характерны были слова, сказанные Покровским во время обсуждения этого вопроса: он говорил о том, что часть книг куда-то спрятана, «что они в провинциальных городах припрятаны спекулянтами, которые все еще чего-то ждут, но дождутся, наверно, только того, что книги станут макулатурой. Старым книгам надо противопоставить наши книги». Удивительна эта слепая вера в спекулянта, эта боязнь чего-то, что не должно прийти, но придет, и это противоположение наших и ненаших. Затем тов. Шапиро, из молодых ранних, настаивал, чтобы разрешали какой-то вопрос, в котором он был заинтересован; Покровский не соглашался; другой жид, тов. Познер, сначала поддерживал Шапиро, но потом, убедясь, что Шапиро что-то сделал помимо его, резко переменил фронт и, называя того не Львом Григорьевичем, а Л. Шапировым, стал соглашаться с Покровским: опять ссора, свара, подкапывание друг под друга.

Еще один из вопросов был отложен Покровским на том основании, что доклад о нем не был доставлен членам коллегии, но оказалось, что правитель ее дел, тов. Маркс, уже шесть дней назад роздал его всем, кому нужно было. Присутствующие долго сетовали на плохую постановку у них дела. Когда дошел черед до наших штатов, то оказалось, что мне не нужно было вовсе приезжать. Я однако не раскаивался, что потерял здесь время; картина убожества и неумения ничего сделать, разве только утопать в словах, была так ярка, что оставила во мне неизгладимое впечатление и убедила еще раз, что эти существа, имеющие от людей только образ, ничего создать не могут.

8/21 февраля. Сегодня получился пресловутый ордер на вселения, но завтра еще будут судить и рядить, кого и куда вселять. Был в архиве Иностранных Дел, где М. М. Богословский нашел мне дело Волынского⁶⁰, которое я давно хотел просмотреть; архивные занятия произвели на меня впечатление наркоза. В Музее я подал записку о командировке за границу; выйдет ли это дело? На общем горизонте опять мертвая полоса; слухов новых нет.

9/22 февраля. Весь день провел в заседаниях, причем одно было бесполезнее другого. В Музее 3 часа слушали рассказы Романова и Борзова о их питерских похождениях на «общемузейской конференции», столь же ненужной, как и все другие начинания нашего времени,

потом в Главном архивном управлении занимались тихим саботажем, слушая какие-то правила печатания документов, изобретенные А. Н. Филипповым⁶¹, и, наконец, вечером в домовом комитете сидел, чтобы защищаться от уплотнения и вселения; здесь получилась самая неожиданная картина: пресловутый Славин не желает выезжать, и поэтому весь план уплотнения нашего дома сел на мель. Вопрос остается открытым до понедельника. Глупо, тошно и смешно.

10/23 февраля. Буржуйно отдыхал, пролежав в постели до 12 часов, и целый день ходил по гостям до отяжки. В газетах сообщается об уходе в отставку Краснова и о том, что где-то неподалеку от Одессы большевики столкнулись с французами⁶²; быть может, это сдвинет дело с мертвой точки. Сегодня день годовщины основания красной армии; на тех улицах города, где я сегодня был, праздник этот не выражался ничем, кроме нескольких уродливых плакатов. Д. Е. К[урдюмов] рассказывал о совещании по разгрузке московского узла, на котором он присутствовал: оказывается, что разгружать некому и нет никаких механических средств; на Северной дороге коммунисты сами подавали сегодня пример разгрузки вагонов, но из 2000 служащих пришло только 120.

11/24 февраля. Вопрос об уплотнении выясняется: сегодня мы проводили последний день в нашей столовой; завтра мы уступим ее или Бабогину [?] с 3-мя детьми и женой-ведьмой, или Рубцову — инженеру с большой семьей; таковы превратности современной жизни; все более и более крепнет мысль о неминуемости полной ликвидации квартиры. Новостей никаких, кроме разве того, что к нам едут ревизоры из западных социалистов — Каутский, Адлер, Гильфердинг, Гендерсон, Лонге и т. п. Что могут нам дать они? Ничего или что-нибудь еще худшее, чем то, что мы имеем.

12/25 февраля. Происходил переезд внутри квартиры; усталость, беспорядок, ужас; все это так дико, и так ненужно, и так современно. Извне ничего, все по-старому. Фантазмагорические штаты Румянцевского Музея сделали новый шаг к своему осуществлению; штаты факультета общественных наук также проходят. Вечером слушал пробную лекцию А. А. Новосельского; это прекрасно устроенная голова; отличная лекция на тему «Дворянское землевладение после Смуты и после 1861 года». Это первый из молодого поколения историков, которого мы выводим на свою смену. Я думаю, что этот будет хорошим продолжателем школы Ключевского⁶³.

14/27 февраля. Два дня прошли в переезде, и вот мы теперь стеснены в 2-х комнатах, в которых еле помещается та часть имущества, которая нам необходима для жизни. Извольте при таких условиях заниматься и двигать науку, т. е. исполнять ту обязанность, которую с нас не снимают и большевики. Мне было сначала очень грустно покидать еще 1/3 квартиры и остаться в двух задних комнатах; грустно, потому что, въезжая в эту квартиру, мы думали, что она будет для нас вековой квартирой; потому что она нам подходила по всем своим условиям. Но, переехав, я чувствую себя легко и вспоминаю стихи Печерина о пловце на море в челноке; еще один якорь сорван, еще одной задержкой меньше; надо жить на бивуаках, пока не околеешь, или не уедешь, или не переживешь это ужасное время. Но все-таки в таком стеснении жить нельзя и надо искать выхода в переселении в Музей, от чего я отказывался в течение целых 20 лет. На общем горизонте муть. Узнал, что делают предложение поступать на службу подслушивать частные разговоры по телефону на правах военной цензуры; такое предложение сделано было моему товарищу В. А. К. Все более и более убеждаюсь, что приезд социалистической делегации не сулит нам ничего хорошего; между прочим для них реквизируют особняк А. В. Рериха в Малом Каретном переулке; таким образом, светила социализма будут жить в награбленном добре; это стильно и хорошо.

15/28 февраля. День без больших впечатлений; удалось вспомнить старую масленицу и съесть вволю блинов; газет не читал вовсе и потому сохранил сравнительно хорошее расположение духа. Никаких слухов не слышал.

18 февраля/3 марта. Не вел записей, потому что предпринято очень характерное для современной жизни путешествие: в ночевку в Машков переулок к Готье, и оттуда к Курдюмовым на Ярославский вокзал; туда ехали на ломовом от Университета до Сретенских Ворот за 10 рублей; оттуда — на извозчике за 50 рублей; все прочее без перемен; все кругом так же тошно, как и раньше.

19 февраля/4 марта. Сегодня в принципе решили переехать в дом Музея, в половину квартиры Мензбира. Я думал, что из нашей квартиры в Большом Знаменском мы переедем только на тот свет; но вот что значат человеческие предположения; пришли большевики и разрушили их все: переезд в Музей, куда я 20 лет не только не стремился, но сопровотивлялся переезжать, грозит многими осложнениями и неприятностями; но в данный момент надо

думать, что там будет покойнее, а если придется и удастся уехать, то и добро, быть может, будет целее.

20 февраля/5 марта. В пятницу, говорят, будет решаться судьба профессоров-историков. Большевики составили какую-то комиссию из 15 коммунистов (в том числе Сторожев)⁶⁴ и 15 некоммунистов, которые должны решить, кто из профессоров юридического и исторического отделения историко-филологического факультета достоин войти в факультет общественных наук; от нас туда имеют отправиться Богословский, Савин, Петрушевский и Виппер⁶⁵; мне очень их жалко, особенно первых двух; отправились они туда по специальному приглашению. Я считаю себя профессором Университета по избранию совета университета 18 апреля 1915 года; я не сделал ничего, чтоб так или иначе заявить свое отношение к князьям мира и буду продолжать их игнорировать до тех пор, пока меня или выгонят из Университета или я сам выберусь из Совдепии.

21 февраля/6 марта. Решение судьбы будет не в пятницу, а в понедельник; наше будущее зависит от цвета социалистической академии, которая, видимо, не сумев ничего организовать из себя, желает внедриться в Московский Университет силой; таков смысл всей реформы: озлобленные неудачники, ничтожества, преисполненные самообольщения, желают распорядиться судьбами Московского Университета⁶⁶. Кругом все мертво; надежды на освобождение меркнут все более и более; а процесс перегнивания затянется надолго. Большевики внезапно объявили на завтра праздник 3-го Интернационала. Что это значит, я как-то, к стыду моему, не понимаю⁶⁷.

22 февраля/7 марта. Пользуясь праздником 3-го Интернационала, я целый день сидел дома и занимался на проходе в нашей спальней, причем у меня осталось впечатление, что за мной в коридоре целый день кто-то ходил в ватерклозет. Это впечатление от чрезмерного прироста населения в квартире. Вечером город был во мраке: внешних проявлений радости от 3-го Интернационала я не видал; но Александровское училище было все освещено: должно быть, они там пировали.

25 февраля/10 марта. На большом горизонте нет ничего ясно видного; однако эти дни вновь оживились слухи, быть может, в связи с их беспокойством и недовольством, которое они, по-видимому, проявляют за эти дни; опять говорят о каких-то наступлениях в Балтийском крае, в Литве и к Минску⁶⁸; всему этому я, впрочем, значения большого не придаю. В субботу мы устраивали пир у Курдюмовых на Ярославском вокзале; я записываю это, потому что факт этот характерен для нашего времени: 12 человек собрались на кооперативные блины, потому что всем хотелось забыться, выпить алкоголя и наесться блинов; пир начался в 9 часов и продолжался до 4-х часов ночи; по правде, все было забыто, было тепло, светло и весело. В тот же день до пира я был призван в ВЧК, в ее особый отдел, поселившийся у нас во дворе; я должен был дать показания по делу кн. Ю. Д. Урусова, обвиненного в «сокрытии государственного достояния», каковыми оказались документы исторического значения. Урусов мне говорил о них два раза, и оба раза я советовал ему сдать их в государственное хранилище; на эти разговоры он сослался, и вот поэтому я и был привлечен к допросу. Первая повестка была в четверг, 6-го; я получил ее после назначенного для допроса времени; в субботу меня потребовали туда по телефону и пригрозили даже арестом, если я скоро не приду.

Я отправился в особняк М. М. Петрово-Соловово и нашел грязный вертеп, наполненный мальчишками-латышами и девками-латышками. Меня попросили обождать в комнате, откуда вытащена всякая мебель — осталось только несколько стульев; я слышал как резвились латыши рядом и прочел на стене объявление о том, что фракция коммунистов при особом отделе В. Ч. К. выражает порицание товарищам, которые позволили себе грубое обращение с товарищами женского пола на кухне. Потом, скрипя сапогами, пришел золотоволосый и голубоглазый человек лет 30-ти, очень вежливый и приветливый, который сказал мне, что он сию минуту к его [так в подлиннике] услугам, и, спустя некоторое время, я позван был в старую спальню этого дома с коринфскими колоннами и дивным зеркалом; следователь Фельдман, с золотыми волосами и безупречным русским языком, более похожий на старого народовольца, чем на современного латышско-еврейского деятеля, допросил меня вежливо и толково и напоследок сообщил, что документы, бывшие у Урусова, составляли делопроизводство Ставки с 25 февраля по 1 апреля 1917 г., которые он получил, вероятно, как бывший в то время прокурором Могилевского окружного суда. Я не мог не сказать, что было неосторожно такие документы держать у себя.

Сегодня, как я узнал вечером, «выборы» в новый факультет не могли состояться, т. к. товарищи-коммунисты, назначенные «перебирать людишек» из так называемых буржуазных профессоров, не явились. В этом они сказались все во всей своей красоте и неряшестве.

27 февраля/12 марта. В понедельник и сегодня, в среду, решалась судьба юридического

факультета и историков и не решилась. В понедельник пришло 13 человек академической группы и 3 коммуниста; сегодня — 13 академической группы и 18 коммунистов. В понедельник они составили свой список; сегодня был составлен другой, более длинный и совершенно измененный; в первом списке из нашей группы историков были Кизеветтер, Богословский, Яковлев, Пичета; не было Любавского, меня и Бахрушина; относительно меня, как выяснилось, тов. Покровский, который более или менее всем вершит, не мог себе усвоить, как можно, будучи «директором громадной библиотеки», сочетать это с Музеем [так в подлиннике; вероятно, должно быть: с университетом]; сегодня это было выяснено, и моя кандидатура прошла, но все дело сорвалось из-за того, что сегодня, после 6-часового прения, большевики выдвинули кандидатуру Стеклова-Нахамкеса, и эту кандидатуру академическая группа не приняла⁶⁹. Тогда тов. Покровский заявил, что эта попытка соглашения не удалась, как и всякая попытка соглашения, и что поэтому новый факультет придется комплектовать индивидуальными приглашениями; обе группы разошлись, не прощаясь.

Все это мы обсудили у Богословского, который сказал нам (Любавскому, Яковлеву и мне), что он ожил, увидав нас после того, как 6 часов смотрел на страшные, нахальные жидовские рожи. Мы решили, что наш долг — нести наши обычные обязанности и гадать, что будет дальше; что, может быть, все это случилось даже к лучшему, ибо избавляет всех от какой-либо индивидуальной ответственности. Еще одно общее впечатление, нами закрепленное: большевическим жидам до смерти хочется влезть в Московский Университет, и они всячески стараются, чтобы туда попасть, сохраняя какие-то фиговые листы закономерности: я думаю, что будет лучше, если они себя туда сами назначат.

Новое оживление слухов; упорно говорят о начавшемся наступлении Колчаковских войск с востока⁷⁰; быть может, это только очередные самоуспокоительные слухи.

28 февраля/13 марта. Общее приподнятое настроение от разных слухов, неизвестно на чем основанных, по поводу того, что произошло вчера. Общий голос, что так лучше.

1/14 марта. На частном совещании потерпевшей поражение академической группы решили, если последует приглашение от большевиков, то собраться на совет. Я очень рад, что я далек от всего этого; пусть будет, что будет, ибо оставаться в Университете в той компании, которая туда лезет, не есть уже служить и быть профессором Университета. Можно допустить, чтобы они назначали, но входить с ними в соглашение или соглашение, не следует. Общие известия по-прежнему скорее благоприятны.

2/15 марта. Продолжают распространяться слухи о продвижении с востока⁷¹, о волнениях среди красноармейцев и рабочих, и все веселеют; между тем, голод несомненно растет; хлеб дошел до 30 рублей фунт, мука до 1100 рублей пуд. Сегодня решился наш переезд в Музей; в залог возвращения оставляем в квартире люстру и полки для шкапа в передней.

3/16 марта. Слухи крепнут; говорят о восстаниях среди красной армии, о волнениях на почве голода; забастовки в Петрограде они сами не отрицают. Впечатление, что что-то нарастает, есть несомненно, но когда и во что это выльется, даже и думать об этом трудно. Сегодня фактически начали переезд; только теперь чувствуется вся ненужная канитель этого дела. Последние новости по академическому вопросу таковы, что историко-филологический факультет остается без перемен до конца апреля и что экономистов передают к нам на факультет, прежде чем нас, историков, передадут на факультет общественных наук.

4/17 марта. Получено письмо от Патулье; пишет, что по вопросам взаимопонимания должно быть совещание в составе *groupe promoteur*⁷² и лиц, бывших в России — его, Avenard и Malfinano. Malfi вернулся из Италии, где забросил удочку взаимопонимания также; как хотелось бы побывать на этом заседании! О жизни в Париже он пишет, что только хлеб и сахар по карточкам; «*la boucherie abonde*»⁷³; яйца стоят 60 сантимов, т. е. по отзывам знающих дело, в 4 раза более, чем до войны. Ходил в Комиссариат просвещения поддерживать и проводить штаты Румянцевской библиотеки; ждали с А. А. Борзовым 2 часа, после чего нам сказали, что все вопросы откладываются; хамы остаются хамами.

5/18 марта. Праздник Парижской коммуны и похороны президента Свердлова; я думаю, что парижские коммунары никогда не думали, что русские варвары будут их праздновать полвека спустя после преставления 71 года, а президент не думал, что праздник, в установлении которого он, несомненно, принимал участие, омрачится его собственными похоронами. С 10 до 1 часа сегодня 15 человек музейских товарищей перетаскивали наши пожитки на новое жительство на руках, на салазках, причем и мы этому всему помогали. Остатки нашей квартиры облуплены и пусты; если вдуматься во все это, то берет тоска, но лучше в это не вдумываться, а плыть по течению; разум велит жить как можно более налегке. По слухам, их продолжают толкать с востока.

6/19 марта. Гигантские штаты Музея сделали сегодня новый шаг к своему осуществле-

нию. Еще раз пришлось побывать в «коллегии комиссариата». Тов. Покровский очень милостиво докладывал о деле нашего Музея; в заседании были Познер, Артемьев и какие-то 2 типа рабочего вида, говорят, влиятельные члены сего учреждения. Меня очень заинтересовал Артемьев. Вид человека из общества, бледное лицо, желчный и неприятный вид; чувствуется или обиженное самолюбие или неудовлетворенное честолюбие. Во время разговора маленькая подробность: заговорили о сверхсметных кредитах; Покровский, смеясь, заявил, что у комиссариата средств на них нет, за исключением ассигнованных на Пермский Университет, который занят «чехо-словаками». Слухи все те же; внимание обращается на Поволжье. Мы все еще не можем переехать на музейскую квартиру, потому что нет лошади, на которой мы могли бы перевезти громоздкие вещи.

10/23 марта. Все эти дни мы переезжали и вот уже третий вечер живем Моховая 3, квартира 9, совместно с профессором М. А. Мензбиром. Устраиваемся мы прилично, во всяком случае лучше, чем мы были последнее время на старой квартире. Перенесение совершалось до сих пор только на руках, т. к. при всем желании не можем достать ни одной подводки — ни через «гужевой транспорт» (так называется большевистский «центроломовой»), ни вольным образом. Это также проявление и знамение времени.

Переезд повлек за собой переборку всех книг; это я делал с удовольствием, и во мне опять стало просыпаться желание собирать книги; надеюсь, что завтра довезут сюда все остальные книги, и моя подручная библиотека, насчитывающая томов около 3000, уставится в скромном уголке, ей отведенном. Хуже всего дело обстоит с роялью; боимся, что ее испортят при перевозке, т. к. опытных людей нет, а неопытные не умеют, как взяться. Вот еще одно последствие большевизма, нами пережитое: с любовью создавшееся гнездо разрушили, и, Бог весть, где и когда нам придется создать его вновь. Живем на биваках, как, впрочем, это теперь и нужно. А все-таки грустно. Пока неприятностей от житья в Музее нет, кроме холода, который наступил здесь после нашего приезда, оттого, что вышли все дрова; говорят, что дрова будут, но, наверно, будут и неприятности от здешнего житья. На общем горизонте продолжают мелькать какие-то надежды. Суждено ли им сбыться на этот раз?

11/24 марта. Думали, что закончим сегодня свой переезд, но, увы, подводки надули, и все остается по-старому; вечером я перетащил часы, завернутые в столовую скатерть, да еще привезли общими усилиями кухонные предметы. Разговоры все те же. Шестая или седьмая волна надежд еще не успокоилась, так же как и движение с востока; на юге, однако, поле остается за большевиками, которые даже начинают лезть на Крым⁷⁴.

13/26 марта. Нас переизбрали в Университет по всероссийскому конкурсу; я получил 4 избирательных и 2 [не]избирательных и таким образом вторично как бы попал в Университет. Какая это все глупая комедия. Нужно, однако, сказать правду, что наша молодежь вела себя удивительно тактично и мило и вполне доказала свою солидарность с нами. Характерно, что Сакулин получил 9 черняков, за свое подслуживание большевикам, конечно. Новостей нет; настроение то же; все еще ждем подвод, чтобы перевезти остальное свое добро.

17/30 марта. Перерыв в записи произошел вследствие того, что мы продолжаем устраиваться в новом помещении; у меня не было угла и не было чернил. За эти дни перемен не произошло; война большевиков с меньшевиками приобрела опять характер шахматных ходов; отношение союзников остается опять-таки столь же смутным, неопределенным, как и раньше. Однако, большевики надеются на какие-то улучшения.

Вчера я был принят тов. Покровским по вопросу о заграничной поездке от Музея. Он был милостив и даже любезен; заявил, что наше предприятие желательно и не так неосуществимо, как это думают; при этом было добавлено, что, может быть, «наши отношения с Антантой наладятся скорее, чем можно было надеяться и что, может быть, embargo, которому мы подвергаемся по внушению из Вашингтона, будет с нас снято». Это стоит в связи со слухами, которые носились уже несколько дней, что идут будто бы переговоры между союзниками и большевиками⁷⁵. Быть может, они и идут, но вряд ли до чего-нибудь доведут. Свиданием моим с Покровским я остался доволен: он сочувственно отнесся к самой идее экспедиции за границу, а его несочувствие могло бы создать много препятствий; теперь дело вступает в стадию организации; она очень нелегка, но, быть может, Бог даст, доведет до чего-нибудь положительного.

На днях мне рассказывали, что в Салт[ыковском] пер[еулке] существует новый усовершенствованный дом свиданий, куда специально приезжают члены В.Ч.К.; право входа туда стоит 500 рублей; там ежедневно происходят оргии. Таково специфическое соединение разврата и бандитизма с тупым доктринерством, представителями которого являются Ленин, Покровский и подобные им. «Анархия, поддержанная террором», сказал про Совдепию на днях Richon, и тупой доктриной, добавил бы я. А страна гибнет и будет гибнуть далее, потому

что одни не умеют извлечь ее из пропасти, а другим выгодно оставлять Россию в дыре. Мука достигает 1500 рублей за пуд; вот он, тот настоящий неприкровенный голод, который нам приходится переживать. Все заботы направлены только на то, чтобы не умереть с голода; пока все как-то с этим справляются, но с каждым днем это становится все труднее.

(Продолжение следует)

Примечания

1. «Газета печатников» — орган Московского союза печатников, выходила с декабря 1918 по 10 марта 1919 года. Руководство союза было меньшевистским до конца мая (или начала июня) 1920 г., когда помещение его было занято вооруженным отрядом чекистов, а члены правления арестованы (см. Гарви П. А. Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917—1921). Нью-Йорк. 1958). Меньшевиками в обиходе продолжали называть членов социал-демократических группировок, генетически связанных с меньшевистской фракцией РСДРП; большинство из них с августа 1917 г. входило в Объединенную РСДРП (с 20 мая 1918 г. просто РСДРП).
2. Л. В. Собинов жил в это время в Киеве. Возможно, что Готье был знаком с ним со студенческих времен — оба учились в Московском Университете (Собинов — на юридическом факультете и курсом старше). 14 декабря 1918 г. Киев был занят войсками Директории (в ее и правительства восстановленной УНР состав входили главным образом представители украинских социалистических партий). Жалобы на произвол и самоуправство петлюровцев и на сходство их в этом отношении с большевиками можно найти во многих воспоминаниях лиц, живших на Украине.
3. *Pichon Stéphen Jean-Marie* (Пишон Стефан Жан-Мари, 1857—1933) — французский политический деятель и дипломат, в 1906—1911, 1913 и 1917—1920 гг. министр иностранных дел. Пермь была взята Сибирской армией 23—24 декабря 1918 г. без участия французских войск. Командующим Сибирской армией был с 5 сентября генерал-майор П. П. Иванов-Ринов, формально главнокомандующим «белыми» армиями являлся (с 18 ноября) адмирал А. В. Колчак.
4. По-видимому, это распоряжение (Наркомпроса?) было связано с перевыборами профессоров, которые намечалось провести до 1 января, но в действительности они состоялись позже.
5. На Миусской площади находился университет Шанявского.
6. Трудовая повинность, постепенно введенная несколькими постановлениями ВЦИК и СНК в течение 1918 г., теоретически распространялась на всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет. Фактически применялась главным образом в отношении крестьян, а в городах — «нетрудовых элементов», к которым могла быть отнесена и жена профессора, имевшая малолетнего сына. Для Н. Н. Готье, страдавшей диабетом, работа по очистке улиц от снега была не только тяжелой, но и опасной для жизни.
7. Одесса, находившаяся до этого под властью правительства гетмана Скоропадского, в ноябре 1918 г. была занята петлюровцами. 26—28 ноября город был взят добровольческим отрядом генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова (бывшего до 4 сентября командующим Сибирской армией), который действовал от имени Добровольческой армии; отряду содействовали высадившиеся в одесском порту французские войска. Лозунг Добровольческой армии гласил: «Единая, Великая, Неделимая Россия», она выступала под трехцветным российским флагом, сменившим в Одессе желто-голубой, принятый сторонниками независимой Украины.
8. «Вечер Москвы» — одно из названий (среди них и «Утро Москвы») еженедельной газеты, издававшейся в 1918—1919 гг. Московским профсоюзом рабочих печатного дела «с целью оказания помощи безработным печатникам». РСДРП отрицательно относилась к вооруженной борьбе с большевистской диктатурой. Ее лидер Ю. О. Мартов считал, что большевики пользуются поддержкой большинства пролетариата, а применение силы по отношению к пролетариату недопустимо, даже если он введен в заблуждение и действует во вред себе и всему обществу.
9. *Александровский институт* — женский институт ведомства учреждений императрицы Марии; основанный в 1891 г., он был закрыт вскоре после Октябрьской революции.
10. *Граф П. С. Шереметев* (1871—?) — владелец одной из богатейших в России частных библиотек (около 40 тыс. томов). Составлялась предками графа с конца XVIII или начала XIX в. и состояла из систематически подобранной литературы, главным образом по истории и искусству. Библиотека находилась в Михайловском, имении графов Шереметевых в Подольском уезде Московской губернии. 26 ноября 1918 г. был опубликован (или принят?) декрет СНК за подписью Ленина «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», по которому реквизиция осуществлялась с ведома и согласия Наркомпроса. Этот и последующие декреты СНК, инструкции ВЧК и Наркомпроса установили порядок, согласно которому книги, представляющие научную ценность, должны

были передаваться в крупные государственные книгохранилища, в том числе в Румянцевский музей. Говоря о спасении библиотеки, Готье, вероятно, имеет в виду, что помещицьи усадьбы обычно подвергались разгрому и библиотека могла погибнуть; да и в результате реквизиции книги могли попасть в «государственный книжный фонд» и (в лучшем случае) разойтись по мелким библиотекам.

11. 11 ноября 1918 г. в Ревеле было образовано правительство Эстонской республики во главе с К. Пятсом (1874—1956), в которое вошли представители главных эстонских партий. 29 ноября части Красной Армии (в том числе эстонские) заняли Нарву, и в тот же день приехавшие в Нарву из Петрограда эстонские коммунисты объявили о создании «Эстляндской трудовой коммуны». 7 декабря декретом СНК (даже не ЦИК!) за подписью Ленина она была «признана независимой» под именем Эстонской советской республики. Красная Армия продолжала занимать Эстонию. В этой обстановке на помощь эстонским правительственным войскам пришли добровольцы из Финляндии, прибывшие в Ревель 31 декабря. Именно это Готье имеет в виду, говоря (вслед за доступными ему газетами) об «объявлении войны Финляндией Эстонии» (см. Rauch G. von. *Geschichte der baltischen Staaten*. Stuttgart — Brl. 1970).
12. Наибольшим политическим влиянием среди высшего командования Добровольческой армии, а равно и в игравшем роль правительства Особом совещании при командующем армией (с 8 января 1919 г. главнокомандующем Вооруженными силами Юга России) генерале Деникине пользовалась партия кадетов, в которой с лета 1917 г. преобладали республиканские взгляды. Немало было в армии и на занятых ею территориях и монархистов, но крайне правые (черносотенные), как и крайне левые (большевистские, левозсеровские и анархистские) тенденции подавлялись; например, ростовский градоначальник закрыл погромную антисемитскую газету «На Москву!». В общем, цензура была довольно либеральной: в Харькове во время пребывания его под деникинской властью выходила левосоциал-демократическая газета «Жизнь» бывших петроградских «новожизненцев» во главе с В. А. Базаровым.
13. *Е. А. Готье* — тетка автора.
14. См. приложение 6.
15. *Раскольников (Ильин) Федор Федорович* (1892—1939) — большевик с 1910 г., журналист; учился на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института и в особых гардемаринских классах. В 1917 г. руководитель большевистской организации в Кронштадте, товарищ председателя Кронштадтского Совета, принимал участие в июльском выступлении, был арестован, но 13 октября освобожден, участвовал в организации Октябрьского восстания в Петрограде. В 1917—1918 гг. комиссар Главного морского штаба, заместитель наркома по морским делам, член РВС РСФСР. 27 декабря 1918 г., руководя морской разведкой у Ревеля (где с 12 декабря стояла британская эскадра), попал в плен к англичанам, содержался в Брикстонской тюрьме в Лондоне; 27 марта 1919 г. был обменен на британских офицеров. Затем командовал Волжско-Каспийской флотилией и Балтийским флотом, был редактором журналов «Молодая гвардия» и «Красная новь», в 1921—1923, 1930—1938 гг. — полпред (посланник) в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В 1938 г. стал невозвращенцем, опубликовал открытое письмо Сталину с разоблачением его преступлений, был объявлен «врагом народа». Умер в сентябре 1939 г. во Франции. *Жена Раскольниковы* — Рейснер Лариса Михайловна (1895—1926), дочь юриста М. А. Рейснера, литературный и политический деятель, с 1918 г. член большевистской партии. В 1918—1920 гг. принимала участие в боевых действиях на Восточном фронте, была политическим комиссаром. В октябре 1923 г. вместе с К. Радеком и другими представителями Коминтерна находилась в Германии для участия в руководстве попыткой немецких коммунистов захватить там власть.
16. Лидеры Коммунистической партии Германии К. Либкнехт (1871—1919) и Р. Люксембург (1871—1919) были убиты 15 января.
17. Гадов (*фр.*)
18. Общество истории и древностей российских (ОИДР), основанное в 1804 г., до описываемого времени было очень деятельным, внесло огромный вклад в развитие исторической науки. В дальнейшем влачилось жалкое существование (в частности, перестали выходить его «Чтения»), а в 1929 г. было закрыто. *Глазов Владимир Гаврилович* (1848—1916?), генерал от инфантерии, сочетал штабную, военно-ученую и военно-учебную деятельность с организаторской в области гражданской науки и народного образования; 17 августа 1904 г. — октябрь 1905 г. министр просвещения. Любавский в 1907—1918 гг. был редактором «Чтений» ОИДР, с 1913(?) — временным председателем Общества.
19. 13 января в Архангельск прибыл из-за границы (с сентября 1917 г. он был российским представителем при итальянском главном командовании) генерал-лейтенант Е. К. Миллер (1867—1937?), вошедший во Временное правительство Северной области в качестве военного министра и назначенный генерал-губернатором области. Вскоре, по отъезде Н. В. Чайковского в Париж для участия в Русском политическом совещании, он стал ведать и иностранными делами. Серьезных военных действий на севере в это время не было (см. Добровольский С. В кн.: *Архив русской революции*. Т. 3. Берлин. 1921).

20. В течение января — февраля 1919 г. эстонская армия (командующий подполковник И. Лайдонер (1884—1953) с участием финских, датских и шведских добровольцев вытеснила Красную Армию с территории Эстонии. Нарва была взята 19 января.
21. То есть годовщину «кровавого воскресенья», 9 января 1905 года. О Гапоне см.: Sablinsky W. *The Road to Bloody Sunday*. Princeton. 1976.
22. Готье пришлось пересечь почти весь Белый город.
23. *Сокольники* — в описываемое время — окраина Москвы. Рассказ, передаваемый Готье, подтверждает Н. К. Крупская (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. М. 1957, с. 399). Ограбление, по-видимому, произошло в сочельник, 24 декабря 1918/6 января 1919 года.
24. Если и не правда (*итал.*).
25. Храм Большого Вознесения у Никитских ворот.
26. *Гулевич Владимир Сергеевич* (1867—1933) — биохимик, с 1901 г. профессор Медицинского факультета Московского университета, с 1929 г. действительный член Академии наук СССР.
27. Красноречивое молчание (*лат.*).
28. По всей вероятности, Савин имел в виду университетскую церковь, расположенную на углу Охотного ряда и Б. Никитской ул., у бывшего нового здания университета.
29. То есть из Бутырской тюрьмы.
30. *Принцессы острова* — группа небольших островов в Мраморном море, на которых расположены морские курорты; принадлежат Турции, в описываемое время были под военным контролем держав Антанты. Обращение было оглашено на Парижской мирной конференции 21 января президентом США Вильсоном. Это действительно была попытка «что-либо сделать с Россией» (одна из пяти таких попыток в ходе конференции). Выбор Принцессы острова объяснялся тем, что, во-первых, при поездке туда морем большевикам не нужно было бы проезжать через какие-то другие страны (большинство европейских держав не признавало Советское правительство законным правительством России), во-вторых, председатель Совета министров Франции Клемансо не хотел пускать большевиков в Париж. Советское правительство ответило (4 февраля) уклончиво, антибольшевистские правительства отказались садиться за один стол с большевиками, и конференция не состоялась (см. Kennan G. *Russia and the West Under Lenin and Stalin*. N. Y. 1961, pp. 121—125).
31. *Рейхстаг* — традиционное (со времен средневековой Священной Римской империи) название центрального представительного органа германского государства. Готье называет учредительным рейхстагом учредительное Национальное собрание, избранное 19 января 1919 года. Созванное в Веймаре, оно учредило республиканский образ правления, выбрало президента и правительство и приняло конституцию, часто называемую (как и сама республика 1919—1933 гг.) веймарской. *Спартакосцы* — леворадикальная социал-демократическая организация «Союз Спартака», за три недели до выборов преобразованная в Коммунистическую партию Германии. *Независимые* — Независимая социал-демократическая партия Германии, «центристское», в основном пацифистское меньшинство во главе с К. Каутским и другими марксистами, отколовшееся от Социал-демократической партии в апреле 1917 г. и до 1922 г. бывшее самостоятельной партией. *Шейдемановцами*, по имени одного из лидеров, Готье называет патриотическое большинство германских социал-демократов, оставшееся в Социал-демократической партии после откола «независимых». Шейдеман Ф. (1865—1939) стал первым канцлером (главой правительства) Веймарской республики (8 февраля — 20 июня 1919 г.); ушел с этого поста, поскольку был против подписания Версальского мирного договора. Интересно (главным образом для характеристики КДП), замечание Готье, что шейдемановцы «в сущности, не левее наших кадетов».
32. У Девичьего Поля, в д. 1 по Малой Царицынской ул. помещались Московские высшие женские курсы.
33. *Бердяев Николай Александрович* (1874—1948) — философ и публицист, видный деятель русского религиозного возрождения и «веховского» движения, один из создателей христианского экзистенциализма и персонализма. В 1918 г. — участник сборника «Из глубины». С 1918 г. — вице-председатель образованного тогда же Всероссийского союза писателей. 1918—1922 гг. — организатор и руководитель Вольной академии духовной культуры (о ней см.: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин. 1923), которую после высылки возродил в Берлине (см. Williams C. *Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881—1941*, Ithaca and Lnd. 1972). С 1917 г. был членом антибольшевистского Совета общественных деятелей (в описываемое время подпольного); в Совете преобладали сторонники конституционной монархии, среди которых Бердяев «был идеологом» (см. Красная книга ВЧК. Т. 2. М. 1989).
34. *Артемьев Д. Н.* — профессор минералогии. После переезда Советского правительства в Москву занимал руководящие должности в Наркомпросе: член Государственной комиссии по просвещению, в мае—июне 1918 г. — заведующий Отделом профессионально-технического образования, с июня — член коллегии Отдела единой трудовой школы (в который, по его настоянию, был влит Отдел про-

- фессионально-технического образования), член коллегии, затем заведующий Научным отделом, с осени — член коллегии Отдела высших учебных заведений. С 20 августа 1918 г. также член коллегии Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства.
35. С 5 июля 1918 г. В. Я. Брюсов был заведующим Московским отделением Библиотечного отдела Наркомпроса, вскоре превращенного в самостоятельный Московский библиотечный отдел.
36. Ну и безалаберщина! (фр.).
37. «Сессия» была организована Наркомпросом во исполнение решений СНК от 7 июня 1918 и 14 января 1919 г.; в последнем комиссариате поручалось немедленно принять самые энергичные меры для централизации и улучшения библиотечного дела. Готье выступил на сессии с двумя докладами: «План устройства органов Румянцевского музея» и «Об отношении государственных библиотек к плану библиотечной сети».
38. *Браудо Александр Исаевич* (1864—1940) — историк и библиограф. Заведующий отделом «Rossica» Императорской (с 1917 г. Государственной) публичной библиотеки в Петрограде. *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф и общественный деятель. В 1897—1899 гг. и с 1906 г. приват-доцент Петербургского университета; с 1910 г. также профессор учебных курсов Психоневрологического института (ПНИ) (в 1916 г. преобразованных в Частный университет при ПНИ, который в 1918 г. преобразован во Второй Петроградский государственный университет); в 1912—1916 гг. — Петербургских высших женских курсов. С 1905 г. (?) секретарь Союза российских писателей; в 1916—1919 гг. председатель Литературного фонда. С апреля 1917 г. первый директор созданной по его инициативе Российской книжной палаты.
39. *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед и искусствовед, организатор науки и общественно-политический деятель. С 1904 г. до 10 октября 1929 г. непреременный секретарь Академии наук. Деятельный участник либерально-демократического движения, с мая 1917 г. член ЦК КДП. 24 июля — 1 сентября 1917 г. — министр просвещения, затем член Временного совета республики и товарищ председателя его комиссии по национальным делам. После Октябрьской революции старался спасти библиотеки ликвидируемых учреждений и конфискуемые частные. В описываемое время — член Постоянной библиотечной комиссии Академии наук и редакционной коллегии Восточного отдела издательства «Всемирная литература». *Дьяконов Михаил Александрович* (1855—1919) — историк русского права, с 1912 г. действительный член Академии наук. С 1917 г. директор Второго (иностранного) отдела библиотеки АН (до 1920 г. единой администрации библиотеки не было). Вряд ли болезнь неприехавших академиков была дипломатической. Они не были сторонниками бойкота советских учреждений (в частности, в 1919 г. оба были избраны общим собранием АН в состав библиотечной коллегии Центрального комитета государственных библиотек Северной области). Ольденбург (лично знакомый с Лениным с 1891 г.), озабоченный судьбой Академии наук и других учреждений и деятелей культуры, стремился до некоторой степени сотрудничать с новой властью. Этой его позицией и неустанными хлопотами объясняли сравнительную сохранность Академии (до 1928—1929 г.), но его поведение вызывало и нарекания в излишней угодливости. Был арестован 4 сентября 1919 г., но вскоре освобожден (см. сборники: «Память». Вып. 1, 3—5. М. — Нью-Йорк — Париж. 1978—1982; «Минувшее». Вып. 1, 7. Париж. 1986, 1989).
40. *Мстиславский-Масловский Сергей Дмитриевич* (1876—1943) — полковник, до Февральской революции библиотечный сотрудник Николаевской военной академии (так с 1909 г. называлась Академия Генерального штаба); с 1904 г. член ПСР, входил в ее военную организацию. В первые дни Февральской революции в качестве главы военной комиссии Петроградского Совета пытался подчинить ему воинские части, находившиеся в столице. После II съезда Советов — член ВЦИК, 12 декабря 1917 г. — 22 января 1918 г. — член Президиума ВЦИК. 20 ноября — 2 декабря 1917 г. — член делегации Иоффе, подписавшей перемирие. С начала декабря член ЦК ПЛСР, вышел из него после ареста в связи с выступлением левых эсеров в июле 1918 года. Участвовал в гражданской войне, был членом ЦК партии украинских коммунистов (боротьбистов). С 1921 г. формально беспартийный литератор, принимал деятельное участие в большевистской пропаганде (см. его воспоминания: Мстиславский С. Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин-Пг.-М. 1922; а также «Книжное обозрение», 1990, № 35, где о нем приводятся некоторые новые сведения). *Кудрявцев Алексей Павлович* — журналист. В 1906 г. выпустил брошюру об О. Бланки и его последователях. В 1912 г., по данным парижского архива Департамента полиции, член ПСР, жил в Париже. После раскола партии в конце 1917 г. член ПЛСР. С весны 1918(?) г. заведующий библиотечным отделом Наркомпроса в Петрограде, входил в упоминавшуюся выше комиссию (с участием М. Н. Покровского и Д. Б. Рязанова) для рассмотрения вопросов организации архивного, музейного и библиотечного дела. *Покровский Алексей Алексеевич* (1875—1954) — архивист, библиограф и археограф. В 1900—1917 гг. сотрудник, затем заведующий архивом Московской синодальной типографии. В 1919—1925 гг. заведующий историко-культурным отделом Единого государственного архивного фонда. Позднее работал в Архиве народного хозяйства, Центральном архивном управлении и ЦГАОР СССР. *Чачина Ольга Ивановна* (?—1919) — больше-

- вичка, старая знакомая Ленина (с 1895 г.) и Крупской (по уфимской ссылке). В 1900—1904 гг. секретарь Нижегородского комитета РСДРП, в декабре 1905 г. участвовала в вооруженном восстании в Сормове. С 1909 г. заведующая библиотекой им. Гоголя в Москве. В 1918 г. секретарь коллегии Московского отдела народного образования, затем заведующая библиотечным подотделом Внешкольного отдела Наркомпроса.
41. Вероятно, инициатива расширения штатов библиотеки исходила от Наркомпроса; 3 мая СНК принял постановление об «отпуске» комиссариату «сверхсметного кредита» на эти цели.
  42. *Раковский Христиан Георгиевич* (Станчев Христо Георгиев, 1873—1941) — болгарский и российский революционный деятель, социал-демократ. По образованию врач, некоторое время учился также на юридическом факультете в Париже. Будучи очень состоятельным человеком, субсидировал своих единомышленников в разных странах, в том числе Ленина. С конца 1917 г. — член РСДРП(б), в 1919—1927 гг. — член ее ЦК. В течение 1918 г. исполнял различные поручения революционного и дипломатического характера на Украине и в Германии. С января 1919 г. председатель СНК и нарком иностранных дел Украинской ССР. В апреле—мае 1922 г. член советской делегации на Генуэзской конференции. В 1923—1925 гг. полпред СССР в Великобритании, в 1925—1927 гг. — во Франции. В 1927 г. исключен из партии, в 1935 г. восстановлен. Работал председателем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. В 1938 г. по «бухаринскому» делу приговорен к 20 годам заключения, но 11 сентября 1941 г. расстрелян (см. Энциклопедический словарь Гранат; Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М. 1991, с. 236).
  43. *Георгий Михайлович*, великий князь (1863—1919) — внук Николая I, нумизмат, коллекционер и музейный деятель; автор трудов по русской нумизматике XVIII и XIX вв., обладатель одного из лучших собраний русских монет; управляющий Русским музеем в Петербурге. *Николай Михайлович*, великий князь (1859—1919) — брат предыдущего, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., завершил военную карьеру в 1903 г. начальником дивизии. Историк и источниковед, ввел в научный оборот большое число источников (по истории царствования Александра I, истории русского портрета, русским некрополям в России и в Париже). В 1909—1917 гг. председатель Русского исторического общества; был также председателем Русского географического общества. *Дмитрий Константинович*, великий князь (1860—1919) — внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1897—1905 гг. — главноуправляющий государственным коннозаводством. *Павел Александрович*, великий князь (1860—1917) — младший сын Александра II; генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в 1898—1902 и 1916—1919 гг. командир гвардейского корпуса. 1 марта 1917 г. с согласия других великих князей, бывших в то время в столице, составил проект манифеста от имени Николая II с обещанием ответственного министерства (проект был показан Милюкову, который не нашел нужным его использовать). Его сын Дмитрий (1891—1942) участвовал в убийстве Распутина (см. воспоминания дочери Павла Александровича: Marie, Grand Duchess of Russia. A Memoir. N. Y. 1931). Великие князья были расстреляны 27 января в Петропавловской крепости. Официальным основанием казни было то, что они были заложниками за Розу Люксембург и Карла Либкнехта.
  44. Киев, находившийся в руках Директории, был взят 5 февраля Первой украинской советской дивизией, входившей в состав войск Украинского фронта (командующий В. А. Антонов-Овсеенко).
  45. Скрещивающихся дорожек (*фр.*).
  46. *Мануильский Дмитрий Захарович* (1883—1959) — профессиональный революционер, по образованию юрист (в 1911 г. окончил Сорбонну). С 1918 г. выполнял различные поручения ЦК РКП(б) революционного и дипломатического характера на Украине. В Париж ехал в качестве главы «миссии Российского общества Красного Креста» (советского). Выбор его на эту роль, возможно, был связан с тем, что в 1918 г. в борьбе с эпидемией сыпного тифа на Украине участвовали представители Международного комитета Красного Креста. Сама же миссия была, вероятно, очередной попыткой вынудить правительства стран-победительниц иметь дело с представителями (хотя бы закамуфлированными) Советского правительства, которое они не считали законным. Российское общество Красного Креста, основанное в 1867 г., (одно из старейших в мире), сотрудничало с Международным комитетом Красного Креста в Женеве. Решениями СНК 4 и 8 января 1918 г. имущество общества было конфисковано, «враждебное революции» Главное управление (избранное членами общества) упразднено и назначен комитет по его реорганизации. 20 ноября на учредительном съезде нового общества (с прежним названием) была избрана центральная коллегия во главе с Я. М. Свердловым (одним из сторонников «красного террора»!). В годы гражданской войны в местностях, не занятых Красной Армией, продолжали действовать окружные и местные управления и местные комитеты старого общества; позднее организации Российского Красного Креста были воссозданы в эмиграции. Советское общество было признано Международным комитетом в октябре 1921 года.
  47. В ноябре 1918 г. в Хельсинки был образован Русский комитет во главе с А. Ф. Треповым. В январе 1919 г. на съезде членов и сторонников комитета в Выборге был избран Национальный русский коми-

- тет под председательством А. В. Карташева и с участием П. Б. Струве, который признал Колчака Верховным правителем России, а руководителем антибольшевистской борьбы на Северо-Западе объявил генерала Юденича. *Трепов Александр Федорович* (1864—1928) — егермейстер, статс-секретарь. С 1889 г. служил в Министерстве внутренних дел, с 1899 г. — в канцелярии Государственного совета; в 1905—1906 гг. участвовал в выработке «Учреждения Государственной думы» 20 февраля 1906 г.; в 1906 г. сенатор; в 1914 г. член Государственного совета по назначению (входил в группу правых). С октября 1915 г. управляющий министерством, с ноября 1915 г. до ноября 1916 г. министр путей сообщения; под его руководством была построена Мурманская железная дорога. 19 ноября — 27 декабря 1916 г. председатель Совета министров (ушел после убийства Распутина). Умер во Франции. *Юденич Николай Николаевич* (1862—1933) — генерал от инфантерии, в марте—апреле 1917 г. — главнокомандующий Кавказским фронтом, затем не у дел до конца сентября, когда по поручению Временного правительства провел совещание представителей казачьих войск для выяснения причин их недовольства. В августе 1917 г. участвовал в Московском совещании общественных деятелей и в Государственном совещании. В 1919 г. главнокомандующий Северо-Западной армией. С 1920 г. в эмиграции.
48. *Замысловский Егор Егорович* (1841—1896) — историк, профессор Петербургского университета и других учебных заведений столицы, специалист по истории Московского государства XVII века. Был учителем будущего императора Николая II по русской истории. Составил «Учебный атлас по русской истории» с объяснительным текстом, выдержавший три издания (1865—1887). Слова Готье об атласе, возможно, носят иронический характер.
49. Уфа, занятая Красной Армией (командующий Восточным фронтом полковник С. С. Каменев) 31 декабря 1918 г., была 13 февраля взята Сибирской армией (1 января — 10 июля 1919 г. командующий генерал-майор Р. Гайда).
50. Постановление Наркомпроса о закрытии юридического факультета и организации факультета общественных наук было принято (или обнародовано?) 28 декабря 1918 г.; после этого несколько кафедр юридического факультета было присоединено к историческому отделению историко-филологического факультета. 3 марта 1919 г. коллегия Наркомпроса утвердила образование факультета общественных наук в составе нескольких кафедр бывшего юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета.
51. Судя по воспоминаниям Луначарского и Крупской, Ленин проявлял этот интерес чуть ли не с первых дней после Октября; в последующие месяцы он неоднократно возвращался к этой теме. В частности, 7 июня 1918 г. написал проект (по-видимому, тут же принятый без изменений) постановления СНК «О постановке библиотечного дела», в котором Наркомпросу предлагалось «два раза в месяц давать отчет в СНК о том, что практически сделано им в этой области» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 422). 30 января 1919 г. он написал проект нового постановления, тоже принятого без изменений и опубликованного в «Известиях ВЦИК» 1 февраля (см. там же, т. 37, с. 470).
52. Эти воспоминания Богословского, по-видимому, не опубликованы; по крайней мере, их нет ни в его книге «Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие)» (М. 1987), ни в сб. «Московский университет в воспоминаниях современников» (М. 1989). Возможно, рукопись сохранилась в бумагах Богословского, находящихся в Историческом музее. Не ее ли цитирует Л. В. Черепнин? (См. Исторические записки. т. 93; Черепнин Л. В. Отечественные историки. М. 1984).
53. *Бороздин Илья Николаевич* (1883—1959) — историк-медиевист; окончил историко-филологический факультет Московского университета, ученик Виноградова. В описываемое время, вероятно, доцент Московского университета; позднее, кажется, преподавал в Казанском университете (20-е годы), Ашхабадском педагогическом институте (40-е), в 50-е годы в Воронежском университете.
54. Подобные планы, называвшиеся соединением обучения с производительным трудом, были отчасти осуществлены в ходе многочисленных перестроек школьного образования в течение 20-х — начала 30-х годов.
55. «Военный контроль» — название военной контрразведки в Красной Армии с 18 мая 1918 г. по 1 января 1919 г., когда на основании решения Бюро ЦК РКП(б) от 19 декабря 1918 г. эта организация (до того подчиненная Полевому штабу Красной Армии) была объединена с фронтовыми отделами ЧК в Особый отдел ВЧК. Положение об особых отделах было утверждено ВЦИК 6 февраля. Начальником Особого отдела в январе—августе 1919 г. был М. С. Кедров (1878—1941, расстрелян), с марта также член коллегии ВЧК, с мая особоуполномоченный ВЧК на Северном фронте, затем на Южном и Западном. Отдел приобрел известность своей жестокостью (см. Мельгунов С. П. Красный террор в России). Мельгунов, в начале весны 1919 г. привезенный после ареста в Особый отдел, где его допрашивал Кедров, позднее вспоминал: «Дом хорошо знакомый, там в нижнем этаже жил историк Готье» (см. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 2, ч. 3. Париж. 1964). Размещение Особого отдела в доме Петрово-Соловова Мельгунов объяснял близостью его к зданию Александровского военного училища на Знаменке, где находились центральные учреждения Красной Армии.
56. Н. К. Крупская входила в Государственную комиссию по просвещению (до начала 1919 г. высший

- орган новой власти в сфере культуры), в которой часто председательствовала; с апреля 1918 г. — председатель выделившейся из нее Малой государственной комиссии (по аналогии с Малым СНК). После переезда правительства в Москву, когда Луначарский предпочел остаться в Петрограде, до ноября 1918 г. фактически возглавляла Наркомпрос, до мая как заместитель наркома. С июня 1918 г. член образованной тогда коллегии Наркомпроса, в которой представляла внешкольную секцию комиссариата в составе трех отделов, включая Внешкольный отдел, которым она заведовала (биографию Крупской см.: McNeel R. H. *Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin*. Ann Arbor. 1972).
57. *Познер Виктор Маркович* (1877—1957) — философ и педагог, один из теоретиков единой трудовой школы. С 1899 г. социал-демократ, в 1904—1905 гг. и после Февральской революции большевик; в Октябрьские дни участвовал в захвате Министерства просвещения и канцелярии попечителя Петроградского учебного округа. С 1 ноября 1917 г. заведующий школьным отделом Наркомпроса, с 9 ноября — член Государственной комиссии по просвещению, с апреля 1918 г. — секретарь Малой госкомиссии, с июня — член коллегии Наркомпроса, где представлял школьную секцию. С 27 июня 1918 по ноябрь 1919 г. заведующий Отделом единой трудовой школы (руководил подготовкой и проведением в жизнь мероприятий по разрушению сложившейся к 1917 г. системы школьного образования).
- Шапиро Лев Григорьевич* (1887/88 — 1957) — экономист и публицист; социал-демократ, в 1903 — 1909 гг. член Бунда; в 1917 г. меньшевик (был близок к большевикам); в 1918 г. большевик. Член Государственной комиссии, затем коллегии Наркомпроса. С 15 января 1918 г. заведовал Отделом привлечения научных сил на службу крестьянской и рабочей России (или «мобилизации науки»), с апреля член коллегии Научного отдела. Один из инициаторов проекта реорганизации Академии наук (фактически ее ликвидации путем растворения в некоей Ассоциации наук прикладного характера); проект не прошел благодаря сопротивлению Луначарского и Ленина (превращение Академии в орган, работающий по заданиям партии и правительства, произошло в конце 20-х годов). 22 мая 1918 г. вошел в комиссию по организации архивного, музейного и библиотечного дела. «Маркс» — Маркус В. А. — управляющий делами Наркомпроса.
58. Вдогонку постановлению СНК от 30 января Ленин от себя отправил в Наркомпрос письмо с «дополнительными соображениями» (содержание которого суммирует Готье) и с просьбой сообщить ему «свое заключение по этому поводу». Не представившим отчеты заведующим библиотеками Ленин грозил преданием суду, а библиотечные отделы Наркомпроса обязывал ежемесячно представлять сводные отчеты в СНК (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 474—477). Запись Готье дает возможность уточнить датировку ленинского письма: самое позднее — 19 февраля.
59. *Темкин М. Б.* — заведующий школьно-инструкторским подотделом Наркомпроса. *Центропечать* — Центральный книжный комитет, распорядительный орган, стоящий над издательствами, вопрос о создании которого рассматривался с октября 1918 года. 5 февраля ЦК РКП (б) постановил: «Книгоиздательское дело концентрируется при Комиссариате народного просвещения, но члены коллегии этого отдела должны до утверждения их в коллегии Народного комиссариата быть санкционированы ЦК партии» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 147). Дело закончилось постановлением ВЦИК 20 мая 1919 г. о создании Государственного издательства, во главе которого был поставлен В. В. Воровский, введенный в коллегию Наркомпроса (см. Динерштейн Е. А. Начало советского книгоиздания. — Книга: исследования и материалы. Вып. XV. М. 1967; его же. Положившие первый камень. Госиздат и его руководители М. 1972).
60. *Волынский Артемий Петрович* (1689—1740) — государственный деятель, сторонник введения сословно-представительных учреждений при сохранении самодержавия. «Дело Волынского», о котором пишет Готье, — дело по обвинению его в измене. Результатом изучения этого дела была статья Готье «„Проект о поправлении государственных дел“ А. П. Волынского» (Дела и дни. Исторический журнал. 1922, кн. 3).
61. *Борзов Александр Александрович* (1874—1939) — географ, с 1918 г. профессор Московского университета, преподавал также в Межевом институте. Долголетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея; в описываемое время — заведующий справочным бюро библиотеки (до 1926 г.) и член ученой коллегии Музея; впоследствии главный библиотекарь. *Филиппов Александр Никитич* (1852/53—1927) — профессор государственного права (с 1892 г.) и ректор Юрьевского университета, профессор истории русского права Московского университета. Опубликовал, в частности, «Бумаги кабинета министров имп. Анны Иоанновны». Тт. 1—12. В описываемое время принимал участие в работе Главного архивного управления, читал лекции на московских курсах по подготовке архивных специалистов.
62. Генерал Краснов, бывший с мая 1918 г. Донским атаманом, с образованием 8 января 1919 г. Вооруженных сил Юга России признал главенство над собой генерала Деникина как главнокомандующего, но 19 февраля ушел в отставку и уехал в Германию. Небольшой передовой французский отряд был расположен на узловой железнодорожной станции Колосовка к северу от Одессы и к югу от Вознесенска. Столкновение произошло при попытке французов занять Вознесенск. Оказалось, что город, где

до этого были петлюровцы, занят большевиками, которые обстреляли французский поезд; французы ответили огнем, но вернулись в Колосовку (см. Майбородав В. С французами. В кн.: Архив русской революции. Т. 16. Берлин. 1925).

63. *Новосельский Алексей Андреевич* (1891—1967) — историк, ученик А. И. Яковлева. В той степени, в какой это позволяли внешние условия, он оправдал надежду Готье (см. о нем сборник, посвященный его памяти: *Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв.* М. 1975; статья Л. В. Черепнина «Памяти А. А. Новосельского» перепечатана в его посмертной книге «Отечественные историки XVIII—XX вв.» М. 1984).
64. *Сторожев Василий Николаевич* (1866—1924) — историк и археограф. Окончил Московский университет, где слушал лекции Ключевского, принимал участие в их издании. В 1888—1895(96?) служил в Московском архиве Министерства юстиции, позже преподавал в частном коммерческом училище К. К. Мазинга. Издал много источников, главным образом по социально-экономической и административной истории Московской Руси XVI и XVII веков. Печатался в периодических изданиях леволиберального направления. Много лет был секретарем финансовой комиссии Московской городской думы (хотя симпатией в думских кругах не пользовался). Едва ли был коммунистом в смысле членства в партии, но как историк издавна сотрудничал с Покровским; в 1917 г. после летних выборов в Московскую городскую думу входил в большевистскую фракцию. С весны или начала лета 1918 г. заведовал финансовым отделом Наркомпроса; в июне был одним из представителей комиссариата на чрезвычайном совещании по профессионально-техническому образованию. В упоминаемой в тексте комиссии также был одним из представителей советской власти; вскоре стал членом факультета общественных наук.
65. *Петрушевский Дмитрий Моисеевич* (1863—1942) — историк-медиевист, в 1906—1911 и с 1917 г. профессор Московского университета. На совещании по реформе высшей школы в июле 1918 г., по-видимому, занимал до некоторой степени соглашательскую позицию. В 1921 г. был назначен директором созданного тогда Института истории при факультете общественных наук и оставался в этой должности после реорганизаций 1925 и 1926 гг., приведших к включению института в РАНИОН, независимую от университета. *Виппер Роберт Юрьевич* (1859—1954) — историк, ученик Герье, с 1897 г. преподавал в Московском университете (с 1899 г. — профессор). Многие его взгляды воспринимались как близкие марксистским; Н. М. Дружинин пишет о его сочувствии «передовым» идеям (Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. М. 1978). К Октябрьскому перевороту и новой власти относился отрицательно. Как видно из дальнейших записей, Готье недолюбливал как Петрушевского, так и Виппера.
66. *Социалистическая академия общественных наук* — идеологическое учреждение, основанное в 1918 г. декретом ВЦИК и ему подчиненное. Делилась на социально-исторический, политико-юридический и художественно-литературный факультеты; при академии был образован Пролетарский университет с теми же факультетами. Лишь немногие члены Соцакадемии и профессора Пролетарского университета были профессорами высших учебных заведений (например, М. А. Рейснер); большинство были доцентами (Н. М. Лукин, В. П. Волгин), преподавателями средних учебных заведений, а то и лицами без законченного высшего образования (Луначарский, Рязанов, Бухарин).
67. 2—6 марта в Москве состоялся учредительный съезд III (Коммунистического) Интернационала. Очевидно, праздник был объявлен в ознаменование этого события, которому руководство РКП(б) придавало большое значение. Целью организации было объединить усилия по подготовке и проведению «мировой пролетарской революции» по образцу Октябрьской в России. Образование Коминтерна, в который вошли коммунистические и несколько левосоциалистических партий, организационно оформило раскол в социалистическом движении и, подчинив иностранные партии Исполкому Коминтерна (председателем которого был «избран» один из ближайших сотрудников Ленина, Г. Е. Зиновьев), фактически подчинило их руководству РКП(б), послушными орудиями которого они вскоре стали.
68. В конце 1918 г., следуя за отводимыми германскими войсками, Красная Армия заняла большую часть Латвии, Литвы и Белоруссии; в тылу армии были провозглашены советские республики (27 февраля 1919 г. образована объединенная Литовско-Белорусская республика). С начала марта войска независимых (антикоммунистических) правительств Латвии и Литвы (заключивших 1 марта союзный договор) перешли в наступление. В то же время польские войска начали наступление на Вильну и Минск.
69. *Стеклов-Нахамкес (Нахамкис) Юрий Михайлович* (1873—1941/1943, погиб в заключении) — профессиональный революционер, журналист (формально с 1916 г. помощник присяжного поверенного). Социал-демократ с начала 1890-х гг., испытал сильное идейное и политическое влияние Рязанова; после II съезда РСДРП оставался вне фракций, но чаще склонялся к большевикам; со времени Октябрьской революции большевик. В дни Февральской революции один из основателей и виднейших руководителей Петроградского Совета, член его Исполкома (ИК) и бюро (или президиума) ИК; главный представитель Совета в переговорах с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. Ему приписывали авторство «Приказа № 1», способствовав-

шего разложению армии. Член Президиума ВЦИК 1—3 созывов (до января 1918 г.), позже оставался членом ВЦИК и ЦИК СССР. Основной составитель текста Конституции РСФСР, принятой V съездом Советов в июле 1918 года. В члены факультета общественных наук предназначался в качестве историка (о нем см.: Энциклопедический словарь Гранат, «Историю второй русской революции» П. Н. Милюкова и «Записки о революции» Н. Н. Суханова (Берлин. 1922—1923).

70. 4 марта Сибирская армия перешла в наступление и 8-го заняла Оханск (уездный город Пермской губ.).
71. 12 марта Сибирская армия заняла Уфу.
72. Инициативной группы (фр.).
73. *Мясные продукты в изобилии* (фр.).
74. 22 марта в составе Украинского фронта Красной Армии (командующий А. В. Антонов-Овсеенко) была создана Группа войск крымского направления, которая 24 марта начала наступление на Крым.
75. О взаимоотношениях между Советским правительством и державами Антанты см.: Thompson J. M. Russia, Bolchevism, and the Versailles Peace. Princeton. 1966.

Вильбуа.

Рассказы о российском дворе

IV. Короткие рассказы из жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I.

Если когда-либо в истории была жизнь столь необычная и так наполненная событиями, что она заслуживала бы того, чтобы быть рассказанной грядущим поколениям[†], так это жизнь царицы Екатерины, жены царя Петра I², которому она наследовала после его смерти.

Доказательство этого читатели найдут в этих мемуарах, написанных не для того, чтобы быть опубликованными, а только для личного удовлетворения человеком, длительное время находившимся в свите российского двора. Его обязанности требовали, чтобы он точно знал все то, что там происходило, даже самое важное и самое тайное. Обо всем этом он вел нечто вроде дневника, из которого взяты ниже следующие рассказы, на правдивость которых можно положиться, хотя они должны показаться невероятными всякому человеку, который не имеет точного представления о том, что происходило на Севере во время царствования Петра I — государя, единственного в своем роде и необыкновенного как в своих добродетелях, так и в своих недостатках.

Все так необычно, так ново, все так удивительно с самого начала и до самого конца дней Екатерины, что я не удивлюсь, если многие не поверят в точность этих рассказов. Я это им охотно прощаю. И хотя имеются еще тысячи свидетелей тех фактов, которые здесь изложены, я понимаю, что нужно было самому быть очевидцем, чтобы поверить всем этим фактам, как они того заслуживают. Я думаю, что не будет преувеличения сказать, что своими деяниями Екатерина равна (если не превосходит ее) Семирамиде и Тамаре, а в отношении любовных приключений она превосходит невесту короля Гарба, которая, однако, является лишь плодом фантазии, в то время как Екатерина осуществила все это в действительности.

Столь смелые сравнения обещают неслыханный пример капризов и милостей судьбы. Едва ли во всей истории как древней, так и современной, можно было бы найти такой пример, который позволил бы лучше почувствовать, как то непостижимое, которое одни называют судьбой, а другие — провидением, потешается по своей прихоти над правилами людского благоразумия, чтобы из ничего сделать нечто самое великое среди людей и чтобы поднять из ничтожества до вершин славы тех, кого оно захочет облагодетельствовать. Мы увидим здесь бедного

подкидыша, извлеченного из бездны ничтожества и поднятого до вершин почестей такими средствами, которые другим принесли бы лишь презрение.

Будет показано, как вопреки всякому здравому смыслу, вопреки законам страны, законам естественного права она вступит на трон в ущерб правам законных наследников, которым он принадлежал, и будет править чрезвычайно отважными народами, которые до этого никогда не управлялись женщинами. Эти народы были, естественно, обеспокоены, так как они испытывали сильную привязанность к роду своих господ и подлинных государей, потомки которых по прямой линии еще существовали. Наконец, мы увидим как она спокойно умрет неограниченной самодержицей³ огромной империи, грозной для всех государств Севера и Азии.

Но так как эти рассказы являются лишь секретным добавлением к общеизвестным историческим фактам, то, в соответствии с названием этого сочинения, следует ожидать найти не полную историю жизни Екатерины, а лишь отдельные неизвестные факты, опущенные по незнанию или преднамеренно тем, кто опубликовал упомянутые мемуары. К ним могут обратиться все те, кто захочет быть лучше осведомленными. Что касается меня, то я ограничусь тем, что лишь бегло коснусь всех различных этапов жизни, через которые прошла эта государыня, и проследую за ней по скрытым путям, которые привели ее к тому высокому положению, которое она заняла.

Начнем с ее происхождения и ее рождения, которые были абсолютно неизвестными для всех и (если этому захотят поверить) даже для нее самой в течение всей ее жизни и жизни ее мужа. Несмотря на поиски и расследования, которые этот государь проводил в течение свыше 20-ти лет, он не смог получить никаких сведений по этому поводу. И до сих пор это оставалось бы непроницаемой тайной для всех, если бы за три месяца до смерти Петра I и за два года до смерти государыни необычайное приключение, о котором будет рассказано в конце этих анекдотов, не раскрыло бы с полной несомненностью, что ее звали Скавронская, что родилась она в Дерпте в 1686 году⁴ и что крестили ее в том же году в католическом костеле.

К этой религии принадлежали ее отец и мать (крестьяне-беженцы из Польши), которые, несомненно, были крепостными, или рабами, как и все крестьяне в Польше. Оттуда они переехали в Дерпт, маленький городок в Ливонии. Здесь нужда заставила их поступить в услужение, чтобы зарабатывать на жизнь. Они жили поденной работой до того времени, когда из-за чумы, охватившей Ливонию, решили уехать, чтобы избежать этой страшной напасти. Они переселились в окрестности Мариенбурга, где вскоре оба умерли от чумы, несмотря на все предосторожности.

После них осталось на воле божьей двое малолетних детей: мальчик, которому едва исполнилось пять лет, и трехлетняя девочка. Другая их дочь осталась в Дерпте. Мальчик был отдан на воспитание одному крестьянину, а девочка — на попечение кюре, местному священнику. Вскоре этот священник и все члены его семьи умерли, бросив это несчастное создание и не успев оставить никаких сведений ни о ее рождении, ни о том, как они взяли ее к себе.

Когда Его Высокопреосвященство господин Глюк, суперинтендант,⁵ или архипастырь этой провинции, узнал о том бедствии, которое постигло город Мариенбург, он отправился туда, чтобы оказать пастве, оставшейся без пастыря, всяческую помощь и духовное утешение, которые ей были так необходимы в этом бедственном положении. Этот архипастырь начал свою поездку с дома покойного кюре и нашел там несчастную девочку, которая, увидев его, побежала ему навстречу, называя его отцом и прося есть. Она теребила его за платье до тех пор, пока ее не накормили. Тронутый состраданием, он спросил, чей это ребенок, но никто ему не мог сказать это. Он навел справки во всей округе, спрашивал всех, не знает ли кто ее родителей, чтобы отдать ее им. Но, поскольку никто ничего о ней не знал и никто ее не требовал, он был вынужден взять на себя заботу о ребенке. Она сопровождала его в течение всей его поездки, и в конце концов они прибыли в Ригу, основную его резиденцию. Правда, во время чумы и войны, которые наносили большие опустошения, эта резиденция не была столь постоянной, так как он был вынужден часто переезжать из одного места в своем округе в другое, гонимый страхом или по велению своего долга.

Вернувшись в свою главную резиденцию, он отдал своей жене (лютеранские священники могли жениться) эту несчастную девочку, чтобы она о ней позаботи-

лась. И эта добродетельная дама охотно приняла ее и воспитала вместе со своими двумя дочерьми примерно того же возраста. Она оставила ее у себя в качестве служанки, пока той не исполнилось 16 лет. Когда та достигла этого возраста, хозяйка решила, судя по поведению девушки, что ей скоро наскучит ее положение⁶. Вот почему ее хозяйка, боясь, что, несмотря на хорошее воспитание, которое они ей дали, природа может в самый неожиданный момент взять верх над рассудком, решили, что пришла пора быстро выдать ее замуж за одного молодого брабанта⁷ — солдата, который находился в Мариенбургском гарнизоне. Девушка показалась ему приятной, и он попросил ее руки. Не существовало никаких препятствий для выполнения церемониальных формальностей совершения брака, и если они не были выполнены с большой пышностью, то, тем не менее, было большое стечение народа, любопытствующего увидеть новобрачных.

Можно найти не одного свидетеля, заслуживающего доверия, который помнит эту свадьбу. Следовательно, напрасны попытки некоторых людей убедить публику, что все, сказанное об этой свадьбе, является чистой фикцией⁸. Тем, кто отрицает эту свадьбу, остается единственное средство против стольких свидетелей — предположить (без всяких к тому оснований), что, поскольку союз этих двух людей был очень непродолжителен, а официального акта скрепления этого союза не имелось, следовательно, брак этот следует рассматривать как недействительный. Говорят, будто молодые люди якобы не успели найти за три дня момент, необходимый для того, чтобы поставить последнюю печать на своем союзе. Это тем менее вероятно (пусть не прогневаются те, кто не верит), что хозяйка дома, где и благодаря кому проходила свадьба, казалось, имели причины, чтобы новобрачные придерживались не только простых формальностей церкви.

Довольно об этом предмете. Чем дальше идешь вперед, тем труднее углубляться в него, так как время, которое хранит воспоминания даже о самых известных вещах, должно, естественно, скрыть этот факт в глубоком забвении. Принимая во внимание, что уважение к людям, которых он особенно интересуется (Елизавету — теперешнюю русскую императрицу и герцога Гольштейнского, который должен был стать шведским королем и русским императором, оба они считают эту женитьбу чистой фикцией), положит предел любопытству тех, кто хотел бы провести расследование надлежащим образом. Такой важный факт вполне заслуживает этого отступления.

Вернемся теперь к Екатерине, героине этих рассказов, и посмотрим, что стало с ней после этой свадьбы с вышеназванным брабантом. Этот человек, поступив на службу к шведскому королю Карлу XII в качестве простого кавалериста, был вынужден через два дня после свадьбы покинуть свою жену, чтобы уйти со своим отрядом догонять войска шведского короля. Он прибыл в Польшу, где этот король вел войну с польским королем Августом. Екатерина в ожидании мужа осталась у Глюков, где продолжала находиться на положении служанки до того момента, когда превратности войны, которую русские вели в Ливонии, открыли ей путь, вначале тернистый, который однако привел ее к блестящей судьбе.

Выше было сказано, что суперинтендант, у которого она жила, переезжал с места на место, в зависимости от своих дел. Он находился в Мариенбурге, когда этот город был неожиданно осажден главноначальствующим русских войск фельдмаршалом Шереметевым. Хотя город был довольно хорошо укреплен, гарнизон его был настолько слаб, что не смог оказать достойное сопротивление и сдался на милость победителя. Жители города, чтобы снискать милосердие Шереметева, решили послать к нему пастора своей церкви. Монсеньор Глюк в сопровождении своей семьи и в роли скорее просителя, чем парламентаря, отправился к этому генералу в его лагерь. Под словами «со своей семьей» нужно понимать: со своей женой, детьми и слугами. Он был очень хорошо принят русским генералом, который нарисовал великолепную картину счастья народов, живущих под властью такого великого монарха, каким был Петр I, а затем похвалил жителей Мариенбурга за их решение покориться. Он многое им обещал и выполнил из этого то, что пожелал.

Я не буду подробно описывать, что он сделал, когда овладел городом. Эта тема не относится к моему рассказу. Скажу только, что он поступил, как тиран, воспользовавшись своим правом победителя, и взял Екатерину в качестве военнопленной, чтобы включить ее в число своей челяди. Она выделялась своей красотой и своей

пышной фигурой, поэтому он и выделил ее среди других членов семьи священника во время своей торжественной речи. Неудивительно, что, узнав, что она была служанкой, он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньора. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева. Позднее она признавалась, что это расставание, являвшееся первой ступенькой ее возвышения, причинило ей в тот момент много огорчений. Она не только переходила из положения свободной служанки в положение крепостной у того народа, которого она не знала, что было вполне естественно, но и, кроме того, испытывала привязанность к семье, в которой она выросла, и ей было тяжело расстаться с нею навсегда.

В дальнейшем она недвусмысленно доказала свою чрезвычайную привязанность к этой семье, и можно сказать, что в этом отношении ее нельзя упрекнуть в том, в чем слишком часто упрекают сильных мира сего, которым оказали услугу в трудную минуту; имею в виду упрек в неблагодарности. Ее первой заботой было, как только она смогла выразить свою признательность суперинтенданту, призвать его детей к русскому двору, где она их щедро одарила всякими благами и почестями. Хотя задачей моего изложения является доказательство благородства чувств Екатерины, дальше распространяться на эту тему не следует.

Последуем за Екатериной в ее новом положении. Всем известна власть господ над их рабами. В России эта власть была столь сильна в то время, что они имели право распоряжаться жизнью и смертью своих рабов⁹ безо всякого. Легко догадаться, что фельдмаршал взял к себе Екатерину не для того, чтобы ее убивать. Она это заметила в первые же дни своего пребывания в его доме. Прекрасные чувства почти неизвестны в тех странах, где имеются рабы. Любовь там говорит языком хозяина, который хочет, чтобы ему подчинялись. И раб вынужден делать из страха и в силу своего подчиненного положения то, что в свободной стране он делал бы под воздействием сильной страсти. Екатерина примирилась со своей участью. Будучи женщиной ловкой и далекой от того, чтобы выражать отвращение к своему положению, она охотно была готова пойти на это.

Прошло шесть или семь месяцев с тех пор, как она появилась в том доме, когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех своих слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полностью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился, и таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий. Но с этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный. Она находила даже некоторое удовольствие от подчинения, в котором она пребывала.

В этом плену она сумела так завладеть своим хозяином, что через несколько дней после ее появления в доме уже нельзя было сказать, кто из них двоих был рабом. Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом¹⁰, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутивную речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутивном тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя.

Нет необходимости говорить, что это трио не страдало деликатностью. На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней меньше обходи-

тельности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути¹¹, так как известно (и он сам об этом говорил), что, хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной.

Надеюсь, что мне простят это маленькое отступление во имя истины и необычности этого рассказа, который одним этим штрихом дает нам представление о характере и темпераменте этого государя. Я не боюсь быть заподозренным в чрезмерном снисхождении к Екатерине, говоря, что нельзя рассматривать проявление минутной нежности с ее стороны по отношению к царю как ее неверность по отношению к Меншикову. Ее благосклонность в этом случае была результатом благосклонности ее господина или, скорее, результатом его приказа, которому она не могла не подчиниться, будучи человеком зависимым. Но, как только царь уехал, она обрушила на Меншикова град упреков за то, что он так с нею поступил. Хочу верить, что она не играла комедию, если же она ее играла, то вполне очевидно, что Меншиков ей поверил, так как его любовь после этого события не только не стала меньше, а, наоборот, усилилась до такой степени, что он ничего не делал не только в своем доме, но и во всей армии без одобрения Екатерины.

Так обстояли дела, когда царь вернулся из Польши в Ливонию. Причем, он вернулся быстрее, чем предполагал. Он бы этого не сделал, если бы ему не намекнули, что его присутствие было там совершенно необходимо, потому что жители этой области покидали свои земли целыми группами, чтобы укрыться в соседних странах не столько от чумы, сколько из-за тяжелых поборов Меншикова. Последний, хотя его часто хвалят, был по своей сущности ненасытным скифом в своем стремлении к богатству. В докладах, присланных царю, было слишком много правды. Прибыв в Ливонию, царь холодно обошелся со своим фаворитом. Мотивы этого он ему объяснил в грубых выражениях¹². Фаворит оправдывался путем всяких измышлений и нелепых доводов, и все это было признано приемлемым именно потому, что он был фаворитом.

Так как царь намеревался остаться на некоторое время в Ливонии, то не стал жить у Меншикова, а поселился в отдельном доме, который был для него приготовлен. Но это не мешало тому, что он постоянно находился в обществе Меншикова, у которого он обедал несколько раз, вовсе не думая о Екатерине, которая делала вид, что она не хочет появляться, когда он приходил.

Однажды вечером, когда он там ужинал, он спросил, что с нею случилось и почему он ее не видит. Ее позвали. Она появилась со своей естественной грациозностью. Это было ей свойственно во всех ее поступках, каковы бы они ни были, но замешательство было так явно написано на ее лице, что Меншиков был смущен, а царь, так сказать, озадачен, что было редким явлением для человека его характера. Это продолжалось лишь одно мгновение, однако это было замечено теми, кто присутствовал при этой сцене. Царь пришел в себя, стал шутить с Екатериной, задал ей несколько вопросов, но, заметив в ее ответах больше почтительности, чем игривости, был задет этим и заговорил с другими присутствующими. Он оставался задумчивым в течение всего остального времени, пока длился ужин.

Русские обычно начинают и кончают свои трапезы стаканом ликера, который им подносят на тарелке перед едою и после нее. Екатерина подошла с блюдом, на котором стояло несколько маленьких стаканов. Царь, посмотрев на нее, сказал: «Екатерина, мне кажется, что мы оба смутились, но я рассчитываю, что мы разберемся этой ночью». И, повернувшись к Меншикову, он ему сказал: «Я ее забираю с собой». Сказано — сделано. И без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом о разных делах, которые не имели никакого отношения к любовным делам, когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: «Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне ее уступить». Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился, но царь позвал его во второй раз и сказал: «Ты, конечно, и не подумал о том, что эта несчастная совсем раздета. Немедленно пришли ей что-нибудь из одежды. Она должна быть хорошо экипирована». Фаворит понял, что это значило, и даже больше. Он знал лучше кого бы то ни было характер своего господина и каким способом ему угодить.

Когда он вернулся к себе, первой его заботой было собрать все пожитки этой женщины, в которые он вложил ларчик с бриллиантами, так как никогда ни один человек не имел столько драгоценных камней, как Меншиков. В описи, которая была сделана во время его опалы и ссылки в Сибирь, значилось одних лишь бриллиантовых пуговиц для одежды три полных комплекта. Уже по этому можно судить об остальном. Меншиков отослал одежду с двумя служанками, которые обычно прислуживали Екатерине в его доме и которым он приказал оставаться подле нее до тех пор пока она сочтет это нужным. Ее не было в комнате, когда этот багаж прибыл, она находилась в комнате у царя, который преднамеренно или случайно ничего не сообщил ей о своем разговоре с Меншиковым. Вернувшись в свою комнату, она была удивлена, увидев там все свои пожитки, которых она не просила. Она возвратилась в комнату царя и сказала в шутовском тоне, который очень ей шел: «Я была довольно долго в Ваших апартаментах, и теперь Ваша очередь совершить прогулку в мои. У меня есть нечто весьма любопытное, чтобы показать Вам». И, взяв его за руку, она его повела туда.

Показав вещи, присланные Меншиковым, она сказала ему более серьезным тоном: «То, что я вижу, говорит о том, что я буду здесь до тех пор, как Вы этого пожелаете, а поэтому будет неплохо, если Вы посмотрите на все эти богатства, которые я принесла». Тотчас она распаковала свои свертки и сказала: «Вот вещи служанки Меншикова», но, заметив ларец, который она приняла за футляр для зубочисток, воскликнула: «Здесь произошла ошибка, вот вещь, которая мне не принадлежит и которой я совсем не знаю». Она его открыла и, увидав там очень красивое кольцо и другие драгоценности стоимостью в 20 тысяч рублей, или 100 тысяч франков, она посмотрела в упор на царя и сказала ему: «Это от моего прежнего хозяина или от нового? Если от прежнего, то он щедро вознаграждает своих слуг». Она немного поплакала и некоторое время молчала. Затем, подняв глаза на царя, который внимательно смотрел на нее, сказала: «Вы мне ничего не говорите? Я жду Вашего ответа».

Царь продолжал смотреть на нее, ничего не говоря. Она еще раз взглянула на бриллианты и продолжала: «Если это от моего прежнего господина, то я, не колеблясь, отошлю их ему обратно». И затем добавила, показав маленькое кольцо, не очень дорогое: «Я сохраню лишь это, которого более чем достаточно, чтобы оставить воспоминание о том добре, что он сделал для меня. Но если это мне дарит мой новый хозяин, я их ему возвращаю, мне не нужны его богатые подарки. Я хочу от него нечто более ценное». И в этот момент, залившись слезами, она упала в обморок, так что пришлось дать ей воду «Королева Венгрии». Когда она пришла в себя, царь сказал ей, что эти драгоценности были не от него, а от Меншикова, который сделал ей прощальный подарок. Он же признателен ему за это и хочет, чтобы она приняла этот подарок. Благодарить за подарок он станет сам.

Эта сцена происходила в присутствии двух слуг, которых прислал Меншиков, и одного капитана Преображенского полка, которого царь, не предвидя, что могло произойти, позвал, чтобы дать ему приказания. Она наделала много шума в обществе, и вскоре только и говорили, что о знаках внимания и уважения со стороны царя к этой женщине. Все были удивлены его утонченной галантностью обхождения с ней. И это было тем более необычно, что до тех пор все его манеры обхождения с прекрасным полом были крайне бесцеремонны, даже с дамами самого высокого положения. По одному этому уже можно было судить, что он питал к ней настоящую страсть, и в том не было ошибки.

Меншиков первый это заметил и почувствовал, насколько эта женщина, которая позднее была ему очень полезна, будет иметь влияние на царя. Можно предположить, что в прекрасном подарке, который он сделал Екатерине, было больше политики, чем щедрости. Любовь, когда она завладевает серьезно сердцем мужчины, меняет весь его характер.

Никогда еще смертный не был столь мало щепетилен в области скромности и постоянства, как Петр I. Его страсть к Екатерине была первой и, может быть, единственной, и он старался ее скрыть от посторонних глаз. В течение его недолгого пребывания в Ливонии все заметили, что, хотя эта женщина находилась в его дворце, в маленькой смежной комнате (и об этом знали все), он никогда никому не проговаривался о ней, даже своим ближайшим доверенным лицам. Когда Петр I покинул эту область и отправился в Москву, он поручил одному гвардейскому капи-

тану отвезти ее туда самым секретнейшим образом. Он приказал оказывать ей в дороге всяческое внимание и поселить ее у одной женщины, к которой он дал ему письмо. Он приказал капитану непременно в течение всей дороги посылать ему регулярно известия о ней. Это последнее обстоятельство приоткрыло капитану, насколько серьезной и сильной была любовь царя к этой женщине: он достаточно хорошо знал царя и его способность забывать, чуть ли не на другой день, обо всех тех, которым он оказывал внимание.

Екатерина, приехав в Москву, жила там очень скромно, если не сказать замкнуто, в течение двух или трех лет. Она жила в малонаселенном районе, вдали от света, у одной небогатой женщины из хорошей семьи. Дом был невзрачным снаружи, но очень комфортабельным внутри. Именно от этой женщины я получил большую часть тех сведений, которыми поделюсь с читателями. Поселив Екатерину в этом доме, царь преследовал единственную цель: сохранить свой роман в глубокой тайне. Он не хотел, чтобы она принимала у себя людей и сама наносила визиты. Этот приказ Петра, по-видимому, отвечал желаниям Екатерины. Ее ум был направлен на более высокие цели, чем обычная женская болтовня.

Первое время царь, превратившийся сразу из несдержанного в скрытного, видел ее лишь украдкой, хотя не пропускал ни одного дня или, точнее, ночи, не повидав ее. Он выбирал именно ночное время для своих тайных визитов и действовал с такой осторожностью, что, опасаясь быть узнанным по пути к ней, брал с собою только одного гренадера, который вез его на санях.

О силе его любви можно судить по чрезмерной стеснительности его поведения. Этот государь был очень трудолюбив, и у него было много дел. Необходимость прерывать их не только днем, но и ночью, заставила его снять немного покрывало таинственности со своих ночных отлучек. Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела. Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно (он считал их пригодными лишь для той роли, которую он им отводил до тех пор), не только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал.

Это установленный факт. И хотя я лично в этом несколько не сомневаюсь, я бы никогда не осмелился включить его сюда, если бы он не подтверждался свидетельствами многих уважаемых людей, которые принимали участие в совещаниях у Петра I. Они утверждали, что эта женщина, благодаря своей проницательности и природному здравому смыслу, подсказывала им, когда они обсуждали с государем самые сложные и самые важные дела, такие методы и решения, до которых они сами никогда бы не додумались и которые позволяли им выйти из многих больших затруднений и решить срочные дела. Следовательно, неудивительно, что наслаждение, которое называют алтарем любви, послужило лишь тому, что изо дня в день любовь царя усиливалась, так как в ласках и удовольствиях он находил чудесный источник, благотворный для его дел. Это было так благотворно, что, видя в ней все более и более ангела-хранителя, он ничего не скрывал от нее и ей первой сообщал свои самые великие и тайные намерения.

Именно в этот период, когда она жила в полном уединении, общаясь лишь с царем и его министрами в его присутствии, у нее родились две дочери: цесаревна Анна, ставшая затем герцогиней Гольштейн-Готторпской, и цесаревна Елизавета, теперешняя русская императрица. Именно тогда, слушая рассуждения царя и его министров, она вошла в курс различных интересов виднейших семей России, а также интересов соседних монархов. Здесь она познакомилась с главными принципами государственной власти и правительства, которые в дальнейшем она так успешно осуществляла на практике. Здесь же начал развиваться зародыш тех хороших качеств, которыми ее наградила природа и которые в дальнейшем проявились во всем своем блеске.

Однако, отдавая справедливость ее большим талантам, в которых нельзя ей отказать, я не пытаюсь оправдать те злоупотребления, которые она, возможно, допустила. Меня можно было бы заподозрить в пристрастности по отношению к ней, если бы я не упомянул, что именно в тот период жизни в уединении она, чувствуя ту власть, которую имеет над разумом и сердцем своего господина, задумала

стать его женой. Чтобы осуществить свое намерение, она сумела воспользоваться тем разладом, который почувствовала в царской семье. Под видом человека, который стремится лишь потушить огонь противоречий между мужем и женой, между отцом и сыном, она в значительной мере способствовала раздуванию этого огня до такой степени, что все это увидели. Всем было известно недостойное обращение царя с первой женой Евдокией, с которой он развелся, заставив ее постричься в монахини, и заточил в ужасную тюрьму, а также его отношение к ее сыну Алексею Петровичу, которого он предал суду и который умер в тюрьме.

Я не буду вдаваться в детали этих двух трагических историй, которые наделали столько шума в обществе, но я должен сказать, что роль Екатерины в этих интригах, которые привели к гибели матери и сына, была немалой. Она ловко сумела стать главной пружиной этих интриг, делая вид, что в этом не участвует. И она извлекла из всего такую выгоду, на которую могла только надеяться. Публично заняв в кровати Петра место несчастной государыни, она заменила сына этой последней при таких обстоятельствах, которым не хочется давать определение, так как боюсь оскорбить лиц¹³, которых все должны уважать и которым сегодня способствует фортуна, умножая их заслуги и добродетели, после того как фортуна заставила их, так сказать, искупить путем невзгод ошибки их родителей.

Я посчитал бы себя виновным в умолчании, если бы, рассказывая о времени, когда родились цесаревны Анна и Елизавета, не упомянул о событии, косвенно касающемся их рождения. В частности, о судьбе брабанта, за которого их мать вышла замуж в Ливонии. Как мы уже видели, что этот человек был в свите шведского короля Карла XII. Он участвовал в Полтавской битве и имел на счастье попасть там в плен, как и 14 тысяч его соотечественников, вместе с которыми он был привезен в Москву, чтобы служить там украшением при триумфальном вступлении 1 января 1710 года¹⁴ Петра I — победителя шведов — в главный город своей империи. Эта церемония, столь же блестящая, сколь и таинственная, была широко описана в мемуарах барона Ивана Нестезураной. Я отсылаю к ней тех, кому будет любопытно узнать подробности, потому что я совсем не ставлю себе главной целью излагать то, что всем известно. Хочу лишь сказать об этом мимоходом, добавив только то, что окажется неизвестным.

Теперь мне хочется проследить судьбу брабанта, который после падения Ливонии последовал за шведским королем в походе на Россию и в конечном счете попал под Полтаву, где, как я уже сказал, этот брабант был взят в плен и затем отправлен в Москву. Посмотрим, что с ним стало. Этот несчастный воин узнал там, по-видимому, что происходило между его женой Екатериной и царем. Но он, не ведая разницы между рогоносцем — простым смертным¹⁵ и венценосным рогоносцем, решил, что его положение может принести ему какое-то облегчение в его трудностях. И он попросту сообщил обо всем русскому военному комиссару, ведавшему делами пленных. Точно не известно, доложил ли комиссар царю об этом обстоятельстве. Одни это подтверждают, другие отрицают. Как бы то ни было, откровенность бедного брабанта несколько не облегчила его участи, как он того ожидал.

Безжалостный комиссар, то ли по своей воле, то ли по высшему приказу, немедленно отправил его, как и других пленников, в Сибирь. Если и было какое-либо различие в обхождении с ним, так оно состояло лишь в том, что он был послан в самое отдаленное место Сибири. Как говорят некоторые из его соотечественников, которые там его видели, он прожил несколько лет и умер за три года до заключения мира между Ливонией и Россией, в конце 1721 года¹⁶. Согласно этому расчету невозможно не прийти к выводу, что упрек сторонников царевича Петра II в адрес герцога Гольштейнского был в их споре вполне обоснован: все дети Петра I от Екатерины родились еще при жизни этого брабанта, о котором более в этих мемуарах не будет упоминаться.

Вскоре после своего триумфального вступления в Москву жадный до трофеев Петр стал замышлять большой поход против турок, которые, казалось, хотели действовать вместе с Карлом XII. Петр I считал их, несмотря на их большую численность, не очень опасными врагами в сравнении с теми, которых он только что победил под Полтавой.

Именно тогда, окрыленный славою, он захотел увенчать свою любовь тайным браком с Екатериной. Вероятно, ей было нужно переменить религию. Ведь она родилась в семье римско-католической веры, но не знала этого, а воспитывалась в

лютеранской вере, которую исповедовал архипастырь, в доме которого она оказалась с малых лет. Считая себя достаточно образованной, чтобы отдать предпочтение греко-русской (православной) церкви перед всеми другими, она отреклась от двух прежних, от первой — бессознательно, по неведению, а от второй — по доброй воле. После этого ее снова крестили, как будто бы она никогда не была крещена, потому что православная церковь считает недействительными все крещения, совершенные в других христианских религиях¹⁷.

Когда эта церемония была закончена, тот же поп приступил сразу, без всякого шума, к церемонии благословения ее брака с Петром I. Я слышал, как некоторые люди, любители двусмысленных намеков и каламбуров, говорили по поводу различных религий, которые исповедовала Екатерина, что эта государыня поимела много религий. Что касается меня, то я никогда не питал вкуса к подобным каламбурам. Я сказал бы скорее, что частое изменение веры является почти верным признаком того, что у данного лица нет вообще никакой веры.

Утверждают, что цесаревна Марта (иные называют ее Марией; у нее было два имени), любимая сестра царя, немало способствовала этой женитьбе. И в этом нет ничего невероятного. Она не только страстно любила своего брата, но и знала все достоинства иностранки, к которой он питал такую привязанность. Она никогда не симпатизировала Евдокии, несчастной первой жене царя. Она боялась ее возвращения ко двору и старалась найти этому непреодолимое препятствие и отомстить за все неприятности, которые причинила ей та высокомерная женщина. Известно, каким сильным может быть желание одной женщины отомстить другой. Одно лишь это соображение оказалось более чем достаточным, чтобы она охотно одобрила женитьбу своего брата на Екатерине.

Я вынужден в дальнейшем, вследствие ее нового положения, называть Екатерину не иначе, как высокими титулами: государыня, царица, императрица, тем более что тайна ее брака, как только он был осуществлен, существовала лишь в воображении ее мужа. Через три-четыре месяца даже он не придавал этому браку былой таинственности.

Я уже говорил выше, что этот государь строил большие планы по организации кампании против турок. Способ, который он избрал для осуществления этих планов, показывает, что большие успехи часто вредят победителям. Гордый своею победой, которую он только что одержал над Карлом XII, во главе своих отборных войск он выступил против турок, проявляя более самоуверенности, чем осторожности. Желая опередить турок, он устремился вперед, по теснине, опасность которой понял лишь тогда, когда ему было уже невозможно оттуда выбраться.

В тот момент, когда он меньше всего об этом думал, он оказался окруженным турецкой армией со всех сторон на маленьком пространстве. Турецкая армия состояла из 150 тысяч человек, у него же было лишь 30 тысяч человек, безмерно уставших от длинных переходов, которые он заставил их совершить по безводным и пустынным местам, где они испытывали во всем недостаток. В течение трех дней у его солдат не было ни хлеба, ни других продуктов. Усталость солдат была такова, что, лежа на своих ружьях, они не могли пошевелиться. Сам царь, видя, что оказался без всяких источников снабжения, и не надеясь получить их откуда-либо, в отчаянии удалился в свою палатку, где, подавленный горем и упавший духом, растянулся на кровати и предавался своему унынию, не желая никого видеть и ни с кем разговаривать.

В то время Екатерина, которая его сопровождала в этом походе, нарушив его запрет никого не впускать к нему в палатку, пришла туда и внушила ему, что необходимо проявить больше твердости. Она доказала ему, что еще есть выход и нужно постараться что-то сделать, а не предаваться отчаянию.

Этот выход состоял в том, чтобы попытаться заключить наименее выгодный мир путем подкупа Каймакама и Великого везира. Она с большой долей уверенности отвечала за успех этой операции, так как у нее имелись сведения о характере этих двух оттоманских министров благодаря описаниям графа Толстого, сделанным в его многочисленных депешах, которые она слышала, когда их читали. В то же время она указала ему на человека, находящегося при армии, которого она достаточно знала, чтобы быть уверенной, что он справится с этим делом. Она сказала, что нужно, не теряя ни минуты, направить его к Каймакаму, чтобы прощупать его. После чего она вышла из палатки, не дав царю времени ни вздохнуть, ни ответить,

и вернулась туда через мгновение с человеком, о котором шла речь. Она сама дала ему инструкции в присутствии царя, который, благодаря предложению о мирном урегулировании, сделанному этой женщиной, уже начал приходить в себя и, одобрив все, что она сказала, срочно отправил этого человека.

Когда тот вышел из палатки, царь, оставшись с глазу на глаз со своей женой, посмотрел на нее пристально и сказал с восхищением: «Екатерина, этот выход чудесен, но где найдем мы все то золото, которое нужно бросить к ногам этих двух людей? Ведь они не удовлетворятся только обещаниями». «У меня есть драгоценности, — ответила она, — и до возвращения нашего посланника я соберу в нашем лагере все деньги, вплоть до последнего гроша. А Вас я прошу не предаваться унынию и поднять Вашим присутствием дух бедных солдат. Пойдемте, покажитесь им. Впрочем, позвольте мне действовать, и я Вам ручаюсь, что до возвращения Вашего посланца я буду в состоянии выполнить обещания, которые он даст министрам, будь они даже еще более жадными, чем есть на самом деле!»

Царь ее обнял и последовал ее совету, вышел из палатки, показался солдатам и направился в штаб фельдмаршала Шереметева. За это время она верхом на лошади объехала все палатки офицеров, говоря им: «Друзья мои, мы находимся здесь в таких обстоятельствах, что можем либо спасти свою свободу, либо пожертвовать жизнью, либо сделать нашему врагу мост из золота. Если мы примем первое решение, то есть погибнем, защищаясь, то все наше золото и наши драгоценности будут нам не нужны. Давайте же используем их для того, чтобы ослепить наших врагов и заставить их выпустить нас. Мы уже собрали кое-какие средства: я отдала часть своих драгоценностей и денег и готова отдать все остальное, как только вернется наш посланный, если, как я надеюсь, он преуспеет в своей миссии. Но этого не хватит, чтобы удовлетворить жадность людей, с которыми мы имеем дело. Нужно, чтобы каждый из вас внес свою лепту». И так она говорила каждому офицеру в отдельности: «Что ты можешь мне дать, дай мне это теперь же. Если мы выйдем отсюда, ты будешь иметь в 100 раз больше, и я похлопочу о тебе перед царем, вашим отцом».

Все были очарованы ее обходительностью, твердостью и здравомыслием, и каждый, вплоть до самого простого солдата, принес ей все, что мог. И в тот же момент в лагере воцарилось спокойствие, все воспрянуло духом. Их уверенность возросла еще больше, когда вернулся человек, которого она тайно посылала к Каймакаму. Он принес ответ, что можно посылать к Великому везиру русского комиссара, имеющего полномочия вести мирные переговоры. Дело было вскоре завершено, несмотря на угрозы и интриги шведского короля, который, узнав о положении русских войск, самолично приехал в турецкий лагерь. Он говорил везиру во всеуслышание: «Противника нужно лишь бить камнями. Я требую от тебя только этого. Чтобы тебе выдали царя со всем войском, вплоть до последнего солдата, живыми или мертвыми».

С этого дня в русский лагерь стало поступать достаточное количество продовольствия. На следующий день хорошо снабженная армия отправилась в путь к русской границе, куда она прибыла в достаточно хорошем состоянии, чтобы окончательно выбить шведов с Балтийского моря. Тот, кто захочет быть более осведомленным об условиях договора, заключенного между царем и Портой, могут обратиться к барону Нестезураной, который излагает все происшедшее при Пруте скорее как газетчик, которому за это заплатили, чем как объективный историк.

Можно представить, какое впечатление произвело поведение Екатерины на умы и сердца солдат! Вся русская империя воздавала должное ее достоинствам и заслугам. Царь, бывший все более и более очарованным ее качествами, не мог их замалчивать и всенародно воздавал ей должное. Когда он вернулся в свои владения, то вознаградил ее, объявив о своей женитьбе на ней, несмотря на ее усилия, искренние или притворные, удержать его от этого намерения. И, чтобы оставить будущим поколениям память о той славе, которую она завоевала на берегах Прута, он учредил в ее честь орден святой Екатерины, сделав ее покровительницей этого ордена.

Начиная с этого времени он хотел, чтобы она сопровождала его повсюду, как во время военных походов, так и во время различных путешествий за пределы его владений. Вернувшись из поездки в Германию, где они вместе посетили несколько дворов, царь начал войну с Персией, и Екатерина следовала за ним повсюду. Она оказала ему столько значительных услуг, что, не зная, как ее отблагодарить за это,

он не нашел иного способа, кроме как разделить с ней свою империю и свою власть, заставив весь мир признать ее императрицей всея Руси.

Он заставил всех своих подданных присягнуть ей в верности как своей государыне и неограниченной властительнице, которая будет править ими в случае его смерти. И в этой присяге было сказано, что она, равно как Петр Великий, ее муж, имеет право назначать наследника, какого ей заблагорассудится. В мемуарах так называемого барона Нестезураной, можно найти довольно точное описание этой великолепной церемонии. Она была совершена 26 мая 1724 года в Москве, столице Российской империи. После чего император и новая императрица отправились в Петербург, где по существу возобновилась церемония коронации. Это выражалось в празднествах по поводу их приезда. Все провозглашали славу Екатерине. Ее мужу воздавали хвалу за то, что он поднял ее на вершину человеческого величия и могущества.

Именно в это время, через три месяца после коронации, один непредвиденный случай открыл и установил происхождение этой государыни. Вот как это произошло. Некий крестьянин, конюх на одном из постоялых дворов в Курляндии, будучи пьяным, поссорился с другими подобными ему людьми, такими же пьяными. На этом постоялом дворе находился в то время чрезвычайный польский посланник, который ехал из Москвы в Дрезден и оказался свидетелем этой ссоры. Он слышал, как один из этих пьяниц, переругиваясь с другими, бормотал сквозь зубы, что, если бы он захотел сказать лишь одно слово, у него были бы достаточно могущественные родственники, чтобы заставить их раскаяться в своей дерзости. Посланник, удивленный речами этого пьяницы, справился о его имени и о том, кем он мог быть. Ему ответили, что это польский крестьянин, конюх, и что зовут его Карл Скавронский. Он посмотрел внимательно на этого мужлана, и по мере того, как его рассматривал, находил в его грубых чертах сходство с чертами императрицы Екатерины, хотя ее черты были такими изящными, что ни один художник не мог бы их схватить.

Пораженный таким сходством, а также речами этого крестьянина, он написал о нем письмо не то в шуточной, не то насмешливой форме тут же, на месте, и отправил это письмо одному из своих друзей при русском дворе. Не знаю каким путем, но это письмо попало в руки царя. Он нашел необходимые сведения о царице на своих записных дощечках, послал их губернатору Риги князю Репнину и приказал ему, не говоря, с какою целью, разыскать человека по имени Карл Скавронский, придумать какой-нибудь предлог, чтобы заставить его приехать в Ригу, схватить его, не причиняя, однако, ему никакого зла, и послать его с надежной охраной в полицейское отделение при суде в качестве ответчика по судебному делу, начатому против него в Риге. Князь Репнин в точности исполнил приказание царя. К нему привели Карла Скавронского. Он сделал вид, что составляет против него судебный акт по обвинению его в том, что он затеял спор, и послал его в суд под хорошей охраной, якобы имея обвиняющие его сведения.

Прибыв в суд, этот человек предстал перед полицейским генерал-лейтенантом, который, согласно указанию царя, затягивал его дело, откладывая со дня на день, чтобы иметь время получше рассмотреть этого человека и дать точный отчет о тех наблюдениях, которые сделает. Этот несчастный приходил в отчаяние, не видя конца своему делу. Он не подозревал о том, что около него находились специально подготовленные люди, которые старались заставить его побольше рассказать о себе, чтобы потом на основании этих сведений провести тайное расследование в Курляндии.

Благодаря этому было установлено совершенно точно, что этот человек являлся братом императрицы Екатерины. Когда царь в этом совершенно убедился, то Карлу Скавронскому внушили, что, поскольку он не смог добиться справедливости от генерал-лейтенанта, то должен подать ходатайство самому царю. Ему обещали для этой цели заручиться протекцией таких людей, которые не только найдут для него способ поговорить с царем, но подтвердят также справедливость его дела.

Те, кто осуществлял эту маленькую интригу, спросили у царя, когда и где хочет он увидеть этого человека. Он ответил, что в такой-то день он будет обедать инкогнито у одного из своих дворецких по имени Шепелев, и приказал, чтобы Карл Скавронский оказался там к концу обеда. Это было исполнено. Когда наступило время, этот человек украдкой был введен в комнату, где находился царь. Царь при-

нял его просьбу, и у него было достаточно времени, чтобы рассмотреть просителя, пока ему как будто бы объясняли суть дела. Государь воспользовался этим случаем, чтобы задать Скавронскому ряд вопросов. Его ответы, хотя и несколько запутанные, показали царю довольно ясно, что этот человек был, несомненно, братом Екатерины. Когда его любопытство на этот счет было полностью удовлетворено, царь внезапно покинул этого крестьянина, сказав ему, что посмотрит, что можно для него сделать, и чтобы он явился на другой день в тот же час.

Царь, убедившись в этом факте, захотел устроить сцену в своем экстравагантном вкусе. Ужиная вечером с Екатериной, он сказал ей: «Я обедал сегодня у Шепелева¹⁸, нашего дворецкого. Там был очень вкусный обед. Этот кум хорошо угощает. Я поведу тебя туда как-нибудь. Сходим туда завтра?» Екатерина ответила, что она согласна. «Но, — сказал царь, — нужно сделать так, как я это сделал сегодня: застать его в тот момент, когда он будет садиться за стол. Мы должны пойти туда одни». Так было решено вечером и исполнено на другой день. Они отправились к Шепелеву и там обедали. После обеда, как и в предыдущий раз, в комнату, где находились царь и Екатерина, впустили Карла Скавронского. Он подошел, дрожа и заикаясь, к царю, который сделал вид, будто забыл все то, что тот ему уже говорил, и задал ему прежние вопросы.

Эта беседа происходила у амбразуры окна, где царица, сидя в кресле, слышала все, что говорилось. Царь, по мере того как бедный Скавронский отвечал, старался привлечь внимание государыни, говоря ей с видом притворной доброты: «Екатерина, послушай-ка это! Ну как, тебе это ни о чем не говорит?» Она ответила, изменившись в лице и заикаясь: «Но...». Царь перебил ее: «Но если ты этого не понимаешь, то я хорошо понял, что этот человек — твой брат». «Ну, — сказал он Карлу, — целуй сейчас же подол ее платья и руку как императрице, а затем обними ее как сестру».

При этих словах Екатерина, глубоко пораженная, вся блее полотно, упала в обморок. Принесли соль и одеколон, чтобы привести ее в чувство; и царь был предупредителен более всех, стараясь принести ей облегчение. Он сделал все, что мог, чтобы успокоить ее. Когда он увидел, что она постепенно приходит в себя, то сказал ей: «Что может быть плохого в этом событии? Итак, это — мой шурин. Если он порядочный человек и если у него есть какой-нибудь талант, мы сделаем из него что-нибудь значительное. Успокойся, я не вижу во всем этом ничего такого, от чего нужно было бы огорчаться. Теперь мы осведомлены по вопросу, который стоил нам многих поисков». Царица, вставая, попросила разрешения обнять брата и, обращаясь к царю, добавила, что надеется и на дальнейшую его милость по отношению к ней и брату.

Скавронскому¹⁹ приказали оставаться в том же доме, где он жил. Его заверили, что у него не будет ни в чем недостатка, и кроме того попросили не слишком показываться на людях и поступать во всем так, как ему скажет хозяин, у которого он находился. Утверждают, что все прежнее царское величие Екатерины было уязвлено и оскорблено этим опознаванием и что, конечно, она избрала бы себе другое происхождение, если бы только была на то ее воля.

Вот так, благодаря неожиданному приключению, о котором я рассказал, была раскрыта тайна рождения Екатерины в момент, когда все были менее всего готовы к этому. Так судьба беспрестанно играет бессильными противостоят ей смертными, то возвышая, то унижая их по своей прихоти. Кажется, что она укоряет в своих благодеяниях тех, кого она возвышает более всего, и что ей доставляет удовольствие нарушать их благополучие, внушая им мысль об их ничтожестве, несмотря на все их богатство. Таким образом она утешает людей, которым она уготовила посредственные условия жизни, показывая им, что если почести и высокие звания освобождают тех, кому она их посылает, от некоторых жизненных испытаний, то она не избавляет их ни от многих унижений, ни от слабостей, свойственных человеческой природе. Пример тому — жизнь Екатерины. Как только она оказалась на троне, ее сердце, не имея уже никаких других честолюбивых желаний, подчинилось любви. И вопреки священным законам брака, да еще с таким грозным государем, увлеченным ею до того, что он женился на ней, она ему изменила.

Эта интрига протекала так неосторожно²⁰, что в какой-то момент царица могла бы быть низвергнута с вершины величия в пропасть самого трагического бесчестия. Она отделалась лишь страхом и этим обязана в первую очередь графу

Толстому и графу Остерману, министрам двора²¹, которые успокоили первое движение, как я бы сказал, государева гнева²², удержав его от мести, которую он замышлял против своей неверной жены, с которой он хотел поступить так, как поступил английский король Генрих VIII с Анной Болейн. Но, к счастью для Екатерины, два министра, во-первых, отразили этот удар и, во-вторых, некоторое время спустя после этого ее счастливая звезда освободила ее полностью от последствий, быть может, тайных, но все же ужасных, которые по всеобщему мнению должны были рано или поздно иметь место, если бы тем временем естественная смерть не унесла ее мстительного мужа. Такое мнение высказывали все те, кто прекрасно знал характер Петра I и кто постоянно был приближен к его персоне. Однако он не отправился в другой мир, не осуществив, хотя бы частично, своей мести. Весь свой гнев он выместил на любовнике, которому публично отрубили голову, осудив за вымышленные преступления, а не за те настоящие, за которые он был казнен²³.

Что касается любовницы, то царь получил удовлетворение от того, что через 10 или 12 дней после казни, о которой только что говорилось, ей показали тело ее любовника и его голову, посаженную на кол посреди площади. Он заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище с эшафотом. Царь совсем не подготовил ее к такому зрелищу. Он ей предложил, выезжая из дворца на открытых санях, направиться в отдаленный квартал, куда они часто ездили вместе. Все время, пока они пересекали площадь, он пристально и злобно следил за ней. Но у нее хватило твердости сдержать слезы и не проявить никакого волнения. Я знаю, что это приключение дало повод как в России, так и в дальних странах, подозревать Екатерину в том, что она, как ловкая женщина, предупредила намерения своего мужа, отравив его. Никогда не было более ошибочного предположения, хотя оно и казалось правдоподобным. Этот государь умер от задержания мочи, вызванного воспалением язвы, которая с давних пор была у него на шейке мочевого пузыря. Он постоянно лечился от этой болезни, но все средства были безуспешными.

Короче говоря, после его естественной смерти его жена Екатерина наследовала ему, несмотря на все то, что произошло между ними. Главным документом, в силу которого она завладела троном, было завещание, оставленное ее мужем еще до их ссоры в архиве Сената. Однако в момент его смерти в Сенате не нашли завещания, потому что незадолго до смерти он забрал его и разорвал в приступе ярости. Когда же встал вопрос о провозглашении Екатерины царицей, удовлетворились лишь неопределенным упоминанием об этом акте, не дав себе труда поискать его, чтобы сделать подлинные копии. Это дело встретило бы, несомненно, со стороны народа больше сопротивления, чем это было на самом деле, если бы Меншиков, который в качестве фельдмаршала империи командовал всеми войсками, не дал бы соответствующих распоряжений и не уладил бы все таким образом, что призвал к уважению и заставил молчать всех тех, кто хотел отстаивать права Великого князя Московского, естественного и законного наследника трона (внука Петра I по прямой мужской линии). Но ни расположение народа в его пользу, ни законность его прав не помешали тому, что корона была возложена на голову Екатерины. Ее первой заботой было стремление не пренебрегать никакими внешними проявлениями чувств, чтобы показать ту боль, какую ей должна была причинить смерть ее мужа.

В течение 40 дней, пока его тело, согласно обычаю страны, было выставлено для обозрения публики, на парадном ложе, она приходила регулярно утром и вечером, чтобы провести полчаса около него. Она его обнимала, целовала руки, вздыхала, причитала и проливали всякий раз поток искренних или притворных слез. В этом выражении нет никакого преувеличения. Она проливали слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из 40 дней. И я сам, хотя и знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто бы находился на представлении с Андромахой.

Она не только устроила ему пышные похороны, каких никогда не видели прежде, но и пожелала сопровождать кортеж пешком, несмотря на ужасный холод.

Она прошла пол-лье всего того пути от императорского дворца до церкви, где государь был похоронен. После того как она постоянно присутствовала на всех службах, которые длились очень долго, она почувствовала себя очень плохо. Одни говорят, что это в результате большого горя, другие считают, что от большой усталости.

Пусть те, кто прочтет эти мемуары, думают, что хотят. Я скажу только, что если ее царствование и не было долгим, то оно было чрезвычайно спокойным; что она управляла своим народом с большей мягкостью, чем ее муж, следуя, однако, правилам и максимам этого государя; что она имела такое мужество и силу, какие мало присущи лицам ее пола; что ей нравился звон оружия и походы армий, в которых она всегда сопровождала своего мужа. Немногие умели прищипорить лошадь с такой грациозностью, как она. Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, она устраивала почти каждое воскресенье и по праздникам летом представление с морским боем. Она часто посещала арсеналы и верфи своего адмиралтейства. В 1726 г. она намеревалась (если бы ей не помешал ее советник) отправиться во главе своего флота сражаться с английским и датским флотами, которые нахально подошли к ревальскому рейду под предлогом умиротворения северных дел. В правление Екатерины Российская империя нисколько не потеряла в своем величии. Именно ей обязан русский двор обычаями, приобщающими к цивилизации, и великолепием, которое там теперь можно увидеть. Не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски.

Ей не чуждо было чувство любви, и, казалось, она была создана для нее. Из-за своей красоты она пострадала от грубости морского офицера Вильбуа, анекдот о котором я уже рассказывал отдельно. Это был пьяный бретонец, забывший, кем она была. Он нанес большой ущерб ее чести через несколько месяцев после объявления о ее браке с царем. Последний, решив, что офицер в этот момент был так же неподвластен самому себе, как и оскорбленная им, выразил больше сострадания, чем гнева. У нее не было такого недостатка, чтобы похвалиться своим постоянством и обходиться плохо с теми, к кому она проявила свою нежность. Она делала своих любовников своими друзьями, и доказательством этого является Меншиков, граф Лёвенвольд и Сапега. Она любила одного, а потом другого из этих двух последних в короткий двухлетний период ее царствования. Она умела владеть своим сердцем и чувствами или, лучше сказать, своими поступками²⁴. Что касается суеверий, то она нисколько не уступала в этом своему мужу и верила в сны²⁵. Она была убеждена, что они нам посылаются, чтобы объявить о счастливых или ужасных событиях. Она рассказывала свои сны фрейлинам и требовала у них объяснений. Если они давали непонятные объяснения, то она говорила об этом за столом, чтобы все могли высказать свое мнение по этому вопросу²⁶.

Она умерла спокойно в своей кровати 5 мая 1727 года от слабости, которая длилась два месяца, и причин которой не знали и не искали. Говорили о ней, как и о ее муже, что она была отравлена. Подозрение, справедливо ли оно было или ложно, пало на князя Меншикова, потому что он тайно поддерживал сторону Великого князя Московского, которого решил сделать своим зятем. После смерти Екатерины он захватил бразды правления от имени этого цесаревича. Этот человек, великий и редкий в своем роде, вел себя как настоящий скиф и заставил всех очень сожалеть о царствовании Екатерины.

Конец рассказа о жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I, или Великого.

~~(Окончание следует)~~

Примечания

1. До настоящего момента лишь один автор взялся за описание жизни этой государыни под заглавием: «Мемуары об истории жизни Екатерины, императрицы русских». Эти мемуары (столь бесформенные, что это невозможно выразить) были написаны наспех по приказу покойного герцога Гольштейн-Готторпского (зятя этой императрицы), довольно плохим автором, которому щедро платили. Предполагают, и очевидно это так, что автором был барон Левиссон, так как имеется большое сходство между

этими мемуарами и теми, которые он опубликовал как историю Петра Великого. Поэтому нет почти никакого сомнения, что они вышли из-под одного пера, то есть пера барона Левиссона, который счел нужным скрыть свое настоящее имя под именем Иван Нестезураной. Впрочем, все люди, как-то связанные с российским двором во времена царствования Петра и Екатерины, считают, что прочесть эти мемуары еще не означает познакомиться с жизнью Петра и Екатерины. Они составлены очень слабым и пристрастным автором, который работал, так сказать, под диктовку зятя этой государыни. Этого достаточно, чтобы составить о его работе то мнение, которого она заслуживает.

2. Она была матерью правящей ныне цесаревны Елизаветы и бабушкой герцога Гольштейн-Готторпского, ныне великого князя русского.
3. Это слово, используемое для обозначения суверенов России, греческого происхождения (времен рабовладения) и обозначает оно: держать власть в своих руках.
4. Барон Иван Нестезураной в своих мемуарах, будучи ловким и законченным царедворцем, дал как в отношении этой императрицы, так и в отношении двух ее дочерей, Анны и Елизаветы, на три года более ранние даты рождения.
5. Суперинтендант — так называют среди лютеран в тех провинциях, где нет епископов, некоторых священников, которые имеют старшинство и надзор над всеми другими пасторами или кюре. Функции этого сана примерно те же, что и функции архипастыря в Римской церкви.
6. Предполагают, что суперинтендант заметил, что, с одной стороны, его старший сын смотрел на эту служанку слишком благосклонно, чему не подобало быть в доме священника, а с другой стороны, девушка была не безразлична к тем взглядам, которые бросал на нее молодой человек, если эта игра уже не зашла дальше.
7. Брабанты во время правления шведского короля Карла XII набирались из отборной кавалерии. Их набирали во всех армиях этого государя, который создал из них специальные отряды для охраны его персоны. Эти всадники выполняли в Швеции такую же функцию, как телохранители во Франции или, лучше сказать конные гренадеры.
8. Екатерина и герцог Гольштейнский, ее зять, имели на севере как друзей, так и врагов. Последние, которых было больше, повсюду публиковали все, что они знали об этой свадьбе с брабантом. Сторонники Екатерины отрицали и продолжают отрицать этот факт. Но он был так хорошо освещен их врагами, что тот, кто был беспристрастен в этих спорах, прекрасно понимал, что правда была на стороне последних.
9. Чтобы показать, до какой степени простиралась в России власть господ над рабами, приведу решение Синода в отношении одного монаха, на которого пожаловался его маленький слуга. Он заявил, что этот монах заставлял его делать то, к чему его пол не был приспособлен. Синод вызвал монаха, который на очной ставке с мальчиком признал правильность обвинения. Синод спросил, являлся ли мальчик крепостным либо наемным слугой, и, поскольку было доказано, что тот был крепостным, объявил, что монах имел право делать с ним все, что хотел. Но монаху посоветовали избавиться от этого крепостного внесудебным путем.
10. Нотебургом назывался у шведов Орешек (Шлиссельбург). — *Ред.*
11. Этот государь ставил ухаживание, если можно употребить такое деликатное слово, чтобы выразить то, что он хотел сказать, в число таких же необходимых потребностей, как еда и питье. Он говорил, что так же, как назначается цена на продукты питания, нужно установить цену за любовь, и в этом духе он установил таксу не только на свои любовные утехи, но и на удовольствия для других сословий. Согласно его тарифу, девица не могла требовать за это более одной копейки, или одного су, от солдата, который может истратить за день только три. И в такой же пропорции был установлен тариф для других.
12. Говорят, что он бил его палкой, и в этом нет ничего удивительного; это было не в первый и не в последний раз. Хотя это покажется невероятным, тем не менее, это правда. Тем, кто знал этого государя, известна его манера обращаться с подчиненными, если он был ими недоволен и если не хотел предавать их законному правосудию, чтобы не быть вынужденным отдать их под суд. Они знают также, что те, которым он устраивал свой суд, могли быть очень хорошо приняты им четверть часа спустя. В каждой стране — свои обычаи, свой государь, свой характер.
13. Елизавета, императрица всея Руси, которая так благополучно царствует в настоящий момент, и герцог Гольштейн-Готторпский, ее племянник.
14. Я использую более охотно слово «триумфальный», чем слова «торжественный, победоносный», потому что первое, как мне кажется, выражает лучше то настроение, в котором проходила эта церемония. Ее особенности, а также истинные мотивы и цели того, почему царь устроил это шествие 14 тысяч шведских пленных, вполне заслуживают описания со стороны более знающего писателя, чем упомянутый барон. Я мог бы этим заняться когда-нибудь, если бы у меня было достаточно здоровья и свободы духа.
15. Антуан Перес, бывший министр испанского короля Филиппа II, говорит в одном месте своих мемуа-

ров, что фавориты королей подвержены внезапной смерти. В другом месте он говорит, что существует большая разница между рогоносцами, ставшими таковыми по вине коронованных особ, и рогоносцами, извлекающими денежную выгоду из своего положения. Первые, по его мнению, вынуждены жить вдали от света, в каком-нибудь безвестном месте, скрываясь от преследований монархов, которые их бесчестят. А вторые пользуются благами и удобствами людей, которым судьба подарила все и которые прикрывают красивым словом «дружба» наносимое им бесчестие.

16. В последние дни жизни Екатерины русский двор пребывал в великом волнении в связи с вопросом о ее наследнике. Эта проблема вызвала даже спор, доходивший до грубости, между князем Меншиковым и министром герцога Гольштейнского Бассевичем. Князь Меншиков поддерживал права Великого князя Московского, внука Петра I и его первой жены, а Бассевич поддерживал претензии княгини Анны Гольштейнской и цесаревны Елизаветы — дочерей второй жены Петра I. Именно в этом споре Меншиков отмечал и доказывал порочность рождения дочерей Екатерины, которых он считал вдвойне незаконнорожденными, так как родились они в то время, когда брабант (муж Екатерины) и Евдокия (жена царя) были еще живы. Если князь Меншиков и был неправ в этом случае, так лишь в том, что выражал свое мнение в столь неосмотрительных и непристойных терминах, что мне стыдно их вспоминать.
17. Согласно греко-русской, православной, церкви крещение не имеет неизгладимого характера. Здесь крестят второй раз не только тех, кто уже был окрещен в другой христианской религии, но даже и тех, кто, родившись православным, хочет вернуться в лоно русской церкви снова после того, как по разным причинам от нее отрекался. Я могу привести в пример молодого русского дворянина, который, проведя несколько лет во Франции, был вынужден, чтобы жениться, принять католическую веру. Вернувшись в свою страну, он заявил об этом своим попам на исповеди во время тяжелой болезни в Москве. Попы отказывались причастить его в предсмертный час и совершить миропомазание до тех пор, пока он снова не будет окрещен в прежнюю веру. Это было сделано за 24 часа до его смерти, которой эта церемония немало способствовала. У них манера причащать отличается от католического причастия тем, что лица, которых крестят, погружаются три раза, совершенно голые, в реку или в большие чаны с холодной водою. Священник, проводящий эту церемонию, держит их под мышками в течение трех погружений. Это осуществляется одинаково с людьми любого возраста и пола, и попы не хотят ни в малейшей степени отступить от этого обряда при крещении взрослых людей, даже хотя бы ради приличия или щадя зрителей.
18. Никогда еще не было государя, столь доступного и столь добродушного в частной жизни, каким был Петр I. Часто случалось так, что он желая свободно побеседовать с кем-нибудь — офицером, купцом или артистом, — отправлялся неожиданно к ним домой без свиты, и, если это было в час обеда, садился безо всяких церемоний за стол со всею семьей. Он хотел, чтобы хозяин дома и все, находившиеся за столом, забыли, кем он являлся, и обращались с ним, как с равным. Чтобы ему понравиться в таких случаях, нужно было не оказывать ему никаких особых знаков почтения. Таким добрым он становился, когда бывал с простыми людьми. Когда же он обращался с монархами, то имел чрезвычайно надменный вид и был очень строг в вопросах церемониала.
19. Можно предположить, что этот крестьянин по каким-то смутным не определенным признакам подозревал, что Екатерина могла быть его сестрой. Но он не был уверен в этом и не осмеливался высказать, что думал об этом. Свое подозрение он решился высказать скорее под воздействием вина, чем в результате каких-то размышлений. Можно также предположить, что воспоминания о первых детских годах Екатерины не стерлись и сохранились в его памяти.
20. Я вспоминаю, что в начале этой интриги, будучи при дворе, но совершенно ничего не зная о том, что происходило между царицей и ее камергером Монсом де ла Круа, я не только подозревал об этом, видя их вместе, но даже и не сомневался в этом. Хотя я их видел лишь публично, но однажды, когда при дворе было большое скопление народа, я, как никогда ранее, понял, насколько слепа любовь и что ее труднее скрыть, чем что-либо иное.
21. Царь при первых же бесспорных доказательствах неверности его жены хотел учинить над нею суд в Сенате, чтобы устроить ей публичную казнь. Когда же он сказал о своем намерении графам Толстому и Остерману, оба они кинулись к его ногам, чтобы заставить его отказаться от этого. И если это им удалось, то не потому, что они ему доказали, что самое мудрое решение состояло в том, чтобы замять это дело как можно быстрее, иначе оно станет в глазах всего мира первым знаком его бесчестия: это им удалось лишь потому, что они затронули вопрос о его двух дочерях от этой женщины, к которым он питал большую нежность. В то время шли переговоры об их замужестве с европейскими государями, которые, конечно, не захотели бы на них жениться после такого скандала.
22. Приступ его гнева против Екатерины был таков, что он едва не убил детей, которых имел от нее. Мне известно от одной французской девушки (фрейлины, которая прислуживала цесаревнам Анне и Елизавете), что царь, вернувшись однажды вечером из крепости в Петербурге, где шел процесс над господином Монсом де ла Круа, внезапно вошел в комнату молодых цесаревен, которые занимались какой-

то свойственной их положению работой вместе с несколькими девушками, находившимися при них для их воспитания и развлечения. По словам фрейлины, он имел такой ужасный, такой угрожающий вид, был настолько вне себя, что все, увидев его, были охвачены страхом. Он был бледен, как смерть. Блуждающие глаза его сверкали. Его лицо и все тело, казалось пребывали в конвульсиях. Он ходил несколько минут, не говоря никому ни слова и бросая страшные взгляды на своих дочерей, которые, дрожа от испуга, тихонько проскользнули вместе с девушками в другую комнату и укрылись там. Раз двадцать он вынимал и прятал свой охотничий нож, который носил обычно у пояса, и ударил им несколько раз по стенам и по столу. Лицо его искривлялось такими страшными гримасами и судорогами, что фрейлина-француженка, которая не смогла еще убежать, не зная, куда деваться, спряталась под стол, где она оставалась, пока он не вышел. Эта немая сцена длилась около получаса, и все это время он лишь тяжело дышал, стучал ногами и кулаками, бросал на пол свою шляпу и все, что попало под руку. Наконец, уходя, он стукнул дверью с такой силой, что разбил ее.

23. Этого любовника звали Монс де ла Круа. Он родился в Москве. Родители его были немцы, считавшие себя выходцами из Франции, что подтверждает его фамилия. Это был один из самых красивых людей, каких только можно встретить. Страсть Екатерины к нему была такой сильной, что все это замечали. И, конечно, она стала известна царю. Жертвой этой любви оказался любовник. Петр I назначил комиссаров, которых сам же и возглавил, чтобы допросить преступника конфиденциально, секретно. Этому человеку были известны истинные мотивы процесса, который организовали против него. Он сам помог выдвинуть такое обвинение, которое бы никого не обесчестило, объявив себя, по собственному почину, виновным в многочисленных взятках, за которые его и судили, и он был обезглавлен в Петербурге. Кроме своей природной красоты он обладал грациозностью во всех своих поступках, которую он сохранил и на эшафоте. Даже в тот момент, когда удар топора отсек ему голову, он продолжал оставаться все тем же человеком, скорее желая, а не боясь смерти. Под предлогом, что ему необходимо побеседовать с лютеранским священником, который его сопровождал, за несколько минут до казни он передал ему золотые часы, внутри которых находился портрет царицы. Он отвел также в сторону палача, чтобы предупредить его, что в подкладке его брюк находится портрет, обрамленный бриллиантами, и велел ему взять этот портрет и бросить в огонь. Это тоже был портрет Екатерины. У него имелся еще и третий, который он ловко передал одному скромному человеку в то время, когда его перевозили из дома в крепостную тюрьму.

24. В течение двух лет и нескольких месяцев, пока она правила, у нее были только эти два любовника. Она любила графа Лёвенвольда в течение 8—9 месяцев, а затем сделала его своим другом, отдав всю свою нежность графу Сапеге. Это был молодой польский вельможа, красивый и хорошо сложенный, которого она женила на своей племяннице Скавронской, чтобы иметь предлог, как об этом говорили, держать постоянно при себе этого молодого человека. Эта племянница была дочерью крестьянина, о котором говорилось в этих рассказах и семья которого находится теперь в родстве с самыми блестящими домами Европы. Граф Сапега был кузеном короля Станислава со стороны Лещинских и польской королевы Опалинской по линии Опалинских.

25. Петр I всегда имел рядом со своей кроватью карандаш, привязанный к грифельной доске, на которой он записывал свои сны, чтобы утром, проснувшись, вспомнить о них.

26. Я считал бы вполне извинительным это ее суеверие, если бы все сны, которые она обычно видела, были бы такими же многозначительными, как те два, которые стали мне известны от ее фрейлин. Эти сны она видела прежде тех событий, которые они якобы объясняли. Первый сон она увидела за 15 дней до раскрытия ее интриги со своим камергером Монсом де ла Круа. Ей снилось, что она видит на своей кровати множество маленьких змей, которые приближались к ней, подняв головы и шипя. Среди них была одна огромной величины, которая обвила все ее тело с головы до ног. Сделав большие усилия, чтобы избавиться от нее, она сумела наконец задушить ее именно в тот момент, когда та собиралась ужалить ее в грудь. И тогда она увидела, как в один миг уползли и исчезли все остальные змеи. Те, кто читал в этих записках, в каком затруднительном положении она находилась во время истории с Монсом, могут вполне справедливо сопоставить этот сон с данными событиями. Она сама его объясняла так, что он предсказывал ей большие неприятности, из которых она благополучно выпутается; что маленькие змеи означали большое количество мелких тайных врагов, которых она имела при дворе и над которыми она вскоре восторжествует, когда избавится от некоторых могущественных лиц, которые хотят посягнуть на ее жизнь и о которых она не могла догадываться.

Второй сон был за три месяца до ее смерти. Она была еще совсем здорова. Ей снилось, что когда она была за столом со всеми министрами своего совета, вдруг появился Петр I, окруженный ярким светом и одетый римлянином. Он подошел к ней с величественным и удовлетворенным видом, обнял ее и унес в огромное воздушное пространство. Посмотрев оттуда вниз, она увидела своих дочерей Анну и Елизавету в окружении толпы людей из самых разных народов и обличий, которые дрались друг с другом. Объяснение, которое она дала этому сну, было следующее: сон ей предсказывал, что она скоро умрет и что в России будут беспорядки после ее смерти. Ее предсказание сбылось.

Крестьяне Правобережной Украины в борьбе за землю и волю (вторая половина XVII—XVIII в.)

В. А. Маркина, В. В. Крижановская

Существенным результатом освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. стало изгнание польских феодалов с территории Левобережной и значительного пространства Правобережной Украины, где утвердилась собственность на землю крестьян и казаков, находившихся под юрисдикцией гетманско-старшинской администрации.

По Андрусовскому перемирию 1667 г. Украина была разделена по Днепру: Левобережная осталась в составе России, а Правобережная (без Киева) возвратилась под власть Польши. «Вечный мир» 1686 г. закрепил принадлежность большей части Правобережья Польше, при этом земли по Днепру (от Киева до Чигирина) не подлежали заселению, им предназначалось «быть в пусте всегда»¹. Но именно сюда устремился поток народной колонизации: десятки тысяч крестьян с Волыни, из Подолии, Молдавии, Белоруссии.

Польские феодалы стремились восстановить утерянную собственность на землю, но каждый раз наталкивались на сопротивление крестьян и казаков. Казацкая старшина, в свою очередь, использовала создавшуюся обстановку для закрепления собственных притязаний на право владеть землей. Новый подъем борьбы крестьян и казаков во главе с С. Палием в защиту своих прав в 80—90-е годы XVII в. затормозил возврат крепостных порядков в Приднепровье. Введение в 1702 г. на Киевщину войск Речи Посполитой дало толчок всеобщему восстанию (1702—1704 гг.), которое возглавили С. Палий и С. Самусь. О его размахе можно судить по тому, что только у Самуся под Белой Церковью насчитывалось до 10 тыс. повстанцев. Не имея сил подавить это движение, польский король Август II в 1704 г. попросил царское правительство взять эту задачу на себя². При этом он умолял Петра I, чтобы тот возвратил магнатам и шляхте захваченные восставшими земли: «Белую Церковь Речи Посполитой возвратить и за отнятые доходы 3-летние возместить»³.

В 1705—1711 гг. восстания на Правобережье не прекращались. В начале 20-х годов XVIII в. борьба крестьян и казаков за землю и волю приняла форму гайдамацкого движения. С 1734 г. оно переросло в восстание, охватившее Подолию, Брацлавщину и докатившееся до Волыни и Галиции. Польские войска не могли справиться с ним. Гайдамацкие отряды продолжали борьбу в Приднепровье⁴. В 50—60-е годы XVIII в. антифеодальное и национально-освободительное движение на Правобережной Украине достигает апогея. Кульминационным пунктом гайдамацкого движения стала Колиивщина, угрожавшая распространиться не только на всю Украину, но и на Польшу. Новая волна восстаний на Украине приходится на 70—80-е го-

---

Крижановская Валентина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Киевского педагогического института.

ды XVIII века. Наибольшего размаха движение достигло тогда опять-таки на Правобережье.

Силой оружия изгнав польских феодалов с «обоих берегов Днепра», восставшие крестьяне и казаки присваивали себе право распоряжаться освобожденными землями. Они получили название «отчизн»⁵, а владельцы их не вносили никому феодальной ренты. Освобожденная от власти польских феодалов земля объявлялась достоянием Войска Запорожского. Крестьяне и казаки осваивали принадлежавшие ранее светским и духовным землевладельцам леса, где заводили свои хутора, хуторки и пасеки.

Несмотря на подавление крестьянских восстаний, сопротивление крестьян не позволяло феодалам восстановить свои владельческие права в прежних размерах. Летом 1718 г. ректор Овручской коллегии иезуитов представил в Киевский городской суд иск, в котором говорилось, что во время длительных бунтов шляхта и ксендзы, спасая жизнь, вынуждены были надолго бросить свои владения и бежать в дальние края, а их земли захватили новые собственники: мещане и крестьяне во время бунта отобрали поля, огороды, сенокосы, лес, пасеки, короче, все, что ранее принадлежало коллегии иезуитов. Далее в иске подчеркивается, что «крестьяне держат земли в незаконной посессии и пользуются ими, а тому, кто жалуется, не дают ничего»⁶. Таким образом, несмотря на попытки восстановления еще в 80-е годы XVII в. власти Речи Посполитой на Правобережной Украине, духовные феодалы долго не могли вернуть прежние порядки в свои имения.

Нечто подобное произошло с владениями Лысянского базилианского монастыря в Приднепровье. В 1662 г. польский король пожаловал ему в Звенигородском старостве села Неморожи, Бучайновку, а в 1670 г. — в Лысянском старостве села Смутьчинец, Гонжаловку, Миски, Будища, Шестеринец, Настасивец. Король Станислав Август в 1781 г. подтвердил эти пожалования. Но, как установила в 1834 г. комиссия, занимавшаяся описанием монастырского имущества, монастырь «из-за ежегодных революций так никогда этими селами не владел»⁷ и никаких рент с них не получал.

В результате освободительной борьбы на Правобережной Украине возникли устойчивые очаги крестьянской собственности. Многочисленные акты материалы XVII в. убеждают в том, что крестьяне свободно продавали и дарили свои «дедичные» поля, луга, леса, сады, пруды, хутора другим крестьянам и мещанам⁸. Крестьяне, создавшие хутора в лесах, ничего не платили возвращавшимся польским феодалам. Поэтому последние настаивали на упразднении таких хуторов. Об этом свидетельствуют постановления брацлавских сеймиков за 20—30-е годы XVIII века⁹. С трудом польским феодалам приходилось постепенно восстанавливать свои права в Приднепровье. В первой половине XVIII в. главным социальным противоречием здесь являлась борьба крестьян против введения личной зависимости и распространения фольварочно-барщинной системы.

Феодалы стремились превратить свободных поселенцев Приднепровья в крепостных, те отвечали на это бегством. Главным очагом массовых передвижений населения в первой половине XVIII в. оказалось именно Приднепровье, где после Прутского мира 1711 г. тысячи казаков-крестьян ушли с правого на левый берег Днепра. Возвращаясь на Правобережье, польские магнаты, чтобы остановить бегство крестьян, вынуждены были освобождать новопоселенцев от повинностей на 5—6 лет, не выясняя при этом, откуда и почему они бежали. Центром притяжения переселенцев стали Брацлавщина и Киевщина¹⁰, куда, наряду с коренным населением, возвращавшимся на свои пепелища, потянулись люди с Волыни, из Белоруссии. Воспользовавшись льготами, они оседали здесь, но на первые же попытки феодалов ввести повинности отвечали бегством. Уже в 1687 г. по р. Тясьмин, правому притоку Днепра, где запрещались поселения, насчитывалось свыше 14 тыс. дворов, основанных беглецами с Левобережья¹¹.

Шляхта Волыни пыталась любыми путями противодействовать бегству крестьян в Поднепровье. В 1681 г. сеймик Волынского воеводства потребовал, чтобы «каждый в своем имении имел наблюдение» за беглыми крестьянами; владельцу имения, в котором обнаружился беглый крестьянин, разрешалось «все у беглеца отнять и обратить в свою пользу», самого же его с женой и детьми отослать к господину, от которого крестьянин бежал¹². Значительная часть крестьян предпочитала постоянно жить в бегах, нежели отбывать барщину. В конечном счете многие из них оседали на слободах, основанных главным образом в магнатских латифундиях. Возникновение и существование таких слобод объективно способствовало распространению духа неповиновения феодалам.

Во второй половине XVII в. шляхта не раз требовала от правительства сократить сроки льгот, чтобы слободы были менее привлекательны для беглых и не возбуждали к бунтам, или даже отменить все слободы как вредное для шляхетского хозяйства изобретение магнатов. Киевская шляхта добивалась издания закона, который запретил бы селить крестьян на

слободах, «чтобы ни один пан не посмел зазывать на слободы в свои имения»¹³. Магнаты тем не менее продолжали селить беглецов в своих слободах.

За уничтожение слобод ратовала в основном средняя и мелкопоместная шляхта, у которой магнаты переманивали крестьян. В слободах шляхтичи видели также очаг сопротивления крестьян усилению феодального гнета. В 1693 г. киевская шляхта обратилась к правительству с требованием: «Так много развелось на территории нашего воеводства панских слобод, что крестьяне, которые сбегаются туда, чтобы чинить произвол, не только рушат наши имения, но и совершают там всяческие преступления и этим подбивают на преступные действия других крестьян. А поэтому настаиваем, чтобы магнаты отдавали по первому же требованию собственникам тех крестьян, которые убежали от своего пана, и чтобы сами слободы были уничтожены»¹⁴.

Неоднократные обращения шляхты к правительству и королю встречали у них требуемый отклик. В 1699 г. сейм утвердил королевский указ, обязывавший магнатов Подольского воеводства под угрозой высокого штрафа возвращать беглецов их собственникам, а не селить их на слободы¹⁵. Однако несмотря на это и другие постановления, слободы на Правобережье, и особенно в Приднепровье, в конце XVII — начале XVIII в. не были уничтожены. Причина этого крылась не только в бессилии правительства, но и в сопротивлении крестьян.

Выход из создавшегося положения магнаты и шляхта искали в законодательных мерах. На Брацлавщине была усилена ответственность за предоставление убежища и невыдачу беглых крестьян, а для их новых владельцев установлен ценз оседлости. Сеймик воеводства в 1719 г. объявил о предоставлении собственникам «священного» и «нерушимого» права возвращать беглых, даже не дожидаясь судебного решения, а в 1724 г. срок оседлости был сокращен до одного года. Для того чтобы лишить крестьян стимула к побегам, тогда же было решено унифицировать во всех имениях виды и размеры повинностей. За эталон при этом взяли нормы феодальной ренты Немировского Ключа; посессоры, которые для заманивания крестьян уменьшали повинности новопоселенцев, облагались штрафом¹⁶.

Воплотить в жизнь такое решение оказалось непросто. Со времени восстания Палия и Самуся количество хуторов, отказавшихся отбывать повинности, значительно возросло. Эти хутора являлись, как правило, пристанищами для повстанцев. «Во всех наднепровских местах... обыватели имеют свои пасеки, — жаловалась шляхта, — и приезжающих гайдамак принимают... сообщество с ними имеют, пороку гайдамакам дают»¹⁷. Значит, крестьяне, имевшие пасеки или хутора, в борьбе за самостоятельность хозяйствования поддерживали гайдамацкое движение, социальной базой которого были прежде всего беглые крестьяне.

Утратив надежды на помощь правительства, шляхта пыталась сама покончить со слободами и хуторами. Не раз сеймики принимали решения с помощью военной силы ликвидировать эти очаги крестьянского землепользования и собственности. Сеймик Брацлавского воеводства в 1714 г. постановил отправить карательную экспедицию для уничтожения хуторов. «В нашем воеводстве, — говорилось в этом решении, — до сих пор сохраняются в глухих местностях остатки казацкого бунта, и оттуда в города проникает разбой; поэтому необходимо на протяжении одного года разрушить все хутора, а если кто на протяжении указанного времени не ликвидирует такой хутор, то последний следует разрушить и сжечь»¹⁸.

С 1683 по 1736 г. шляхта Брацлавщины, Киевщины, Подолии вынесла на своих сеймиках 31 решение об уничтожении слобод и хуторов. Частое повторение таких постановлений свидетельствует о том, что их не удавалось привести в исполнение не только из-за сопротивления крестьян. Магнаты, администрация королевских имений в Приднепровье широко применяли слободы для привлечения рабочих рук в свои имения.

Конечно, введение слобод и денежной ренты, увеличение наделов являлось своего рода маневром феодалов, рассчитанным на привлечение новопоселенцев. Истечение получаемых ими льгот, расширение фольварочно-барщинного хозяйства и усиление их личной зависимости привело к разрастанию гайдамацкого движения в середине XVIII века. Познав, пусть на относительно короткий срок, свободу от внеэкономического принуждения, крестьяне упорно сопротивлялись закреплению, увеличивалось число беглых. Поэтому в 1777 г. Станислав Август предписал, чтобы беглые крестьяне в Киевском, Волынском, Брацлавском воеводствах оставались там, где их зарегистрировали¹⁹.

В последние десятилетия XVIII в. тысячи крестьян бежали именно из Приднепровья. Из Хацевского Ключа Уманщины многие из них ушли в Одессу, где построили себе дома, стремясь осесть там на постоянное жительство²⁰ и заняться торговлей. Только в мае 1797 г. из Правобережной Украины, находившейся в пределах Речи Посполитой, бежало в Екатеринославское наместничество 3500, а в места между Южным Бугом и Днестром за апрель — май

того же года — около 4 тыс. человек²¹.

Усиление сопротивления крестьян заставило магнатов создать «милицейскую хоругвь», казалось, испытанную еще в 1733 г. в ходе очередного гайдамацкого восстания при защите ими своих имений от восставших крестьян²². Коронный гетман Иосиф Потоцкий в 1796 г. официально разрешил феодалам Правобережной Украины вербовать отряды вооруженной челяди и обязал администрацию пограничных староств, которые подвергались гайдамацким набегам, содержать воинские хоругви.

В 1750 г. на Киевщине, Брацлавщине и в Подолии формировалась и общевоеводская «милиция». Правительство делало попытки подчинить ее войсковому командованию, как того требовала шляхта, однако эти усилия разбились о саботаж магнатов, побоявшихся отпустить созданные ими отряды из своих имений. К тому же общевоеводская «милиция» не была надежной, так как чиншевые крестьяне, из которых она набиралась, нередко склонялись на сторону гайдамаков. Поэтому в 1761 г. «милицейские» отряды пришлось ликвидировать²³.

Не помогало и усиление судебной расправы над гайдамаками, включая учреждение в середине 1730-х годов военно-полевых судов. Гайдамацкие отряды было трудно уловить, а крестьяне Левобережной Украины активно участвовали в гайдамацком движении. Это заставило магнатов, шляхту и правительство Речи Посполитой пойти на создание в Приднепровье смешанных польско-российских пограничных судов. В середине XVIII в. «комиссары» (пограничные судьи, представлявшие интересы обеих сторон) решали вопросы, связанные с возмещением убытков, причиненных имениям гайдамаками, с возвращением беглых крестьян и т. д. В 1753 г. они стали рассматривать дела «безволокипно»²⁴. Однако предотвратить гайдамацкие набеги хотя бы на приграничные имения так и не удалось.

Убедившись, что военной силой и судебными карами движение крестьян не подавить, магнаты и шляхта в 60-е годы XVIII в. вынуждены были пойти на некоторые уступки. К этому времени относится в частности первое на протяжении нескольких столетий юридическое ограничение феодального произвола в Речи Посполитой. В 1768 г. сейм, подтвердив нерушимость феодальной собственности на землю, отобрал у феодалов «право меча» и лишил земельных собственников права распоряжаться жизнью и смертью крестьян²⁵.

Между тем в ходе Колиивщины универсал И. Железняк провозглашал целью восстания не просто уничтожение господ, но и возврат крестьянам всего того, что «должно принадлежать им по праву», то есть земли и права свободно распоряжаться плодами своего труда. Крестьяне призывались на вооруженную борьбу за освобождение от личной зависимости и право на свободу хозяйственной деятельности. Колиивщина, несмотря на ее подавление, задержала установление крепостнических порядков в юго-восточной части Правобережной Украины. В Приднепровье и Приднестровье магнаты вынуждены были довольствоваться получением чинша, воздерживаясь от введения фольварочно-барщинной системы.

Здесь — на окраине Правобережной Украины — было много пустующей земли, пришлое население быстро втягивалось в развивавшиеся товарно-денежные отношения. Крестьянские хозяйства торговали хлебом, скотом, полотном, дегтем и ремесленными изделиями. Изменения же в аграрном законодательстве Речи Посполитой последней трети XVIII в. направлялись на обеспечение барщинного фольварка рабочей силой, на прикрепление крестьян к земле, на пресечение их восстаний и побегов. В 80-е годы XVIII в. было издано постановление об устранении «беспорядков» и одновременно подтверждались все предшествующие указы подобного рода. Издание на протяжении ряда лет законов одного и того же содержания свидетельствовало о том, что их не удавалось реализовать.

Крестьянский вопрос стал предметом дебатов на Четырехлетнем сейме (1788—1792 гг.). Принятая им Конституция 3 мая 1791 г. в общей форме провозгласила принятие крестьян «под опеку» правительства, арендный договор должен был гарантировать крестьянину неприкосновенность его надела землей²⁶. Но Конституция не освободила крестьян от крепостной зависимости и не предоставила им землю в собственность, подтвердив в то же время права магнатов и шляхты в области юрисдикции и поземельных отношений.

Все попытки даже самых незначительных реформ, направленных на ослабление феодального гнета, вызывали сопротивление магнатов. Владельцы латифундий на Правобережной Украине (Потоцкие, Браницкие, Жевуские и др.) в акте Тарговицкой конфедерации 1792 г. выступили за незыблемость своих прав на эксплуатацию крестьян. В 1795 г. конфедераты заставили сейм в Гродно подтвердить неизменность прав феодалов²⁷.

Итак, после освободительной войны 1648—1654 гг. в результате сопротивления крестьян магнаты и шляхта на Правобережной Украине (в пределах Брацлавского, юго-западной части Киевского и Подольского воеводств) более столетия не смогли утвердить барщинное хозяйство. Можно говорить о преобладании здесь в это время относительно свободного кре-

стьянства, чиншевиков, отстаивавших свою личную свободу и самостоятельность хозяйствования. Бегство крестьян, усиливавшееся в связи с переходом к барщине, перерастало в миграцию огромных масс сельского населения, которую не могли остановить никакие меры правительства Речи Посполитой и польских феодалов. В этих условиях землевладельцам, чтобы перейти к барщинному фольварку, понадобилось почти полтора столетия.

Примечания

1. Полное собрание законов Российской империи (I). Т. 2. СПб. 1830, № 854, с. 290—292.
2. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) СССР, ф. 79, оп. 3, д. 162, л. 6.
3. Там же, ф. 79, оп. 4, д. 73, л. 2.
4. Гайдамацький рух на Україні 1717—1775 рр. Київ. 1970; ЛОЛА О. П. Гайдамацький рух на Правобережній Україні 20—60-х рр. XVIII ст. Київ. 1965, с. 11, 53.
5. ЛАЗАРЕВСКИЙ А. М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648—1778). Историко-юридические очерки по архивным источникам. Киев. 1908, с. 76—77.
6. МАРКИНА В. А. Крестьяне Правобережной Украины (конец XVII — 60-е г. XVIII в.) Киев. 1971, с. 24.
7. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 823, оп. 2, т. 2, д. 3334, лл. 16—17.
8. См. Архив Юго-Западной России (АЮЗР). Ч. 6, т. 2. Киев. 1870, с. 5, 18, 28, 29, 30, 31, 121 и др.
9. АЮЗР. Ч. 2, т. 3. Киев. 1910, с. 317, 366, 405, 547, 683; ч. 3, т. 2. Киев. 1868, с. 223—224.
10. В 1745 г. из Киевщины и Брацлавщины было возвращено в Россию свыше 10 тыс. самовольно переселившихся (см. АЛЕФИРЕНКО Е. И. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-е годы XVIII в. М. 1958, с. 107).
11. ПЕРКОВСКИЙ А. Л. Народонаселение Украины в XVIII в. Автореф. канд. дисс. Киев. 1968, с. 5.
12. АЮЗР. Ч. 2, т. 2. Киев. 1888, с. 414—415.
13. Там же, с. 502.
14. Там же, с. 515, 525; ч. 2, т. 3, с. 742.
15. Volumina legum. Т. 6. Petersburg. 1860, s. 35.
16. АЮЗР. Ч. 2, т. 2, с. 547; ч. 3, т. 3. Киев. 1914, с. 177; ч. 2, т. 3, с. 355, 620, 742, 819—820.
17. Гайдамацький рух на Україні, с. 25, 128.
18. АЮЗР. Ч. 2, т. 3, с. 317.
19. ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 49, оп. 1, д. 1587, л. 1.
20. Там же, д. 2273, л. 4.
21. Селянський рух на Україні в другій половині XVIII — першій чверті XIX ст. Київ. 1978, док. 41, 43, 62, 64, 66, 93, 97, 100, 105, 107, 108, 114, 123.
22. ЦГИА УССР, ф. 49, оп. 2, д. 1950, л. 21.
23. АЮЗР. Ч. 3, т. 3, с. 233—234, 436—439, 451—452, 454—456, 458—460, 562—563.
24. Землевладельцы сетовали в 50-е годы XVIII в.: «Пограничные суды разрываются и в оных никакой справедливости не чинится, а мы в обидах наших никакого удовлетворения не получаем» (Гайдамацький рух на Україні, с. 299).
25. Volumina legum. Т. 7. Petersburg, 1860, s. 280.
26. Historia państwa i prawa Polski od połowy XV do 1795. Warszawa. 1957, s. 429—443.
27. Volumina legum. Т. 10. Poznań. 1952, s. 111—113.

«Второй человек» в рейхе

Л. Н. Гаранин

Этот человек занимал в гитлеровском рейхе самые высокие посты¹. У него одновременно было 16 должностей, вплоть до постов главного лесничего и главного егермейстера страны. Он отличался волей и упорством, жестокостью и коварством, хитростью и умением маневрировать, дипломатическими способностями при отсутствии каких-либо нравственных ограничений, хорошим военным образованием. Он разбирался в людях и умело находил себе тех, кто тащил за него воз конкретной работы, тогда как он намечал лишь общую линию и потом добивался ее реализации. Сильнейшими побудительными мотивами его деятельности было честолюбие, властолюбие и патологическое сластолюбие. Существовало как бы два Геринга: публичный — одетый в один из своих многочисленных пестрых мундиров, внешне добродушный толстяк, любитель развлечений, «коллекционер» награбленных произведений искусства, охотник и альпинист; и невидимый массам — злобный и вероломный, бессовестный хищник, готовый уничтожить любого, кто мешал ему.

Себя он называл «вернейшим паладином нашего фюрера»². Это выражалось в том, что, не стремясь к положению официального лидера, Геринг, особенно в 1933—1938 гг., старался сосредоточить в своих руках максимум реальной власти, сделав Гитлера «идейно-политическим вождем». Он боролся с Г. Гиммлером за контроль над карательной системой, но уступил. Под Геринга «подкапывался» М. Борман, возглавивший в 1941 г. партийный аппарат Й. Геббельс тоже стремился опорочить Геринга в глазах фюрера. Тем не менее Геринг был так прочно связан с самой сутью нацизма, что рухнул лишь вместе с этим режимом.

Он был единственным из нацистских лидеров, происходившим из достаточно высокопоставленной семьи, с родословной и солидным положением. Его отец, Генрих-Эрнст, кавалерийский офицер, воевал в кампаниях 1866 и 1870—1871 годов. Среди его предков — прусский правительственный президент, базельские ростовщики и банкиры Эберлеры, в XV в. перешедшие в христианство из иудаизма (факт, замалчивавшийся в годы нацизма). Генрих-Эрнст дослужился до поста земельного судебного советника. В 1880-е годы О. фон Бисмарк командировал его в Лондон изучать колониальный опыт. Там 44-летний вдовец женился на 20-летней дочери баварского крестьянина кельнерше Ф. Тиффенбруннер и вскоре отбыл в Юго-Западную Африку, где с 1886 г. был рейхскомиссаром. Здесь в его жену влюбился Г. Эпенштейн, врач и купец, разбогатевший на торговле, наполовину еврей.

В 1891 г. семья с тремя детьми вернулась на родину, отец получил затем пост генерального консула Германии на Гаити, а фрау решила четвертого ребенка рожать дома и поселилась в санатории Мариенбад. Там-то и увидел свет 12 января 1893 г. второй их сын, названный

Гаранин Лев Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Гомельского университета.

именно в честь Г. Эпенштейна Германом, а в честь кайзера — Вильгельмом. На три года его отдали на воспитание в еврейскую семью Граф, во Франконию. Несмотря на это, позднее Геринг настаивал, что он и по крови, и по воспитанию — истинный пруссак.

В 1896 г. Генрих-Эрнст возвратился с семьей пенсионером в Германию. Его жена вновь стала подругой Эпенштейна. Семья поселилась в одном из его домов в Берлине, пользуясь также его замками Маутерндорф в Австрии и Фельденштейн под Нюрнбергом. (Впоследствии оба замка были «подарены» Герингу Эпенштейнами за разрешение уехать из Австрии после аншлюса.) В Фельденштейне, украшенном в средневековом духе и расположенном в живописной местности, Герман с малости впитал страсть к богатству. Соответствующий подбор книг для чтения воспитывал в нем национализм. А когда он побывал в роскошном Маутерндорфе с его коллекцией произведений искусства, у него зародилась страсть к великолепию.

12-ти лет его отдали в кадетскую школу Карлсруэ, 16-ти перевели в главный кадетский корпус Лихтерфельде, под Берлином. Там муштровали будущих прусских офицеров. Герман учился хорошо и удостоился личной похвалы Вильгельма II. Юного лейтенанта назначили в 113-й пехотный полк в эльзасском Мюльхаузене. Там он обрел лишь одного друга, но на всю жизнь — лейтенанта Б. Лёрцера. А в 1913 г. прервались отношения с одворянившимся фон Эпенштейном, затем умер отец, и Герман остался без денег.

Грянула первая мировая война. На фронте Геринг со своим взводом был послан в разведку и, посадив солдат на велосипеды, совершил внезапный налет на Мюлуз, где находился отряд французских драгун, захватил несколько лошадей и отступил. За этот налет он получил Железный крест 2-го класса, а осенью в холодных окопах заболел ревматизмом и лег в госпиталь. После выписки встретился с Лёрцером, служившим в авиации, и тот уговорил Геринга перейти туда.

Геринг выучился на летчика-наблюдателя. Летая с Лёрцером, он корректировал артиллерию и фотографировал позиции противника. Однажды в ставку кронпринца, командовавшего 5-й армией, приехала его супруга, а тут появился французский самолет, сильно перепугавший ее. Лёрцер и Геринг отогнали француза. Наградой стал Железный крест 1-го класса. Чтобы не трусить в воздухе, он принимал морфий и постепенно стал наркоманом. Подтянутая фигура Геринга (толстеть он стал позже) попала на обложки иллюстрированных изданий. Его честолюбие было подстегнуто, он первым взял в полет ручной пулемет и стал воздушным стрелком, затем переквалифицировался в летчика-истребителя, в одном из полетов он сбил английский двухмоторный бомбардировщик, сам был атакован, ранен, с трудом посадил изувеченную машину и попал в госпиталь.

Позже он командовал 27-м авиаотрядом, был произведен в обер-лейтенанты, в мае 1918 г. за 20 лично сбитых самолетов противника получил высший прусский орден «За заслуги», а в июле был назначен командиром эскадрильи «Рихтгофен». Теперь он берег себя, редко летал и сбил еще только два самолета. В ноябре 1918 г. капитан Геринг после Компьенского перемирия получил приказ лететь в Страсбург и передать там самолеты французам как трофеи, но не выполнил его и улетел в немецкий тыл. По дороге часть самолетов села в Маннгейме, где их задержал Совет солдатских депутатов. Геринг стал угрожать Совету огнем с воздуха и вынудил освободить задержанных. Потом, уничтожив самолеты, он распустил свою эскадрилью и обратился к офицерам с контрреволюционной речью.

Как монархист он не признавал республики, ненавидел демократию, поддержал лозунг о «ноябрьских преступниках» и легенду об «ударе кинжалом в спину» Германии. Поэтому он не захотел служить ни в республиканском рейхсвере, ни в «добровольческих» корпусах.

В Мюнхене, после неудачной попытки жениться на богатой невесте, он нашел работу на Баварских моторостроительных заводах («БМВ») и сблизился с английским офицером авиации Ф. Бьюмонтом. В поисках средств, не брезгуя аферами и занимая деньги у кого попало, он проводил вечера в кутежах, тратился на наркотики и женщин. Запутавшись в долгах, принял предложение «БМВ» слетать в Копенгаген на первую послевоенную авиавыставку с самолетом Ф-7. «БМВ» за удачную рекламу их продукции подарили потом Герингу эту машину. В Скандинавии он за 50 крон с человека катал на самолете богатых туристов.

Когда Геринг узнал о версальском запрете для Германии иметь авиацию, то перебрался в Швецию и стал там пилотом авиакомпании. Зимой 1920 г. он познакомился с графом Э. фон Розеном. Тот уговорил Геринга доставить его на самолете в личное поместье. Там, в замке Рокелстад Геринг встретил женщину и символ, с которыми его в дальнейшем связала судьба: молодую сестру хозяйки Карин фон Канцов, урожденную остзейскую баронессу фон Фок, и свастику над камином. 27-летний Герман вскоре сделал предложение 32-летней Карин, имевшей 8-летнего сына. Она подходила ему и по взглядам: германофилка и мистико-романтичес-

кая националистка. В 1922 г. они поженились и переехали в Мюнхен, где жила мать Геринга.

Герман поступил на исторический факультет Мюнхенского университета и начал работать над темой «Изгнание Наполеона из Германии». Но наука интересовала его мало, и он продолжал разгульный образ жизни. Не будучи теперь стеснен в средствах, по-прежнему не брезговал никакими источниками доходов, участвовал в темных спекуляциях. Он вращался в среде недовольных республикой монархистов и стал своим человеком в буржуазно-юнкерских кругах. 12 ноября 1922 г., в разгар кампании правых против Закона о защите республики, Геринг впервые увидел и услышал на митинге Гитлера. Нацистские идеи пришлись ему по вкусу, и он вступил в НСДАП. Гитлеру же был нужен популярный офицер с высоким орденом, но без политических амбиций³.

Вскоре Геринг стал рейхсфюрером СА (штурмовых отрядов), которые при нем выросли до 11 тыс. человек. Политический кризис 1923 г. усилил позиции Геринга как командира СА. Только на штурмовиков мог тогда опереться Гитлер в попытке захватить власть. Муштруя их в лесах под Мюнхеном и терроризируя местных демократов, Геринг мечтал и о политическом успехе, надеясь на установление военной диктатуры, при которой он займет место возле генерала Э. Людендорфа, «а Гитлера как-нибудь устроят»⁴.

Чета Герингов жила на вилле в Обермееце, украшенной картинами, фарфором и коврами. Туда часто навещали Гитлер, Людендорф, Р. Гесс, А. Розенберг, другие видные нацисты. Гитлер вообще довольно долго жил на деньги Геринга, который вел себя весьма свободно и посмеивался над «пуританством» фюрера, но зато твердо поддерживал всего его начинания.

9 ноября 1923 г., в день «пивного путча», Геринг шел рядом с Гитлером. На следующий день, во время марша нацистов, которыми командовал Геринг, он был ранен в ногу. Штурмовики перенесли его в дом торговца мебелью еврея Баллина. Тот не выдал его полиции и переправил в клинику, где была сделана операция. Затем Геринга в автомобиле вывезли в Австрию. Оттуда он с женой уехал в Италию в расчете на получение помощи от Муссолини. Но эти надежды не оправдались.

Потом Геринг уехал в Швецию. Там у него обострилась наркомания, и он согласился на лечение в психиатрической клинике. С ним случались приступы бешеной ярости, он однажды так напугал пасынка, что в 1926 г. шведский суд лишил супругов Геринг права воспитывать ребенка. В клинике Лангбру Геринг лечился с августа по октябрь 1925 г., с мая по июнь 1926 г. и в октябре 1927 года⁵. Он был освидетельствован в больнице св. Екатерины квалифицированными врачами: злоупотребление морфином и эвкалидом вызывало у него психоз. Во время припадков его часто связывали и помещали в палату для буйных. Лечение дало эффект, но всю остальную жизнь Геринг принимал разные снадобья, в результате стал быстро полнеть и получил кличку «боров».

Амнистия открыла ему путь на родину. У него сохранились полезные знакомства. Успех принесли ему биржевые спекуляции. Гитлер, которому былой сподвижник понадобился для контактов с верхами, назначил его своим личным представителем в Берлине. Фактически Геринг стал доверенным лицом биржи, банков и концернов в нацистской НСДАП и в те годы вел себя по отношению к Гитлеру самоуверенно. Крупный капитал после успеха гитлеровцев на выборах 1930 г. рассматривал их как одну из своих возможных опор. Гитлер же замахнулся на большее. Поэтому и распался «гарцбургский фронт» 1931 г. — попытка объединения сил всей реакции. Из лидеров НСДАП самую непримиримую позицию к идее быть чужим рупором занимал Геринг, ибо тогда его амплуа связного между нацизмом и капиталом перешло бы в руки иных лиц. Задача его как «коммивояжера нацизма» заключалась в том, чтобы убедить и капитал, и юнкерство, и военные круги передать гитлеровцам власть.

Геринг демонстративно не скрывал отрицательного отношения к пропаганде «социалистских аспектов» национал-социализма Г. Штрассером и Геббельсом. Обращаясь к одному директору завода он писал: «По поводу Вашего замечания о социалистическом рабочем движении — антикапитализме, как Вы выражаетесь, я должен Вам сообщить: не вводите себя в заблуждение текстом наших публичных плакатов. Цель оправдывает средства. Какая партия не заманивает своих выборщиков? Будьте спокойны, уважаемый г-н директор! Если Вы боитесь за будущее, то Вы нигде лучше не будете охранены, как в нашей национал-социалистской партии. Конечно, есть фразы «Долой капитализм» и т. д., но они необходимы: ведь под знаменем «национальный», как Вам известно, мы не придем к цели»⁶.

Вокруг Геринга объединялись противники Г. Штрассера. Если братья Штрассер и К⁰ требовали политически более широкого состава правительства, то Геринг добивался создания сугубо нацистского режима, так как знал, что в этом случае его роль будет самой значитель-

ной после Гитлера, и стремился сохранить монополию на контакты с верхами. Гитлер в этом отношении был от него зависим. Летом 1932 г. Геринг буквально вытащил фюрера из вагона на ст. Йена, когда тот ехал, чтобы тайно провести переговоры об участии в правительстве на компромиссных условиях. Геринг был связан с сыном президента П. фон Гинденбурга Оскаром, который тогда вел дела отца⁷, с Ф. Тиссенем, Г. Крупном, директором «ИГ Фарбенинду-стри» К. Бошем, сыном бывшего кайзера принцем Августом-Вильгельмом.

Когда фракция НСДАП как самая многочисленная в рейхстаге заполучила пост его председателя, им стал именно Геринг. Он настойчиво продолжал вести линию на достижение нацистами полноты власти. После секретных переговоров с его участием в январе 1933 г. нацисты в правительстве получили политическую власть, а члены Национальной партии, «люди Гугенберга» — контроль над экономикой. Геринг вошел в правительство как министр без портфеля, позднее — как министр авиации, был назначен комиссаром прусского министерства внутренних дел, а затем стал прусским министром-президентом.

Он создал внутреннюю армию из полиции, после чего развязал массовый террор, требуя стрелять, не раздумывая, убийц брал под покровительство, колеблющихся наказывал, открыто призывая подчиненных: «Грабьте и воруйте. Врывайтесь в дома и стреляйте, все равно — много или мало, главное, чтобы вы стреляли! И не возвращайтесь ко мне без добычи»⁸.

Раздумывая над тем, как бы оставить Гитлеру представительско-пропагандистские функции, а реальную власть прибрать к своим рукам, Геринг взял на себя инициативу по организации поджога рейхстага в феврале 1933 г., поручив это дело командованию СА — графу Гельдорфу и Э. Хейнесу. Нашли подставное лицо (М. ван дер Люббе), а о «вине поджигателей-коммунистов» объявили еще до первых полицейских рапортов. Запугав обывателей, нацисты победили на выборах в рейхстаг 5 марта. Хотя им и не удалось получить абсолютное большинство, они вынудили рейхстаг предоставить Гитлеру чрезвычайные полномочия.

Геринг решил лично выступить на Лейпцигском процессе против «поджигателей рейхстага», но был морально и политически разбит. Г. Димитров, отстаивавший правое дело, спокойно опроверг все «аргументы» Геринга. И нервы его не выдержали: посыпались брань и угрозы расправиться с Димитровым и его товарищами после процесса.

К этому времени Геринг успел завести досье на всю нацистскую элиту. Он (а не Гиммлер) основал 26 апреля 1933 г. гестапо — государственную тайную полицию Пруссии. Сфера влияния Гиммлера ограничивалась тогда Мюнхеном. Берлинское и мюнхенское гестапо занялись взаимной слежкой. Геринг пополнял досье на Гиммлера, а тот объединился со старым врагом Геринга, начальником штаба штурмовых отрядов и с 1933 г. имперским министром Э. Ремом, который добивался превращения баварского гестапо в общеимперское. Гесс поддерживал Гиммлера, считая Геринга слишком опасным конкурентом. Хотя последний сохранял как прусский министр внутренних дел контроль над своим гестапо, Гитлер назначил ему «в помощь» К. Далюге, который надзирал сразу и за Герингом, и за Гиммлером.

Геринг открыл 21 марта 1933 г. сессию рейхстага, будучи уже произведенным Гинденбургом в генералы от инфантерии. Гитлера начинало беспокоить, что его сподвижник, не возражая против «унификации» Саксонии, Вюртемберга и других земель, настаивал, чтобы при этом не трогали Пруссию. Директиву фюрера о ликвидации автономии земель Геринг игнорировал и даже учредил прусский Государственный совет, включавший в свой состав буржуазно-юнкерскую элиту и ряд «надежных» лиц свободных профессий. Гитлер уступил Герингу, хотя публично заявил, что никакая часть рейха не может диктовать свою волю всей Германии.

Это происходило незадолго до событий 30 июня 1934 года. Гитлер в борьбе с Ремом нуждался в союзниках. А Геринг был заинтересован в устранении Рема. Командуя авиацией и будучи генералом вермахта, он разделял ненависть военных к Рему, пытавшемуся провести милитаризацию страны на основе СА и подмять вермахт. Соглашение между верхушкой НСДАП и генералитетом на этот счет было оформлено при встрече Геринга с военным министром В. фон Бломбергом в имени Гинденбурга. Геринг избавлялся заодно и от других конкурентов — К. фон Шлейхера и Г. Штрассера.

Фюрер хотел создать достаточно широкую коалицию с включением в нее генерала Шлейхера и Г. Штрассера. Еще в апреле 1934 г. он в связи с тем, что финансирование вооружений оказалось, несмотря на усилия Я. Шахта, под угрозой срыва, начал через Гесса переговоры с Г. Штрассером о его вхождении в правительство. Но тот потребовал ухода из него Геринга и Геббельса и сообщил своему брату 20 июня, что срок перемен — сентябрь 1934 года. Тогда Геринг пошел ва-банк. Его полиция предоставила Гитлеру сфабрикованные «сведения» о широком заговоре, компрометировавшем Рема и других главарей СА.

Сам Геринг уклонился от участия в «ночи длинных ножей» 30 июня. В момент наиболь-

шего обострения ситуации, когда Папен в Марбурге объявил об окончании «национал-социалистской революции», Геринг отмолчался. Гитлер в свою очередь взял реванш, отбив посягательства Геринга на пост рейхсканцлера после того, как унаследовал от Гинденбурга пост рейхспрезидента. Осенью 1934 г., в связи с созданием общеимперского гестапо, Гитлер подчинил рейхсфюреру СС Гиммлеру и прусское гестапо.

Личная жизнь Геринга в те годы также претерпела изменения. Еще в 1931 г. умерла Карин. Бросив ее на смертном одре, он умчался по делам, а позднее «для публики» торжественно перенес ее прах в свое поместье, названное в ее честь Каринхалле. Год спустя он обратил внимание на красивую женщину, но посредственную актрису Э. Зоннеманн. Поскольку Гитлер требовал от своих соратников подавать пример «упрочения германской семьи», Герингу пришлось в 1935 г. официально жениться на ней. Свадьба превзошла по пышности бракосочетания коронованных особ. Именно там Геринг заявил: «У меня нет совести. Мою совесть зовут Адольф Гитлер... Каждый имеет столько власти, сколько ему желает дать фюрер».

В 1938 г. вторая жена родила дочь, крестным отцом которой стал Гитлер. Семья Геринг жила в Каринхалле. Это поместье оценивалось к 1945 г. в 50 млн. марок. В главном доме имелась столовая на 40 персон, зал приемов, библиотека с окнами шириной 10, высотой 5 м (как хвастался хозяин, самыми большими в Европе). На стенах висели гобелены, картины Л. Крайна и итальянских мастеров. Все помещения были отделаны мрамором. В Каринхолле имелись кинозал, бомбоубежище с жилыми комнатами и внутренняя электрическая железная дорога. В этом поместье Геринг принимал Гитлера, Муссолини, югославского регента принца Павла, герцога Виндзорского, других особ.

В картинной галерее размещалась добыча «любителя искусств», вывезенная из оккупированных Германией стран: рисунки А. Дюрера из Львовского музея, из музеев Нидерландов — полотна Ф. Халса, А. ван Дейка, Я. Рейсдала, Я. Стерна, Рембрандта, Д. Веласкеса, П. Рубенса, мастеров фламандской школы XVI в., из музеев Италии — мужской портрет, приписываемый кисти Леонардо да Винчи, картины Тициана, Рафаэля, вещи из раскопок Помпеи и Геркуланума, из музеев Франции — работы С. Фрагонара, Ж.-Л. Давида, Ж.-Б.-С. Шардена, Ф. Буше, Э. Делакруа. У Геринга имелся «консультант по искусству», который со специальной командой рыскал по оккупированным странам в поисках художественных ценностей для своего патрона.

К 1935 г. Геринг понял, что обойти Гитлера ему не удалось. Чтобы занять второе место в рейхе, ему необходимо было играть первую роль при проведении милитаризации. И он заявил, что хочет стать «Шарнхорстом немецкой авиации», то есть сыграть ту же роль, что и генерал Г. Й. Д. Шарнхорст, возрождавший в 1807—1811 гг. прусскую армию. И Геринг привлек к этому делу самых видных специалистов. Среди них был и давний его друг Лёрцер. Через систему аэроклубов и в гражданской авиации (Люфтганза) готовились пилоты, переучиваемые затем в военных летчиков. Из «Гитлерюгенда» пошла в авиаучилища молодежь, способная на любое дело. Выдвинутый в то время Герингом лозунг гласил: «Я делаю ставку на негодяя. Я не собираюсь соблюдать справедливость, я должен лишь уничтожить и истребить, и ничего более»⁹.

Получая необходимые сведения от знающих специалистов, Геринг как бы лично решал вопросы тактико-технических качеств самолетов, развития авиапромышленности, обеспечения ее сырьем и материалами. Как министр авиации он подчинялся непосредственно фюреру. Другие военные ведомства постоянно жаловались, что Геринг безжалостно обделяет их, отдавая приоритет авиации. Завоевание господства в воздухе он считал первенствующей задачей. Генералитет вермахта был раздражен исключительным положением Геринга и беззастенчивым использованием им своего влияния¹⁰.

Для обеспечения рейха военными материалами и дефицитным сырьем требовались мероприятия, которые в условиях нацизма мог осуществить только экономический диктатор. Им и стал Геринг. Шахт, многое сделавший для подъема хозяйства, но действовавший традиционно, тут не годился, и сам подал Гитлеру идею поставить во главе экономики страны Геринга. Гитлер был на стороне Геринга, который не экономил, как Шахт, валюту, сырье и не считался с нерентабельностью производства заменителей, особенно искусственного каучука и искусственного горючего.

Любыми средствами обеспечить успех в войне, а уж потом решать хозяйственные проблемы за счет побежденных — вот путь к цели, который признавал Геринг. Эта стратегия легла в основу четырехлетнего плана (1934—1938 гг.) подготовки Германии к войне. Именно Геринг выдвинул лозунг «Пушки вместо масла». Четырехлетний план должны были реализовать монополии, и Геринг вступил с ними в сговор, прежде всего с руководителями «ИГ Фар-

бениндурии». Усиливалась хозяйственная автаркия, особенно по горючему и каучуку, расширялось производство взрывчатых веществ, легких металлов, а также отравляющих газов (их потом использовало ведомство Гимmlера для уничтожения людей в концлагерях).

В сжатые сроки Геринг стал не просто богатым человеком (он брал много взяток, и Гитлер вспомнил об этом в апреле 1945 г., обвинив Геринга в том, что он коррумпировал рейх), но одним из крупнейших монополистов. В 1939 г. был основан концерн «Герман Геринг Верке». Тут он обошел всех остальных нацистских главарей, которые тоже «покупали» по дешевке у государства имущество, конфискованное либо у евреев, либо у тех, кто, как Ф. Тиссен, не поладил с новым режимом. Принимая непосредственное участие в преследовании евреев, Геринг в декабре 1937 г. начал осуществлять также меры по «ариизации» экономики, потребовав, чтобы к марту 1938 г. хозяйство страны было «очищено». При этом масса «ариизированного» имущества досталась ему.

Капиталисты часто делились с Герингом акциями, делая его совладельцем разных компаний. Потом они с лихвой возмещали все за счет «благоденствий» Геринга. Потребное для авиации он покупал либо у своего концерна, либо у компаньонов. «Герман Геринг Верке» были предоставлены исключительные права на приобретение имущества в оккупированных Австрии, Чехословакии, Польше, Франции и Бельгии.

Геринг активно реализовывал гитлеровские внешнеполитические планы, используя свои контакты с деловым миром и правящим истеблишментом, особенно в Англии, для обеспечения благоприятных условий подготовки к войне. Он помогал сколачивать блоки правых режимов, отсюда — его частые помпезные визиты в Италию, Венгрию, Югославию, Польшу. В страны же Запада он ездил инкогнито.

В марте 1938 г. Геринг руководил осуществлением аншлюса Австрии: отдавал приказы о наступлении, предъявлял ультиматум венскому правительству и использовал «призыв о помощи» со стороны нацистских сообщников, объявивших себя австрийским правительством. Геринг лично распоряжался назначением нового правительства в Вене, определял его состав и сроки создания. Не забыл он и о личных интересах: министром юстиции стал его деверь. Именно Геринг продиктовал текст телеграммы, с которой правительство А. Зейс-Инкварта обратилось к Гитлеру, и через восемь часов части вермахта вошли в Австрию¹¹.

Но Геринг не хотел войны с Западом и настаивал, чтобы дальнейшее расширение жизненного пространства рейха осуществлялось за счет Советского Союза. Всегда оставаясь последовательным и открытым врагом СССР, Геринг не скрывал недовольства заключением советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 года. Его позиция сводилась к достижению любой ценой союза с Западом для нанесения совместного удара по СССР. Этому была подчинена, в частности, его попытка заключить соглашение с влиятельными кругами Англии в ходе тайных переговоров в Зёнке-Хиссен-Кооге (западное побережье Шлезвига). Но они окончились безрезультатно.

К началу второй мировой войны Геринг был уже генерал-фельдмаршалом. Его Люфтваффе свирепствовали в небе Польши. Легкими оказались воздушные победы в небе Норвегии и Дании, Бельгии и Голландии. Не выдержала удара и французская авиация. Правда, обещание Геринга уничтожить с воздуха британскую армию под Дюнкерком оказалось блефом: англичане эвакуировали свою живую силу, несмотря на бомбежки. Наконец, Геринг стал рейхсмаршалом. Такой чин имел в последний раз полководец XVIII в. Евгений Савойский (получивший его за победы на полях сражений). В апреле 1941 г. Геринг был объявлен официальным наследником Гитлера и в случае смерти последнего автоматически становился фюрером.

Еще в 1940 г. Геринг обещал разбомбить Англию, парализовав ее экономически и морально. Но, несмотря на жестокие бомбежки британских городов, достигнуть этого не удалось. Потери же Люфтваффе, особенно опытных летчиков и штурманов, оказались весомыми. То был первый серьезный провал нацистского министра авиации в ходе войны. Правда, после того как 22 июня 1941 г. главные силы Люфтваффе обрушились на СССР, они имели в первые два года войны значительное превосходство в воздухе. Общеизвестна благословенная Герингом жестокость немецких летчиков, которые уничтожали беззащитное население, жгли мирные города и села.

Вначале Геринг чувствовал себя триумфатором. Но с 1943 г. положение стало меняться. К тому же, в отличие от сухопутных сил, Люфтваффе был вынужден с 1942 г. воевать всерьез уже на два фронта, после того как союзники СССР начали мощные бомбежки Германии. Поскольку оставлять армию на Восточном фронте без воздушного прикрытия было невозможно, авиация Германии на западе была настолько ослаблена, что англо-американская авиация господствовала в воздушном пространстве рейха.

Гитлер и Геринг хотели выиграть войну несменяемыми типам самолетов, которые превосходили в 1939—1941 гг. все типы других машин. Но в дальнейшем и советская, и англо-американская авиация были перевооружены и по многим параметрам превзошли немецкую. Попытки ее модернизации оказались неудачными. Надежды Геринга в конце войны на реактивный истребитель «мессершмитт-262» тоже не сбылись. Среди всех сил вермахта первой проиграла войну именно авиация.

Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану имел прямое отношение к разграблению и эксплуатации временно захваченных советских территорий. Это подтверждается, в частности, его «Зеленой папкой» — утвержденной им лично инструкцией войскам с требованием «получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти»¹². Крупный провал Геринга был связан с неудачной попыткой обеспечить с воздуха всем необходимым окруженную под Сталинградом группировку Ф. Паулюса. А летом и осенью 1943 г. перевес в воздухе перешел к советской авиации. Одновременно начались «ковровые» бомбежки германских городов авиацией союзников.

В августе 1943 г. последовал вызов Геринга к Гитлеру, после которого генералы ВВС поняли, что их начальник потерял доверие фюрера. Однако отстранять Геринга официально Гитлер не стал, ибо это значило бы признать поражение нацистской авиации. Дневник Геббельса полон записями о том, где, когда и как фюрер ругал рейхсмаршала, тем не менее надежды министра пропаганды на отставку Геринга оказались тщетными¹³. В ноябре 1943 г. Геринг в последний раз официально выступил по радио. Прежде он заявлял, что если хоть одна вражеская бомба упадет на Германию, то пусть любой назовет его не Герингом, а Майером (то есть простым «арендатором»). Теперь он несколько раз повторил: «Можете называть меня Майером».

В 1944 г. Геринг уже почти не занимался делами, ездил на охоту, развлекался в Каринхалле электрической железной дорогой, снова начал употреблять наркотики. 12 января 1945 г. он в последний раз принял в Каринхалле гостей по случаю своего 52-летия. То был «пир во время чумы». Вскоре Каринхалле, в который заложили взрывчатку, взлетел на воздух, а Геринг с семьей переехал в Баварию, где у него была резиденция в Оберхофе.

20 апреля он в последний раз видел Гитлера в Берлине, а по возвращении оттуда послал 23 апреля телеграмму, в которой поставил вопрос о наследовании власти в рейхе. Геринг хотел получить у фюрера полномочия для переговоров с Западом: он имел там контакты, но не обладал реальной властью. Гитлер вышел из себя, обозвал рейхсмаршала гнилым и продажным морфинистом, виновником коррупции в вермахте, губителем авиации. Правда, первая ответная телеграмма фюрера была еще сдержанна: он призвал Геринга к единству действий, хотя в наследовании власти отказал. Затем под влиянием Бормана была отправлена телеграмма, предписывавшая взять Геринга под домашний арест под охраной эсэсовцев, которым приказали в случае смерти фюрера убить рейхсмаршала.

Той же ночью авиация союзников разбомбила Оберхоф. Геринга стали охранять служащие уголовной полиции. 29 апреля в своем завещании Гитлер снял Геринга со всех постов и лишил всех чинов. Но с 30 апреля Геринг фактически оказался на свободе, оставаясь самым высокопоставленным военным служащим рейха. Он еще надеялся сыграть видную роль и 7 мая сдался американскому лейтенанту Дж. Шапиро (как сказал со вздохом Геринг: «И тут еврей») и потом был доставлен в штаб 39-й пехотной дивизии. Он ждал, что его отправят на самолете для переговоров с Д. Эйзенхауэром, но наутро понял, что стал обычным военнопленным. Все его ордена, эполеты и аксельбанты попали в руки американских любителей сувениров. На военном грузовике 22 мая 1945 г. Геринг был доставлен в Люксембург. Там в одном из отелей, прозванном американцами «мусоросборник», помещали пойманных нацистских главарей. Геринг похудел на 32 кг; мундир без знаков различия висел на нем, как на вешалке.

12 августа на грузовых машинах главные нацистские военные преступники были привезены в Нюрнберг и помещены в тюрьму Дворца Правосудия. Вскоре произошел странный случай. Когда Геринга вели из тюрьмы в здание суда переходом без крыши, возле него вонзился в деревянную обшивку эсэсовский 20-сантиметровый кинжал. Охранник выхватил револьвер и огляделся: нигде никого не было. Может быть, хотели убить охранника, шедшего сзади, и освободить Геринга? Либо убрать его самого? Конечно, он знал о декларациях союзников насчет наказания военных преступников, но надеялся, что лично он отделается чем-то вроде ссылки, как Наполеон. Убедившись позднее в неотвратимости суда, а потом — и смертной казни, он решил попытаться отстоять «историческое место» нацизма, ибо считал себя теперь нацистом № 1. В Нюрнберге он «запретил» другим подсудимым говорить что-либо плохое о Гитлере.

В ходе допросов и на начавшемся 20 ноября 1945 г. Нюрнбергском процессе Геринг занял

такую позицию: он знал о предстоящей войне и готовился к ней, как солдат, но «ничего не ведал» ни о военных преступлениях, ни о геноциде (особенно против евреев), ни о концлагерях и т. д. С фантастической самоуверенностью он оборонялся от обвинений и защищал политику третьего рейха. Но обвинение убедительно доказало прямое участие Геринга в подготовке и проведении актов агрессии, геноцида и террора. 1 октября 1946 г. бывший рейхсмаршал услышал приговор, произнесенный лордом-судьей Лоуренсом: «Герман-Вильгельм Геринг, на основании пунктов обвинения, в которых вы признаны виновным, Международный военный трибунал приговаривает вас к смерти через повешение».

До дня казни оставались две недели. Его обследовали американские психологи. 11 октября к нему допустили жену и восьмилетнюю дочь. Он через решетку сказал им, что его, может быть, не повесят, а расстреляют. 15 октября, за два часа до казни, Геринг разжевал капсулу с цианистым калием и мгновенно умер. Кто дал Герингу капсулу? Заключенных строго охраняли, их поведение непрерывно контролировали через глазки в камерах американские солдаты, сменявшиеся каждые полчаса.

То, что имела место заранее подготовленная акция, очевидно. Геринг в день смерти сначала читал роман, потом писал, позднее лег на койку, долго ворочался, кряхтел, затем затих. Когда караульный поднял тревогу, прибежали начальник караула, врач-немец и священник-американец. Врач констатировал смерть. При трупе нашли четыре письма: пастору, семье, У. Черчиллю и начальнику караула. В последнем Геринг сообщал, что сохранил при себе три капсулы с ядом. На этом сообщении покоится первая версия самоубийства. Вторая состоит в том, что жена передала капсулу, целуя мужа. Из рта в рот через решетку? Существуют и другие версии. Сейчас большинство специалистов сходится на том, что был подкуплен кто-то из лиц, имевших контакт с Герингом.

После казни в ночь на 16 октября 1945 г. остальных 10 осужденных их трупы, как и труп Геринга, были вывезены в крематорий и сожжены, а прах выброшен в реку. Возмездие свершилось!

Примечания

1. Автором использованы FRISCHAUER W. Ein Marschallstab zerbracht. Ulm. 1951; BEWLEJ Ch. Nermann Göring. Göttingen. 1956; FEST I. C. Die Geschichte des Dritten Reiches. München. 1963; MOSLEY K. Reichsmarschall. Lnd. 1973; BÖDDECKER G., WINTER R. Die Kapsel: das Geheimnis um Görings-Tod. Düsseldorf. 1979; PAUL W. Wer war Hermann Göring? Esslingen. 1983; FONTANDER B. Göring och Sverige. Kristianstad. 1984; IRVING D. Göring. München. 1987.
2. GÖRING H. Aufbau einer Nation. Brl. 1934, S. 54.
3. ОПИТЦ Р. Фашизм и неофашизм. М. 1988, с. 81.
4. КОРНЕВ Н. Третья империя в лицах. М. 1937, с. 266.
5. FONTANDER B. Op. cit., s. 57—62.
6. БЛАНК А. С. КПГ в борьбе против фашистской диктатуры (1933—1945). М. 1964, с. 15.
7. BRÜNING H. Memoiren, 1918—1934. Stuttgart. 1970, S. 467.
8. Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы. Т. 1. М. 1981, с. 228.
9. БЛАНК А. С. Из истории раннего фашизма в Германии: организация, идеология, методы. М. 1978, с. 129.
10. ФЕРСТЕР Г., ГЕЛЬМЕРТ Г., ОТТО Г., ШНИТТЕР Г. Прусско-германский генеральный штаб. М. 1966, с. 272.
11. Der Spiegel, 1988, № 5, С. 152—154.
12. ЛЕОНТЬЕВ А. Зеленая папка Геринга. М. 1942, с. 10.
13. GOEBBELS J. Tagebuch 1945. Hamburg. 1971, S. 56, 77, 89, 114.

ИСТОРИОГРАФИЯ

«Избранные труды» академика Н. М. Дружинина

В. Я. Гросул

Еще при жизни Николай Михайлович Дружинин (1886—1986) был признан классиком советской исторической науки. Его вклад в ее развитие был высоко оценен и за рубежом. При этом подчеркивалось, что и в трудные годы, особенно в 30-е и 40-е, он принадлежал к числу ученых, работавших во имя познания исторической истины.

Принятое Отделением истории АН СССР решение об издании избранных трудов Дружинина, которое было с большим удовлетворением встречено исторической общественностью, реализовать оказалось, однако, не так просто. Тому причиной обширность научного наследия ученого, исследования которого всегда отвечали высоким требованиям.

Составителям пришлось отказаться от включения в «Избранные труды» главной монографии Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», вышедшей в двух томах соответственно в 1946 и 1958 годах. Не вошла в издание и другая важная монография Дружинина — «Русская деревня на переломе», опубликованная в 1978 году. Проф. С. С. Дмитриев, возглавивший работу по переизданию трудов Дружинина, разработал план этого предприятия, который и был реализован в 1985—1990 годах. План этот был одобрен самим академиком и в момент его принятия был, пожалуй, оптимальным. Предпочтение было отдано работам сравнительно небольшого объема и ставшим библиографической редкостью. В издание были включены не публиковавшиеся ранее воспоминания Дружинина и отдельные дневниковые записи. И тем не менее четыре тома избранных сочинений Дружинина (более 165 а.л.) составляют лишь меньшую часть того, что было им написано и опубликовано.

В первый том вошли исследования по истории революционного движения в России, в основном — декабризма. Прекрасно, что сюда была включена (несмотря на значительный ее объем — 26 а.л.) ставшая библиографической редкостью монография «Декабрист Никита Муравьев», впервые опубликованная в 1933 году. «В лице Никиты Муравьева, — подчеркивал Дружинин, — перед нами один из важнейших двигателей тайной организации, непосредственно переживший все перипетии ее десятилетней истории»¹. Дружинина интересует не только и не столько научная биография видного декабриста, но и вся жизнь России в начале прошлого века; он основательно исследует экономическую ситуацию, социальные отношения, внутреннюю и даже внешнюю политику.

Интересны наблюдения Дружинина по проблеме «Россия и Запад». Автор подчеркивает тесные связи русского сельского хозяйства с западноевропейской экономикой: «изменение рыночной конъюнктуры... в Германии и, особенно, в Англии сейчас же отражалось на условиях экспорта русских земледельческих продуктов»². Зависимость России от Запада особенно возрастает в 20-х годах XIX века. Дружинин приводит слова министра финансов Е. Ф. Канкрин из его письма А. А. Аракчееву, в июне 1825 г.: «Внутреннее поло-

---

Гросул Владислав Якимович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

жение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять и дух. Денег нет»³. Дружинин точно охарактеризовал экономическое положение страны в период созревания декабристского движения.

Большое внимание уделено личности Никиты Муравьева. Рисуя его портрет, Дружинин не пренебрегает самыми мельчайшими деталями. Он прослеживает эволюцию взглядов Муравьева, который в эпоху «Союза спасения» и «Союза благоденствия» не возражал против революционной диктатуры временного правительства и даже высказывался за царубийство, а затем под влиянием неудач, которые потерпело революционное движение на Западе, и усиления реакции в России последовало ослабление его радикализма. В период написания известной конституции взгляды Н. Муравьева стали значительно умереннее, он выступает за конституционную монархию, сохранение помещичьей собственности на землю, установление высокого имущественного ценза для занятия государственных должностей. Дружинин показывает трудную, подчас мучительную эволюцию взглядов этого выдающегося человека.

Характерным было отношение Н. Муравьева к Н. М. Карамзину. Муравьев живо интересовался историей⁴. «Историю государства Российского» он проштудировал самым тщательным образом, сопоставлял со всеми известными ему источниками и другими историческими сочинениями. Комментарии Муравьева к карамзинской истории были положительно оценены А. С. Пушкиным. В них содержится критика как карамзинской теории исторического процесса, так и важнейшей политической идеи «Истории государства Российского» — о необходимости мудрого примирения с несовершенной действительностью.

Не менее интересны и другие работы, вошедшие в этот том. Под названием «К истории идейных исканий П. И. Пестеля» включена в «Избранные труды» вышедшая еще в 1929 г. в сборнике статей Музея революции статья «Масонские знаки П. И. Пестеля». Изменение названия не случайно: оно отражает настроения, которые господствовали в издательских кругах в первой половине 80-х годов, когда само слово «масон» стало чем-то зловещим и пугающим.

Остальные работы этого тома, за исключением статьи об А. Гакстгаузене, публиковались еще до войны. Но и они звучат весьма современно, сохраняют научную значимость благодаря тому, что содержат основательное исследование источников, многие из которых впервые были обнародованы самим автором, постановку и поныне злободневных проблем, да к тому же написаны прекрасным языком.

Весьма примечательные работы по революционному движению начала XX в. вошли в том, вышедший в 1988 году. К сожалению, в их числе нет опубликованной в 1925 г. брошюры о Петербургском Совете 1905 г., недоступной сегодня даже специалистам, а также опубликованной в 1931 г. книги по дореволюционной истории Пролетарской (бывш. Рогожско-Симоновской) большевистской организации. Причины для времени, когда шла подготовка «Избранных трудов», довольно прозаические — в них упоминаются Л. Д. Троцкий, которого Дружинин называл самым влиятельным из деятелей Петербургского Совета 1905 г., «выдающимся оратором», автором важнейших резолюций и передовых статей «Известий»⁵, Л. Б. Каменев, А. И. Рыков и др.⁶. Думается, целесообразно переиздать и эти интересные работы Дружинина.

Вышедший в 1987 г., уже после кончины автора, том «Избранных трудов» содержит по преимуществу работы по проблемам экономики и социальным отношениям. Открывает его солидная статья «Журнал землевладельцев (1858—1860 гг.)», написанная в 1923 г. и опубликованная впервые в 1926—1927 годах. В ней рассматриваются взгляды и планы провинциального русского дворянства в канун крестьянской реформы 1861 года. Основателем «Журнала землевладельцев» стал казанский и пензенский помещик А. Д. Желтухин. Тщательно исследовав все материалы этого «Журнала», Дружинин выявил среди провинциальных помещиков «два борющихся течения; одно — основное и преобладающее, в котором отразился новый дух бодрого и энергичного предпринимательства; другое — более слабое и бледное, которое носило в себе отживающие черты патриархально-потребительской психологии»⁷.

Автор подчеркивал, что помещики руководствовались классовыми и личными интересами и не связывали себя правительственной точкой зрения⁸. Это заключение Дружинина приобретает особый смысл, если сопоставить его с известным откликом М. Н. Покровского в «Правде» (март 1929 г.), обвинившего автора статьи о «Журнале землевладельцев» в том, что он придерживается неклассовой точки зрения на помещичью программу. Тогда же, в марте 1929 г., Дружинин написал ответ Покровскому, который не был напечатан и впервые увидел свет лишь в 1979 г. в качестве приложения ко второму изданию воспоми-

наний Дружинина⁹. Во втором томе «Избранных трудов» этот ответ был вновь опубликован.

Включена в указанный том и статья Дружинина из известного двухтомника, направленного против Покровского, носившая название «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского». Все эти три работы Дружинина следует воспринимать как единое целое. Если сопоставить их с упомянутым письмом Покровского в «Правду», то все становится на свои места, и тогда выглядит необоснованным упрек в адрес издателей трудов Дружинина за то, что они включили статью из печально знаменитого двухтомника¹⁰. В антипокровском сборнике были статьи разного уровня, но как раз статья Дружинина представляла собой серьезное и обоснованное сочинение, далекое от конъюнктурщины и отражавшее давнюю научную полемику с Покровским.

В указанном томе получили отражение и несколько дискуссий, в которых приходилось участвовать Дружинину. Одна из них — по вопросу о периодизации истории России, развернувшаяся вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Дружинин в 1949 г. выступил со статьей в журнале «Вопросы истории» и предложил свой взгляд на периодизацию истории России периода капитализма. Он считал, что для периодизации исторического процесса нужно учитывать все стороны общественной жизни — и социально-экономическую, и политическую, и культурную. Процесс созревания капиталистического уклада он датирует 1760—1861 гг., а десятилетия, падающие на эпоху капитализма, подразделяет на три периода: первый — с 1861 по 1882 г., второй — с 1883 по 1900 г., третий — с 1901 по 1917 год¹¹.

Через два года Дружинин, подводя итоги дискуссии, выступил с новой статьей по проблемам периодизации истории капиталистических отношений в России, в которой указывал, что не существует вечных непреложных законов исторического развития, одинаково применимых ко всем формациям. Проблема периодизации истории может быть разрешена только совместными усилиями исследователей, изучающих различные общественные формации, и непременно с учетом специфики исторического развития различных народов нашей страны¹².

В томе получила отражение и полемика между Дружининым и его учеником П. Г. Рындзюнским, которая началась с публикации статьи последнего в журнале «История СССР» в 1972 году. Дружинин ответил на нее статьей «К вопросу о генезисе капитализма в России». Предметом дискуссии стали такие кардинальные проблемы истории русского капитализма, как характер вольнонаемного труда в дореформенное время, время начала и конца промышленного переворота в России, характеристика отдельных отраслей хозяйства, прежде всего промышленности. Дружинин поддерживал точку зрения В. К. Яцунского, относившего начало промышленного переворота к 30-м годам XIX в.¹³, и не согласился с мнением Рындзюнского, считавшего, что промышленному перевороту обязательно должна предшествовать перемена общественных отношений, то есть фактически, относившего начало промышленного переворота к 1861 году.

В 1975 г. последовал ответ Рындзюнского, а в 1976 г. — новая статья Дружинина под названием «Еще раз о дореформенной промышленности России», где он вновь подчеркнул, что вопрос о промышленном перевороте является основным в споре с Рындзюнским. Дружинин считал, что в России капиталистический уклад оформился еще до того, как «произошли решающие революционные перемены в способе производства» и при этом особо подчеркивал, что в последние десятилетия перед реформой 1861 г. можно говорить только о начальной стадии промышленного переворота, который мог развернуться в полную меру лишь в условиях личной свободы работников¹⁴. Poleмика Дружинина с Рындзюнским стимулировала интерес к истории российской хозяйственной жизни.

Из других исследований, вошедших в данный том, надо упомянуть работу «Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации». Еще в начале 50-х годов в АН СССР была создана комиссия историков и филологов для изучения проблем формирования русской народности и нации. Первоначальный доклад на эту тему сделал Дружинин, а затем он же подготовил статью, вошедшую в опубликованный в 1958 г. сборник статей «Вопросы формирования русской народности и нации». Статья Дружинина в полной мере сохраняет свою актуальность. В ней подчеркивается, что «последние десятилетия перед отменой крепостного права выделяются как особый, завершающий этап в процессе образования русской буржуазной нации», а реформа 1861 г. — завершающий рубеж в процессе образования русской буржуазной нации¹⁵. Лишь после реформы, считал Дружинин, сложилась устойчивая экономическая общность, послужившая основой и устойчивой

национально-духовной общности. Этот вывод Дружинина весьма убедителен, хотя имеются исследователи, придерживающиеся другой точки зрения (в частности, относящие оформление русской нации к концу XVIII века).

Важное место в историографии занимают труды Дружинина по истории внешней политики России. В третий том «Избранных трудов» вошла статья о Крымской или, как тогда ее именовали, Восточной войне 1853—1856 гг., опубликованная первоначально в журнале «Историк-марксист» в 1939 году. В ней автор, наряду с критикой политики господствующих кругов и, прежде всего, самого Николая I, показывает героизм русских солдат, особенно в обороне Севастополя¹⁶. Естественным продолжением этой статьи стала вышедшая в 1944 г. брошюра под названием «Синопский бой». Надо отметить, что Дружинина и ранее интересовали вопросы истории русского мореходства. Еще в 1924 г. он опубликовал работу, озаглавленную «Русские мореплаватели в старой Японии» (второе ее издание — «Приключения капитана Головина», вышло в 1929 г.).

События Крымской войны нашли свое отражение и в ряде других работ Дружинина, включенных в этот том, в том числе и те, которые вылились в дискуссию с Е. В. Тарле. Автора интересовали и другие сюжеты из истории России. В том вошли, в частности, две работы — о войне 1812 г. и антинаполеоновских походах 1813 года.

В третий же том включены работы по истории Москвы и музейному делу, довольно тесно связанные между собой тематически и методически. Статья «Революционное движение в Москве» была опубликована первоначально в 1926 г. как вводный очерк к путеводителю-справочнику «По революционной Москве». Дружинин очень хорошо знал столицу, где он учился и прожил всю свою жизнь. Велики его заслуги в подготовке кадров первых советских музейных работников: Дружинин писал пособия по музейному делу, занимался практическим музееведением прежде всего как ученый секретарь Музея революции, читал лекции в университете по музееведению. Еще в 1926 г. была опубликована его статья «Музей Революции СССР как объект экскурсионного изучения» (журнал «На путях к новой школе»).

Нельзя пройти мимо впервые публиковавшегося в 1933 г. очерка — «В. Г. Перов и его картина «Суд Пугачева». Это свидетельство большого и профессионального интереса автора к русскому живописному наследию, которое он воспринимал также и как инструмент для воспитания художественного вкуса и исторической грамотности. Дружинин связывал движение передвижников с народничеством¹⁷.

Заключительный том «Избранных трудов» содержит прежде всего воспоминания Дружинина. Помимо уже публиковавшихся «Воспоминаний и мыслей» сюда включены: очерк «Мои аресты в 1918—1930 годах»¹⁸, написанный в декабре 1978 года. Известно было, что до Октябрьской революции Дружинин трижды арестовывался царскими властями. Об это он поведал в своих воспоминаниях. Но также трижды ученый арестовывался и в советское время. Широкому кругу историков эти эпизоды из жизни академика известны не были. Внешне его жизнь казалась вполне благополучной. В своих воспоминаниях он дает потрясающие описания тюремного быта — внутренней обстановки, взаимоотношений между заключенными, между арестантами и следователями. Особенно подробно описан арест 1930 г. по так называемому делу академиков, когда он пробыл в тюрьме более двух месяцев. Интересно, что Дружинин с большой теплотой отозвался о своей следовательнице — В. П. Браудо, которая смогла разобраться в его невиновности и способствовала его освобождению. Сама она, как оказалось, потом много лет провела в лагерях.

Впервые публикуются и «Воспоминания о московской 5-ой гимназии», которую Дружинин окончил в 1904 году. В этих воспоминаниях читатель как бы переносится в жизнь московских гимназистов конца прошлого — начала нынешнего веков, знакомится с учебным процессом, бытом и нравами того времени, учителями, однокашниками автора, с которыми он поддерживал связи многие годы.

В мемуарах Дружинина содержатся ценные сведения о Н. Шмите, С. Трубецком, Н. Лукине, Н. Чемоданове, М. Богословском, С. Мицкевиче, В. Фигнер, многих других историках, революционерах, общественных деятелях.

Завершают этот том письма Дружинина, его интервью, выступления в газетах, содержащие размышления об историческом процессе и мастерстве историка, о его творческих планах. В «Избранные труды» вошла лишь небольшая часть богатейшего наследия Дружинина. Кроме уже упоминавшихся работ в издание не попали и многие другие, разбросанные по многочисленным сборникам, журналам и газетам. Не вошли сюда и статьи «Русская культура и ее национальные особенности» (1945 и 1946 гг.), «Московское дворянство и реформа 1861 года», «Киселевский опыт ликвидации общины», «Крестьянский вопрос в

ранних записках Сперанского» и многие другие сочинения, не потерявшие своей актуальности и научной значимости. Хотелось бы, чтобы издание «Избранных трудов» Дружинина было продолжено.

Примечания

1. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М. 1985, с. 7.
2. Там же, с. 40.
3. Там же, с. 41.
4. Там же, с. 78.
5. ДРУЖИНИН Н. М. Петербургский Совет рабочих депутатов 1905 г. М. 1925, с. 12, 29.
6. ДРУЖИНИН Н. История Пролетарской (бывш. Рогожско-Симоновской) большевистской организации (1906—1916 гг.). М.-Л. 1931, с. 35, 108.
7. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. М. 1987, с. 77.
8. Там же, с. 78.
9. ДРУЖИНИН Н. М. Воспоминания и мысли историка. М. 1979, с. 119—131.
10. КОРОСТЕЛЕВ А. Ф. Отзвук прошлого. — Вопросы истории, 1988, № 5; Ответ на это письмо см.: КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. По поводу письма А. Ф. Коростелева. — Вопросы истории, 1988, № 7.
11. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Социально-экономическая история России, с. 147, 152, 159.
12. Там же, с. 172, 200.
13. Там же, с. 357.
14. Там же, с. 375, 384, 388.
15. Там же, с. 234, 240.
16. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Внешняя политика России. История Москвы. Музейное дело. М. 1988, с. 16.
17. Там же, с. 311.
18. ДРУЖИНИН Н. М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М. 1990, с. 87—102.

Н. М. ПИРУМОВА. Социальная доктрина М. А. Бакунина. Н. Наука. 1990. 319 с.

В работе доктора исторических наук Н. М. Пирумовой (Институт истории СССР АН СССР) прослеживаются истоки, становление и эволюция социальной доктрины М. А. Бакунина, ее воздействие на конкретную революционную практику. Бакунин предстает перед читателем как глубокий и оригинальный мыслитель. Будучи еще совсем молодым человеком, он не застыл в немой почтительности перед своим философским кумиром и интеллектуальной славой века — Гегелем. А позже в спорах с Марксом показал себя столь же строгим логиком и не менее тонким диалектиком, не останавливавшимся даже перед отрицанием своих собственных взглядов. Особенные симпатии к нему вызывали его настойчивые усилия, направленные на то, чтобы освободить общественную мысль от порабощения каким бы то ни было авторитетом, от пут разного рода абстрактно сформулированных теоретических схем.

Основа столь решительной позиции Бакунина заключалась, и это убедительно показано Пирумовой, в его глубочайшей убежденности в том, что реальность богаче, многограннее и мудрее, чем любые представления о ней, и потому абстрактные идеи всегда оказываются бессильными перед возрастающим сопротивлением жизни, развивающейся по своим собствен-

ным, общественно-историческим законам. Вероятно поэтому и не предусматривала революционная теория Бакунина детально разработанного плана будущего общественного устройства. Она содержала лишь самые общие наброски нового общества, представлявшегося ему в качестве федерации свободных производственных ассоциаций.

Пирумова стремится проанализировать в совокупности философские, этические, социальные и политические взгляды Бакунина. И это обоснованно, ибо только исходя из их взаимообусловленности и взаимодействия можно адекватно осмыслить его анархистскую теорию как целостную, логически стройную доктрину, какой она и являлась по своей сути. И все же представляется, что поставленные в глубоком и увлекательно написанном исследовании задачи были бы решены полнее и основательнее, если бы главные направления теоретических исканий Бакунина соотносились между собой более органично. Соблюдаемая при их рассмотрении синхронность, к сожалению, отнюдь не всегда служит надежным инструментом для преодоления их изолированности.

Вывод, к которому (вслед за П. И. Моисеевым и В. Ф. Пустарнаковым) пришла Пирумова, что

изучение гегелевской философии ознаменовало новый этап в развитии теоретико-познавательных взглядов Бакунина¹, а вместе с тем, и переход его на «новую идейную платформу» (с. 35), остается недостаточно обоснован материалом, поскольку эпистемологические и идейные позиции Бакунина рассматриваются не в должной логической взаимозависимости. В связи с этим категория «свободы», составляющая ядро всей его политической философии, не получила в книге нужного освещения. Она выпадает из общего контекста теоретических построений Бакунина. Следовало бы не просто показать, что изучение философии Гегеля привело Бакунина на позиции «исторического детерминизма» (с. 39), но раскрыть само содержание его философско-исторических воззрений, на которых зиждилось и из которых вытекало его понимание свободы, а соответственно, и трактовка роли последней в общественно-историческом процессе.

Важно было бы показать, что в противовес Гегелю Бакунин видел силу, детерминирующую историческое развитие, не в самопознании общества. Являясь неотъемлемой частью всего мироздания, оно, по мнению Бакунина, обусловлено в своем движении законами развития последнего, а именно: гармоническим сосуществованием всех составляющих его элементов. Отсюда следовал «универсальный» по своей значимости факт — не отчуждение и отрыв социальных структур, как и отдельных индивидов друг от друга, но их тесное взаимодействие обуславливают поступательный ход общественно-исторического процесса.

Однако реальная действительность являла собою совершенно противоположную картину, картину социальной дисгармонии, отчужденности, эксплуатации и вражды. Накладывая на нее свою философско-историческую схему, Бакунин видел единственный выход из состояния этой внутренней «разорванности» общества в установлении полной, ничем не ограниченной свободы, ибо только свобода, считал он, могла бы создать необходимые условия для развития потенциальных возможностей личности, обеспечив тем самым гармоническое поступательное развитие и самого общества.

Думается, был бы исключительно полезен специальный развернутый анализ философско-исторических воззрений Бакунина на основе и в связи с его эпистемологическими посылами. Лишь в их связи и соподчиненности можно понять почему концепция свободы занимает столь важное место в социальных построениях Бакунина («Я фанатичный любовник свободы»), составляя теоретическую базу его анархистской доктрины. Не менее важно было бы подчеркнуть при этом, что свобода отнюдь не интерпретировалась им в сугубо индивидуалистическом плане. Напротив, в его представлении свобода отдельной личности являлась гарантом свободы всех, также как сво-

бода всего общества в целом гарантировала свободу каждого. В конечном счете, она обуславливалась балансом сил природы, общества и индивида.

Здесь уместно заметить, что философско-исторические построения Бакунина убедительно доказывают несостоятельность попыток искать истоки его анархистской доктрины в воздействии на него взглядов отдельных европейских мыслителей, в частности Прудона, Штирнера или итальянского анархиста К. Пизакани². Их взгляды лишь укрепляли Бакунина в сознании правоты своей собственной позиции, являвшейся логическим следствием целостной системы философских воззрений и в немалой степени опиравшейся также на многообразный опыт его собственной практической революционной деятельности.

В контексте такой трактовки анархистской доктрины Бакунина рельефнее вырисовывается суть его разногласий с К. Марксом. Несомненно, как справедливо отмечает Пирумова, он был более серьезным и глубоким критиком Маркса, чем это показано в нашей литературе. Вместе с тем предложенное ею решение вопроса также не исчерпывает проблему полностью. Отношение между двумя мыслителями рассматривается в книге в целом традиционно: как отношение ученика и учителя. Ученика талантливого, искреннего, но всего лишь ученика, который, хотя и испытывал серьезное влияние со стороны своего учителя, все же не смог глубоко осмыслить политическую экономию и потому не совладал с логикой даже при «построении... своей доктрины» (с. 128), и, тем более, оказался не в состоянии понять суть марксизма.

Такая интерпретация теоретических разногласий между двумя крупными мыслителями представляется достаточно узкой, не раскрывающей их глубинную суть. Не кажется убедительно обоснованным и предположение автора, что, отвергая тезис о диктатуре пролетариата, Бакунин, вероятно, не знал о дальнейшем развитии взглядов Маркса и Энгельса или «не замечал» их отношения к «будущим историческим судьбам государства» (с. 142). Острие критики Бакунина как раз и было направлено против тезиса Маркса о неизбежности отмирания государства в будущем.

Исходя из своего понимания государства как отчужденной от народа и живущей за счет «народной нужды» силы, Бакунин был убежден, что олицетворявшее его правящее меньшинство всегда будет стремиться к увековечиванию своей власти, не останавливаясь даже перед насилием и любого рода внешнеполитическими авантюрами. В результате, считал он, апеллируя при этом к всемирноисторическому опыту, государство всегда являло собой некий самонастраивающийся и саморегулирующийся механизм, умело приспособляющийся к ситуации и вовсе не стремящийся к самоликвидации. В этом состояла та внутренняя, обусловленная природой человека, за-

кономерность общественного развития, которая оказалась не подвластной действию объективных законов природы и которая обязывала существенно переосмыслить цель революционного переустройства.

Все это давало Бакунину возможность считать, что Маркс не преодолел абстрактного авторитарного ядра гегелевской метафизики. Трактую установление централизованного государства (диктатуры пролетариата) в качестве великого завоевания революции, Маркс тем самым, по мнению Бакунина, отрицал свой экономический материализм, поскольку на деле исходил из посылки, что абстрактная теория предшествует социальной практике.

Таким образом, разногласия между Бакуниным и Марксом не сводятся лишь к вопросам программно-тактического характера. Они уходят своими корнями в философское осмысление общественно-исторического развития и природы государства. Вероятно, здесь кроется ответ на вопрос, почему, признавая справедливой и обоснованной содержащуюся в работе оценку анархистской доктрины Бакунина как «политической утопии», мы, тем не менее, не можем не видеть того, что некоторые ее положения нашли свое подтверждение в социально-политических реалиях нашего времени.

Привлекает внимание поставленная в работе проблема типологии революции (с. 277, 291). Проблема, обретшая в настоящее время особую актуальность не только в контексте исследования истории России, но и в связи с состоянием изученности ее в современных немарксистских теориях революции. Однако решение этой проблемы требует более серьезной теоретической проработки. Отмеченные Пирумовой свойства революционной личности — «разум, понимание, чувство теоретической ответственности» — едва ли могут быть безоговорочно приняты в качестве удовлетворительного критерия для определения типа революционности. Не проясняет суть вопроса и напоминание автора о вере Бакунина в социалистические инстинкты русского мужика и проистекающей из нее убежденности революционера в возможности немедленной крестьянской революции. Такая убежденность не

в меньшей мере была присуща также С. Г. Нечаеву и П. Н. Ткачеву, которых автор относит к представителям иного типа революционности.

Все это позволяет считать, что типологизация революционности в рамках единого по своей природе общественного движения требует обращения к психологии революционной личности, отказа от подхода к конкретному человеку как адаптированному индивиду, идеи и поведение которого всегда и с неизбежностью классово предопределены. Возможно, такой подход позволил бы решить до сих пор не решенную до конца задачу, а именно: раскрыть причины и пределы сотрудничества Бакунина и Нечаева, ставшего символом революционного аскетизма и безнравственного фанатизма, личностью, которая понуждает отличать иррациональные формы радикализма от подлинно революционного поведения.

В заключение нельзя не отметить интересный, чрезвычайно насыщенный материалом последний раздел книги, посвященный судьбам бакунизма в России. В нем с особой полнотой раскрылось великолепное знание автором истории революционно-демократического движения, хотя некоторые из поставленных здесь в дискуссионном плане вопросов (в частности, о месте народо-вольческого этапа в истории революционного народничества, — с. 283) на данном этапе разработанности темы требуют уже принципиально иного уровня научного осмысления.

В целом следует подчеркнуть, что рецензируемая работа представляет собой заметную веху в изучении взглядов выдающегося русского мыслителя, представшего перед читателем цельной независимой личностью.

Л. Г. СУХОТИНА

Примечания

1. Вывод этот заслуживает особого внимания, поскольку остаются не изжитыми прежние трактовки гегелевского этапа философской мысли Бакунина как проявления его якобы «политического консерватизма» и «благочестивого патриотизма» (см., напр., KELLY A. Mikhail Bakunin. A Study in the Psychology and Politic Utopianism. Oxford. 1982, p. 57).
2. Во взглядах Пизакани пытается, например, отыскать истоки бакунинского анархизма английская исследовательница А. Келли (см. KELLY A. Op. cit., pp. 175—176).

An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elisabeth Dimsdale, 1781. Ed. with an Introduction and Notes by A. G. Cross. Cambridge. 1989. VIII+108 p.

Английская дама при дворе Екатерины Великой. Дневник баронессы Элизабет Димсдейл 1781 г.

Барон Томас Димсдейл (Димсдель) известен историкам не только как искусный врач, в 1768 г. прививший оспу Екатерине II и ее сыну Павлу, но

и как автор мемуаров о русском дворе, изданных в прошлом веке¹. Теперь к числу авторов английской «россики» XVIII столетия прибавилось и имя

его третьей жены Элизабет, которая сопровождала знаменитого доктора во время второй поездки в Россию в 1781 году. Рукопись дневника сохранилась в коллекции семьи Димсдейл вместе с другими русскими реликвиями.

Построение и содержание «Дневника» баронессы Димсдейл вполне типично для произведений этого жанра в европейской, в том числе русской, литературе второй половины — конца XVIII в.: подробное описание и лаконичные оценки виденного в пути, включая состояние дорог и постоянных дворов, качество пищи, сведения о встреченных в пути людях и т. д. 8 августа 1781 г. чета Димсдейл прибыла в Петербург, а три недели спустя последовала за двором в Царское Село, где 7 сентября барон исполнил то, ради чего и был приглашен — привил оспу великим князьям Александру и Константину Павловичам.

Русский читатель «Дневника» вряд ли почерпнет из них что-либо принципиально новое о жизни России второй половины XVIII в., но это и определенная гарантия достоверности содержащихся в нем подробностей и деталей. Наблюдения баронессы точны и аккуратны. Педантично и скрупулезно фиксирует она все виденное и слышанное в России, называя вещи своими именами и не пытаясь ни приукрасить, ни очернить действительность. Так, положение русских крестьян она характеризует не иначе как рабство, подробно перечисляя все права помещиков по отношению к ним при полном отсутствии прав и собственности у самих земледельцев. Правда, тут же приводится и умилившая баронессу история о крестьянах графа Шереметева, уплативших долги своего барина, — сюжет, повторенный в ряде источников того времени, включая «Записки» Екатерины II.

Описание крестьянских свадеб и похорон

наряду с аналогичными церемониями у знатных господ, русской армии, петербургских и царско-сельских дворцов, учебных заведений, денежной системы, русских орденов, распорядка жизни и быта двора — все это можно найти в «Дневнике». Среди прочего и случайно попавшее в руки автора свидетельство о казни Пугачева, данные о погибших во время эпидемии чумы и о стоимости убранства покоев Екатерининского дворца, описание системы воспитания внуков императрицы и многое другое.

Текст «Дневника» подготовлен к печати профессором Кембриджского университета Антони Кроссом, известным своими работами по истории России XVIII века. Им же написано предисловие, включающее археографическое описание документа, сведения об авторе, а также о русско-английских связях того периода. Текст снабжен обстоятельным комментарием, объясняющим русские реалии, уточняющим исторические факты, даты, имена и т. д. Особенно замечательны иллюстрации книги. Если к сказанному добавить, что издание «Дневника» отличает и великолепное полиграфическое исполнение, то станет ясно, что оно не только вводит в научный оборот неизвестный ранее источник, изобилующий множеством интересных деталей, но и служит образцом того, как нужно издавать подобные источники.

А. Б. КАМЕНСКИЙ

Примечания

1. ДИМСДЕЛЬ Т. Записки барона Димсделя о пребывании его в России. В кн.: Сборник Русского исторического общества. Т. 2. СПб. 1868, с. 295—322.

Василий Никитич Татищев. Письма. 1717—1750 гг. М. Наука. 1990. 440 с.

Новое издание писем и записок В. Н. Татищева отличается большой информативностью и новизной публикуемых документов, высоким археографическим профессионализмом¹. Особую роль в подготовке настоящего издания сыграли многолетние исследования А. И. Юхтом деятельности Татищева, которые позволили создать интересную концепцию издания и реализовать ее на высоком научном уровне. Составители не пошли по линии тематического или хронологического ограничения публикуемых материалов, поскольку ни тот, ни другой подход не позволили бы передать полностью цельность личности выдающегося уче-

ного-энциклопедиста, государственного деятеля и просветителя, многообразие направлений его деятельности, умение подходить к науке с организационно-практической стороны, а к административной работе — с научным масштабом. Не удалось бы показать принципиальность Татищева в сложных служебных и жизненных обстоятельствах, в отношениях с людьми. Благодаря точному выбору корпуса публикуемых источников, все это достигнуто.

В публикации принят видовой принцип отбора источников — писем Татищева и близко к ним по жанру стоящих записок разных лиц, содержащих проекты и предложения. Располо-

женные в хронологической последовательности, эти документы охватывают всю жизнь ученого, воспринимаются как связный рассказ о его жизни, как единый монолог.

Работа по выявлению источников затруднялась отсутствием личного архива Татищева, который современники не сумели сохранить. Письма, записки и другие необходимые для публикации и для комментариев документы выявлялись в фондах учреждений, с которыми была связана государственная и научная деятельность Татищева, в немногих сохранившихся личных фондах представителей власти и ученых, с которыми он вел переписку. Направленный поиск был проведен в фондах ряда центральных государственных архивов Москвы, Ленинграда, областных архивов, рукописных отделах музеев, других хранилищах.

Том включает в себя 272 документа — все (за незначительным исключением) сохранившиеся письма Татищева 1717—1750 гг., основная масса которых публикуется впервые. Ради полноты и цельности включены и те материалы переписки Татищева с учеными Академии наук, которые издавались ранее. Все они заново сверены с архивными текстами, сделаны необходимые текстовые уточнения. В приложениях впервые полностью опубликованы сохранившиеся письма ученому от П. И. Рычкова.

Сборник открывают 15 писем Татищева, командированного за границу для изучения инженерного и артиллерийского дела, Я. В. Брюсу (1717 г.). Следующая группа документов отражает деятельность Татищева на Урале (1720—1723 гг.), где он был руководителем казенной горнозаводской промышленности Урала и Сибири. В публикации получили отражение конфликт Татищева с властелином региона — Н. Демидовым и его сыновьями, масштабные планы и предложения по экономическому развитию (из переписки видно, что ему ясна была необходимость частного предпринимательства, рынка вольнонаемного труда, борьбы с монополией).

О многом заставила задуматься Татищева поездка в Швецию (1724—1726 гг.), где, как видно из писем, он глубоко изучал постановку горнозаводского дела, финансов, торговли, банковского и монетного дела, связь и пути сообщения, подготовку технических кадров, технологические процессы. Еще до этой поездки (1724 г.) Татищев подал несколько проектов Петру о возможности передачи казенных медных рудников частным компаниям, обеспечения их наемными работниками. По возвращении он вновь настойчиво пытается вернуться к этой идее, хотя обстановка требовала от него другого — административного жесткого контроля над нерадивыми горнозаводскими работниками, управленческого диктата, разработки наказов и уставов, регламентирующих все стороны заводской жизни, учебы, технологических процессов.

Большое место в переписке Татищева занимает его участие в реформе денежного обращения и монетного дела (1727—1733 гг.) в качестве главы Монетной конторы и члена Комиссии о монетном дворе. Переписка 1734—1737 гг. отражает его деятельность по руководству металлургической промышленностью Урала. Последним этапом его административной деятельности явилось губернаторство в Астрахани (1724—1745 гг.), за которым последовали опала и ссылка. В переписке этого периода затронуты вопросы развития промышленности, рыбного и соляного промыслов, заселения края, в том числе и выходцами из восточных стран. И здесь ставятся вопросы предоставления купечеству привилегий для создания мануфактур, развития Астрахани как центра торговли с Закавказьем, Средней Азией, Ираном, Индией.

Вопросы развития науки особенно подробно освещены в переписке Татищева с учеными, членами Академии наук, и обращениях к ее президентам. Исключительный интерес представляют письма П. И. Рычкову и особенно В. К. Третьяковскому (об изучении славяно-русского и других языков в связи с историей народов России и истолковании топонимических данных). Татищев был озабочен собиранием, описанием и публикацией источников по отечественной истории, письменных памятников, вещественных остатков, данных языка и обычаев населяющих страну народов и этнических групп. Предметом его особого внимания было изучение памятников истории Востока, русского востоковедения. Публикация писем Татищева позволяет по-новому представить его место в развитии российской историографии и культуры.

Переписка больше чем какой-либо другой источник, нуждается в добротном научно-справочном аппарате. Изданиям произведений Татищева в этом отношении повезло. В 50-е годы эту работу вел выдающийся источниковед и историк науки А. И. Андреев. Рецензируемая публикация продолжает его лучшие традиции. Во введении переписка характеризуется в связи с важнейшими этапами жизни и деятельности Татищева в России и за границей.

Переписка Татищева, тщательно воссозданная в качестве целостного и представительного корпуса источников, предстает как феномен культуры своего времени. Она открывает новые возможности для дальнейшего изучения научного наследия этого выдающегося ученого, внесшего столь значительный вклад в российскую историю и культуру.

Отношение к науке и просвещению как к высшим, самодовлеющим ценностям и одновременно необходимость функционировать в системе, построенной на совершенно иных критериях; рационалистический подход к государственным, управленческим проблемам, решительно отвер-

гаемый администраторами всех рангов; блестяще задуманные проекты и невозможность их реализации — таковы противоречия, которые явственно проступают в переписке Татищева. В этой связи следовало бы уделить во вводной статье больше внимания его драматическому жизненному пути. Многие ценные детали, упоминаемые в примечаниях к документам, показывают,

что у составителя были возможности сделать это.

О. М. МЕДУШЕВСКАЯ

Примечания

1. Ответственный редактор тома, автор вступительной статьи и примечаний А. И. Юхт. Составители: А. В. Ковальчук, Т. Б. Соловьева, А. И. Юхт.

A. GARLICKI. *Józef Pilsudski. 1867—1935. Czytelnik. Warszawa. 1989. 721 s.*

А. ГАРЛИЦКИЙ. *Юзеф Пилсудский. 1867—1935.*

Пожалуй, нет сомнений, что самым известным польским политическим деятелем XX в. является Юзеф Пилсудский. Первая, к тому же весьма восторженная книга о нем появилась еще в 1915 году. Затем, по мере того, как место и роль его в жизни польского народа возрастали, в Польше, а также и за ее пределами увидели свет десятки работ, в которых он преимущественно восхвалялся и возвеличивался как деятель, обеспечивший восстановление в 1918 г. независимости, талантливый полководец, борец за высшие национальные интересы, к которым причислялись восточные «исторические границы» (то есть существовавшие до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г.), за «оздоровление» (санацию) межвоенной Польши, погрязшей в глубоких противоречиях.

Режим «санации» (1926—1939 гг.) практически исключал возможность появления в Польше научно объективных работ, посвященных этому действительно крупному польскому государственному деятелю. Глорификация Пилсудского продолжала оставаться определяющей чертой большинства книг и статей о нем, опубликованных как оказавшимися в эмиграции польскими историками и публицистами, так и их английскими, американскими и другими коллегами. Но с течением времени свое место и среди этих изданий заняли отдельные работы, содержавшие достаточно обоснованную критику как Пилсудского, так и того широкого общественного явления в польской политической жизни, которое называется пилсудчиной¹.

С возрождением Польши и освобождением ее от ига гитлеровских поработителей эта тема продолжала занимать существенное место в польской исторической науке, но ей в большинстве случаев придавалось прикладное политическое звучание, что затрудняло объективное толкование сложного жизненного пути Пилсудского и действий, связанных с ним и продолжавших его курс общественно-политических кругов.

Профессор, ректор Исторического факуль-

тета Варшавского университета Анджей Гарлицкий приступил к изучению большой и важной темы о Пилсудском и его политических единомышленниках еще в 60-е годы. В 1978 г. вышла в свет его книга «У истоков бельведерского лагеря» (Бельведер — дворец в Варшаве, в котором в течение ряда лет находилась резиденция Пилсудского) о жизни и деятельности Пилсудского до 1922 г.; в том же году была издана и другая книга Гарлицкого — «Майский переворот», посвященная установлению и первому периоду существования режима «санации»; в 1981 г. появилась его книга «От мая до Бреста», охватывающая период от майского переворота 1926 г. и до разгрома буржуазно-демократической и парламентской оппозиции и заточения в 1930 г. ее лидеров в Брестскую крепость; следующая книга — «От Бреста до мая», увидевшая свет в 1986 г., освещала период от разгрома легальной оппозиции режиму «санации» и до смерти Пилсудского 12 мая 1935 года.

Рассматриваемая здесь работа не представляет собой механического соединения ранее вышедших книг Гарлицкого. Автор учел новые публикации и архивные материалы (в частности, из Института имени Юзефа Пилсудского в Нью-Йорке), ввел в научный оборот ряд ранее неиспользованных источников. Он констатирует, что Пилсудский воспитывался в патриотическом духе, который «имел сильную националистическую окраску. Он не старался различать русских — все они были просто захватчики, представители угнетающей нации» (с. 13). Социализм он воспринимал лишь постольку, поскольку тот давал дополнительную идеологическую аргументацию в борьбе против царизма за свободу и независимость Польши.

Как младший брат одного из активных участников подготовки несостоявшегося покушения на Александра III Пилсудский без каких-либо юридических оснований был в административном порядке сослан на пять лет в Восточную Сибирь. Гарлицкий считает, что ничто «не говорит о том,

что Пилсудский в ссылке принял решение посвятить себя нелегальной деятельности, борьбе с царизмом» (с. 28), и отвергает распространенную в литературе, основывающуюся на позднейших утверждениях самого Пилсудского, версию, будто вернувшись в июне 1892 г. из ссылки в Вильно, он имел сложившиеся политические планы. Автор считает, что Пилсудский примкнул к создававшейся Польской социалистической партии (ППС), рассчитывая, что сразу же сможет «играть в ней важную роль» (с. 41—42).

Концепция независимой Польши, сформулированная Пилсудским в статье, опубликованной в 1893 г., как отмечает Гарлицкий, предусматривала ее восстановление в «исторических границах». Подобные мотивы, а также акцент на повстанческих традициях польского народа, преобладали в статьях и выступлениях Пилсудского, обращенных к шляхетско-интеллигентской аудитории, а в нелегальной газете «Robotnik» преобладали материалы, связанные с нуждами трудового люда. При этом не упускалась возможность подчеркивать слабость рабочего класса в России и то, что естественными союзниками польского пролетариата в первую очередь являются те угнетенные царизмом народы, которые некогда находились в составе Речи Посполитой, как и вообще все сепаратистские движения в России.

Гарлицкий замечает, что Пилсудский вовсе не намеревался быть деятелем действительно рабочей партии: он «был готов предпринять все, чтобы ППС не стала бы такой партией. Цели Пилсудского были иными» (с. 77). Он и его ближайшие единомышленники уже в январе 1904 г. в преддверии надвигавшейся русско-японской войны решают предложить Японии содействие в сборе разведывательных данных о русской армии и приступить к проведению диверсионных акций в интересах японской стороны. Вскоре от японцев стали ежемесячно поступать в адрес группы посетившего Токио Пилсудского деньги. Всего, считает Гарлицкий, было получено около 20 тыс. фунтов стерлингов, а также немало личного оружия, взрывчатых материалов (с. 87).

Внимательно прослеживаются автором процессы, происходившие внутри ППС под влиянием революции 1905—1907 гг. и развития собственно польского рабочего движения, социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Это привело к определенной изоляции внутри самой ППС «старых» лидеров, в первую очередь Пилсудского, отстаивавших повстанческо-националистическую позицию. Пилсудскому и его ближайшим соратникам вскоре удалось возглавить образованный в марте 1905 г. Тайный боевой отдел и сложившуюся несколько позднее Боевую организацию, основную задачу которой Пилсудский видел в подготовке кадров для руководства вооруженным выступлением против России в слу-

чае ее ослабления в результате внутренних потрясений либо в случае европейской войны. Именно расчет на последнюю побуждает Пилсудского в сентябре 1906 г. вступить в секретный контакт с командованием одного из корпусов австро-венгерской армии, чему сопутствовали, как отмечает автор, мистифицирующие утверждения, будто в Королевстве Польском уже имеется 70 тыс. вооруженных боевиков, а в случае начала открытой борьбы их число сразу же достигнет 300 тыс. (с. 121—122).

После произошедшего на IX съезде ППС (ноябрь 1906 г.) раскола партии и создания сторонниками Пилсудского ППС-Революционной фракции деятельность его в основном, как указывает автор, сосредоточилась на дальнейшей работе по формированию военизированных организаций, с началом первой мировой войны сведенных в два польских легиона в составе австро-венгерской армии, и руководстве созданной для разведывательно-диверсионной работы в тылах русской армии Польской военной организации. Гарлицкий подробно знакомит читателей со сложными политическими маневрами Пилсудского². В ходе войны он придавал большое значение сотрудничеству с Германией и германскими оккупационными войсками. Но после Февральской революции и вступления США в войну на стороне Антанты он решил перебраться в Россию.

В июле 1917 г. Пилсудский был арестован в Варшаве германскими властями. Рост его популярности, как отмечает Гарлицкий, был использован последними в условиях ставшей осенью 1918 г. неизбежной капитуляции перед западными державами и разворачивавшейся в Германии революции. Он был доставлен из Магдебургской крепости в Берлин, а после достижения договоренности о том, что воссоздаваемая Польша не будет претендовать на земли, доставшиеся Германии после разделов Речи Посполитой в XVIII в., и включится в борьбу против большевиков, отправлен в Варшаву. К сожалению, эта политическая сделка раскрыта автором гораздо скромнее, чем позволяют источники³. Можно было, в частности, указать и на то, что первое публичное выступление Пилсудского имело место перед Советом солдатских депутатов германского оккупационного гарнизона Варшавы, и проанализировать содержание этого выступления⁴.

Существенную помощь и поддержку Пилсудскому и всему складывавшемуся вокруг них «бельведерскому лагерю», как показано в книге, оказывали временно остававшиеся и на части польских земель и к востоку от них немецкие оккупанты. С их помощью, а затем с помощью западных держав к развязанной еще в ноябре 1918 г. экспансии против Западной Украины прибавилась агрессия против Советской Литвы, где в феврале 1919 г. произошли первые бои польской

армии с Красной Армией, против Советской Белоруссии, Советской Украины и Советской России. Автор подробно освещает ход польско-советской войны 1919—1920 гг., показывает, как потерпели полную неудачу расчеты на вассализацию восточных соседей Польши в форме создания некоего подобия «федерации».

Когда авантюристический поход на Киев сменился контрнаступлением Красной Армии на Варшаву, Пилсудский впал в такую глубокую депрессию, что не только склонялся к тому, чтобы оставить свои посты, но даже, как считали его близкие сотрудники, подумывал о самоубийстве (с. 232—233). К завершившему войну Рижскому мирному договору он отнесся как к вынужденному и временному акту. О том, какую роль в этих событиях играли западные союзники Польши, их военные и дипломатические миссии, автор ничего не пишет, как и не сообщает о контактах Пилсудского с иностранными военными и политическими советниками.

После принятия в 1921 г. демократической конституции и выборов в сейм, Пилсудский практически оказался отодвинутым на задний план. Это никак не отвечало честолюбию недавнего «начальника государства». Муссолиниевский «марш на Рим», пишет Гарлицкий, «показывал [Пилсудскому] реальную возможность достижения власти» (с. 247). Но «отшельник из Сулеювка», как называли проживавшего в 1922—1926 гг. в своем имении близ Варшавы Пилсудского, вовсе не был сторонним наблюдателем событий. Он собирал вокруг себя близких ему деятелей, расставлял их по мере возможности на различные ответственные посты, в статьях и устных выступлениях доказывал, что тяжелое экономическое положение страны, острые классовые, национальные и политические конфликты связаны главным образом с его, Пилсудского, уходом с официальных постов, благодаря чему страна и армия остались без вождя.

Постепенно складывалась группировка, выступавшая за «оздоровление» государства и общества возможное лишь под руководством Пилсудского. Этот пестрый конгломерат политических партий и течений умело направлял возмущавшее недовольство существовавшим режимом в направлении, нужном Пилсудскому. Гарлицкий подчеркивает, что многим участникам назревавшего в 1926 г. переворота, в том числе и коммунистам, представлялось, что, содействуя пилсудчикам, они тем самым ведут борьбу против опасности фашизма. Автор указывает, что активную роль в этом перевороте играли многие высшие офицеры, политические деятели, в первую очередь принадлежавшие к ППС. К сожалению, в подробнейшем изложении в книге хода тогдашних событий зачастую как бы теряется роль самого Пилсудского.

Деятельность Пилсудского после переворота имела целью «убедить имущие классы, что им не только ничего не грозит со стороны новой правящей команды, но совсем наоборот — она в действительности наиболее эффективно обеспечит их интересы» (с. 411). Это было особенно важно для режима, установление которого не сопровождалось ни ликвидацией, ни роспуском сейма и сената, хотя и провозглашавшего одной из своих задач борьбу с антинародной «сеймократией». Сложившаяся ситуация, обоснованно считает автор, была необычной: налицо было «функционалирование диктатуры при сохранении структур парламентской демократии» (с. 473). Однако эти структуры потеряли возможность определять деятельность исполнительной власти, да и внутри этих структур в результате мер, направленных к пресечению деятельности левых партий и всякой вообще оппозиции, происходили существенные изменения, проистекавшие как от политических, так и от репрессивных мер «санации», глава которой чаще всего формально ограничивался сравнительно скромным постом главного инспектора вооруженных сил.

Используя весьма ограниченную из-за скудности источников информацию, Гарлицкий рассказывает о попытке Пилсудского осенью 1930 г., после крупного успеха нацистов на очередных выборах в германский рейхстаг, установить контакт с Гитлером (с. 631). После же прихода к власти в Германии нацистов, Пилсудский, пишет автор, считался с возможностью использовать складывающуюся ситуацию для реализации своей программы создания такой системы государств, которая бы сумела «ограничить в будущем Русское государство только его этнической территорией» (с. 647). Видимо, эти представления сыграли немалую роль в том, что Пилсудский направлял развитие польской дипломатии по пути сближения с гитлеровской Германией, противодействовал возможному включению Польши в систему коллективной безопасности.

Подводя итоги жизни и деятельности Пилсудского, Гарлицкий пишет: «Большой путь прошел Пилсудский... Был великой личностью и наложил, что дается немногим, свой отпечаток на несколько десятилетий истории Польши. Был человеком, уже при жизни овеванным легендой. Был символом возрождения Польши... Называли Пилсудского анахроничным диктатором и в этом определении есть много правды. Не понимал уже вызова, который несли приближающиеся времена» (с. 704). Книга Гарлицкого показывает, какую далеко неоднозначную роль сыграл этот деятель в истории своего народа.

А. Я. МАНУСЕВИЧ

Примечания

1. См., напр., GIERTYCH J. Józef Pilsudski. T. I. Lnd. 1979, t. II. Lnd. 1982.
2. См. ЯБЛОНЬСКИЙ Г. Политика Польской социалистической партии во время войны 1914—1918 гг. М. 1963.
3. См. KESSLER H. Pilsudski en Magdeburg. — La Revue de Paris, 1955, № 12.
4. См. PILSUDSKI J. Pisma zbiorowe. T. V. Warszawa. 1937, s. 13—14.

Буржуазия и Великая Французская революция. М. Издательство Московского университета. 1989. 216 с.

Это очередная книга в серии «Великая Французская революция. Документы и исследования». Вошедшие в нее очерки характеризуют буржуазию в канун и после революции, некоторые политические течения, отражавшие на разных этапах ее интересы.

Авторы стремятся по-новому подойти к этой проблеме, освободиться от некоторых стереотипов, утвердившихся в нашей историографии. Именно этими качествами и отличается работа Е. М. Кожокина о французской буржуазии на исходе Старого порядка. Сквозь призму сочинений политэкономов, трактатов и словарей автор воспроизводит облик новых социальных сил, представляющих собой различные группы формирующегося предпринимательского класса — негоциантов, мануфактуристов, капиталистических фермеров, банкиров, финансистов.

Переходя к участию буржуазии в социально-политической жизни страны, Кожокин связывает это со складыванием в XVIII в. гражданского общества, что сопровождалось появлением независимых от властей философских салонов, масонских лож, литературных обществ, академий. В них получают распространение взгляды, отличные от освященных официальными структурами представлений. Автор обращает внимание на известную инертность тогдашних буржуа в сфере политики: «Политические инициативы исходили от парламентов, аристократии, либеральных бюрократов, наконец, от просвещенческой интеллектуальной элиты, которая долго еще... не будет отождествлять себя с третьим сословием» (с. 46—47).

Кожокин подчеркивает многослойность, социальную неоднородность буржуазии и главное внимание уделяет собственно предпринимателям, не отлучая при этом от буржуазного класса и «буржуа Старого порядка», которых именует также «пассивной» буржуазией, имея в виду основной источник доходов — всевозможные ренты. В предреволюционное время члены этой группы очень медленно, но все же эволюционировали в сторону капитализма. Но, группируя категорию «пассивной» буржуазии вокруг капиталистического предпринимательского ядра (с. 32), не приуменьшаем ли мы ее своеобразие, роль и место в тогдашней Франции? Ведь «буржуа Старого порядка» по своей численности значитель-

но превосходили деловых людей даже в крупных торгово-промышленных центрах. Богатство и крепкие социальные позиции стимулировали их политическую активность, а высокая образованность и широта кругозора позволяли брать на себя роль выразителей чаяний всего третьего сословия.

«Пассивная» буржуазия, утратившая свои наиболее консервативные черты, обусловленные связями с отжившими формами производства и абсолютистским государством, и существенно пополнившаяся за счет дворян-землевладельцев, преобладала и в послереволюционные десятилетия. Это констатирует в интересном очерке о французской буржуазии первой половины XIX в. А. В. Ревякин. Даже к середине прошлого столетия, по словам автора, предпринимательские слои по силе и могуществу уступали «обладателям старого богатства — земельной аристократии и «старой» буржуазии» (с. 161).

Такое положение вещей было связано с особенностями промышленной революции во Франции. Ревякин выделяет две ступени в ее развитии. «Первая из них характеризовалась преимущественно экстенсивным развитием экономики и относительной устойчивостью унаследованных от прошлого производственных отношений» (с. 145—146). Переход же к интенсивным формам и методам хозяйственной деятельности и вызванная этим более быстрая ломка старого в социальной сфере начались с 30-х годов XIX века. И наконец, лишь с середины XIX в. и в течение последующих полутора-двух десятилетий «беспрецедентный подъем крупной машинной индустрии, железнодорожного строительства, развитие кредита и связи» подготовили «почву для глубокого обновления социально-политической структуры Франции и формирования новой политической элиты буржуазии» (с. 189).

Характеристики и выводы Ревякина вписываются в современные представления о длительном процессе перехода от феодализма к капитализму. О периоде, включавшем несколько десятилетий до Великой Французской революции, можно сказать, что общественные порядки тогда не были тождественны ни с феодальным, ни с буржуазным строем. Революция, утвердив неограниченное право частной собственности, свободу предпринимательства, гражданское

равенство, создала только условия, необходимые для дальнейшего развития капитализма. Полное же преобразование общества на собственно капиталистической основе потребовало еще много времени. Поэтому неправомерно абсолютизировать революционный разрыв. Положение «пассивной», прежде всего землевладельческой, буржуазии, долго еще сохранявшей сильные позиции после революции, как раз и свидетельствует об определенной преемственности между Старым порядком и эпохой цензовых монархий XIX века.

Очень интересны очерки, посвященные политическим течениям буржуазии. Их авторы обращаются к малоизученным сюжетам. В основном на мемуарах, письмах и других документах очерке о жирондистах Э. Е. Гусейнов касается не их деятельности в Конвенте и противостояния там монтаньярам, а рассматривает главным образом историю складывания этой политической группировки летом 1791 — летом 1792 года. Корни политических салонов жирондистов уходили в эпоху Просвещения, и в этом смысле автор как бы продолжает анализ усилий французской буржуазии по своей самоорганизации, начатый Кожокиным.

Но если до революции общественные институты объединяли широкую категорию лиц, не обязательно близких по взглядам, а разделявших лишь некоторые общие и весьма абстрактные принципы и схожих по стилю жизни и культурной ориентации, то в жирондистских салонах собирався тесный круг политических единомышленников, вырабатывавших совместную позицию и линию поведения. Характеризуя эту линию, Гусейнов высказывает нетривиальные соображения. Он убедительно демонстрирует, что действия Жиронды в рассматриваемый период были скоординированными, целенаправленными и активными, что ярко проявилось в борьбе за овладение всеми рычагами исполнительной власти весной — летом 1792 года. Тем самым автор развенчивает легенду о мнимой нерешительности жирондистов, их якобы неспособности действовать жестко и твердо (с. 79).

Автор считает, что идеалы жирондистов «не шли дальше конституционной монархии» (с. 84). Но достаточно ли у него оснований для того, чтобы усомниться в антимонархических настроениях жирондистских лидеров, проявившихся еще во время Вареннского кризиса и подтвержденных позднее, например, в связи с дебатами о войне? Их выступления летом 1792 г. против немедленного низложения короля были вызваны не столько стремлением спасти монархию, сколько желанием удержать массы от восстания, опасного с точки зрения дальнейшей политической перспективы.

Рассматривая вопрос о социальной сущности Жиронды, Гусейнов подчеркивает, что ей были

особенно близки устремления собственно капиталистической деловой буржуазии, банкиров, промышленников, торговцев, тогда как к «нуворишам» — спекулянтам ассигнатами и национальными имуществами жирондисты относились враждебно. Автор избегает упрощенной характеристики жирондистов, нередко бытующей в литературе. Акцентируя внимание на образе жизни, интересах и кругозоре деятелей Жиронды, он видит в них «людей таланта», интеллектуальную элиту, способную подняться над сравнительно узкими, обыденными представлениями той или иной социальной группы. В силу этого жирондистскому течению удалось в 1791—1792 гг. выступить глашатаем значительных слоев революционного лагеря. Представляется, что Жиронда отразила в своей идеологии тенденции «нормального» буржуазного пути развития, не отягощенного чрезвычайными обстоятельствами и предусматривавшего в политическом плане строй либеральной демократии.

Особую основательность очерку Д. М. Туган-Барановского о буржуазии в политической борьбе 1797—1799 гг. придают привлеченные им разнообразные источники, среди которых значительное место занимают архивные материалы. Автор убедительно возражает против сложившегося представления, будто якобинцы как политическая сила и движение сошли с арены общественной жизни после 9 термидора и жерминальско-прериальских дней (с. 109). Он указывает на наличие блока между демократами и бабувистами в 1796 г. и особенно на сильные позиции якобинцев в последние два года Директории.

Именно это, а не происки роялистов, не имевшие первостепенного значения, встревожило влиятельные буржуазные силы и способствовало появлению «ревизионистского» направления в рамках термидорианской политической элиты. Данное направление выступило за пересмотр Конституции III года с антидемократических позиций, добиваясь усиления исполнительной власти, ограничения прав «народных представителей» и в целом установления более консервативного режима. Такая линия соответствовала настроениям широких кругов французской буржуазии, недовольных Директорией и заинтересованных в сильной власти. Туган-Барановскому удалось доказать, что буржуазия оказала не только политическую, но и финансовую поддержку брюме-рианскому перевороту.

Если говорить о книге в целом, то надо подчеркнуть, что она — первая, специально посвященная буржуазии эпохи Великой Французской революции в нашей литературе. Авторами введены в научный оборот интересные данные, новые факты. Вместе с тем книга, как справедливо заметил в предисловии к ней А. В. Адо, является не итогом, а подступом к изучению этой темы (с. 12).

С. Ф. БЛУМЕНАУ

В серии книг, выпущенных издательством МГУ к 200-летию Великой Французской революции, вышел первый том документов по ее истории¹. Необходимость данной публикации очевидна, поскольку изданные в прежние годы сборники такого рода давно стали библиографической редкостью.

В публикацию вошли: указы Генеральным штатам, документы о социально-политических преобразованиях, становлении буржуазного государства и политике в области культуры. В том включены не только публиковавшиеся ранее в СССР документы, но и недавно обнаруженные во французских архивах. Заново выверены прежние переводы и устранены содержащиеся в них неточности и ошибки. Большое количество материалов никогда ранее не публиковалось на русском языке (в частности, из фундаментальных «Парламентских архивов» протоколы законодательных собраний, коллекций Бюше и Ру, полного собрания законов, декретов, постановлений, вышедшего под редакцией Ж. Б. Дювержье, «Le Moniteur»).

Составители стремились к цельности показа событий революционной эпохи. Они не следовали хронологическому принципу распределения материала, заменив его тематическим, сгруппировав документы по наиболее важным проблемам. В то же время составители отказались от освещения ряда традиционных проблем, таких, как предпосылки революции, революционная ситуация, внешняя политика революционной Франции, влияние революции на другие страны.

В томе впервые опубликованы на русском языке указы от различных социальных групп Генеральным штатам 1789 г. по которым можно судить, разумеется приблизительно, поскольку взяты лишь отдельные указы, — о чаяниях крестьянства, рабочих, третьего сословия, духовенства и дворянства. Для большинства наказов характерна антифеодалная направленность. Даже в требованиях дворянства отчетливо прослеживаются антиабсолютистские мотивы.

Составители придерживаются традиционного деления истории Великой Французской революции на четыре этапа, понимая под последним период термидорианской реакции и Директории. Документы, относящиеся к первому этапу (от 14 июля 1789 г. до восстания 10 августа 1792 г.), показывают, как происходила отмена сословного строя и установление гражданского равенства, муниципальная и судебная реформы, ликвидация абсолютистских институтов. Здесь привлекает внимание неизвестное до сих пор выступление Э. Ж. Сийеса в Конституционном комитете 20 и 21 июля 1789 г. (док. 15), содержащее «рассмотре-

ние и обоснованное изложение прав человека и гражданина».

Интересна подборка материалов о так называемом Вареннском кризисе, вызванном бегством короля 21 июня 1791 г. и нанесшем сильный удар по самой идее монархии. Впервые на русском языке опубликовано «Обращение клуба кордельеров», где содержался призыв к провозглашению республики (док. 24), о чем в такой категорической форме в те дни высказывались немногие. В большинстве своем также почти не известны русскому читателю вошедшие в том материалы о муниципальной реформе. Интересны конкретные документы, извлеченные А. В. Адо из Национального архива Франции о выборах властей в некоторых коммунах (док. 31 и 32).

Очень важны материалы, относящиеся к судебной реформе. В декрете об изменениях в уголовном процессе (8—9 октября 1789 г, док. 34) говорилось об основных условиях справедливого суда: наличие защитников, гласность и публичность ведения процесса, по наиболее важным делам вынесение приговора несколькими судьями, предъявление обвинения через 24 часа после ареста. Интересны материалы о введении суда присяжных, организации судопроизводства, кассационном трибунале, сыскной полиции и др., впервые переведенные на русский язык. Эти материалы дополняются двумя выступлениями М. Робеспьера о необходимости установления суда присяжных и против смертной казни (док. 40 и 44). Впрочем сам Робеспьер приведенными аргументами легко пренебрег, когда стал диктатором и развязал террор.

Опубликована и конституция 1791 г., провозглашавшая во Франции конституционную монархию. Из нее видно, что уже на первом этапе революции были созданы некоторые институты правового государства: разделение властей, демократизация местной власти и суда, обеспечивающая определенные гарантии свободы и независимости личности.

Второй этап революции характеризуется борьбой в Конвенте между Горой и Жирондой. Наиболее драматическим эпизодом было решение вопроса о судьбе короля, который после восстания 10 августа 1792 г. содержался вместе с семьей в тюрьме Тампль. Приведенные в томе материалы показывают, что жирондисты (Верньо, Бюзо и др.) фактически хотели отдалить казнь Людовика XVI или вообще не допустить ее, тогда как якобинцы требовали суда над королем и вынесения ему смертного приговора. Точку зрения якобинцев с наибольшей ясностью выразил Сен-Жюст: «Всякий король есть мятежник и узурпатор». Эта речь Сен-Жюста (док. 59) публикуется на русском языке впервые.

Якобинская часть тома в основном состоит из публиковавшихся ранее документов. Многие материалы, относящиеся к периоду термидорианской реакции и Директории, напротив, никогда ранее не публиковались в нашей стране и были известны лишь специалистам. Отчасти это объясняется тем, что еще совсем недавно в советской историографии окончанием революции считался переворот 9 термидора 1794 г., и, таким образом, отрицалась нисходящая линия народного движения. Между тем изучение этой стадии революции имеет большое значение для понимания особенностей формирования французского буржуазного государства. В этой связи большой интерес представляет впервые полностью опубликованная речь одного из создателей новой конституции — Буасси д'Англа от 23 июня 1795 г., в которой развивались две главные идеи: республика должна быть государством собственников, управление будет строиться на разделении властей (док. 138).

Можно только пожалеть, что составители поспешили завершить тему государственных преобразований принятием конституции III года (1795 г.), учреждавшей режим Директории. Но революция на этом не завершилась. В 1798—1799 гг. во Франции обострилась политическая борьба, создавшая движение за пересмотр конституции и приведшая в конечном счете к государственному перевороту 18 брюмера. Следовало бы дополнить том материалами, иллюстрирующими кризис режима Директории, появление «ревизионистского направления» и место в нем Сийеса, Талейрана, генерала Бонапарта. На этот счет имеется очень богатый материал. Не лишними, возможно, были бы публикации наполеоновской конституции 1799 г. и отдельных статей из «Гражданского кодекса».

Том включает также три небольших подраздела (II, III и IV), посвященных созданию национальной армии, политике в отношении религии,

церкви и в сфере культуры. Из документов, касающихся религии и церкви, выделяются впервые публикуемая на русском языке речь Талейрана в Учредительном собрании 10 октября 1789 г., декрет от 2 ноября 1789 г., материалы об отношении папы Пия VI к национализации церковных имуществ, размежевании в среде духовенства и первых преследованиях неприсягнувших священников. Ряд материалов иллюстрирует религиозную политику якобинцев, осуждавших, как известно, атеизм как «единственную надежду иностранцев». «Факел разума, — писала в те дни «Le Moniteur», — испепелил это чудовище и на его месте явилась мудрость, указующая перстом на обитель Верховного существа» (док. 257).

Представляется, однако, не вполне оправданным отсутствие материалов, показывающих политику термидорианцев и Директории. Тем более, что таковые имеются (см. многотомное собрание документов, изданных А. Оларом: «Париж в период термидорианской реакции и Директории»); опубликованы в разное время и солидные исследования. В материалах тома об отношении революционных властей к культуре и образованию (док. 222—224) можно обнаружить некоторые иллюзии, свойственные вообще многим революционерам.

В целом публикация позволяет проследить основные этапы становления буржуазного государства. Ее материалы создают хорошую основу для размышлений и научных дискуссий. Этому также способствует толково составленный справочный аппарат.

Д. М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Примечания

1. Ответственный редактор А. В. Адо. Составители: А. В. Адо, Н. Н. Наумова, Л. А. Пименова, Е. И. Федосова, Г. С. Черткова.

История средних веков. М. Высшая школа. Т. 1. 1990. 495 с., т. 2. 1991. 400 с.¹

Со времени последнего издания университетского учебника по истории средних веков (под редакцией С. Д. Сказкина) прошло почти 14 лет. Чем же новый учебник отличается от старого? Перемены к лучшему, действительно, есть, но не столь значительные, как хотелось бы.

Новое пособие менее догматизировано, в нем появились элементы проблемности, в частности по таким вопросам, как сущность феодализма, культура эпохи Возрождения и др., меньше стало цитат из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, а те, что остались, употребляются по существу и к месту. Определенное внимание уде-

лено демографическим аспектам, вопросам международных отношений и внутренней торговли. Появилась глава об источниках по истории позднего средневековья. Увеличена в объеме и стала интереснее глава об источниках по истории западноевропейского средневековья V—XV веков. Детальнее рассмотрены характер и особенности сельского хозяйства как в целом, так и в отдельных регионах (здесь, очевидно, сказывается влияние трехтомной «Истории крестьянства в Европе»). Формулировки и определения стали менее категоричными, что, в частности, относится к вопросу о хронологическом рубеже

между средневековьем и новым временем. Больше места уделено общеевропейским процессам, хотя страноведческий принцип изложения все еще преобладает и в структуре учебника и в манере подачи материала. Вместо понятия «крепостное крестьянство» Западной Европы утвердилось определение «феодално-зависимое крестьянство».

Вместе с тем авторам не удалось еще освободиться от стремления непременно доказывать «превосходство» марксистской историографии над немарксистской. Чувствуется и определенное влияние европоцентристской концепции. Необходимо было в общетеоретическом плане сравнить феодальные эпохи в Европе, с одной стороны, и в Азии и Африке — с другой. По-видимому, в последующих изданиях учебника следует уделить больше внимания критическому разбору схем и стереотипов, ставших традиционными для советской медиевистики.

Советская историография все сильнее интегрируется с мировой исторической наукой. В учебнике этот процесс не получил должного раскрытия, но при подготовке следующего его издания эту тему надо бы развить. Учебник построен по нормативному образцу, то есть как компендиум необходимых с точки зрения его авторов знаний, тогда как в МГУ (где работают многие из них) и ряде других университетов чтение общего курса по истории средних веков все больше ведется по проблемному принципу, что, очевидно, следовало бы учесть в следующем издании учебника.

В заново написанной главе о возникновении феодальных отношений в Западной Европе, учитываются достижения советской и зарубежной историографии: значительно расширен круг рассматриваемых в ней вопросов. Показана эволюция таких институтов, как эмфитевсис, прекарий, патронат, коммендация; больше внимания уделено социально-экономической структуре и эволюции политического строя германцев IV—V вв.; более четко прослежено (в сопоставлении) значение античного и варварского компонентов феодального синтеза.

В учебнике больше внимания уделено истории Византии, полнее раскрыта динамика сложнейших социально-экономических и политических процессов развития византийского государства в XI—XV веках.

Продуманнее и логичнее стала структура глав, обновлен фактический материал (например, о Венецианской и Генуэзской Романии, о греческих государствах первой половины XIII в. и т. д.), глубже прослежены причинно-следственные связи, введены новые параграфы.

В главе по истории Франции XI—XV вв. подчеркивается, что законченность форм феодальных отношений характерна только для северной и центральной частей, а отнюдь не для

всей страны. Подробнее рассказано о деятельности Генеральных штатов. Если в старом учебнике утверждалось, что распад Священной Римской империи начался в XIII в., то в новом показано, что и к началу XIV в. она оставалась крупнейшим политическим образованием в Западной Европе, хотя и лишенным внутреннего единства. Тема княжеского территориального государства звучит более многопланово. Хорошо показано разнообразие политических форм в Италии в XI—XV веках.

Думается, что название главы 13 «Страны Пиренейского полуострова в XI—XV вв.» (а не «Испания и Португалия в XI—XV вв.»), вернее отражает тот факт, что Леон, Кастилия и Арагон и тем более арабские государства юга Пиренейского полуострова являлись на различных этапах этого периода самостоятельными государствами. Подробнее рассмотрена борьба различных группировок господствующих классов в христианских государствах на Пиренеях, отдельно поставлен вопрос о церкви и ересь, что помогает объяснить историю испанской инквизиции, выросшей из борьбы христиан против мусульман.

Детальнее рассмотрена история Трансильвании, как и османских завоеваний. Уделено серьезное внимание турецкой угрозе странам Западной и Центральной Европы.

В учебник включена новая и весьма необходимая глава о производительных силах общества Западной Европы в V—XV веках. Достаточно серьезно и конкретно сказано о демографических процессах в средневековую эпоху (миграция населения, смертность от болезней, войн и т. д.). Убедительнее раскрыто влияние географических условий на экономическое и социальное развитие средневекового общества. Больше внимания уделено церковной истории, в частности вопросу о расхождении между доктриной христианства и практикой христианской церкви, народной религиозности.

Средневековая европейская культура рассматривается как органическая составная часть общемирового культурного развития. В учебнике охарактеризована народная культура средневековья и система мировидения средневекового человека. Показан сложный характер культуры Ренессанса. Студент получает представление о спорах, ведущихся вокруг проблемы европейского Ренессанса.

В то же время такой общеевропейский конфликт, как итальянские войны 1494—1559 гг., рассматривается в учебнике скорее как событие локального значения. Непонятно и разделение этих войн на периоды 1494—1513 и 1515—1559 годы. Если имеются в виду войны французских королей Франциска I и Генриха II против императора Карла V и испанского короля Филиппа II, то правильнее было бы говорить о периоде 1520—1559 гг. (Карл был избран императором в 1519 г.).

Кризис итальянской экономики авторы относят не к XVI в. (как это было в старом учебнике), а к середине XVII века.

В главе по истории Франции изменений по существу нет, если не считать характеристики «дворянства мантии», то есть чиновно-бюрократического дворянства, вышедшего из буржуазии. Нет изменений и в главе по истории Англии, где повторяется (с. 208) досадная неточность. В Англии была только должность лорда-канцлера (а не канцлера королевства) и Т. Кромвель никогда таковым не был; в годы его нахождения у власти (1532—1540 гг.) эту должность исполнял Т. Одли.

В главе о скандинавских странах обращает на себя внимание раздел об особенностях их исторического развития в XVI — первой половине XVII века. Выделены разделы по истории Финляндии и Исландии. В главе об истории балканских народов под властью Османской империи интересен новый раздел «Положение городов в балканских провинциях Османской империи».

В главе о международных отношениях XVI — первой половины XVII в. показаны становление системы государств в Европе, оформление дипломатической службы и охарактеризованы основные узлы международных противоречий XVI века. В разделе о Тридцатилетней войне следовало бы подчеркнуть ее общеевропейский характер.

Многие темы изложены как давно решенные, тогда как это далеко от действительности и

может ввести студента, особенно в отдаленных периферийных вузах, в заблуждение. Учебник порой суховат по стилю, он мог быть написан живее и образнее. Можно указать на ряд хронологических ошибок. Отдельные главы и разделы неравноценны по включению нового материала. Следовало бы уделить больше внимания альтернативности исторического процесса, различным концепциям истории западноевропейского средневековья в отечественной историографии и, конечно, больше внимания уделить личностному аспекту исторического процесса, дать больше ярких портретов деятелей, сыгравших важную роль в истории.

Ю. Е. ИВОНИН, Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

Примечания

1. Авторский коллектив: С. В. Близнюк, Л. М. Брагина, В. М. Володарский, А. Я. Гуревич, Т. П. Гусарова, Е. В. Гутнова, О. В. Дмитриева, М. А. Заборов, С. П. Карпов, Г. Г. Литаврин, Э. Э. Литаврина, Б. Г. Могильницкий, Е. П. Наумов, И. И. Орлик, С. Л. Плешкова, В. И. Рутенбург, Ю. М. Сапрыкин, А. А. Сванидзе, М. М. Смирин, З. В. Удальцова, В. И. Уколова, И. С. Филиппов, Б. Н. Флоря, Н. А. Хачатурян, С. Д. Червонов, Л. С. Чиколини, А. Н. Чистозвонов, В. П. Шушарин. Редакционная коллегия: 1 том — Е. В. Гутнова, С. П. Карпов, Л. А. Котельникова, А. А. Сванидзе, В. И. Уколова; 2 том — Л. М. Брагина, С. П. Карпов, Ю. М. Сапрыкин, Л. С. Чиколини, А. Н. Чистозвонов. Под редакцией З. В. Удальцовой и С. П. Карпова.

Новое о детстве В. О. Ключевского

В Государственном архиве Пензенской области (ГАПО) имеются документы, относящиеся, в частности, к детским годам Василия Осиповича Ключевского и позволяющие раскрыть несколько малоизвестных страниц его биографии. Те годы подразделяются на пребывание в с. Воскресеновка¹ Пензенской губернии, где он родился в 1841 г., в г. Городище и с. Можаровка Городищенского уезда.

У будущего историка имелись сестры Елизавета, 1844 г. рожд., и Надежда, 1849 г. рождения. После смерти 28 августа 1850 г. их отца и переезда в Пензу появились также две незаконнорожденные сестры, Мария и Анастасия. Но в клировых ведомостях Городищенского уезда за 1846—1848 гг. есть запись от 22 октября 1846 г. о рождении еще одной родной, то есть третьей сестры — Настасии, и запись о ее смерти от 22 апреля 1848 года². Конечно, семилетний ребенок помнил о ней, но позднее нигде не писал об этом, ибо был скуп на биографические признания³.

Мальчик проживал в Можаровке с 1845 по 1850 год. Помимо Порфирия Гвоздева, будущего друга по семинарии и по жизни, в круг общения ребенка входили сослуживец отца, дьякон Василий Поспелов и его жена Степанида Степанова, «грамоте не обученная», их дети Николай, Екатерина, Олимпиада, Марья и грамотные Евдокия и Настасья, обучавшийся в ту пору в Пензенском приходском училище и приезжавший на зимние и летние каникулы в родные места Дмитрий 11-ти лет, еще один сослуживец отца пономарь Андрей Кедров, его жена Мария Федоровна, «грамоте не обученная», бывший ранее пономарем Дмитрий Андреев, дьячок Василий Григорьев с женою Анной и сыном Иваном⁴.

В Можаровке проживала и бабушка историка по отцу Феодосия Кузьминична, грамотная вдова дьякона Василия Степанова, принимавшая в воспитании внука непосредственное участие. Она жила «на хлебах» у священника Ключевского, а пособия не получала⁵, ибо отец историка отказался от годового попечительского пособия в 15 руб. серебром, которое было положено вдовам священников; он считал получение этого пособия

непристойным делом и содержал всех на свое скудное жалованье.

При переезде Ключевских из Воскресеновки в Городище, а затем в Можаровку и в обустройстве их быта на новых местах играл не последнюю роль дядя историка по отцу Дмитрий, служивший дьяконом в городищенском Троицком соборе⁶, считавшемся более высоким по чину, чем церковь в Воскресеновке⁷. Сразу уточним дату пребывания Ключевских в Городище: с января по июль 1846 года⁸. Там в воспитании Васи принимала участие наряду с отцом и бабушкой его мать Анна Федоровна, умевшая (в отличие от жен сослуживцев своего мужа) читать и писать. Она сама обучала грамоте сына, доказательством чего являются клировые ведомости Городищенского уезда за 1846 г., где говорится, что в послужном списке отца историка «состоят: жена Анна Федоровна, 25 лет, читать и писать умеет, дети Василий пяти лет, обучается чтению в доме»⁹. Значит, чтением он овладевал с пяти лет. Это дополняет слова М. В. Нечкиной: «Есть сведения, что Ключевский мальчиком еще до поступления в приходское училище читал своей бабушке Жития Святых по славянскому тексту Четьих-Миней»¹⁰.

Обстоятельства переезда Ключевских из Можаровки в Пензу, судя по ревизской сказке Городищенского уезда за 1850 г., были не из легких, если иметь в виду, что в послужном списке отца за этот год уже не значатся трагически погибший глава семейства, рано умершая сестра Настасья, а также еще здравствовавшие бабушка Феодосия Кузьминична и последняя из родных сестер Надежда¹¹. Предположительно переезд можно датировать началом сентября 1851 г.: во-первых, прошение Анны Федоровны о приеме сына в училище подано 17 сентября 1851 г., то есть чуть позже, чем должно; во-вторых, поминки по отцу должны были проводиться соответственно через 9 и 40 дней, полгода и год со дня смерти и обязательно на старом месте (то есть в Можаровке), что являлось в то время правилом в российских семьях, тем паче духовных. Добавим сюда точную дату дня свадьбы родите-

лей историка: согласно метрической книге Духосошественской церкви Пензенской духовной консистории за 1838 г., она состоялась 13 ноября 1838 г. в той же церкви¹². Со стороны свидетелей значится имя родного брата Анны Федоровны Михаила Мошкова, ученика Пензенской духовной семинарии, через которого познакомился со своей будущей женою обучавшийся в той же семинарии отец историка.

Говоря о начале пензенского периода жизни Ключевского и его поступлении в приходское училище, уточним, что поступление состоялось не 7¹³, а 17 сентября 1851 г., когда и было подано прошение матери о приеме сына в училище¹⁴.

С. А. Коробов
старший научный сотрудник
Пензенского краеведческого музея

Примечания

1. В Большой советской энциклопедии (т. 12. М. 1973, с. 331) ошибочно указано с. Вознесенское.
2. ГАПО, ф. 182, оп. 1-а, д. 74, лл. 13—81.
3. НЕЧКИНА М. В. Василий Осипович Ключевский. М. 1974, с. 57.
4. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1658; д. 1599, лл. 54—57; д. 1635.
5. Там же, д. 1658, лл. 54—59.
6. Там же, ф. 182, оп. 1-а, д. 74.
7. См. ПОПОВ А. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза. 1896.
8. ГАПО, ф. 182, оп. 1-а, д. 74, лл. 1—77.
9. Там же, д. 1599, лл. 54—57.
10. НЕЧКИНА М. В. Ук. соч., с. 56.
11. ГАПО, ф. 182, оп. 1, д. 1680, лл. 47—49, 80, 82.
12. Там же, оп. 6, д. 69, л. 31 (даты по ст. стилю).
13. НЕЧКИНА М. В. Ук. соч., с. 60.
14. ГАПО, ф. 22, оп. 1, д. 3, л. 29.

Нужно ли было издавать эту книгу?

Недавно вышла в свет книга П. О'Мара «К. Ф. Рылеев. Политическая биография поэта-декабриста» (перевод с английского А. Л. Величанского. Вступительная статья и редакция В. А. Федорова. М. 1989. 336 с.). К сожалению, автор показал свое неумение отличить достоверный источник от недостоверного. Используя показания декабристов, он ограничился их беспорядочным цитированием и перечислением, так что ясного представления ни о событиях, ни о взглядах их участников они не дают. О'Мара не различает свидетельства непосредственных участников событий и прочих современников, часто передававших недостоверные слухи. Более того, различные мнения и предположения историков и филологов, писавших о декабристах, оказались для автора равноценными источниками. Разумеется, такой метод не мог привести ни к чему, кроме путаницы и ошибок.

Редактор книги, хотя и замечает, что «не имеющие принципиального значения уточнения и пояснения даны в примечаниях к тексту», а «мелкие фактические неточности исправлены, по согласованию с автором, без оговорок» (с. 22), сам в примечаниях дает ошибочное истолкование ряда событий. Характерный пример: на с. 192 О'Мара упоминает «вдохновляющую речь Александра I, вставшего во главе охваченного бедствием отечества против Наполеона». Ясно, что речь идет о войне 1812 г., но Федоров «поясняет»: «Автор имеет в виду речь Александра I, обращенную 15 марта 1818 г. к польскому сейму». Некоторые ошибки автора Федоров перенес во вступительную статью и одновременно допустил в ней и такие, которых у О'Мара не было.

Автор запутал даже такой простой вопрос, как определение года рождения Рылеева. Высказывания самого Рылеева, его отца и матери и ближайшего друга А. А. Бестужева показывают, что декабрист родился в 1795 году¹. О'Мара же пишет о «неясности в данном вопросе», которая, по его словам, «усугубляется собственным заявлением Рылеева, сделанным в показаниях Следственной комиссии сразу же после ареста, о том, что ему 24 года» (в примечании автор добавляет,

что это было дезинформацией Следственной комиссии) (с. 49). В действительности О'Мара пользовался не показаниями Рылеева, а формулярным (послужным) списком, помещенным в начале следственного дела. Известно, что эти списки составлялись не самими арестованными, а представлялись по требованию Следственного комитета подразделениями и учреждениями, где служили декабристы, или же соответствующими архивами. К тому же формулярный список Рылеева, помещенный в его следственном деле, относится к 1818 году².

В конечном счете О'Мара все же останавливается на 1795 г., но главным образом потому, что его назвал В. Е. Якушкин. «Краткий рассказ о дискуссии по поводу года рождения Рылеева приводит В. Е. Якушкин, который считает более достоверной датой 1795 год. По той же причине она предложена и А. А. Бестужевым, ближайшим другом и соратником Рылеева», — пишет О'Мара (с. 49). Получается, будто Бестужев «предложил» 1795 г. потому, что этот год позднее считал более достоверным В. Е. Якушкин — внук декабриста И. Д. Якушкина, еще не родившийся к моменту гибели Бестужева.

На с. 88 О'Мара называет Рылеева «гвардейским офицером», хотя тот никогда не служил в гвардии, а в описываемое время (1820—1821 гг.) был в отставке. Автор неверно определяет и время вступления Рылеева в Северное общество. Поскольку он был принят И. И. Пуциным в период службы последнего в Петербургской уголовной палате, важно было точно установить время службы там Пуцины (с 5 июня 1823 г.) и дату перевода его в Москву в Надворный суд (переведен 13 декабря 1823 г.; переехал в Москву и «вступил в должность» в марте 1824 г.³). Не разобравшись в послужном списке Пуцины и его показаниях, О'Мара решил (с. 96), что Пуцин с 5 июня 1823 г. служил в Московской уголовной палате (в действительности он там никогда не служил), а в Петербургской уголовной палате, где он познакомился с Рылеевым, только «бывал» в первой половине 1823 года. Поэтому сместилось и время приема Рылеева в Северное общество⁴.

По словам О'Мары, уже в 1823—1824 гг. в Северном обществе состояли Н. А. Бестужев, К. П. Торсон, П. Г. Каховский, А. Н. Сутгоф, В. К. Кюхельбекер (с. 141). Рассказывая о совещании у Рылеева, которое О'Мара датирует декабрем 1823 г., когда принималось решение о вывозе императорской фамилии за границу, автор пишет: «Самые мрачные предположения в связи с этим высказали именно два присутствовавших морских офицера — Н. Бестужев и Торсон» (с. 154). Но ни тот, ни другой не могли присутствовать на совещании, так как в то время не были еще членами Северного общества⁵. На с. 136 О'Мара, основываясь на показаниях Е. П. Оболенского (ср. с. 96)⁶, пишет, будто Рылеев «одним из самых первых принял в общество трех братьев Бестужевых — Александра, Николая и Михаила», тогда как в действительности Михаил Бестужев был принят Торсоном⁷.

Вопрос о приеме Бестужевых и других декабристов в Северное общество нельзя было решать ни на основании показаний Оболенского, не имевшего к этому делу никакого отношения, ни даже на основании показаний Рылеева (который принял многих и потому тоже мог ошибаться⁸). Здесь необходимо было использовать следственные дела принимаемых, но О'Мара не сделал этого. В действительности Н. А. Бестужев был принят в Северное общество в конце 1824 г.⁹, Торсон — в конце 1824 г. или в начале 1825 г.¹⁰, Каховский — в начале 1825 г.¹¹, Сутгоф — в сентябре 1825 г.¹², а Кюхельбекер — всего за несколько дней до восстания¹³.

На с. 145 О'Мара сообщает, будто Оболенский «назвал Бодиско» в числе принятых Рылеевым. В действительности же Оболенский на вопрос о том, был ли членом Северного общества лейтенант Гвардейского экипажа Бодиско, отвечал, что не знает, принял ли его Рылеев¹⁴.

В 1825 г. Рылеев совершил две поездки в Кронштадт, чтобы ознакомиться с настроениями флотских офицеров и выяснить, возможно ли создание Морской управы Северного общества. О'Мара же объединил две поездки в одну и перепутал все связанные с этим факты. Он написал, будто «младший брат Никиты (!) Бестужева Пётр пригласил поэта посетить тамошний любительский театр», в результате чего «Рылеев отправился в Кронштадт 13 июня с А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером, А. И. Одоевским и Н. Н. Оржицким» (с. 155). В действительности же Рылеев поехал в Кронштадт с названными лицами вечером 2 июня и возвратился утром 4 июня; 3 июня к ним приехал Д. И. Завалишин¹⁵. Приглашение Рылеева Петром Бестужевым в театр относится не к первой (2—4 июня), а ко второй (осенней) поездке Рылеева в Кронштадт¹⁶. Никакого Никиты Бестужева, разумеется, не существовало, а был Николай¹⁷.

На разных страницах книги присутствуют три даты одной поездки Рылеева в Кронштадт: 13 июня (неверная дата — с. 155), май (как время встречи Рылеева с Арбузовым, которая произошла во время этой поездки, но О'Мара не понял этого — с. 156) и 2 июня (дата, указанная в письме Рылеева Завалишину, приведена вне всякой связи с событиями и так и не использована О'Марой для датировки поездки — с. 271).

О'Мара не понял, что по плану Рылеева Кронштадт должны были захватить кронштадские матросы под руководством вступивших в Северное общество флотских офицеров (ср. с. 128). Он неверно представляет себе и восстание в Петербурге, не понимает, что основной силой его должны были стать гвардейские полки, квартировавшие в столице (ср. с. 132).

О развитии политических взглядов Рылеева О'Мара пишет: «создается впечатление, что Рылеев вступил в Северное общество, будучи сторонником умеренной тенденции. «Рассуждали о будущем правлении в России и все согласно полагали, что представительное монархическое правление для России самое удобное и самое приличное», — писал он. Однако со временем конституция Муравьева стала казаться ему все более неприемлемой, так же как и предложения, исходившие из других умеренных кругов» (с. 122). Выходит, что взгляды Рылеева при вступлении в общество были «умеренными» (что как будто бы подтверждается и приведенной цитатой), а потом становились все более радикальными. Однако эта цитата — о «монархическом правлении» — относится не ко времени вступления Рылеева в Северное общество, а к ноябрю — декабрю 1825 года¹⁸.

Члены Южного общества А. В. Поджио, М. И. Муравьев-Апостол и С. Г. Волконский считали Рылеева республиканцем «в полном революционном духе», готовым к объединению обоих обществ на основе республиканских требований и «решительного ... намерения вводить республиканское правление», пишет О'Мара (с. 123), ссылаясь при этом (неверно!¹⁹) только на следственное дело М. И. Муравьева-Апостола, хотя два других названных им декабриста тоже высказывались подобным образом. А главное, Матвей Муравьев-Апостол писал о «революционном духе» Рылеева, однако о том, что он — республиканец, в показаниях Муравьева-Апостола ничего не говорится. О'Мара использовал здесь показания последнего о Южном обществе: «М. Нарышкину брат мой Сергей и Бестужев [-Рюмин] объявили, что Южное общество непременно начнет свои действия в течение 1826 года и что оно решительно приняло намерение вводить республиканское правление»²⁰. Эти слова о «республиканском правлении», которыми М. И. Муравьев-Апостол определил цель Южного общества, О'Мара и выдал за характеристику взглядов Рылеева.

В ряде случаев перевод искажает смысл текста. Так, О'Мара хотел сказать, что Рылеев в своей думе «Курбский» истолковал побег князя как протест против тирании, а советские историки вслед за Карамзиным считают поступок Курбского изменой и отвергают интерпретацию Рылеева (с. 188). Но у переводчика получилось, будто интерпретация побега Курбского как вызова тирании отвергается Рылеевым.

Перечислить все ошибки в книге О'Мары невозможно. Впрочем, и того, что сказано, достаточно. Возникает вопрос: зачем было переводить и издавать эту книгу?

А. Б. Шешин

Примечания

1. РЫЛЕЕВ К. Ф. Полное собрание сочинений. М.-Л. 1934, с. 758, 761; Восстание декабристов. Материалы (далее — ВД.), Т. I. М.-Л. 1925, с. 156, 157; БЕС-

ТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ А. А. Соч. В 2-х тт. Т. 2. М. 1958. С. 533.

2. ВД. Т. I, с. 150—151.

3. ВД. Т. II. М.-Л. 1926, с. 204—206, 210, 211, 225; ПУЩИН И. И. Записки о Пушкине. Письма. М. 1966, с. 92.
4. Федоров в данном случае некритически отнесся к утверждениям О'Мары и тоже написал, будто Пущин уехал «в том же году в Московскую уголовную палату» (с. 10). Кроме того, Федоров утверждает, будто, уезжая в Москву, Пущин «ввел вместо себя» Рылеева в Верховную думу Северного общества (с. 10). В действительности же Рылеев был избран в нее в начале 1825 г. на место С. П. Трубецкого, уехавшего в марте 1825 г. в Киев (ВД. Т. I, с. 16, 166, 174).
5. «Мрачные предположения» относительно планов Рылеева Торсон и Н. А. Бестужев высказали ему позднее, уже в 1825 г. (ВД. Т. I, с. 183; Т. II, с. 74; Т. XIV. М. 1976, с. 202—203, 209—210).
6. ВД. Т. I, с. 230.
7. ВД. Т. I, с. 482; Т. XIV, с. 198; Воспоминания Бестужевых. М.-Л. 1951, с. 273—274, 393 и др.
8. Рылеев ошибочно полагал, будто Михаил Бестужев был принят своим братом Александром (ВД. Т. I, с. 153).
9. ВД. Т. II, с. 60.
10. ВД. Т. XIV, с. 198.
11. ВД. Т. I, с. 153, 338, 343.
12. ВД. Т. II, с. 124, 125.
13. ВД. Т. I, с. 153; Т. II, с. 151.
14. ВД. Т. I, с. 233, 229.
15. Письма Рылеева. — Литературное наследство. Т. 59. М. 1954, с. 152; ВД. Т. III. М.—Л. 1927, с. 232, 236, 245, 260, 280, 294; Т. II, с. 27—28; ЗАВАЛИШИН Д. И. Записки декабриста. СПб. 1906, с. 94.
16. ВД. Т. II, с. 74; Т. III, с. 236.
17. Федоров не только не исправил ошибки О'Мары, но во вступительной статье добавил к ним новые. Поездку в Кронштадт он датирует 13 июня. В тексте О'Мары в числе ее участников был верно упомянут А. А. Бестужев, а Федоров вместо него назвал Н. А. Бестужева. По словам Федорова, во время поездки в Кронштадт Рылеев будто бы рассчитывал «на морских офицеров, членов существовавшего там тайного общества» (с. 11), хотя тайного общества в Кронштадте не было.
18. ВД. Т. I, с. 10; Т. XIV, с. 66.
19. ВД. Т. IX, с. 225.
20. Там же, с. 255.

Contents

Articles: V. V. Zhuravlev, N. S. Simonov. The Causes and Effects of Disbanding the Constitutional Assembly; D. Bairau, Janus in Bast Shoes: Peasants in the Russian Revolution, 1905—1917. Historical Profiles: L. E. Morozova. Mikhail Fedorovich. Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev. Historical Journalism: A. G. Avtorkhanov. The Technology of Power; V. G. Krivitsky. I was Stalin's Agent. History and Fates: General A. Denikin. Essays on the Russian Troubled Times. Historians on Time and Themselves: I. V. Gotie. My Notes. Publications: Vilbois. Stories about the Russian Court. Communications: V. A. Markina, V. V. Krzhizhanovskaya. Peasants of the Right-Bank Ukraine in the Struggle for Land and Freedom (Second Half of the 17th—18th cc.); L. N. Garanin. "The Second Person" in the Third Reich. Historiography: V. Y. Grosul. "Selected Works" of Academician N. Druzhinin; N. M. Pirumova. M. Bakunin's Social Doctrine; An English Lady at the Court of Catherine the Great. The Journal of Baroness Elisabeth Dimsdale, 1781. Cambridge. Vassili Tatishchev. Letters, 1717—1750; A. Garlitski. Josef Pilsudski, 1867—1935 (Warszawa); The Bourgeoisie and the French Revolution of the 18th Century; Documents on the History of the French Revolution of the 18th Century. Vol. I; A History of the Middle Ages. Vols. 1, 2. Letters to the Editor.

Архангельский педагогический институт имени Ломоносова наложенным платежом высылает следующие книги, подготовленные сотрудниками института:

Ю. Ф. ЛУКИН — «Социально-политическая активность и протест в истории советского общества». Учебное пособие. Архангельск, 1991 г. 110 с. Цена 1 руб. 10 коп.

М. Н. Супрун, С. Я. Косухкин — «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX — начале XX в.». Краткий библиографический словарь. Выпуск 1. Учебное пособие. Вологда, 1989 г. 188 с. Цена 2 руб. 50 коп. (в твердом переплете).

«Северные конвои: исследования, воспоминания, документы». Под ред. Супруна М. Н. Архангельск, 1991 г. 174 с. Цена 5 руб. 40 коп.

Заявки присылать по адресу:
163006, г. Архангельск, пр. Ломоносова, 4,
Педагогический институт, научная часть.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук
Издательство «Прогресс»**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков,
И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Б. В. Орешин,
Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора),
К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин.**

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» 1992, № 1, 192 стр.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор И. В. Малюхина.

Сдано в набор 9.10.91. Подписано в печать 27.12.91. Формат 70×108/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Усл. кр.-отг. 33,6. Уч.-изд. л. 19,20. Тираж 108 384. Заказ 2611. Индекс 70145.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Министерства печати и массовой информации РСФСР. 119847. ГСП. Москва, Г-21, Zubовский бул., 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфкомбинат Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

Дорогие читатели!

Мы искренне рады тому, что в 1992 г. число подписчиков журнала по сравнению с прошлым годом возросло и составило 110 тысяч. Это убедительное свидетельство того, что линия журнала встречает поддержку широкого читателя. «Вопросы истории», по существу, превратились в массовый журнал, заняли видное место в российской периодике. Сегодня его с интересом читают не только профессиональные историки, но и представители всех слоев нашего общества. Журнал за последние годы получил признание мировой научной общественности. Все это вдохновляет коллектив редакции, придает новые силы и стимулы в работе.

Этому факту можно было бы только радоваться. Но не такое нынче время. В нашем обществе, где рыночные отношения пока приобретают далеко не цивилизованные формы, приходится сталкиваться с абсурдной ситуацией: по мере роста тиража журнала, возрастают убытки от его издания. В результате непомерно высоких цен на бумагу и резко возросших типографских расходов журнал оказался в крайне тяжелом положении. Над ним нависла реальная угроза закрытия.

В этих условиях у редакции, к сожалению, не остается иного выбора: либо прекратить выпуск журнала после выхода в свет первых трех его номеров за 1992 г., либо повысить цену журнала до 9 руб. за номер. Естественно, редакция избрала второй путь. Поставленные перед необходимостью повышения годовой подписки на журнал до 108 рублей, мы в то же время сохраняем прежнюю цену на приложение к нему. Подписчики журнала, которые по тем или иным причинам не смогли подписаться на приложение, получают такую возможность.

Редакция отдает себе отчет в том, что и указанные меры при всей их жесткости и непопулярности, не гарантируют в полной мере выживание журнала при переходе к рынку. Стремление спасти издающийся с 1926 г. журнал, необходимый для развития исторической науки, исторического просвещения народа и нравственного возрождения общества, вынуждает нас обратиться к отечественным и зарубежным организациям, коммерческим структурам, различным фондам, предпринимателям с просьбой о материальной поддержке журнала.

Средства в фонд журнала можно перечислить на расчетный счет N362402 Коммерческий народный банк I ОПЕРУ МГУ Жил-соцбанка (участок N30 МФО 19101) в г.Москве.

Редакционная коллегия
и трудовой коллектив журнала «Вопросы истории»

Выпуск № 12-91г. планируется в марте 1992 года.

3.

Индекс 70145

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**